МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Кафедра истории и теории российской государственности

На правах рукописи

Бронников Иван Алексеевич

Медиатизация политики в России как государстве-цивилизации: история и теория

Специальность – 5.5.1. История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Том I

Научный консультант:

член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
Шутов Андрей Юрьевич

Москва – 2026

Оглавление

Том I

Введение……..3
1. Медиатизация политики: теоретико-методологический и исторический аспекты……..25
1.1 Политическая медиатизация как объект теоретического исследования….25
1.2 Этапы медиатизации политики: исторический аспект…….69
1.3 Медиатизация политики в России как государстве-цивилизации……104
Выводы главы……..…132
2. Медиатизация как фактор трансформации политики в современном мире……..137
2.1 Современные тенденции и перспективы политики постинформационного общества……...137
2.2 Концептуальные новеллы микро- и макроуровневых моделей информационного обмена в контексте медиатизации политики……173
2.3 Медиаактивизм в современной России в условиях медиатизации политики……...196
Выводы главы…….....222

Том II

3. Цифровые платформы в современном медиатизированном мире: новая сетевая реальность и цифровое влияние……3
3.1 Цифровые платформы как субстрат медиатизации политики……..3
3.2 Цифровые платформы и «метавселенные» как конкурентные ресурсы государств……..…….37
3.3 Цифровые платформы и деплатформинг: метаморфозы властно-политических диспозиций…….....67
Выводы главы……86
4. Медиатизация политики: стратегии и основные направления……92
4.1 Медиатизация политики и новые субъекты влияния……..92
4.2 Стратегии и основные направления медиатизации политики в современной России…….....121
Выводы главы……....….150
Заключение…….154
Библиографический список……..…..…….……161
Приложение……204

Введение

Актуальность проблемы комплексного исследования медиатизации политики в рамках социально-гуманитарного знания обусловлена прежде всего масштабностью ее влияния на политику. Бурное развитие медиа и цифровых технологий ставит перед научным сообществом целый ряд разнообразных вопросов, которые нуждаются в концептуальном осмыслении. В результате все больше тем, традиционных для политической науки, рассматривается в контексте медиатизации политики, которая становится одним из важнейших маркеров, обозначающих наступление новой политической реальности, требующей пересмотра всех фундаментальных категорий политической науки, таких как власть, государство, легитимность, суверенитет, которые по-новому работают в условиях цифровой реальности.

За последние десятилетия глобальный ландшафт политики подвергся радикальной трансформации, детерминированной конвергенцией технологических инноваций и новейших теоретических подходов. Вторая четверть XXI века ознаменовалась переходом к беспрецедентному этапу всеобщего соперничества в медиапространстве, ключевым вектором которого стало распространение искусственного интеллекта (далее – ИИ). Ресурсное обеспечение данного процесса (инвестиции, кратно превышающие финансирование периода космической эпохи XX столетия, и колоссальные объемы энергопотребления дата-центров, сопоставимые с энергосистемой России) свидетельствует о формировании нового базиса политики. Современные государства, глобальные корпорации, мегаинвесторы стремятся не просто к технологическому лидерству, а к реконфигурации современного мира политики. В этом смысле глобальный контур медиатизации политики претерпевает качественный сдвиг. Поэтому, наряду с вопросами, связанными с сущностью государства, власти, общества, господства, влияния, в современные исследования включаются проблемы суверенного развития

государств, социокультурных оснований обществ, цифровой идентичности индивида в медиатизированных мирах.

Фундаментальный вызов, стоящий перед современной политической наукой, коренится в нарушении классической преемственности между теорией и практикой. Эпоха Четвертой промышленной революции перевернула привычную эпистемологическую матрицу: инновации сегодня опережают их теоретическое осмысление, практически не оставляя времени на этическую оценку результатов. Масштабные цифровые и когнитивные технологии уже запущены и активно функционируют, однако их долгосрочные социально-политические последствия, антропологические риски не получили адекватной теоретической оценки и остаются непроясненными.

Зачастую, технологический детерминизм оставляет в стороне вопросы, связанные с изменением функциональной роли и взаимозависимости социального и политического. Объективная значимость медиатизации политики требует тонкого и осмысленного учета этических и ценностных составляющих разных цивилизаций и обществ, особенно это важно применительно к российским реалиям. Российская цивилизация, как и другие цивилизации, осознает колоссальные риски и угрозы, масштабы которых поражают воображение, а плотность возникающих проблем требует созидательного взаимодействия политических воль в процессах медиатизации политики.

Таким образом, актуальной и важной для политической науки представляется задача осуществить комплексный анализ медиатизации политики, различных ее проявлений и последствий в контексте социокультурного и ценностного аспектов.

Степень научной разработанности темы. Концептуализация категории «медиатизации политики» как направления политической науки по-прежнему находится в стадии становления. В научной литературе проблематика процесса политической медиатизации пока не получила систематического

освещения, хотя отдельные аспекты темы рассматриваются в работах отечественных и зарубежных исследователей. Анализ современного состояния изучаемой проблемы позволяет выделить несколько тематических блоков, которые включают в себя ряд значимых научных работ.

В состав первого блока входят исследования, посвященные общетеоретическим вопросам изучения медиатизации, цифровизации и роли медиа в социальной жизни. Над ними работали Т.В. Андрианова, Е.Л. Вартанова, Д.П. Гавра, М.Н. Грачев, И.М. Дзялошинский, А.А. Казаков, Н. Коулдри, К. Лундбю, А.И. Ракитов, А. Хепп, С. Хьярвард, М.Г. Шилина, В. Шульц[1]. Они разработали концепт «медиатизация», разработали программу исследований, а также сформулировали понятийный аппарат, с помощью которого можно анализировать новый медиатизированный социальный порядок. Отдельно следует отметить работы, посвященные категории медиалогики, предложенной Д. Альтейдом и Р. Сноу[2], которая позволяет раскрыть, каким образом медиа меняют наши установки и интерпретацию

---

[1] *Вартанова Е.Л.* Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. 2023. № 2 (115). С. 8-19; Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025; *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004; *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012; *Казаков А.А.* Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 4. С. 426-434; *Couldry N.* Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media Society. 2008. Vol. 10 (373). P. 373-392; *Hepp A., Hjarvard S., Lundby K.* Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture, and Society // Media, Culture & Society. 2015. Vol. 37. № 2. P. 314-324; *Андрианова Т.В., Ракитов А.И.* Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1991; *Хепп А.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98-123; *Hjarvard S.* The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. P. 105-134; *Шилина М.Г.* Медиатизация в контексте глобального кризиса: темпоральность как модальность исследования // Российская школа связей с общественностью. 2022. №. 24. С. 45-57*; Schultz W.* Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. № 19 (1). P. 88-90.

[2] *Altheide D., Snow R.* Media Logic. London: Sage Publications, 1979.

социального. К. Асп[1], Ф. Эссер и Й. Стрёмбек[2] выделили ее поле, указав существующие форматы и подходы.

Второй тематический блок составляют отечественные и зарубежные исследования в области теории политической медиатизации. В указанном блоке наибольший интерес представляют различные теоретико-методологические трактовки медиатизации в трудах разных исследовательских традиций – российской, скандинавской, континентально-европейской, атлантической. К. Асп одним из первых обратил внимание на медиатизацию политической жизни современного общества. С. Ливингстон, Д. МакКвейл, Ф. Кротц, Дж. Маццолени, Ф. Марцинковский, В. Шульц, Ф. Эссер сделали акцент на адаптации политических институтов медийной логике[3]. Особую аксиологическую значимость имеют труды представителей советской и российской научных школ медиатизации политики – Ю.Д. Артамоновой, И.А. Быкова, С.П. Поцелуева, А.С. Пую, А.И. Соловьева, Л.Н. Тимофеевой и др[4]. Они рассматривают медиатизацию политики как многогранный процесс, конструирующий медиакультуру и медиасреду с постоянным расширением пространства латентных коммуникаций.

---

[1] *Asp K.* Medialization, Media Logic and Mediarchy // Nordicom Review. 1990. Vol. 11(2). P. 47-50.

[2] *Strömbäck J., Esser F.* The Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

[3] *Livingstone S.* On the mediation of everything: ICA presidential address 2008 // Journal of communication. 2009. Vol. 59 (1). P. 1-18; *McQuail D.* Media Accountability and Freedom of Publication. New York: Oxford University Press, 2003; *Krotz F.* Mediatization: A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, 2009; *Mazzoleni G., Schulz W.* "Mediatization" of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. Т. 16. №. 3. P. 247-261; *Marcinkowski F.* Mediatisation of politics: Reflections on the state of the concept // Javnost-the public. 2014. Т. 21. №. 2. P. 5-22.

[4] *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020; *Быков И.А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 15-38; *Поцелуев С.П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества // Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2010; *Пую А.С.* Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 54-48; *Соловьев А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132; *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: мировая и Российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74-100.

Авторская интерпретация медиатизации политики строится на переосмыслении фундаментальных исследований Д. Дикона, К. Лундбю, Г. Маццолени, Дж. Стайнера, С. Хьярварда, В. Шульца с позиций цивилизационно-конструктивистской методологии[1]. В данном ряду следует отметить таких российских авторов как А.Н. Гуреева, Е.Г. Грибовод, Е.Г. Ним, О.Ф. Русакова[2].

Особое место в осмыслении процесса медиатизации политики занимает тема глубокой медиатизации, которая понимается через фигуративный подход и наработки Н. Элиаса[3]. Здесь следует выделить работы зарубежных авторов Н. Коулдри, Ф. Кротца, А. Хеппа, С. Хьярварда, В. Шульца, которые показали, что мир политики в условиях глубокой медиатизации – это сеть взаимозависимостей.

Особое значение имеют работы, рассматривающие новые измерения политической субъектности в условиях медиатизации политики: Д.А. Аникина, А.С. Ахременко, С.И. Белова, В.А. Гуторова, С.И. Каспэ, О.Ю. Кокуриной, И.И. Кузнецова, С.Н. Федорченко[4]. Указанные труды ученых

---

[1] *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1032-1044.

[2] *Гуреева А.Н., Кузнецова В.С.* Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191-205; *Ним Е.Г.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 409-427; *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. №. 3. С. 176-185.

[3] *Elias N.* What is sociology? London: Hutchinson, 1978.

[4] *Аникин Д.А., Головашина О.В.* Политические акторы как субъекты исторической ответственности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. №. 6. С. 20-34; *Ахременко А.С., Петров А.П., Жеглов С.А.* Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12-45; *Белов С.И., Кузнецов И.И.* Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192-200; *Гуторов В.А.* Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 339-355; *Каспэ С.И.* Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 3. С. 6-36.
Кокурина О.Ю. Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. №

позволили автору раскрыть роль субъектов влияния как акторов цивилизационного осмысления и утверждения процесса политической медиатизации в России.

Концепция глубокой медиатизации основывается на научных изысканиях теоретиков информационного общества: Д. Белла, Ж. Бодрийяра, М. Кастельса, М. Маклюэна, Й. Масуды, Э. Тоффлера[1]. Обращение к этим исследованиям позволило автору раскрыть значимые метаморфозы властеотношений в современном обществе, в частности: виртуализацию политики и политической деятельности, диффузию внешней и внутренней политики под влиянием цифровых технологий, а также трансформацию институциональных контуров политики и механизмов легитимации. Труды указанных авторов составляют третий тематический блок.

Четвертый тематический блок включает научные труды, раскрывающие значимые аспекты совместной деятельности государства и институтов гражданского общества, без понимания которых представляется невозможным фундаментальный анализ проблем медиаактивизма. К ним следует отнести работы Р.Э. Бараш, В.И. Буренко, Р. Далтона, А.П. Кочеткова, Л.И. Никовской, С.В. Патрушева, В.В. Петухова, К. Ширки, В.Н. Якимца[2].

---

3. С. 7-11; *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40-55.

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999; *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2020; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000; *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Tokyo, Japan: Institute for the Information Society, 1980.

[2] *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. 2018. №. 3. С. 66-80; *Dalton R.J.* The Participation Gap: Social Status and Political Inequality. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2017; *Кочетков А.П.* Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29-51; *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3. С. 208-223; *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 24-32; *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Том. 22. № 9. С. 11-19; *Dalton R.J.* The Participation Gap: Social Status

Несимволические формы медиаактивизма рассматриваются в работах Я. Теохариса и Я. ван Дета[1]. Л. Беннет, Б. Бимбер, А. Сегерберг, С. Стол и Э. Фланагин[2] раскрыли новые формы гражданской активности в соответствии с «логикой связующего действия», что имеет важное значение для нашей работы.

Особое место в рамках пятого тематического блока занимают научные труды, посвященные изучению роли цифровых платформ в политических процессах. Авторы исследуют характер и направленность деятельности корпораций, их влияние на общественно-политическую реальность, оценивают возможные риски и угрозы от тотальной власти новых цифровых акторов. Здесь стоит отметить работы Ш. Зубофф, А.Ю. Мамычева, Э. Макафи, М.М. Назарова, М.Л. Полякова, Л.В. Сморгунова, Н. Срничек, Н. Фергюсон[3]. На основе обширного эмпирического материала с помощью методов кейс стадиз, дискурс, ивент и интент-анализа, авторам удалось установить, что повседневная социально-политическая повестка складывается под прямым контролем цифровых платформ, стремящихся стать самостоятельной силой в обществе. В последние годы появились научные

---

and Political Inequality. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2017; *Shirky C.* Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York: Penguin Press, 2010.

[1] *Theocharis Y., Van Deth J.W.* The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 1. P. 139-163.

[2] *Bennett W. L., Segerberg A.* The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // Handbook of digital politics. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 287-338; *Bimber B., Flanagin A., Stohl C.* Collective action in organizations: Interaction and engagement in an era of technological change. Cambridge University Press, 2012.

[3] *Zuboff Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019; *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96-113; *Макафи Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019; *Назаров М.М.* Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Том 8. № 2. С. 108-124; *Поляков М.Л.* Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 399-413; *Сморгунов Л.В.* Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13-36; *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019; *Фергюсон Н.* Площадь и башня. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020.

публикации по проблемам зависимости политики от платформенной логики. Цифровые платформы выступают не только пространством, где происходит медиатизация политики, но соучаствуют в реконфигурации власти, что увеличивает их политический вес. Вместе с тем нельзя не отметить внимания авторов к проблеме алгоритмического управления платформами, что имеет прямое отношение к формированию мировоззрения и ценностному окрашиванию событий и новостей. В этом смысле для настоящего исследования было полезно изучение работ С.В. Володенкова, А. Галеацци, В. Кваттрочокки, Г. Ловинка, Де Франчиши Моралес, Э. Паризера, М. Старнини, С.Н. Федорченко, М. Чинелли[1].

Отдельного внимания заслуживают концепции, позволившие теоретически осмыслить переход от классической медиатизации политики к платформенному доминированию. Так, Дж. Блюмлер[2] рассматривает медиатизацию политики в контексте политической стабильности государств, что важно для нашей работы в призме рассмотрения деятельности цифровых платформ. Й. Стрёмбек и Д. Димитрова[3] доказали, что медийный интервенционизм активно влияет на медиатизацию политики в связи с активной деятельностью глобальных цифровых медиакорпораций.

Исследованию ИИ как одной из ключевых технологий, определяющих современное политическое развитие общества, посвящены работы Г. Болина, Е.В. Бродовской, А.В. Матюхина, В. Мюллера, К.А. Панцерева, Э. Сатмари, Е.

---

[1] *Володенков С.В. Федорченко С.Н.* Ключевые вызовы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций современной России // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 7-30; *Cinelli M, De Francisci Morales G, Galeazzi A, Quattrociocchi W, Starnini M.* The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Vol. 118. №. 9. P. e2023301118; *Lovink, G., Lin, N.* Optimist by Nature, Pessimist by Design. Writing Network Cultures // Technology and Language. 2023. № 4(3). P. 118-128.

[2] *Blumler J.G.* Mediatization and democracy // Mediatization of politics: Understanding the transformation of Western democracies. London: Palgrave Macmillan UK, 2014.

[3] *Strömbäck J., Dimitrova D.V.* Mediatization and media interventionism: A comparative analysis of Sweden and the United States // The International Journal of Press/Politics. 2011. Vol. 16. №. 1. P. 30-49.

Эспозито[1]. Авторы отмечают, что ИИ используется для рекламы, манипуляций, формирования повестки дня и даже для принятия политических решений, что вынуждает ставить вопрос о том, какие ценности и принципы должны лечь в основу ИИ и как обществу следует реагировать на эти вызовы.

С точки зрения политической науки, важным является вопрос применения цифровыми платформами практик деплатформирования. Выявлению доминирующих тенденций деплатформинга посвящены труды Г.С. Кузнецова, Р. Роджерса, Г. Ситарамана, С.В. Чугрова[2]. Указанные труды позволили автору эксплицировать многообразие современных практик деплатформинга в контексте цивилизационный методологии.

Доказательство расширения политического медиапространства базируется на поэтапном изучении концепции «метавселенной». Отметим, что тема «метавселенной» является новой областью для политической науки, однако уже имеется ряд публикаций по данной проблематике, как в отечественном – работы О.Н. Гурова, А.А. Костиковой, О.В. Крыштановской, А.П. Сегала, А.С. Юхно и др.[3], так и зарубежном – работы М. Болла, Ф.Ю.

---

[1] *Bolin G.* Communicative AI and techno-semiotic mediatization: Understanding the communicative role of the machine // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 7. P. 65-82; *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2025. Т. 50. № 5. С. 209-232; *Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Ананьевская Е.А.* Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. №. 4. С. 100-113; *Панцерев К.А.* Злонамеренное использование технологий искусственного интеллекта в странах Африки южнее Сахары: вызовы панафриканской кибербезопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 288-302; *Müller V., Steels L., Szathmáry E.* Evolvable AI: Threats of a new major transition in evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences. U.S.A. 2026. Vol. 123. №. 17. P. e2527700123; *Esposito E.* Artificial communication? The production of contingency by algorithms // Zeitschrift für Soziologie, 2017. Vol. 46. № 4. P. 249-265.

[2] *Кузнецов Г., Ступко М.* Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4 (17). С. 40-44; *Rogers R.* Deplatforming: Following extreme Internet celebrities to Telegram and alternative social media // European Journal of Communication. 2020. Vol. 35. №. 3. P. 213-229; *Sitaraman G.* Deplatforming // The Yale Law Journal. 2023. Vol. 133. P. 497-567; *Чугров С.В.* Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88-98.

[3] *Гуров О.Н., Конькова (Кураева) Т.А.* Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 1. URL:

Вана, М. Венкатесан, В. Интерранте, А. Лекьюйера, С. Мистакидиса, Х. Мохан, Д.Р. Райана, Ч. Тейлора, Т.Х. Хеллерера[1] сообществах.

Шестой теоретический блок литературы формируется исследованиями социокультурных и ценностных оснований российского общества. Этому вопросу посвящены обстоятельные работы отечественных исследователей О.Ю. Бойцовой, А.Г. Дугина, М.М. Мчедловой, А.С. Панарина, В.И. Спиридоновой, В.И. Коваленко, Е.Б. Шестопал, А.А. Ширинянца, А.Ю. Шутова[2] и других. В современной отечественной научной литературе ощущается недостаток работ, раскрывающих и систематизирующих ценностно-смысловые основания России как государства-цивилизации. В

---

https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1/ (дата обращения 01.06.2026); *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Метавселенная России: социокультурная топология и морфология нового пространства // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 73-87; *Сегал А.П., Костикова А.А.* Философские проблемы Метавселенной. Насколько реален виртуальный мир и виртуален реальный? // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 3. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1/ (дата обращения 01.06.2026); *Юхно А.С.* Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 4. С. 6-19.

[1] *Mystakidis S.* Metaverse // Encyclopedia. 2022. Vol. 2. № 1. P. 486-497; *Venkatesan M., Mohan H., Ryan J. R. et al.* Virtual and augmented reality for biomedical applications // Cell Reports Medicine. 2021. Vol. 2. № 7. Art. № 100348; *Wang F.-Y., Qin R., Wang X. et al.* MetaSocieties in Metaverse: MetaEconomics and MetaManagement for MetaEnterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2022. Vol. 9. № 1. P. 2-7; *Interrante V., Hollerer T.H., Lecuyer A.* Virtual and augmented reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38. № 2. P. 28-30.

[2] *Бойцова О.Ю.* Политические функции «цивилизации» // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. №. 1. URL: 2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.11 (дата обращения 20.03.2026); *Дугин А.Г.* Концептуальные подходы к понятию “цивилизация” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №. 1. С. 33-41; *Мчедлова М.М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157-174; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002; *Спиридонова В.И.* Государство-цивилизация как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. 2022. Т. 3. С. 116-127; *Коваленко В.И.* Концепт России как государства-цивилизации в современном политологическом дискурсе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 38-49; *Шестопал Е.Б.* Парадоксы политического лидерства // *Полис. Политические исследования*. 2023. Т. 3. С. 181-191; *Ширинянц А.А.* «Русское хранительство»: к истории разработки концепции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 24-37; *Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Том 6. № 3. С. 9-19.

этом смысле особую значимость приобретают работы А.В. Абрамова, Т.А. Гореловой, С.В. Перевезенцева, А.В. Щипкова[1]. Указанные труды раскрывают смысловое содержание базисных традиционных ценностей, что было важно для нашего исследования в контексте рассмотрения генезиса политической медиатизации в России как государстве-цивилизации. Наработки Е.Н. Мощелкова и К.Ю. Аласании[2] позволили сфокусировать настоящее исследование на цивилизационной силе России. При этом следует отметить, что тема социокультурных изменений в результате медиатизации политики, а также их политических последствий затрагивается в работах Т.А. Алексеевой, М.М. Федоровой, А.В. Федякина[3].

Настоящее диссертационное исследование не могло бы состояться без обращения к текстам ряда докторских диссертаций, подготовленных в последние годы – С.С. Бодруновой, А.А. Ефанова, Г.Ю. Никипорец-Такигава, О.Г. Филатовой, в которых содержится анализ феномена медиатизации политики в его соотнесении с социально-философским и политологическим дискурсом[4].

---

[1] *Абрамов А.В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 136-148; *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 93-106; *Перевезенцев С.В.* Великое стояние: рождение Российского царства. Калуга: издатель ИП Артюхов Р.А., 2025; *Щипков А.В.* Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 28-34.

[2] *Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н.* Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны // Социум и власть. 2024. № 4(102). С. 58-69.

[3] *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Международно-политическая мысль: вызовы и обновление. Диалог политологов // Полис. Политические исследования. 2025. №. 5. С. 7-23; *Романова А.П., Федорова М.М.* Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан) // Сравнительная политика. 2023. Т. 14(3). С. 60-78; *Федякин А.В.* Исторический выбор российской нации // Вестник Российской нации. 2024. №. 2. С. 9-10.

[4] *Ефанов А.А*. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе : социокультурная концептуализация : дис ... доктора философских наук : Белгород, 2023; *Бодрунова С.С.* Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах : дис. ... доктора политических наук : Санкт-Петербург, 2015; *Никипорец-Такигава Г.Ю.* Интернетизация политического пространства : на примере России : дис ... доктора политических наук : Москва, 2019: *Филатова О.Г.* Электронное взаимодействие власти и общества: медиаэкосистемный подход : дис … доктора политических наук : Москва, 2024.

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительное количество работ, посвященных различным аспектам рассматриваемой проблемы, комплексных политологических исследований темы в контексте синтеза процессов медиатизации политики с цивилизационными факторами практически нет.

Настоящее исследование призвано восполнить существующие теоретические и методологические пробелы за счет систематизации и интерпретации имеющихся теоретических разработок, раскрыть специфику синтеза процессов медиатизации политики с цивилизационными особенностями российского государства.

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью работы является разработка концептуальной модели медиатизации политики в России как государстве-цивилизации.

Достижение этой цели потребовало решения следующих **задач**:

- интерпретировать понятие «политическая медиатизация» в общем теоретико-методологическом контексте современных политических наук,

- на основе концептуального анализа реконструировать содержание понятий «медиатизация» и «медиатизация политики»,

- раскрыть сущность цивилизационно-конструктивистского подхода для анализа медиатизации политики в России,

- охарактеризовать генезис политической медиатизации в России как государстве-цивилизации, выявить ее национальные особенности,

- выявить современные тенденции и перспективы политики постинформационного общества;

- определить концептуальные новации, меняющие структуру и содержание микро- и макроуровневых моделей информационного обмена в условиях медиатизации политики в информационном и постинформационном обществах,

- выявить особенности медиаактивизма, его направленности в условиях медиатизации политики с учетом усиления субъект-субъектного взаимодействия акторов,

- показать, каким образом и благодаря чему цифровые платформы из посредников превращаются в глобальных субъектов политического процесса,

- выделить ключевые особенности концептуальной модели «метавселенной» России,

- установить доминирующие тенденции деплатформинга в процессах медиатизации политики,

- идентифицировать и типологизировать субъекты медиатизации политики, способные конструировать смыслы для реализации собственных интересов,

- выявить стратегии и перспективы развития медиатизации политики в России как государстве-цивилизации в рамках предметного поля современных политических наук.

Объектом диссертационного исследования является процесс медиатизации политики. **Предметом диссертационного исследования** выступают особенности медиатизации политики в России как государстве-цивилизации.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования заключается в предположении, согласно которому медиатизация политики в России как государстве-цивилизации осуществляется тем эффективнее, чем сильнее она диалектически взаимосвязана с цивилизационными особенностями страны. При этом сама медиатизация политики выступает, с одной стороны, как объективный процесс, который является универсальным для цифрового пространства, так и, с другой стороны, движущим фактором, который выражает политический потенциал и цивилизационно-мировоззренческие установки его субъектов. Дисбаланс между эффективностью и цивилизационной устойчивостью снижает успешность медиатизации политики, порождая риски дестабилизации политической системы.

Теоретико-методологические основания исследования. Решение этих задач рассматривается с позиции методологии политологического исследования. Цивилизационная методология и конструктивистский подход являются ключевыми при решении задач настоящей работы. Такая исследовательская оптика позволяет всесторонне учитывать субъективные факторы процесса социополитического конструирования реальности, направляемого и регулируемого ценностными основаниями и цивилизационными кодами конкретных обществ. При разработке отдельных аспектов цивилизационно-конструктивистского подхода автор использовал работы двух магистральных теоретических подходов: институционального и социально-конструктивистского.

Для решения диссертационных задач были использованы общенаучные методы и подходы исследования: исторический, системный и структурно-функциональный подходы, методы анализа, аналогии, моделирования и классификации.

Методы сравнительно-исторического анализа применялись при операционализации властеотношений между субъектами политической медиатизации в разные исторические периоды.

При рассмотрении особенностей медиатизации политики на цифровых платформах и в пространстве «метавселенных» использовался неоинституциональный подход, позволивший представить политику как сферу отношений между традиционными институтами власти и глобальными цифровыми корпорациями.

При изучении конкретных процессов политической медиатизации были использованы контент-анализ (документов, данных статистики и социальных медиа), ивент-анализ и дискурс-анализ.

В исследовании были использованы эмпирические и диагностические инструменты: кейс стадиз, а также анкетирование и интервью с экспертами в области медиатизации и цифровизации политики. Применение указанных методов осуществлялось на основе специально разработанных гайдов.

Научная новизна исследования.

1. Впервые на диссертационном уровне цивилизационная и конструктивистская теории были использованы как основание концептуальной модели анализа процессов медиатизации политики и апробированы в эмпирическом исследовании.

2. В диссертации предложена авторская концептуальная модель медиатизации политики в современных условиях.

3. В диссертации по-новому раскрыт генезис политической медиатизации в России как государстве-цивилизации, описаны основные направления и этапы ее развития. Выявлены национальные особенности процесса политической медиатизации в России.

4. В работе уточнена система факторов, определяющих эффективность медиатизации политики в современной России.

5. В диссертации, в отличие от большинства исследований, показано, что процесс медиатизации политики обусловлен как объективными факторами, которые являются универсальными для цифрового пространства, так и субъективными, которые отражают политический потенциал и цивилизационно-мировоззренческие установки субъектов влияния. Это позволило диссертанту выявить и типологизировать ключевые субъекты влияния на процесс медиатизации политики, способные конструировать смыслы для реализации собственных интересов.

6. В работе дается новая трактовка противоречия между стремлением современного медиаактивизма к формированию децентрализованного неиерархического цифрового пространства – с одной стороны, и стремлением государства и собственников цифровых платформ к монополии, поглощению более мелких акторов, блокированию гражданских инициатив, зачастую прибегая к спорным практикам деплатформинга, – с другой стороны.

7. В диссертации впервые трактуются национальные цифровые стратегии не как решение узкоспециализированной задачи, а как стратегический государственный приоритет.

8. В диссертации показана ограниченность распространенного представления о реактивном развитии цифровых платформ как обусловленного исключительно развитием технологий. Концепция «цифровых платформ» скорректирована в сторону усиления аргументации того, что процесс экспоненциального развития технологий искусственного интеллекта входит в фазу острого конфликта с социокультурными константами и ценностными барьерами, детерминированными инерцией цивилизационных основ общества.

9. В работе показано, что явное и латентное внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в повседневную жизнь протекает бесконфликтно лишь до момента жесткого противоречия с цивилизационными основами общества. Активная диффузия алгоритмов искусственного интеллекта в политической жизни ограничивается аксиологическим фильтром, выступающим в качестве своеобразного регулятора.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цивилизационно-конструктивистский подход как часть более широкой социокультурной методологии анализа феномена медиатизации политики позволяет раскрыть возможности субъектов процесса социополитического конструирования реальности, то есть диалектически согласовывать динамику изменений, требования современности и цивилизационно-ценностные основания конкретных обществ.

2. Предложенная автором концептуальная модель медиатизации политики позволяет выявлять тактики и стратегии акторов, создающих смыслы в цифровом пространстве, которые опираются на архетипы, ценности и исторический опыт конкретной цивилизации. При этом политическая реальность, формы политического поведения, политические практики могут по-новому конструироваться, но смысловые блоки для этого процесса возникают из устоявшихся кодов цивилизации.

3. Ретроспективный политологический анализ этапов развития медиатизации позволил зафиксировать фундаментальную трансформацию

медиа: последовательный переход от исполнения инструментальных функций посредничества к обретению статуса политического субъекта. Более того, развитие процессов медиатизации политики предстает не как количественное увеличение каналов коммуникации, а как качественный сдвиг в коммуникации властеотношений.

4. Медиатизация политики в современной России осуществляется тем успешнее, чем больше конкретные практики медиатизации в политической сфере соответствуют социокультурным особенностям России как государства-цивилизации. Роль посредника прошла путь от простого передатчика информации до полноправного субъекта – архитектора общественно-политических отношений. Медиатизация политики способствовала появлению новых субъектов влияния (цифровые платформы и их владельцы, ИИ, инфлюенсеры и конвергентные лидеры общественного мнения, журналисты-макрекеры / медиаактивисты / общественные движения), обладающих значительным потенциалом развития. Эти субъекты влияния вносят существенный вклад в сложную динамику медиатизации политики в России.

5. Плотность медиатизации политики в России распределена неравномерно: существует зона высокой плотности, в рамках которой медиа и цифровые платформы стали структурообразующим каркасом взаимодействия государства и общества. Это проявляется в сверхплотной медиатизации политической повестки и государственного управления, где политические события подвергаются каскадной медийной переупаковке. Сверхплотная медиатизация политики несет в себе риск превращения общества в цифровой «рой» или «улей», управляемый алгоритмами. Тогда как зона разреженной медиатизации политики сохраняет значительную автономность от платформенной логики. В этом смысле, несмотря на обилие контента и повсеместные медиа, базовые ценностные установки и нормы политического поведения обеспечивают разреженность для агрессивного воздействия медиа и искусственного интеллекта. Для России как государства-цивилизации

сохранение зоны разреженной медиатизации является важным условием цивилизационной устойчивости.

6. Новые формы информационного обмена и практики медиаактивизма постинформационного общества ослабляют естественные монополии на информацию, на данные, на сами акты коммуникации, и, как следствие, этот интеграционный процесс обеспечил формирование децентрализованных коммуникационных центров. Однако важнейший продукт технологического развития последних лет – цифровые платформы, благодаря присущему им свойству эмерджентности переросли роль нейтральных посредников и начали проявлять себя как автономные актанты, которые восстанавливают централизацию управления цифровым пространством на платформенной основе.

7. Концептуальная модель «метавселенной» России основана не только на технологических параметрах, но включает в себя культурные, этические, мировоззренческие и языковые составляющие. «Метавселенная» России гораздо шире, чем территория российского государства и рассматривается в парадигме своеобразной проекции России как государства-цивилизации в цифровое пространство.

8. Деплатформинг – существенный ресурс власти цифровых платформ, позволяющий лишать пользователя и/или институты доступа к средствам коммуникации и информационного обмена. Проявление инаковости в цифровом пространстве принудительно ограничивается, поэтому пользователи стали заложниками «корректных высказываний», «правильного образа жизни» и «правильных мыслей» вкупе с необъявленными нормами, определяющими, что можно говорить и как следует себя вести на цифровых платформах. Это не позволяет пользователям формировать собственные убеждения и иметь возможность следовать им. При этом этическая сторона деплатформинга проявляется в новом кризисе – конфликте человека и алгоритмов искусственного интеллекта.

9. Концептуальная интерпретация сущности основных направлений медиатизации политики в современной России в призме соотношения особенностей российской государственности, российского государства-цивилизации с политикой, институтами и стратегическими направлениями цифровых технологических изменений позволила выделить уникальные явления, присущие российскому медиатизированному полю политики, такие как демедиатизация политики, медиаинтеллигенция, социальная архитектура.

Теоретическая и практическая значимость исследования. *Теоретическая значимость* диссертационного исследования заключается в том, что его материалы и выводы вносят вклад в развитие политической науки и дополняют теоретические представления о медиатизации политики, открывают возможности последующей концептуализации новых теоретических понятий. *Практическая значимость* исследования определяется тем, что его материалы и выводы имеют ценность для политического анализа, политического прогнозирования и проектирования социальной архитектуры будущего России в контексте цивилизационной устойчивости. Результаты могут быть использованы в преподавательской деятельности при создании курсов по медиатизации политики, истории медиа, цифровизации государственного управления, а также в разработке ряда направлений современного социо-гуманитарного знания.

Следует также отметить ценность диссертационного исследования для разработки теоретических основ политики медиатизации России.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования прошли апробацию в ходе 60 международных и всероссийских конференций, методологических семинаров, круглых столов, среди которых наиболее важными являются: III и V Съезды Российского общества политологов в 2018 и 2024 гг.; «International Workshop for Academic Cooperation on Conflict and Peace Research», Анкара, Турция, 5 декабря 2017 г.; «Отечественные традиции государственного управления и современность», Великий Новгород, 14 сентября 2017 г.; Международные конференции «Политика – в текстах, тексты

– в политике: наука истории идей и учений» в 2019 и 2024 гг.; Второй Дальневосточный Международный Форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизациии и долговременных вирусных пандемий», Владивосток, 16-19 ноября 2020 г.; Ежегодный Международный форум «Общество. Доверие. Риски», Москва, 28 октября 2020 г.; Первая международная научно-практическая конференция «Роль гражданского общества в обеспечении демократических стандартов организации и проведения выборов», Москва, 14-15 сентября 2021 г.; Международная научная конференция «Россия в условиях нового миропорядка: дилеммы, вызовы, перспективы» (к 100-летию со дня рождения А.М. Ковалева), Москва, 22 мая 2023 г.; Международный научный симпозиум «Политические науки в Московском университете: от профессора политики к факультету политологии» (к 270-летию Московского университета), Москва, 21 марта 2025 г.; Международная научно-практическая конференция «Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений», Санкт-Петербург, 5-6 декабря 2025 г.

Основные идеи и положения диссертационного исследования изложены в **79** научных публикациях автора общим объемом 122,6 п.л. Наиболее значимые положения, результаты и выводы диссертации изложены в **29** научных публикациях автора, включая подготовленные с соавторами общим объемом 105,6 п.л., в том числе в **10** статьях (объемом 10,68 п.л. / авторский вклад – 6,4 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в международных базах Web of Science, Scopus, RSCI и входящих в ядро РИНЦ; в **8** статьях (объемом 6,32 п.л. / авторский вклад – 4,87 п.л.) в научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук; в **4** монографиях (объемом 84,25 п.л. / авторский вклад – 18,1 п.л.), включая одну, подготовленную единолично; а также в **7** статьях (объемом 4,35 п.л. / авторский вклад – 4,05 п.л.), представленных в изданиях Перечня ВАК.

Отдельные материалы диссертации дополнительно отражены в **50** статьях (объемом 17 п.л.), опубликованных в других научных изданиях.

Часть результатов была апробирована в ходе реализации проекта Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (2021-2023 гг.).

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры истории и теории российской государственности факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова 02.09.2026 года и рекомендована к защите.

Личный вклад соискателя в публикациях, подготовленных в соавторстве с другими исследователями, существенный и в полной мере отражает сформулированные им самостоятельно положения, выводы и полученные в диссертации результаты.

Личный вклад автора определяется его непосредственным участием на всех этапах планирования, подготовки и проведения исследования. Соискателем самостоятельно сформулированы цель и задачи исследования, разработан его дизайн, определены методы и подходы исследования, эмпирические и диагностические инструменты. Автором лично осуществлен систематизированный поиск и критический анализ отечественных и зарубежных научных публикаций, посвященных проблеме медиатизации политики, на основании чего обоснована актуальность исследования и определены ключевые направления научного поиска.

В публикациях автора отражены основные положения диссертационного исследования, представлена выдвигаемая автором гипотеза, апробированы результаты исследования. Ключевые положения первой главы: «Медиатизация политики: теоретико-методологический и исторический аспекты» отражены в публикациях [3], [4], [5], [6], [19], [20], [22]. Ключевые положения второй главы «Медиатизация как фактор трансформации политики в современном мире» отражены в публикациях [2], [10], [11], [12], [13], [15], [17], [18], [21], [23], [24], [25], [26], [27], [29]. Ключевые положения третьей

главы «Цифровые платформы в современном медиатизированном мире: новая сетевая реальность и цифровое влияние» отражены в публикациях [1], [2], [7], [8], [9], [14], [16], [22], [28]. Ключевые положения четвертой главы «Медиатизация политики: стратегии и основные направления» отражены в публикациях [3], [4], [5], [6], [22], [23], [26].

Все основные положения, выносимые на защиту, сформулированы автором самостоятельно. В своих научных трудах соискатель осуществил глубокое концептуально-теоретическое осмысление медиатизации политики в России в рамках политологического знания.

Глава 1. Медиатизация политики: теоретико-методологический и исторический аспекты

1.1 Политическая медиатизация как объект теоретического исследования

Небывалые прежде перекомпоновки способов коммуникации индивидов, групп, государств и повсеместное разрастание влияния конвергентных форм медиа порождают новые смыслы, изменяют контуры социально-политической реальности и создают транснациональные дискурсы о процессах медиатизации, пронизывающих политику, экономику, религию, историю, философию и культуру. В условиях трансформации современных политических процессов исследование медиатизации (от позднелат. «mediatus» – выступающий посредником) с точки зрения политических наук становится весьма актуальным и необходимым. *Наша задача – концептуализировать и типологизировать методы и методики исследования политической медиатизации путем соотнесения их с определенным направлением изучения данного феномена, предложить объяснительную модель взаимодействия различных подходов к анализу медиатизации в российской политике.*

Сам концепт «медиатизация» является многослойным и объемным феноменом, имеющим историческое наследие и способным конкретизировать сложносоставные модификации взаимодействий в системе «государство-общество-человек». В повседневный язык современности достаточно прочно вошли понятия «медиа», «цифровые медиа», «цифровые процессы», «цифровизация», «медиация», «медиатизация» и т.д. При широком использовании в речевом обиходе данные термины, по всей видимости, интуитивно понятны, однако это становится совсем не очевидным в рамках современных академических исследований как в отечественной, так и в зарубежной политической теории.

Исследования политической медиатизации последних лет характеризуются теоретико-методологическим разнообразием концепций в оценке исторической роли и политического влияния этого процесса, а также разносторонним спектром дефиниций самого понятия. Для понимания фундаментального значения политической медиатизации целесообразно проследить историю возникновения самого явления и отдельно очертить генезис развития термина «медиатизация».

Если говорить об этимологии, то понятие «медиатизация» зарождается еще в XVIII веке во времена правления Наполеона Бонапарта, где оно символизировало важный аспект германской политики Талейрана. Ее вектор сводился тогда к резкому сокращению большого количества мелких самостоятельных княжеств, находившихся в прямом подчинении Священной Римской империи. Суть реформы заключалась в применении механизма управления ими через посредство более влиятельных суверенов несколькими уровнями выше, также подконтрольных имперскому центру[1]. Так, Бонапарт организовывал медиатизированные властные отношения в Италии и на других завоеванных территориях[2].

Таким образом, история возникновения данного термина первоначально не имела почти ничего общего с теорией коммуникации: под медиатизацией в политической истории понимался процесс реструктуризации политико-правовых отношений в Священной Римской империи, при котором ряд различных самоуправляющихся территориальных образований теряли свой относительно независимый статус. Иными словами, складывается парадокс, который обозначают Дикон и Станьер, отметившие, что первоначальное использование термина описывало процессы лишения власти, в то время как использование его в современных исследованиях описывает накопление

---

[1] См.: *Шаронов Д.И.* Границы как иллюзия: исторические перипетии «медиатизации». Историческая и социально образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. С. 155-161; *Ефанов А.А*. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе : социокультурная концептуализация : дисс ... доктора философских наук : Белгород, 2023.

[2] Николаус фон Прерадович предлагает определять таких властителей как медиатизированных государей (mediatized princes).

власти, созданное возросшей распространенностью и автономией медиаинститутов, ценностей и технологий[1]. Так или иначе, в современном мире под медиатизацией понимается процесс, посредством которого общество становится зависимым от медиа и контролирующих их собственников.

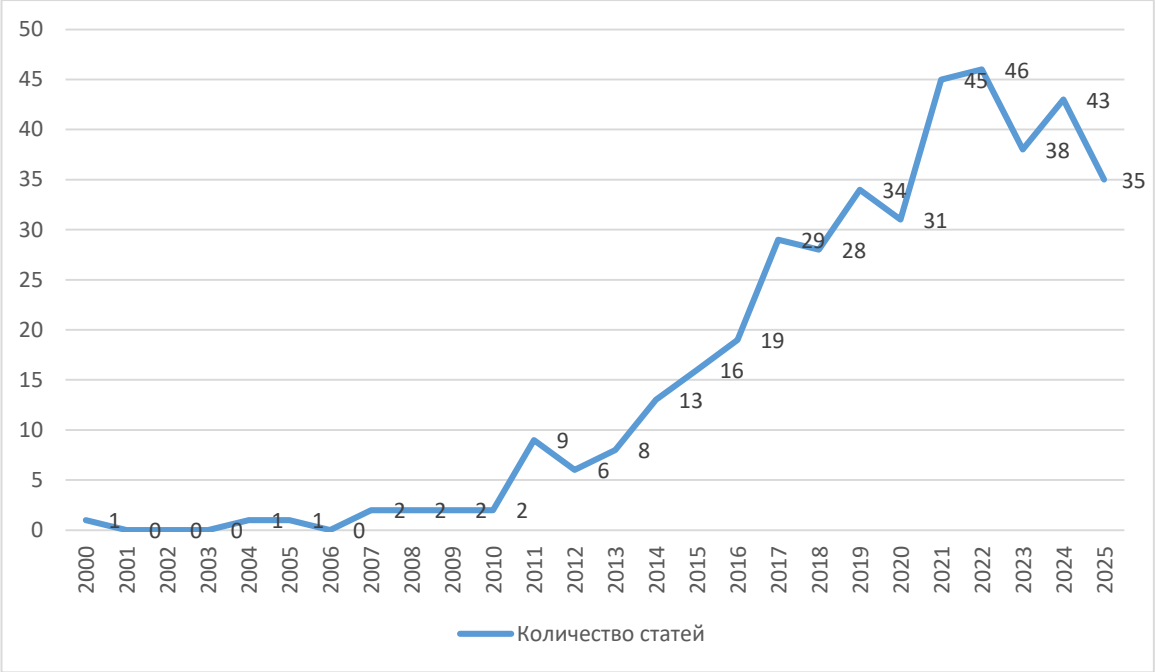
Практики медиатизации непрерывно развивались и трансформировались вместе с развитием института посредничества и появлением новых форм коммуникаций между властью и обществом. Большое влияние на процесс медиатизации оказала институционализация средств массовой информации и, в особенности, интернета. Широкое распространение первых СМИ (печатные газеты) в XVIII-XIX веках способствовало внедрению медиатизации в общественно-политические процессы. В начале XX века развитие радио и массовых средств пропаганды серьезно изменило мир политики, т.к. политическое управление массами людей, получившими свободы, образование и доступ к информации требовали новых подходов. В XX веке информационная революция привела к возрастающему влиянию средств массовой информации (далее – СМИ) и средств массовой коммуникации (далее – СМК) на все процессы жизнедеятельности человека. Следует признать, что краеугольным камнем самого процесса медиатизации является не опосредование как таковое, что само по себе логично, учитывая каким образом развивается цивилизация, а существенные вопросы: кто является посредником? при каких обстоятельствах появился этот посредник? почему этот посредник появился именно сейчас? насколько посредник легитимен?

Медиатизация – это долгосрочный процесс, который приобрел каталитический эффект в конце XX – начале XXI века. Мониторинг научных публикаций за 2000-2025 гг. выявил постепенный рост интереса академического сообщества к вопросу медиатизации, а регулярные публикации наблюдаются лишь после 2017 г. (подробнее см. рис 1.1).

---

[1] См.: *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1033-1034; Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 15.

Рисунок 1.1. Динамика упоминаний термина "медиатизации" в названии научных статей за 2000-2025 гг[1].

В научной литературе встречаются разные версии истории возникновения современного понятия «медиатизация». К примеру, немецкие ученые полагают, что одним из первых термин «медиатизация» ввел Э. Манхейм в 1933 г. в своей докторской диссертации «Создатели общественного мнения» (The Maker's of Public Opinion), где он пишет о «медиатизации непосредственных человеческих отношений»[2].

В этом вопросе следует дать некоторые пояснения.

Попытки осмысления современного процесса медиатизации встречались еще в 1950-1960-х гг. в исследованиях канадских «теоретиков медиума» (medium theorists) Г. Инниса[3] и его ученика М. Маклюэна[4], анализировавших процессы влияния средств коммуникации на формирование современных им

---

[1] Анализ осуществлялся с использованием научно-электронной библиотеки e-LIBRARY.ru (https://www.elibrary.ru/). Поиск статей проводился с годовыми временными фильтрами (2000, 2001, 2002… 2025) по ключевому слову «медиатизация» (составлено автором)

[2] *Xenn A.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 100.

[3] См.: *Innis H.* The bias of communication. Toronto: University of Toronto Press, 2008.

[4] См.: *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964.

обществ и социальных отношений в них. Уже в 1970-х гг. термин «медиатизация» укоренился в научной литературе и публицистике. Достаточно часто употребление этого термина можно встретить у теоретиков информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Маклюэн, М. Кастельс и др.). Французские и латиноамериканские ученые вообще полагают, что термин появился в 1980-х гг. в работах Ж. Бодрийяра и Х. Мартин-Барберо. Однако стоит подчеркнуть, что в работах указанных авторов о медиатизации говорится вскользь.

Истоки исследований медиатизации также прослеживаются в критических разработках специалистов, рассматривавших влияние медиа на изменения социальных взаимодействий. В научном дискурсе термин начал распространяться в 1990-е гг. «Медиатизацию» часто заменяли созвучными (фонетически и семантически) понятиями «медиализация» и «медиазация», что привело к дискуссиям при формулировании генезиса медиатизации. Ю.Д. Артамонова и С.В. Володенков отмечают, что возникновение термина восходит к 1990 г., отражаясь в названии работы К. Аспа «Медиализация, медиалогика и медиархия»[1]. К. Асп одним из первых при анализе социальной роли медиа предложил учитывать независимое поле влияния, связанное с нормативными рамками медиапроизводства[2].

Другие ученые связывают медиатизацию с именем социолога Дж. Томпсона, обозначившего «медиазацию массовой культуры», трактуя роль медиа как транслятора культурных образцов в общественном развитии[3]. Таким образом, Томпсон говорил о роли медиа как формального института, не только транслирующего определенную информацию и символы, но и формирующего социальные и культурные ценности. По его мнению, именно

---

[1] *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 13.

[2] См.: *Asp K.* Medialization, Media Logic and Mediarchy // Nordicom Review. 1990. Vol. 11(2). P. 47-50.

[3] См.: *Thompson J.B.* The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Cambridge: Polity, 1995.

коммуникация определяет положение индивида по отношению к политическим и общественным институционально-организованным образованиям. В своей монографии 1995 г. «Медиа и современность. Социальная теория медиа» он выделяет «три ключевые характеристики медиа:

- медиаобраз (символическая форма),

- виртуальная репрезентация,

- пространственно-временное дистанцирование (разделение формы и контекста)»[1].

Датский исследователь С. Хьярвард под медиатизацией понимает «процесс, в рамках которого основные компоненты социальной и культурной деятельности (политика, образование, религия) начинают испытывать влияние и зависимость от медиа»[2]. Хьярвард отмечает амбивалентность: «с одной стороны, медиа приобретают статус самостоятельных социальных институтов, а с другой – интегрируются в деятельность других»[3]. А для теоретического осмысления медиатизации значимыми становятся «институциональные, эстетические и технические возможности»[4]. В контексте политических процессов можно сказать, что в результате медиатизации политические институты все больше зависят от цифровых платформ коммуникации, обретающих политическую субъектность. Уточняя собственную трактовку медиатизации как двойственного процесса интеграции медиа в социальный мир и обретения ими самостоятельности, С. Хьярвард предлагает различать «прямую (“сильную”) и непрямую (“слабую”) формы медиатизации»[5]. Первый случай используется при описании ситуаций, когда ранее неопосредованная деятельность преобразуется в опосредованную

---

[1] Там же. P. 18-22.
[2] *Hjarvard S.* “Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World” // Nordicom Review. 2012. 33(1). P. 30.
[3] *Hjarvard S.* The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. P. 113.
[4] *Hjarvard S.* “Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World” // Nordicom Review. 2012. 33(1). P. 30.
[5] *Hjarvard S.* The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. P. 114.

форму (например, превращение шахмат в компьютерную игру, онлайн-банкинг или – по аналогии – медиаактивизм), т.е. медиа впоследствии служат необходимым интерфейсом/платформой для осуществления той или иной социальной деятельности. В случае же «слабой» медиатизации скорее происходит не влияние на способы человеческой активности, а усиление зависимости социальных институтов от коммуникационных ресурсов в целом (пример – провести онлайн-лекции, поставить онлайн-свечу в виртуальной церкви). В то же время Хьярвард замечает, что данные формы являются по-веберовски «чистыми», и в реальной жизни мы можем наблюдать их симбиоз, что, однако, не отменяет необходимости проводить различие между ними в аналитическом контексте. Отметим, что одна из проблем, связанная с анализом медиатизации в исследованиях Хьярварда состоит в том, что вопросу об источнике трансформации самих медиа уделяется второстепенное значение. Другой точки зрения придерживается В. Шульц, по мнению которого, «процесс медиатизации нивелируется совместно с уменьшением интереса к традиционным СМИ и возрастает с развитием новых медиа»[1].

В любом случае можно утверждать, что медиатизация является гибким, адаптивным феноменом и новые информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) способствовали ускорению и широкому внедрению медиатизированных практик в общественные и политические процессы. Поэтому к настоящему моменту медиатизацию можно считать важным концептуальным понятием для исследователей и практиков, заинтересованных в анализе влияния медиа на современное общество. Так, немецкий исследователь Ф. Кротц характеризует медиатизацию как один из непрерывных метапроцессов, формирующих современность наряду с глобализацией, коммерциализацией и индивидуализацией общества и проясняющих, «что специфическая для жизненного мира коммуникация

[1] *Schultz W.* Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. № 19 (1). P. 93.

остается основой коммуникации и смысла в целом»[1]. Кротц рассматривает медиатизацию как исторический, продолжающийся, долгосрочный процесс, в котором все больше появляется институционализирующихся медиа. Этот процесс позволяет связать события, разворачивающиеся в разных местах и исторических временах[2].

Н. Коулдри рассматривает медиатизацию как «новую форму социализации общества, поскольку медиа конструируют и погружают граждан в медиатизированный социальный порядок»[3]. В новой реальности человек, усваивая медиа-ритуалы, вырабатывает навыки медийной самопрезентации, осознает приоритетность медийных событий над физическими (значимыми явления становятся только тогда, когда они попадают в медиа). В свою очередь, это формирует постоянную зависимость социальных отношений от медиатизации, в результате граждане больше не могут общаться без использования медиапосредников. Однако, как показывает действительность, слишком опасно выдвигать на первый план технико-технологический аспект медиатиазции, поскольку при таком подходе мы нивелируем значимое воздействие практик опосредования на разные общественные и политические институты. Более того, стоит отметить, что технологический алармизм Коулдри обходит стороной роль личности и, тот факт, что люди могут просто игнорировать медиа-ритуалы, уходить в «цифровой детокс» или, учитывая свои ценностные убеждения, иначе использовать алгоритмы медиаплатформ.

А. Хепп, включает в концепцию медиатизации как количественные, так и качественные аспекты. Ученый определяет медиатизацию как «концепт для критического анализа (в долгосрочной перспективе) взаимосвязи между изменениями в медиа и коммуникации, с одной стороны, и изменениями в

---

[1] *Krotz F.* Mediatization: A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, 2009. P. 21.
[2] Там же. P. 29.
[3] *Couldry N.* Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media Society. 2008. Vol. 10 (373). P. 376.

культуре и обществе, с другой»[1]. В своем количественном выражении процесс медиатизации связан с постоянными коммуникациями акторов с использованием социальных медиа в самых разных ситуациях. В качественном аспекте медиатизация связана со спецификой медиа и их влиянием на социокультурные основания общества.

В русской традиции впервые использование понятия «медиатизация» принадлежит Ф.И. Тютчеву[2], который при помощи него образно обозначает коммуникационные баталии критиков и литераторов XIX века вокруг газеты «Московские ведомости», а, вернее, по поводу осуществляемой М.Н. Катковым редакционной политики. Так, Тютчев писал: «Совершившаяся уже коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный. Брошюра Шедо-Ферроти была манифестом этой коалиции; в ней, в первый раз, была высказана, как принцип, безнародность верховной русской власти, т.е. *медиатизация* русской народности. – «Московские ведомости» воспротивились этому; они не согласились на такое охолощение русского начала...»[3]. В передовой статье «Московских ведомостей» от 13 января 1865 г. (№ 9), посвященной «вопросу о политических партиях, о взаимной борьбе между ними», воспроизведены мысли, высказанные в письме Тютчева, и повторены некоторые из своеобразных выражений его письма, как, например, «безнародность русской верховной власти», «медиатизация русской народности», т.е. низведение ее на степень не господствующей, а подчиненной в России силы. Автором этой статьи был А.И. Георгиевский. Справедливости ради стоит заметить, что в последующих работах термин «медиатизация» у Тютчева не встречается. Таким образом, Тютчевым термин использовался в политико-правовой логике с акцентированием внимания на

---

[1] *Хепп А.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 106.

[2] См. подр.: *Мырикова А.В.* Ф.И. Тютчев: истоки русофобии. "польский вопрос" // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 37-44.

[3] Письмо А.И. Георгиевскому. 2/14 января 1865 г. Ницца. Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. М.: Классика, 2004. С. 89-93

проблеме отрешения русского народа от власти, с его превращением в безгласную массу, отделенную от политической жизни различными посредниками.

Что касается современных отечественных исследований, то понятие «медиатизация», согласно А.Н. Гуреевой, впервые встречается в 1991 г. в работе Т.В. Андриановой и А.И. Ракитова, где описание процесса медиатизации оказывается неразрывно связанным с процессом информатизации общества: СМИ в рамках информационного общества, как считают авторы, не только передают информацию, но и оказывают определенное влияние на различные его сферы[1]. Д.П. Гавра отмечает, что медиатизация как научная категория представляет собой концепт, обозначающий двусторонний, но исходно направленный от медиа к обществу и отдельным его сферам процесс обмена влиянием и ресурсами, позволяющий медаполю влиять, а в предельном случае – детерминировать социальную динамику других полей[2]. При этом, соглашаясь с А. Хеппом и его коллегами, Д.П. Гавра замечает, что для изучения результата взаимодействия СМИ и общества, необходимо учитывать, что с одной стороны, медиа трансформируют коммуникативные практики, с другой – институционализируют их[3].

Последующие отечественные исследования либо фокусировались на отдельных аспектах данного процесса, уделяя внимание функциям СМИ, либо представляли собой стремление осмыслить понятие медиатизации и выразить исчерпывающее определение[4]. Так, например, Е.Г. Ним сформулировала пять

---

[1] См.: *Андрианова Т.В., Ракитов А.И.* Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1991.

[2] Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 14.

[3] См.: *Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017; *Ним Е.Г.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 417

[4] См., напр.: *Вартанова Е.Л.* Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. 2023. № 2 (115). С. 8-19; *Володенков С.В.* Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125-136; *Гуреева А.Н., Кузнецова В.С.*

ключевых характеристик медиатизации: «продолжительность, универсальность, тотальность, трансформативность и медиа-социо-центрированность»[1].

Нужно заметить, что изначально термин «медиатизация» употребляли для описания технологической инфраструктуры, направленной на создание, хранение, оборот и массовое распространение информации и данных. Со временем интерпретация термина расширяется и в смысловое поле включается ценностное измерение информационного пространства. В настоящее время дискуссии о медиатизации продолжаются, в науке не выработано общепринятое определение и универсальный подход к исследованию процесса медиатизации.

Исходя из проведенного выше обзора, в данном диссертационном исследовании под **медиатизацией мы понимаем динамичный и разнонаправленный процесс, посредством которого медиа и современное общество оказывают трансформирующее влияние друг на друга, что приводит к медиасоциальной конвергенции реальных и виртуальных формаций и институтов.**

Несмотря на значительное внимание к этому вопросу со стороны академического сообщества к началу XXI века медиатизация была довольно абстрактным понятием, что доказывается в работе Д. Дикона и Дж. Станьера: проанализировав 93 статьи из 14 научных журналов за 10 лет (2002-2012 гг.), ученые обнаружили, что в 81% публикаций слово «медиатизация» не определено и упоминается вскользь, что снижает его аналитическую ценность и усложняет эмпирические исследования[2]. Стоит также отметить, что

Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191-205; *Землянова Л.М.* О процессах интернетизации медиа и медиатизации интернета // Вестник Московского университета. Серия 10. 2005. № 5. С. 57-70.

[1] *Ним Е.Г.* Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 8-25.

[2] См.: *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1033-1034; *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и

сложности при конкретизации понятий возникают также при их переводе: в силу культурно-исторического контекста сходные англоязычные понятия (например, mediation и mediatization) могут приобретать дополнительные семантические характеристики в других европейских языках – например, юридическое значение посредничества, встречающееся не только в русском языке и используемое в контексте разрешения споров, с точки зрения С. Ливингстон, «никак не связано с теорией коммуникации»[1]. С другой стороны, подобные трудности перевода, на наш взгляд, лишь подчеркивают необходимость концептуального осмысления понятия медиатизации для описания текущих трансформаций как в медиасреде, так и в медиасистеме, в частности.

Впрочем, работа Д. Дикона и Дж. Станьера в свою очередь критикуется теоретиками медиатизации (причем представителями разных подходов) – А. Хеппом, С. Хьярвардом и К. Лундбю[2]. Соглашаясь с необходимостью содержательного использования понятия, они считают критику необоснованной из-за упрощенной методологии. С этим нельзя не согласиться, поскольку во втором десятилетии XXI в. происходит уплотнение коммуникационных процессов вследствие широкого внедрения социальных медиа в политику.

Кроме того, отвечая на критику, А. Хепп, С. Хьярвард и К. Лундбю отмечают, что исследования медиатизации основаны не на одностороннем медиацентристском (media-centric) подходе, а на холистическом медиацентричном (media-centered, или даже *медиакоммуникационноцентричном* – media- and communication-centered) подходе, поскольку цель этих исследований заключена в междисциплинарной

возможности дальнейшего развития // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. Вып. 2 (28). С. 9-27.

[1] *Livingstone S.* On the mediation of everything: ICA presidential address 2008 // Journal of communication. 2009. Vol. 59 (1). P. 3.

[2] См.: *Hepp A., Hjarvard S., Lundby K.* Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture, and Society // Media, Culture & Society. 2015. Vol. 37. № 2. P. 314-324.

работе[1]. Другими словами, по их мнению, в понятии «медиатизация» сосредоточено не столько причинно-следственное влияние медиа на все сферы общественной жизни, сколько наличие теоретической основы для анализа общественно-политических процессов, подверженных трансформирующему потенциалу различных средств коммуникации.

Особо следует подчеркнуть, что некорректно отождествлять «медиатизацию» с переговорной практикой «медиации». Медиация рассматривается в одном ряду с такими терминами как: посредничество, языковое посредничество, межкультурное посредничество, медиакоммуникация. В частности, Мартин-Барберо использует этот термин, чтобы подчеркнуть, что медиакоммуникация – это пространство, где встречаются сторонники конфликта и сторонники интеграции[2]. Схожую точку зрения высказывает Р. Сильверстоун, характеризуя медиацию как процесс перемещения значений из одного текста в другой, из одного дискурса в другой, от одного события к другому[3]. Более того функции и задачи медиации коррелируют с реальными политическими практиками весьма косвенным образом. Другими словами, ключевым отличием медиатизации можно считать то, что она представляет собой всеохватный процесс и связана с трансформацией общества в целом – медиа здесь рассматриваются больше в качестве всепроникающего фактора, а не исключительно как инструмент или средство коммуникации. В отличие от медиации, медиатизация в долгосрочной перспективе приводит к трансформации способов социального взаимодействия или институциональных практик.

Итак, медиация отождествляется с понятием «коммуникация посредством медиа» и раскрывает сам процесс коммуникации как некого

---

[1] Там же. P. 316.

[2] *Xenn A.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 100; *Martín-Barbero J.* Communication, Culture, and Hegemony: From the Media to Mediations. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage. 1993. P. 187.

[3] См.: *Silverstone R.* Why study the media? London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage. 1999. P. 13-18.

действия, а медиатизация влияет на институциональный каркас общества и политики, т.е. она способна изменить институционализированные правила игры. Тем не менее существуют и другие мнения. К примеру, М.Г. Шилина предлагает рассматривать медиатизацю с точки зрения медийной трансгрессии как переход медиатизации в состояние «новой нормальности», где происходит постоянный выход за пределы установленных границ, сопровождающийся нарушением устоявшихся правил игры. Это становится особенно очевидно в период социальных и политических кризисов (пандемия COVID, резкое внедрение технологий ИИ, военные конфликты и пр.)[1]. Другие исследователи, например, Д. Альтейд и Р. Сноу, используют эти термины как взаимозаменяемые синонимы[2].

Тем не менее, оставаясь на позициях науки, мы не можем сказать, что какая-то теория медиатизации лучше или обоснованнее, чем другая. Так в 2017 г. С. Хьярвард выпустил значимую статью «Логика медиа и медиатизированные условия социального взаимодействия», где приходит к выводу, что медиация – это коммуникативное и интерактивное действие, опосредованное медиа, тогда как медиатизация – процесс структурных изменений между различными культурными и социальными сферами общества, в силу которых различные институты и социальные области становятся зависимыми от медиа[3]. В свою очередь, Дж. Маццолени и В. Шульц утверждают, что медиация указывает на нейтральное взаимодействие СМИ с группами, коллективами или институтами, при котором медиа и акторы сосуществуют, не поглощая друг друга, в отличие от медиатизации[4].

---

[1] См.: *Шилина М.Г.* Медиатизация в контексте глобального кризиса: темпоральность как модальность исследования // Российская школа связей с общественностью. 2022. №. 24. С. 45-57.

[2] См.: *Altheide D., Snow R.* Toward a Theory of Mediation // Communication Yearbook 11. 1988. P. 195.

[3] См.: *Hjarvard S.* The logics of the media and the mediatized conditions of social interaction // Media logic (s) revisited: Modelling the interplay between media institutions, media technology and societal change. Cham : Springer International Publishing, 2017. P. 63-84.

[4] *Mazzoleni G., Schulz W.* "Mediatization" of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. Т. 16. №. 3. P. 247-261.

При этом теоретической основой их исследования стала концепция М. Маклюэна о СМИ как «внешних расширениях человека»[1], опираясь на которую они приходят к выводу, что в 1990-е гг. процесс политизации медиа являлся основным трендом. С нашей точки зрения, можно согласиться с Диконом и Станьером в том, что растущая роль медиа уже больше не опосредует власть, а конструирует ее, и это подтверждает необходимость использования термина «медиатизация» для того, чтобы заменить старую дескриптивную «рабочую лошадь» – «медиацию»[2].

Следует подчеркнуть, что в истории становления медиатизации как самостоятельного научного понятия значимую роль сыграла категория медиалогики («медийной логики[3]»), предложенная Д. Альтейдом и Р. Сноу. Для понимания роли медиа необходимо определить, каким образом медиа как «форма коммуникации» меняют наши впечатления, идеи и интерпретацию социального. В общих чертах, медиалогика состоит из формы коммуникации, включающей в себя различные медиа и форматы, используемые ими, т.е. связана не с контентом, а с процессуальным фреймом (processual framework), в рамках которого осуществляются социальные действия[4]. В этом плане исходная концепция «медиалогики» может быть понята как введение термина, обозначающего формальные и неформальные правила, внедренные СМИ, влекущие за собой многочисленные преобразования в социальном мире[5]. В широком плане, медиалогика – это «расширенный порядок социальной жизни, особенное влияние, которое оказывают форма медиа на логику социальной

---

[1] См. подр.: *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964; *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 138

[2] См.: *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1033-1034; Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 20-21.

[3] Следует сказать, что термин «медиалогика» не имеет прямого отношения к традиционной трактовке понятия «логика».

[4] См.: *Altheide D.L., Snow R.* Media Logic. London: Sage Publications, 1979. P. 9.

[5] Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 25

системы»[1]. Вместе с тем, в свой энциклопедической статье 2016 г. Альтейд подчеркивает, что принципы медиалогики могут влиять на события и социальную активность[2].

К. Асп[3] был одним из первых, кто связал медиатизацию и тезис о логике медиа. Точнее, он утверждает, что для анализа роли медиа в обществе важно рассматривать три «независимых поля влияния» (separate fields of influence): рынок, идеология и нормативные предписания, которые связаны с производством медиа[4]. Именно третье поле, при рассмотрении которого Асп и обращается к Альтейду и Сноу, лучше всего можно описать как поле «логики медиа»[5] со своими форматами, подходами и прагматизмом

Соглашаясь с Хьярвардом, отметим, что медиалогику можно трактовать как «образ действия медиа» (modus operandi media), т.е. речь идет о способах, с помощью которых владельцы медиа распределяют материальные и нематериальные ресурсы, опираясь на формализованные правила[6].

Другими словами, суть медиалогики сводится к тому, что у медиа есть своя логика развития и она определенным образом интерпретирует, а, зачастую, и форматирует различные явления реального мира. Позже Ф. Эссер и Й. Стрёмбек выделили три взаимодополняющие (но иногда противоречащие друг другу) тенденции, характеризующие логику современных медиа: *профессионализацию* (особенно это касается выработки профессиональных норм и ценностей для журналистов), *коммерциализацию*, понимаемую как результат конкуренции за деньги и внимание аудитории между традиционными и новыми медиа и между разными цифровыми

---

[1] *Altheide D.L., Snow R.P.* Media Logic and Culture: Reply to Oakes // International Journal of Politics, Culture and Society. 1992. Vol. 5 № 3. P. 466.
[2] См.: *Altheide D.L.* Media Logic. In The International Encyclopedia of Political Communication, G. Mazzoleni (Ed.) 2016. Vol. 1(6). P. 703-706.
[3] См.: *Asp K.* Medialization, Media Logic and Mediarchy // Nordicom Review. 1990. Vol. 11(2). P. 47-50.
[4] Там же. P. 47-50.
[5] *Xenn A.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 102.
[6] *Hjarvard S.* The mediatization of culture and society. London: Routledge, 2013. P. 17.

медиаплатформами, а также *развитие и применение медиатехнологий с различными характерными для них возможностями формирования контента* – аспект, наиболее близкий к пониманию медиалогики Д. Альтейдом и Р. Сноу с их акцентом на формате[1].

Медиалогика поэтапно подстраивала под свои параметры основные сферы жизнедеятельности общества. Однако Н. Коулдри критикует концепцию «логики медиа», потому что она объединяет различные виды «логик» под видом одной «общей логики»[2]. С другой стороны, он указывает, что медиатизация политики – это характерный пример области, где, как раз и работает «логика медиа»: в повседневном принятии политико-управленческих решений, осуществлении политики и в общественных дискуссиях[3]. Позиция Коулдри коррелирует с точкой зрения К. Лундбю, который указывал, что «не имеет смысла говорить о единой логике медиа, но важно уточнить, каким образом различные возможности медиа применяются в моделях социальных взаимодействий»[4]. Более того, в политической жизни экспансионный процесс влияния разноплановых логик медиа на политику приобрел особую значимость. В этой связи, вслед за В.А. Гуторовым, можно признать то, что, «отсутствие единства, свидетельствующее о различных ценностных ориентациях исследователей, направлений и целых школ, само по себе является выражением следующей простой констатации: медиа не могут быть нейтральными в ценностном плане, степень их объективности во многом определяется конфликтным характером развития политических процессов с неизбежным многообразием структуры политических ориентаций различных

---

[1] *Strömbäck J., Esser F.* The Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
[2] См.: *Couldry N.* Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Cambridge: Polity Press, 2012.
[3] Там же.
[4] Цит. по.: *Xenn A.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 106.

социальных групп и движений, интересы которых они представляют даже в том случае, когда они стремятся выступать в роли посредника»[1].

Нам представляется важным указать, что при рассмотрении медиатизации и медиалогики необходимо учитывать как *объективные*, так и *субъективные* факторы. Так, объективная сторона процесса медиатизации – это глобальные технологические изменения в структуре медиа и коммуникаций, вызванные развитием техники и технологий. На них повлиять нельзя, т.к. они являются результатом эволюции человечества и прочно внедрены в повседневность, культуру, экономику, политику и т.д. Появление массмедиа, телевидения, интернета, социальных сетей, ИИ – это свершившиеся факты технологического развития. В этом смысле цифровая среда стоит в одном ряду с книгопечатанием и электричеством.

В связи с этим важно учитывать *субъективный* компонент медиатизации, который проявляется в самом характере использования ресурсов медиа и цифровых технологий, т.е. здесь мы можем говорить о тактике и стратегии конкретных пользователей, групп, корпораций и государств. Как именно используются медиа, какие мировоззренческие смыслы в них вкладываются, какие моральные нормы устанавливаются, как конструируется цифровая социальная архитектура (включая индивидуальное, групповое и массовое восприятие, политическое поведение, установки, ценности), какие цели ставятся во главу угла – эти и другие вопросы относятся к субъективной стороне процесса медиатизации. Более того, при таком ракурсе рассмотрения медиатизации, мы учитываем способность акторов действовать осознанно (агентность), а также можем говорить о медиаактивизме как форме защиты субъектности. Поэтому справедливо будет утверждать, что на субъективные аспекты медиатизации можно и необходимо влиять, контролировать и соучаствовать. Кроме того, мы должны понимать, что игнорирование

---

[1] *Гуторов В.А.* СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 2) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 118.

объективного при медиатизации ведет к цифровой изоляции, а игнорирование субъективного – к превращению человека в пассивное приложение цифровых алгоритмов. Другими словами, говоря о медиатизации нельзя обойти стороной политический, идеологический и ценностный контексты, которые как раз и раскрывают субъективные характеристики медиатизации.

Следовательно, теоретизирование в этом вопросе неразрывно связано с использованием крупных политических, исторических и социологических теорий современного общества, а определение феномена медиатизации и методология его исследования находятся в прямой зависимости от выбранной теоретической рамки. Сегодня за исследованиями медиатизации скрывается не только фиксирование влияния медиа на общественные структуры: теоретики отмечают, что понятие медиатизации является «сменой парадигмы» в теории медиа и в социальных науках[1].

Важнейшей концептуальной задачей политологического исследования является прояснение политических оснований изучаемых объектов. Так, метапроцессы медиатизации, формирующие архитектуру различных обществ в разные периоды истории, имеют как символическое, так и смысловое значение. Широкомасштабное внедрение ИКТ, глобализация, урбанизация, общий рост качества жизни граждан, трансформация властеотношений и общее изменение современных политических процессов способствовали формированию такого феномена как политическая медиатизация.

В контексте изучения медиатизации немаловажное место занимают исследования медиатизации политики как процесса взаимовлияния политической системы и медиасистемы, в результате которого трансформации подвергаются как медиадискурс, так и политический дискурс. Политическая медиатизация сдвигает фокус внимания с отношений лицом к лицу на взаимодействие, опосредованное медиа в политических процессах. С возрастанием роли СМИ и СМК в мир политики входит понятие

[1] См.: *Hepp A., Hjarvard S., Lundby K.* Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture, and Society // Media, Culture & Society. 2015. Vol. 37. № 2. P. 314-324.

«медиатизация политики», характеризующее изменение содержания политической реальности. Именно поэтому большинство современных ученых (Ф. Ван Прааг, Я. ван Дейк, С. Ливингстон, Дж. МакКвейла, Дж. Стрёмбек, С. Хьярвард), занимающихся проблемами массовых и сетевых коммуникаций, говорят о том, что медиатизация включает в себя преобразующую функцию ИКТ. И в этом смысле «медиатизированная политика – это политика, которая потеряла автономность, стала зависимой в своих центральных функциях от логики медиа и создается в рамках взаимодействия с масс-медиа» [1]. Это утверждение базируется на наблюдениях за тем, как происходит политизация медиа и внедрение политического контента в повседневные медиапрактики

Традиционно существует несколько точек зрения о хронологических рамках процесса политической медиатизации. Так, большинство исследователей анализируют политическую медиатизацию как длительный процесс, зародившейся вместе с первыми институтами массовой информации[2]. Например, французская исследовательница Коринна Куле в своих трудах обстоятельно рассматривает систему социальных коммуникаций в Древней Греции и доказывает, что общение в античном полисе заложило многие основы современных информационных обменов[3], а немецкий профессор Х. Кепплингер считает, что медиатизация политики сформировалась вместе с радио, однако объектом исследования становится только сейчас[4].

В самом общем виде можно сказать, что политическая медиатизация характеризуется трансформацией политического под воздействием медиа и

---

[1] *Mazzoleni G., Schulz W.* "Mediatization" of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. Vol. 16. №. 3. P. 247-261.

[2] См.: *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1032-1044.

[3] См.: *Coulet C.* Communiquer en Grèce ancienne: Écrits, discours, information, voyages. Paris Les Belles Lettres. 1996; *Куле К.* СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия… / Пер. с франц. С.В. Кулланды. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

[4] См.: *Kepplinger H.M.* Mediatization of politics: Theory and data // Journal of communication. 2002. Т. 52. №. 4. P. 972-986.

коммуникационных технологий. Во многом медиа и медийные технологии оказывают значительное влияние на устоявшиеся формальные и неформальные правила политической игры, работая в рамках логики «медиатизированной политики».

В целом, в научной литературе закрепилась точка зрения, что при исследовании политической медиатизации можно выделить три исследовательские традиции: скандинавскую, континентально-европейскую, российскую и атлантическую.

Скандинавская исследовательская традиция. Группа шведских и норвежских ученых (Д. Альтейд, Э. Амну, К. Асп, П. Берглес, М. Джерф-Пьерра, К. Лундбю, Р. Сноу, Дж. Стрембек, С. Хьярвард, Г. Хернес и др.) одной из первых стала изучать данный концепт и заложила основные его исследования. Медиатизация политики трактуется ими как процесс, в котором медийная логика определяет развитие и становление политических институтов (правил игры под воздействием медиа). При финансовой поддержке шведского правительства в 1999 г. Э. Амнэ и П. Берглез проводили исследования различных аспектов медиатизации и опубликовали работу «Медиатизация политики»[1], а К. Асп одним из первых обратил внимание на медиатизацию политической жизни современного общества.

Континентально-европейская исследовательская традиция (С. Ливингстон, Д. МакКвейл, Ф. Кротц, Дж. Маццолени, Ф. Марцинковский, А.Хепп, В. Шульц, Ф. Эссер и др.). Как и представители первого направления они делают акцент на адаптацию политических институтов к медийной логике. Однако некоторые исследователи подчеркивают необходимость медиатизации только отдельных структур политики, требующих дополнительной медийной поддержки[2]. Поэтому медиатизация политики для них – это процесс, позволяющий политической системе или отдельным

---

[1] См.: *Amna E., Berglez P.* Politikens medialisering. Stockholm: Liber, 1999.

[2] См., напр.: *Marcinkowski F.* Mediatisation of politics: Reflections on the state of the concept // Javnost-the public. 2014. Т. 21. №. 2. P. 5-22.

властным структурам выстраивать коммуникативные связи и каналы с помощью медийной логики.

Российская исследовательская традиция (Т.В. Андрианова, Ю.Д. Артамонова, С.С. Бодрунова, И.А. Быков, С.В. Володенков, Д.П. Гавра, Е.Г. Грибовод, В.А. Гуторов, И.М. Дзялошинский, И.И. Засурский, А.А. Казаков, Е.Г. Ним, С.П. Поцелуев, А.И. Ракитов, О.Ф. Русакова, А.И. Соловьев, Л.Н. Тимофеева, А.В. Чугунов и др.). В научной литературе нередко встречается мнение о том, что исследования медиатизации – это западный академический дискурс, который отражает локальные проблемы постиндустриальных обществ в качестве универсальных[1]. Это утверждение не вполне отражает действительность. В этой связи особую аксиологическую значимость имеют труды представителей советской и российской научных школ медиатизации. Медиатизация политики рассматривается ими как процесс трансформации политических событий в символические в медийном пространстве, при этом особое значение придается неформальным и латентным структурам информационного поля. Российская традиция остается более макроскопической, пытаясь понять, как медиатизация политики перепозиционирует государство, общество и меняет сущность человеческого восприятия действительности. Некоторые авторы изучают данный процесс в рамках политической коммуникативстики, уделяя особое внимание социогуманитарным функциям информационно-коммуникационного взаимодействия. Серьезный вклад в разработку проблем медиатизации внесли макроуровневые исследования ученых факультета журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова – Е.Л. Вартановой (концепция «человек медийный»), В.П. Коломийца и А.Н. Гурееву, а также разработки ученых факультета психологии МГУ имени М.В.Ломонсоова – Г.У. Солдатовой, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказовой, Д.В. Дунаса («цифровое поколение», «медиапотребеление»). Весомый вклад в решение проблемы негативного латентного влияния

[1] См.: *Slater D.* New Media, Development and Globalization: Making Connections in the Global South. Malden, MA: Polity Press, 2013.

медиатизации на социум привнесли исследования А.С. Пую. В частности, в монографии «Медиатизация экстремальных форм политического процесса: революция, война, терроризм» показано, что медиатизацию нельзя сводить к инфраструктурно-технологическим факторам, а следует рассматривать как многогранный процесс, порождающий медиакультуру и медиасреду с вплетенными в каркас латентными составляющими как с негативными, так и позитивными последствиями[1].

Однако, стоит учесть, что в первой четверти XXI в. глобальный ландшафт медиатизации политики подвергся радикальной трансформации, детерминированной конвергенцией технологических инноваций и новых моделей экономики. Глобальные цифровые платформы аккумулировали беспрецедентный объем капитала, превратившись в доминирующие акторы медиапространства. Американские ученые, в силу непосредственной близости к центрам генерации технологических инноваций, предложили ряд концепций, которые позволили теоретически осмыслить переход от классической медиатизации к платформенному доминированию. Фокус исследований был направлен на анализ цифровой архитектуры и роли платформ в конструировании политической реальности.

Поэтому, на наш взгляд целесообразно выделить и четвертую традицию – *атлантическая исследовательская традиция* (П. Д'Анджело, Ф. Бастьен, К. Волтмер, Дж. Блюмлер, П. Норрис, Р. Гарланд, Д. Дикон, Д. Димитрова, Р. Сильверстоун, Дж. Б. Томпсон, Д. Халлин, У. Ланс Беннет и др.). В последнее время в научной литературе появилось множество основательных работ, раскрывающих социополитические особенности медиаэффектов и медиатиазации политики с точки зрения североамериканских и британских исследователей. Для нашего исследования важен тот факт, что представители атлантической школы особо заостряют внимание на медиаизобилии, фрейминге и вопросах регулирования процесса медиатизации политики

[1] См.: *Лабуш Н., Пую А.* Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во С.-Петербю ун-та, 2019.

глобальными медиакорпорациями, которые обладают определенными инфраструктурными преимуществами и собственными прагматическими интересами, как правило, коммерческого толка. Не секрет, что большинство транснациональных и IT-корпораций дислоцируется в США, что создает цифровую асимметрию сил. Более того, Дж. Блюмлер высказывает опасение о том, что подобное регулирование медиапространства создает тревожные политические прецеденты и может угрожать как политической стабильности государств, так и СМИ в целом[1]. Также следует упомянуть, что Й. Стрёмбек и Д. Димитрова в своей статье доказали, что медиатизация во многом обусловлена медиакультурой конкретного общества, а медийный интервенционизм активно влияет на медиатизацию политики в США в связи с активной деятельностью глобальных цифровых медиакорпораций[2].

Что касается типологизации медиатизации политики, то на наш взгляд, ее можно рассматривать по аналогии с существующими подходами к медиатизации общества в целом. Так, А. Хепп[3] отмечает наличие трех подходов к трактовке медиатизации: *институционального* (разработанный коллаборацией скандинавских исследователей), *социально-конструктивистского* (созданный исследователями в рамках международного проекта Бременского университета) и *фигуративного* (от лат. «*figura*» – внешние очертания, образ, изображение), в рамках которого общество рассматривается как совокупность «фигураций» (сети индивидов), которые через систему взаимодействий образуют социальную структуру более высокого уровня[4]. Понятие фигурации обозначает социальную модель

---

[1] См.: *Blumler J.G.* Mediatization and democracy // Mediatization of politics: Understanding the transformation of Western democracies. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 31-41.

[2] См.: *Strömbäck J., Dimitrova D.V.* Mediatization and media interventionism: A comparative analysis of Sweden and the United States // The International Journal of Press/Politics. 2011. Vol. 16. №. 1. P. 30-49

[3] См.: *Xenn A.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 106-112.

[4] Рассуждая в том же ключе Г. Болин указывает на системный, технологический и феноменологический подходы (*Bolin G.* Institution, Technology, World: Relationships between the Media, Culture and Society. Mediatization of Communication: Handbooks of Communication

процесса воспроизводства социальности на различных уровнях социальной иерархии: от простейших, скажем семьи, до самых высоких – религии или государства[1]. В данном случае медиатизация меняет структуру, плотность, проникновение, охват и способы координации сетей, что приобретает особую значимость в период расцвета цифровых платформ[2].

В рамках социально-конструктивистского подхода интерес представляет концепция «медиатизированных миров»[3], то есть таких фрагментированных социальных миров, построение которых зависит от коммуникационных процессов, где влияние медиа рассматривается как действие «формирующих сил» (moulding forces). Для анализа медиатизированных миров и процесса медиатизации в целом учеными (Н. Элиас, А. Хепп, У. Хазебринк) предлагается исследовать изменения присущих этим мирам коммуникативных фигураций[4]. Некоторые исследователи, в частности Е.Г. Ним, критикуют идею А. Хеппа за избыточность понятий: использование терминов «медиатизированные миры» и «коммуникативные фигурации» кажется излишним в силу наложения их значений друг на друга[5]. Впрочем, Ю.Д. Артамонова характеризует это как ошибочную трактовку, объясняя

Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 21. P. 193-194); А.Н. Гуреева и В.С. Кузнецова обозначают их как институциональный, социально-конструктивистский и материалистический (*Гуреева А.Н., Кузнецова В.С.* Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191-205).

[1] *Elias N.* What is Sociology? London: Hutchinson, 1978; Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 50

[2] См.: *Hepp A.* The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the "Mediation of Everything" // European Journal of Communication. 2013. Vol. 28 (6) P. 615-629.

[3] См.: *Krotz F., Hepp A.* A Concretization of Mediatization: How ‘Mediatization Works’ and Why Mediatized Worlds are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2011. Т. 3. №. 2. P. 137-152.

[4] См.: *Hepp A.* The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the "Mediation of Everything" // European Journal of Communication. 2013. Vol. 28 (6). P. 615-629; *Hepp A., Loosen W., Hasebrink U.* Jenseits des Computational Turn: Methodenentwicklung und Forschungssoftware in der Kommunikations-und Medienwissenschaft–zur Einführung in das Themenheft // M&K Medien & Kommunikationswissenschaft. 2021. Т. 69. №. 1. P. 3-24.

[5] См.: *Ним Е.Г.* Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 17.

«обоснованность использования данных понятий их единой логикой»[1]. В свою очередь, С. Ливингстон и П. Лунт[2], К. Лундбю[3], опираясь на разработки Н. Коулдри и А. Хеппа, также выделяют три подхода к пониманию медиатизации политики, которые фокусируются через призму различных концептуальных доминант этого процесса:

- *институциональный,*
- *материальный (технологический),*
- *культурологический (в рамках «культурной перспективы»).*

Водораздел между ними лежит в способе концептуализации медиа: как социального института, как материальной технологии и как конструирующего элемента коммуникативных практик. При этом важно отметить, что принципиальные расхождения в трактовках процесса медиатизации политики и предложениях по методологии исследования напрямую продиктованы тем, в русле какой теории ведется анализ.

Говоря об институциональном подходе к анализу медиатизации политики, следует отметить, что он исходит из разработок теоретиков нового институционализма и теории структурации А. Гидденса[4]. В соответствии с этим подходом к исследованию медиатизации, медиа обретают власть и занимают определенные позиции, постепенно становясь «(полу)институтами»[5]. Другими словами, в рамках институционального подхода медиатизация в целом характеризуется и развитием медиа как самостоятельного актора, и трансформацией других институтов, стремящихся использовать медиаресурсы в собственных целях.

---

[1] *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 169.

[2] См.: *Livingstone S., Lunt P.* Mediatization: An Emerging Paradigm for Media and Communication Research? // Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 703-724.

[3] См.: *Lundby K.* Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

[4] См.: *Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge: Polity, 1984.

[5] См.: *Lundby K.* Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

К институционалистам в этом контексте можно отнести исследователей медиалогики (К. Аспа, С. Хьярварда, Д. Альтейда и Р. Сноу), а также немецкого ученого В. Шульца, который рассматривая медиатизацию политики в призме многогранности и противоречивости, сформулировал четыре группы процессов медиатизации:

1) Расширение (extension): медиа расширяют естественные пределы возможностей человеческой коммуникации с точки зрения пространства, времени и выразительности. Медиа позволяют синхронно коммуницировать на огромных расстояниях;

2) Замещение (substitution): медиа заменяют виды деятельности, до этого не имевших отношения к медиа;

3) Слияние (amalgamation): медиа смешиваются с немедийными практиками. Происходит своеобразный сплав медийных и немедийных процессов;

4) Адаптация (adaptation): акторы и организации приспосабливаются к медиалогике, т.е., например, политические институты приспосабливаются к правилам медиасистемы с целью повышения публичности и одновременно примиряются с потерей автономии[1].

Последний процесс более развернуто представлен в работах шведского исследователя Й. Стрёмбека, который концептуализировал аспекты медиатизации политики, проявляющиеся через взаимодействие политической логики и медиалогики, понимаемой как порядок, влияющий на социальные системы. Выделив четыре критерия (источник информации, автономия медиа, медиапрактики, политические практики), он обозначил следующие фазы медиатизации политики:

1. «Медиация политики»: медиа является важнейшим источником информации и каналом коммуникации, оказывая определенное влияние на

[1] *Schulz W.* Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. № 1. P. 88-90.

восприятие информации и формирование мнения – базовая предпосылка для последующих фаз медиатизации;

2. «(Полу)независимость»: медиа становятся более автономными (semi-independent): они в значительной степени управляют контентом и обладают ресурсом влияния, поэтому политические акторы не контролируют в полной мере продвижение собственных интересов, а адаптируются под медийную повестку дня;

3. Рост автономии медиа: политические и другие социальные акторы не могут игнорировать медиалогику и вынуждены приспосабливаться к ней – активным механизмом на данном этапе является не прямое влияние, а адаптация, поскольку субъекты стремятся сохранить собственную целостность. Кроме того, отличия между действительной реальностью и медиареальностью (mediated reality) становятся почти неразличимыми в рамках данной фазы;

4. Медиалогика воспринимается политическими и другими социальными субъектами как неизбежная: они осознанно (в большей или меньшей степени) интернализируют ее, не различая с политическими интересами. Другими словами, в рамках данной фазы значимость медиареальности обратно пропорциональна значимости отличия между ней и действительностью[1].

Поскольку значимым моментом для понимания разработки Й. Стрёмбека является тот факт, что отношения между медиа и политическими субъектами следует воспринимать как интерактивные и взаимозависимые, на четвертой фазе медиатизации политики медиа становятся настолько независимыми, насколько это возможно в рамках существующего политического режима.

[1] *Strömbäck J.* Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. 2008. Vol. 13. № 3. P. 234.

Используя терминологию других исследователей (например, Т. Мейера, Дж. Кина[1]), данную фазу можно охарактеризовать как медиакратию.

Таким образом, если медиа являются доминирующим и относительно независимым источником информации, то производимый ими контент будет формироваться в соответствии с устанавливаемой ими логикой (медиалогикой), в то время как коммуникация политических акторов будет выстраиваться, подчиняясь медиа. Тем не менее, важно отметить, что процесс смены фаз может быть не линейным и однонаправленным, поскольку влияние медиалогики на различных политических акторов может быть неодинаковым как в разных странах, так и в пределах отдельно взятой страны в различные временные периоды в силу различного развития институциональной среды.

В более поздней работе, написанной Й. Стрембеком совместно с Ф. Эссером, изначальная модель четырех фаз медиатизации политики актуализируется за счет встраивания в ее рамки других концепций исследований медиа и политической коммуникации (фрейминг, определение повестки дня и др.)[2].

Таким образом, Й. Стрембек предлагает один из способов осмысления процесса медиатизации политического пространства, позволяющий применять его для компаративного анализа и для исследования особенностей развития медиатизации конкретной страны. Однако подобная теоретическая конструкция представляется нам несколько ограниченной как временными, так и пространственными рамками: в исследовании представлен только опыт западных государств в период после Второй мировой войны. Соответственно, в работах Й. Стрембека, сфокусированных на изучении медиатизации, ключевое внимание уделяется скорее традиционным СМИ, нежели новым и конвергентным медиа. Он не исключает факта, что развитие цифровых

---

[1] См.: *Meyer T., Hinchman L.* Media democracy: How the media colonize politics. Cambridge: Polity, 2002; *Keane J.* Democracy and media decadence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

[2] См.: *Strömbäck J., Esser F.* The Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 17-18.

технологий оказывает значительное влияние на социальные, политические и культурные процессы, однако в то же время не стремится конкретно охарактеризовать последствия данного проникновения как эволюционные либо революционные для медиатизации мира политики.

Стремительное развитие ИКТ принимается во внимание в работе нидерландских ученых Х. ван Дейк и Т. Поэлла, фокусировавшихся на изучении логики социальных медиа[1]. Они считают, что, основываясь на принципах программирования, связности, популярности и датафикации, логика социальных медиа оказывает влияние на общественно-политическую активность. Х. ван Дейк предложила определять медиа не только как инструмент коммуникации, но и как определенную культурную систему, тесно переплетенную с социальными и политическими структурами, показывая, как трансформация медиа в контексте развития цифровых технологий может влиять на политические практики и институты. Данный методологический ракурс представляет особую значимость для нашего исследования, так как позволяет выявить латентные механизмы имплементации культурных норм в ценностный каркас общества в качестве доминирующих стандартов медиатизации.

Аналогичной Й. Стрёмбеку точки зрения, на наш взгляд, придерживается С. Хьярвард. Ссылаясь на А. Гидденса, он отмечает, что медиа превращаются в самостоятельные социальные институты, поскольку им присущи формальные и неформальные правила, ресурсы и авторитет/репутация, то есть медиа обретают субъектность влияния. Он проводит этапизацию институционального развития медиа, показывая, что если до 1920 г. (изобретения радио) медиа представляли собой инструменты в рамках других институтов, то к 1980 г. (прекращению монополии на радио и телевидении) в

[1] См.: *Van Dijck J., Poell T.* Understanding Social Media Logic // Media and Communication. 2013. Vol. 1. P. 2-14.

странах Северной и Западной Европы, «пройдя этап культурной институционализации, они обрели независимый статус»[1].

Подход Хьярварда послужил методологической базой для международных групп, изучавших медиатизацию в связке с религией и повседневной культурой. Такая исследовательская оптика относится к цивилизационному подходу к анализу политической медиатизации. К примеру, в рамках известного проекта «Скандинавская исследовательская сеть по изучению медиатизации религии и культуры», который осуществлялся в 2006-2010 гг. при финансовой поддержке Совета министров северных стран, были опубликованы работы, внесшие значительный вклад в теорию медиатизации и расширили границу исследований: «Медиатизация и религия»[2] и «Публичная религия в условиях медиатизированных трансформаций»[3]. Хотя, солидаризируясь с А. Хеппом[4] отметим, что в данном подходе наблюдается некоторая дисфункциональность, заключающаяся в недостаточной адаптивности аналитического инструментария и избыточном акцентировании внимания на макроинститутах, что приводит к нивелированию роли повседневных коммуникативных практик.

Итак, в рамках институционального подхода медиатизация политики характеризуется развитием медиа как самодостаточного института, использующего медиаресурсы в собственных, в том числе политических, целях.

Материальный (технологический) подход фокусируется на технологических свойствах медиа – материальному аспекту представлений о

---

[1] *Hjarvard S.* The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. P. 120.

[2] См.: *Hjarvard S., Lövheim M.* Mediatization and religion: Nordic perspectives. Nordicom, University of Gothenburg, 2012.

[3] См.: *Lundby K*. Public Religion in Mediatized Transformations. In Institutional Change in the Public Sphere. Views on the Nordic Model, ed. Fredrik Engelstad, Kari Steen-Johnsen, Jon Rogstad, and Håkon Larsen, Warsaw: De Gruyter Open. 2017. P. 241-263; *Островская Е.А.* Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. №. 4. С. 610-611.

[4] См.: *Hepp. A*. Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020.

пространстве, присущем медиатизации, и «текстурам», материализующим практики повседневной и культурной жизни. Ю.Д. Артамонова отмечает, что «сейчас в рамках этого подхода нет интенсивного развития исследований»[1]. Возможно, это связано с тем, что К. Лундбю относит к нему работы, не относящиеся ни к институциональной, ни к культурологической перспективе (Н. Финнеманн, А. Янссон[2]).

Культурологический подход к исследованию процесса медиатизации политики нацелен на анализ медиа как некой среды, конструирующей социальную и политическую действительность. Прежде всего здесь мы выделяем разработки Н. Коулдри и А. Хеппа, которые восходят к работе П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»[3]. Медиатизация у них отражает проявление коммуникативного проектирования реальности в медийных процессах и то, какую роль особенности определенных медиа играют в социокультурной реальности, конструируемой посредством коммуникации[4]. Более того, медиатизацию здесь мы можем рассматривать как метапроцесс, в результате деятельности которого происходит изменение политического.

В этой связи можно также обозначить не только медиатизацию политики, но и политизацию медиа, что в совокупности с виртуализацией политического пространства способствует трансформации политической реальности, превращая ее в политическую медиареальность, искажающую восприятие происходящих в действительности политических явлений, событий и

---

[1] *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 178.

[2] См.: *Finnemann N.* Digitization: new trajectories of mediatization? // Mediatization of Communication. 2014. P. 297-321; *Jansson A.* Mediatization as a Framework for Social Design: For a Better Life with Media // Design and Culture. 2018. Vol. 10(1). P. 233-252.

[3] См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

[4] См.: *Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 34-56.

процессов в общественном сознании в соответствии с заведомо сконструированными ценностно-смысловыми ориентациями[1].

Что касается отечественных исследований, то продуктивный подход к медиатизации политики был предложен С.С. Бодруновой в исследованиях по медиаполитологии. Она выделила два принципа, с помощью которых распределила имеющиеся пласты работ по медиатизации политики на две группы. Первый принцпип – «нормативно-демократическая составляющая», в рамках которой существующие научные работы распределены, в свою очередь, с двумя дискурсами: медиации политики и медиатизации политики, последний из которых делится на неолиберальную и медиакритическую позиции[2]. Второй принцип относится к предмету исследования: одни исследователи фокусируются на проникновении медиалогики в политические процессы, другие – на процессе формирования и трансляции медиаполитических смыслов. В рамках диссертационного исследования мы фокусируем внимание именно на втором принципе, который относится к субъективным факторам медиатизации, когда медиаполитические смыслы конструируются духом, культурной спецификой России как государственно-цивилизационного образования.

Кроме того, разделение подходов к изучению медиатизации политики также проводится российскими исследователями по критерию рассмотрения ключевых акторов данного процесса: первый подход, как считают А.С. Гуреева и В.Н. Кузнецова, фокусируется на политических процессах и деятельности политических организаций (его представители – П. Донжес, Ф.

---

[1] См.: *Володенков С.В.* Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 2. С. 15–23; *Володенков С.В. Федорченко С.Н.* Ключевые вызовы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций современной России // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 7-30

[2] *Бодрунова С.С.* Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1653 (дата обращения 12.02.2026).

Маркцинковски[1]), второй – на акторах медиаинсдустрии в контексте интервенционизма медиа (Дж. Блюмлер[2]), то есть медиа понимаются здесь как «проактивные акторы и независимые институты»[3].

Даже короткий обзор различных подходов и точек зрения на медиатизацию позволяет нам в рамках диссертации рассматривать медиатизацию политики с точки зрения идей, предложенных С. Ливингстон, П. Лунтом и К. Лундбю как наиболее релевантных в академическом дискурсе (см. табл. 1.1)[4].

Таблица 1.1. Основные подходы к медиатизации политики

Предмет разногласий	**Подход**		
	Институциональный	**Материальный**	**Культурологический**
Время	Насыщенность медиа в эпоху позднего модерна	Несколько исторических эпох *или* последние десятилетия цифровизации	Основные практики, восходящие к истокам истории человечества
Технология	Медиалогика в институтах	Характеристика различных медиа	Медиа как инструменты коммуникации
Базовая теория	Неоинституционализм, теория структурации	«Теория медиума» (Medium theory)	Социальный конструктивизм, символический интеракционизм

Несмотря на то, что вышеописанные подходы имеют свои особенности, медиатизация в них представлена как развивающийся во времени многосторонний процесс: рассмотрение подходов в совокупности

---

[1] См.: *Donges P*. Mediatization of Political Organizations: Changing Parties and Interest Groups? // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 181-199; *Marcinkowski F*. Mediatization and Political Autonomy: A Systems Approach // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 74-89.

[2] См.: *Blumler J.* Mediatization as a Combination of push and pull Forces: Examples During the 2015 UK General Election Campaign // Journalism. 2019. Vol. 2. № 7. P. 855-872.

[3] *Гуреева А.Н., Кузнецова В.С.* Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 198-199.

[4] См.: *Lundby K*. Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.

обеспечивает всеобъемлющую основу для понимания комплексных взаимосвязей между медиатехнологиями и социально-политическими процессами.

Таким образом, проведенный в рамках настоящего исследования анализ, показал, что целесообразно вести речь о *двух основополагающих подходах к исследованию медиатизации политики*: *социально-конструктивистском* (в духе конструктивизма) и *политико-культурологическом* (в цивилизационном аспекте). Более того, цифровизация общественно-политической жизни; необходимость новой легитимации власти, которая требует повышения медиаактивности граждан; конвергенция внутренней и внешней коммуникации в цифровой среде; гиперконкуренция смыслов и нарративов между государством и цифровыми платформами, а также насущная проблема соотношения российских традиционных ценностей, особенностей российской государственности, российского государства-цивилизации с политикой и стратегическими направлениями назревших цифровых технологических трансформаций показывают, что наиболее плодотворным для анализа медиатизации политики будет синтез цивилизационного и социально-конструктивистского подходов. В этой связи, для исследования медиатизации политики мы принимаем **цивилизационно-конструктивистский** подход в качестве основополагающего.

В рамках этого подхода при исследовании медиатизации политики можно всесторонне учитывать субъективные факторы процесса социополитического конструирования реальности, направляемого и регулируемого ценностными основаниями и цивилизационными кодами конкретной цивилизации. В цивилизационно-конструктивистской парадигме политическую медиатизацию следует рассматривать как двусторонний процесс. Так, с одной стороны, медиалогика навязывает политическому процессу свои правила и стандарты, а с другой – сама цивилизационная матрица способна видоизменять эту логику, навязывая медиа мировоззренческие смыслы, характерные для данного общества. Иными словами, универсальная

медиалогика будет «спотыкаться» об устойчивое цивилизационное «ядро» (коды), наделенное сакральным смыслом. С позиции такой исследовательской оптики медиатизацию политики можно рассматривать в незападных обществах.

Ключевые функции указанного подхода, на наш взгляд, это:

- *Аналитическая функция,* которая поясняет почему технологические решения приводят к разным социополитическим последствиям в разных обществах.
- *Прогностическая функция,* которая позволяет предсказать, как цифровые технологии будут адаптированы с учетом цивилизационных особенностей конкретных обществ.
- *Критическая функция,* которая дает вощможность выявить и «заглушить» манипулятивные конструкты и идеи, которые выдаются за универсальные ценности человечества.

Цивилизационно-конструктивистский подход выявляет механизмы создания смыслов в цифровом пространстве, которые опираются на архетипы, ценности и исторический опыт конкретной цивилизации. При этом, политическая реальность, модели политического поведения, политические практики могут постоянно конструироваться, но смысловые блоки для этого процесса берутся из устоявшихся кодов цивилизации. Безусловно, конструктивистские идеи пронизывают современность (например, цифровизация политики, ИИ-технологии все больше конструируют окружающую действительность), темпы и масштабы изменений требуют определенной политики стабилизации, что находит отражение в актуализации стратегии цивилизационной устойчивости. В разных цивилизациях роль медиа может существенно различаться. Поэтому сегодня мы можем говорить о продуктивности цивилизационно-конструктивистской методологии при анализе процессов современного мирового развития (в особенности для России).

Медиатизация – комплексный социополитический процесс, а анализ ее результатов осуществляется в рамках конкретных сфер общества – политики, экономики, образования, медицины, права, спорта и т.д. Перевод локального, регионального, национального или глобального неполитического события в политически значимое целесообразно напрямую связывать с категорией медиатизации. Исследовательский фокус при этом смещается в сторону изучения многогранной структуры медийного опосредования, что признается фундаментальной задачей в работах зарубежных[1] и отечественных[2] исследователей, которые выделяют разные уровни такого изучения:

1) микроуровень: исследование медиатизации повседневных индивидуальных политических практик, локальных инцидентов, местных информационных поводов (событийная или *event*-медиатизация);

2) мезоуровень: исследование медиатизации отдельных проблем и вопросов социально-политических субъектов разного типа. Возможны изменения в контексте национальной повестки дня;

3) макроуровень: исследование медиатизации как институционализированного процесса, влияющего на все сферы общественной жизни, т.е. медиатизация политики в целом

4) метауровень: исследование медиатизации как процесса, в результате которого медиа становятся значимой частью других социальных и политических институтов и меняют способы их работы, а также принятые порядки и нормы.

Подчеркнем, что суть предмета политической медиатизации во всех обозначенных выше процессах составляет внедрение медиа и медиа логики в исходную архитектуру политических процессов на разных уровнях.

---

[1] См., напр.: *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1032-1044.

[2] См., напр.: *Gavra D.P., Bykova E.V., Savitskaya A.S., Dekalov V.V., Taranova Yu.V.* Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020. P. 99-103; *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Медиатизация и демедиатизация в цифровой среде: кейс консервативного манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. №. 3. С. 60-86.

При рассмотрении современного состояния развития политической медиатизации важно учитывать изменения, вносимые цифровизацией и датафикацией. Н. Коулдри и А. Хепп, опираясь на разработки М. Маклюэна, Н. Элиаса, П. Бергера, Т. Лукмана, и, полагая что медиа находятся в центре социально-политических трансформаций, выделили несколько «волн» медиатизации, определяемых как отдельными формами медиа, так и способом функционирования медиасреды в целом (см. таблицу 1.2). Метафора «волны» не случайна: во-первых, она обращает внимание на инновации периода («пик волны»), во-вторых – на их долгосрочные последствия («распространение волны»). Волнообразный характер медиатизации объясняется трансформирующим эффектом технологического развития: каждый из этапов порождал новые формы медиа и изменял существующие, преобразуя общество.

Таблица 1.2. Волны медиатизации

Волна	**Время возникновения**	**Технология**	**Новые формы медиа**
Механизация	XIV-XIX вв.	Печатный станок	Печатные медиа
Электрификация	XIX – первая половина XX в.	Электрическая передача	Телеграф, телефон, граммофон, радио, магнитофон, кинематограф, телевидение
Дигитализация	Вторая половина XX в.	Интернет, компьютер, прототипы роботизированных систем	Масс-медиа
Цифровизация (+ датафикация)	XXI в.	Интернет, мобильные устройства, ИИ (+ Big Data, + LLM)	Социальные медиа, конвергентные медиа, интернет вещей

Другими словами, под «волнами» медиатизации понимаются такие отдельные фазы в продолжающемся процессе медиатизации, которые были сформированы в результате качественных и существенных технологических изменений в медиасреде, несмотря на различия, обусловленные национальными, региональными и локальными контекстами. При этом необходимо отметить, что каждая из волн сама по себе не приводит к глобальному изменению общества, однако может рассматриваться как отправная точка для осмысления общественных преобразований. Каждая волна выступает в роли катализатора структурных изменений. Так, механизация средств коммуникации, восходящая к изобретению печатного станка и продолжившаяся за счет растущей индустриализации коммуникационного процесса, привела к широкому распространению печатных медиа. Далее, волна электрификации средств коммуникации началась с электронного телеграфа и условно завершилась различными средствами вещания, а также формами телекоммуникаций. В наши дни, волна цифровизации связана не только с компьютерами и различными цифровыми носителями, но и с интернетом и усиливающейся интеграцией ИИ в повседневную жизнь, обеспечивающей оперативный обмен цифровым контентом.

В связи со стремительным возникновением и усовершенствованием форм медиа постепенно обозначилась необходимость в понятии, позволяющем описывать изменения в медиатизации как в процессе, обусловленном проникновением цифровых медиа во множество аспектов политической жизни. Например, отечественными исследователями был предложен термин «медиатизация 2.0», включающий изменения в информационных технологиях и возникновение новых цифровых акторов, часть из которых способна концентрировать больший цифровой капитал и оказывать влияние на общественно-политические процессы, «монополизируя трафик»[1].

[1] См.: *Gavra D.P., Bykova E.V., Savitskaya A.S., Dekalov V.V., Taranova Yu.V.* Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program

Отдельно отметим также, что, согласно А. Хеппу и Н. Коулдри, в последние несколько лет наблюдается зарождение новой фазы медиатизации – волны датафикации. Однако в более поздней работе А. Хепп уточняет, что датафикация является одной из тенденций глубокой медиатизации (deep mediatization), которая, в свою очередь, все-таки, является следствием волны цифровизации[1]. А. Хепп и Н. Коулдри определяют глубокую медиатизацию как процесс, при котором реальный мир и медиа находятся в состоянии тесного симбиоза. В рамках цивилизационно-конструктивистского подхода важно заметить, что в данном процессе выигрывает тот, у кого больше ресурсов, то есть собственники медиа. В практической плоскости этот процесс мы наблюдаем при суверенизации цифрового пространства, который реализуется все большим количеством государств.

Однако глубокая медиатизация трактуется и с помощью фигуративного подхода, описывающего социально-коммуникативное конструирование через коммуникативные фигурации, выделение которых основано на идеях немецкого социолога Н. Элиаса[2]. Каждую из фигураций характеризуют «три характеристики:

- совокупность акторов, обладающих социальными ролями, которые вовлечены в фигурацию;
- «рамки значимости» – общие ценностные ориентации, разделяемые акторами в рамках фигурации;
- коммуникативные практики, благодаря которым фигурации обретают смысл»[3].

Таким образом, коммуникативная фигурация, в центре которой находятся акторы, посредством коммуникативных практик тесно связана с ее

// Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020. P. 99-103.

[1] См.: *Hepp. A*. Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020.

[2] См.: *Elias N*. What is sociology? London: Hutchinson, 1978.

[3] *Hepp A., Breiter A., Hasebrink U.* Rethinking Transforming Communications: An Introduction // Transforming Communications – Studies in Cross-Media Research. 2017. P. 7-8.

«ансамблем медиа»[1]. Выявление данных характеристик способствует переходу от инструментального понимания платформ к их осмыслению как архитекторов социополитической реальности (платформы потенциально могут формировать целые экосистемы – «фигурации фигураций»)[2], что получит свое развитие в рамках третьей главы настоящей работы. Другими словами, рассматривая текущее состояние развития медиатизации, исследователи выделили ряд черт-трендов, характеризующих особенности глубокой медиатизации.

Во-первых, глубокая медиатизация проявляется через дифференциацию множества цифровых медиа: за последние несколько десятилетий произошло как усиление количества разнообразных средств коммуникации, так и увеличение их различных функциональных возможностей. Продолжающуюся дифференциацию цифровых медиа можно проиллюстрировать на примере «интернета вещей», объединяющего физические и виртуальные объекты и этим размывающего границы того, что имеется в виду под цифровыми медиа.

Во-вторых, несмотря на функциональное разнообразие, вышеупомянутые цифровые медиа характеризуются постоянно растущей взаимосвязанностью, предоставляющей пользователям возможность подключения друг к другу, как индивидуально, так и коллективно. В этом контексте можно вспомнить идею медиаконвергенции, под которой мы имеем в виду конвергенцию на уровне содержания, контента, который будучи цифровым, становится доступным для передачи через множество устройств, как устаревающих, так и более новых[3]. Так, Е.В. Вартанова отмечает, что «слияние разобщенных медиа в

---

[1] См.: *Островская Е.А.* Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. №. 4. С. 610-611; *Hepp. A.* Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020.

[2] Этот вопрос будет рассмотрен в третьей главе диссертации.

[3] См.: *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. New York and London: New York University Press, 2006.

современную эпоху радикальным образом меняет существовавшие представления о каналах коммуникации»[1].

В-третьих, глубокая медиатизация также обусловлена постоянно растущим и повсеместным присутствием медиа, позволяющим постоянно находиться на связи сразу в нескольких местах. По данным отчета Global Digital 2025, по состоянию на январь 2025 г. общая доля пользователей мобильных телефонов составила 97,8% всего населения мира[2].

В-четвертых, глубокая медиатизация также сопровождается быстрыми темпами инноваций: новые виды и формы медиа и различные сервисы возникают все за более короткие промежутки времени, что требует от политических акторов дополнительной адаптивности и скорости принятия решений.

Наконец, в-пятых, глубокую медиатизацию характеризует датафикация как представление социальной жизни через данные на медиаустройствах и программное обеспечение (ПО), лежащее в их основе: представление социальных явлений с помощью количественных данных в условиях глубокой медиатизации играет все более важную роль в самопонимании и самооценке общества. Например, А. Хепп и Н. Коулдри связывают датафикацию с процессом дата-колониализма (или информационного капитализма), суть которого заключается в том, что преобразование в данные человеческой жизни и всего, что с ней связано, представляет собой попытку реконфигурации структуры властных отношений в истории человечества[3].

Важно заметить, что, хотя вышеописанные тенденции не являются однородными и отличаются по своей интенсивности в связи с существующим цифровым разрывом между регионами, они глобальны в том смысле, что так

---

[1] *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11-14.

[2] См.: Digital 2025: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 12.02.2026).

[3] См.: *Hepp A., Couldry N.* Necessary Entanglements: Reflections on the Role of a "Materialist Phenomenology" in Researching Deep Mediatization and Datafication // Sociologica. 2023. Vol. 17. № 1. P. 137-153.

или иначе встречаются в отличающихся региональных и социальных контекстах[1]. Кроме того, вышеперечисленные тренды могут проявляться нелинейно, причем существует вероятность возникновения новых особенностей или замедления протекания вышеуказанных, однако при этом в своей совокупности они объясняют обусловленные развитием медиа изменения, происходящие в различных социальных сферах. В этой связи, в современном глубокомедиатизированном социуме именно политическая медиатизация выступает в роле ключевого компонента политизации события и придает тому или иному явлению ценностное окрашивание.

Согласно Н. Коулдри и А. Хеппу, мир в условиях глубокой медиатизации – это сеть взаимозависимостей, где ИКТ глубоко интегрированы во всеобъемлющую медиасреду (media manifold). Для описания этого феномена авторы используют понятие сложноорганизованного многообразия медиа или «медиамультиверса»[2]. Многомерность медиа конкретизируется не только множеством медиаканалов, но и их взаимосвязанностью, медийными ансамблями в различных социальных сферах и медийном репертуаре отдельных людей, что влияет на отдельных пользователей и на общественную среду в целом.

В настоящее время наблюдаются коренные изменения в мировой медиасистеме, вызванные лавинообразным развитием ИКТ, поэтому при характеристике трансформации политического процесса в условиях глубокой медиатизации необходимо обращать внимание на роль глобальных интернет-компаний как новых субъектов политического влияния, поскольку принадлежащие им цифровые платформы связаны не с одной коммуникативной фигурацией. В условиях «волны датафикации» техногиганты через цифровые платформы управляют колоссальным потоком

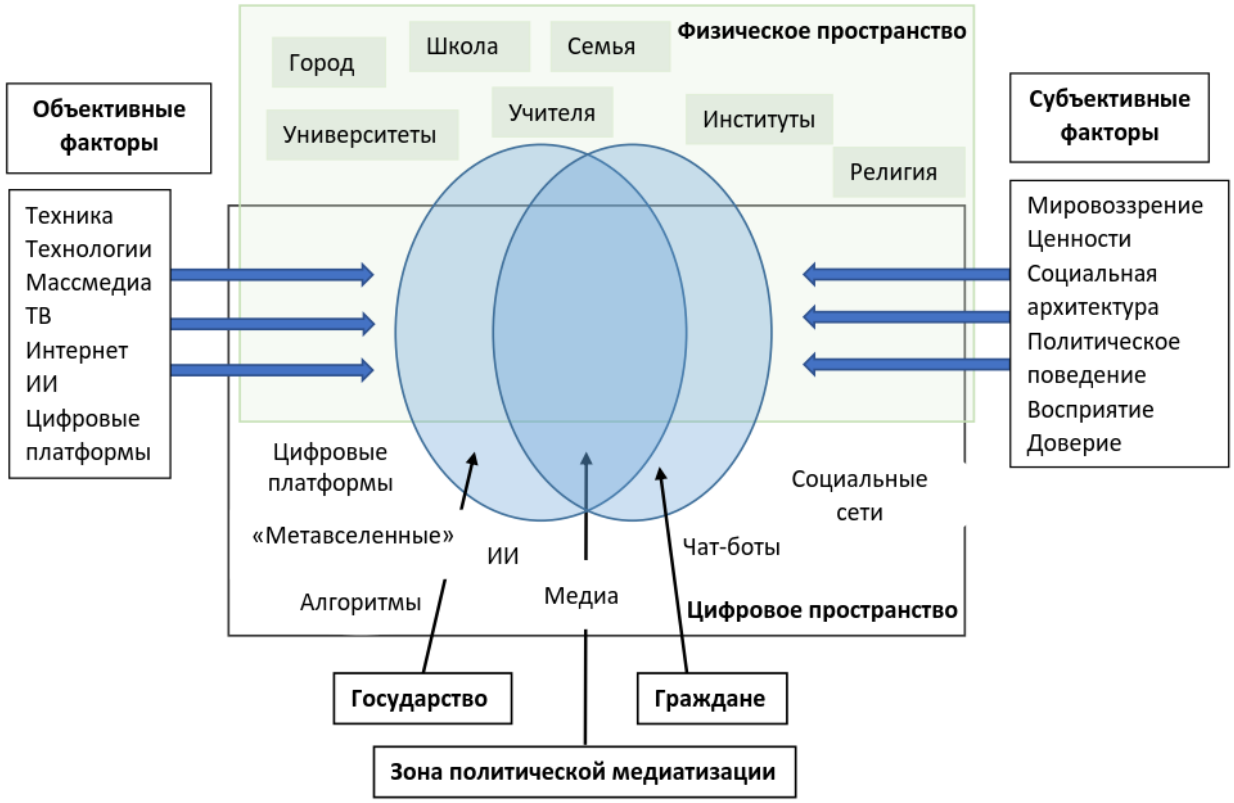
[1] См.: *Hepp. A*. Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020.

[2] См.: *Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017; *Ним Е.Г.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 417.

пользовательских данных, что позволяет им действовать в качестве субъекта политики и упорядочивать осуществление политической медиатизации.

Учитывая трансформационные процессы в политике вследствие возрастающего влияния медиа, в рамках диссертационного исследования была разработана концептуальная модель политической медиатизации, которая раскрывает взаимосвязи основных субъектов влияния в призме цивилизационно-конструктивистского подхода (см. рис. 1.2).

Рисунок 1.2. Концептуальная модель медиатизации политики

Политическая медиатизация нами будет пониматься как метапроцесс социополитического влияния на вертикальные и на горизонтальные властеотношения. Это может проявляться – в институционально-коммуникативном и в неформально-опосредованном аспектах с использованием релевантных медийных ресурсов.

Итак, политическая медиатизация, создает не только среду для коммуникационных процессов, направляя информационные потоки, но и формирует правила игры для всех участников политической коммуникации, которые приобретают таким образом политическую субъектность. Обращает на себя внимание тот факт, что подобный процесс обозначает смену парадигмы в коммуникации, связанной с перераспределением власти в современном обществе. С этой точки зрения медиатизация меняет структуру политического языка, ставит публичных людей в ситуации повышенного репутационного риска, повышает общую коммуникационную уязвимость цивилизационных основ.

Все это приводит к тому, что медиатизация оказывает на политику противоречивое воздействие: с одной стороны, увеличивает гибкость, адаптивность и интерактивность политических процессов, тогда как с другой – способствует росту медиатизированных конфликтов, которые, при определенных обстоятельствах, ведут к социальной и политической напряженности, дестабилизируя устоявшуюся политическую систему.

1.2 Этапы медиатизации политики: исторический аспект

Традиционно процесс медиатизации рассматривается в призме развития и внедрения различных информационных средств и технологий в общественные и политические процессы. В рамках настоящего исследования мы предлагаем анализировать медиатизацию шире: как опосредование в общественных и политических процессах в ретроспективе. Такая точка зрения способствует: *раскрытию архитектуры политических процессов, операционализации властеотношений между субъектами в разные исторические периоды, определению особенностей взаимодействия политических воль, конструирующих политику общества.*

При этом будем использовать подход, предложенный Б.И. Пружининым, согласно которому реконструкция событий прошлого как целенаправленная

интерпретативная стратегия «позволяет исследователю избежать психологизма: погружаясь в реконструируемую реальность, он прежде всего рефлексивно фиксирует свои представления, чаяния, интуиции и методологические убеждения и сопоставляет их с существующими в истории трактовками, выраженными либо участниками события, либо историками. Такой подход открывает дополнительные возможности для выявления значимого событийного контекста и включает исследователя-гуманитария в живую историю познания»[1].

В этой связи понимание медиатизации как процесса опосредованного взаимодействия между гражданами и властью может быть продуктивно применено к изучению античных и средневековых обществ. В условиях отсутствия массовых коммуникаций и централизованных бюрократических систем ключевую роль здесь играли посредники – институциональные и персональные агенты, обеспечивавшие передачу информации, артикуляцию интересов, поддержание социального порядка и ценностного поля конкретного общества. Основными способами медиатизации в древневосточных обществах были визуальные (сакрализация правителя, издание писанных законов, монументальная архитектура, грандиозные постройки, статуи) и символические (религиозные праздники, ритуалы, церемонии) каналы связи власти с подданными. В античности медиатизация проявлялась в различных формах: от религиозных оракулов и народных собраний до клиентелы и дипломатических посольств. В Средние века ее функции взяли на себя церковь, сословные представительства и городские коммуны. Анализ этих практик позволяет проследить эволюцию политической медиатизации, механизмов легитимизации власти и

[1] *Пружинин Б.И., Ажимов Ф.Е., Бендерский И.И., Даценко П.А., Загуменнов А.В., Кажаева Н.А., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Ратушина Д.В., Сабанчеев Р.Ю., Шушкина А.Г., Щедрина И.О., Щедрина Т.Г.* Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы “круглого стола” // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 8.

особенности конструирования социальной архитектуры в разные исторические периоды.

Античные модели медиатизации (посредничества)

В древнегреческих полисах медиатизация осуществлялась через институты прямой и представительной демократии. Ораторы (демагоги) выступали посредниками между народом (демосом) и властью, формируя общественное мнение посредством выступления в экклесии и судах.

Особую роль играли:

- Вестники (κήρυκες) – официальные глашатаи, передававшие решения властей гражданам.

- Жрецы и прорицатели – интерпретаторы божественной воли (например, Дельфийский оракул).

- Дипломаты – послы (πρέσβεις), обеспечивавшие межполисные коммуникации.

Несмотря на официальное оформление принципов прямой демократии в античных обществах, где решения народного собрания (господство воли большинства) обладали высшей формой власти, в реальности функционирование властеотношений в значительной степени опиралось на развитую систему влиятельных посредников. Классические философы, историки и политические деятели оставили ценные свидетельства о том, кто и как выполнял роль посредников.

Платон в своих диалогах «Государство» и «Горгий» описывает демагогов как ложных посредников. Древнегреческий философ выступает с конструктивной критикой в адрес демагогов (таких, как Алкивиад), считая, что они искажают волю народа в угоду личным интересам. К примеру, Платон указывает, что демагог – это главная опасность демократии. А Горгий, в частности, утверждает, что даже в делах, касающихся здоровья, оратор приобретет у «толпы» больше доверия, чем искусный врач[1].

---

[1] См.: *Платон*. Диалоги / пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021.

Коммуникационные сложности в процессе познания реальности были поставлены уже Платоном в знаменитом «символе пещеры». Можно сказать, что в нынешнее время медиа представляет собой гиперболизированную платоновскую стену пещеры. Так, В.И. Буренко пишет, что платоновский миф пещеры раскрывает социально-политические функции мифа как средства массовой коммуникации и как средства манипуляции узниками пещеры со стороны тех, кто там, наверху «пещеры»[1]. Стена пещеры и тени, мелькающие на ней – это сегодня не что иное, как медиакартина, выполняющая функцию коммуникации между властью и обществом[2].

XXI век показывает, что интерпретация политических событий является важной составляющей легитимации власти. Властная интерпретация происходящих событий становится господствующей. Становясь участниками замкнутого коммуникационного процесса в какой-либо эхо-камере, индивиды получают возможность подкреплять свои убеждения и взгляды, не сталкиваясь с позитивными оценками альтернативных точек зрения либо некритически отвергая их. В данном отношении, будучи ограниченными в своем восприятии окружающего мира «информационными оковами», они как раз и напоминают обитателей «пещеры Платона», которые могут судить о том, что происходит за ее пределами, только наблюдая перед собой тени на стене[3]. «Прежде всего, – говорит Платон в своем мифе, – разве ты думаешь, что находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры? Эти тени, как и тени вообще, являются, по Платону, «смесью» света и тьмы, «смесью истины и лжи», абсолютно истинных идей и окутывающей их абсолютно непознаваемой материи. По аналогии с этим перечнем, можно сказать

---

[1] См.: *Буренко В.И.* Сознательное и бессознательное в политике (Платон и «пещерные люди») // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/741 (дата обращения 07.04.2026).
[2] Там же.
[3] *Грачев М.Н.* Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. №. 29. С. 48-50.

современным языком, что речь идет про феномен пост-правды (post-truth). Не случайно Платон говорит в своем мифе о ширме, «за которой фокусники помещают своих помощников»[1].

Метафора Платоновой пещеры в эпоху вездесущего ИИ обретает поистине пугающие масштабы, дополняю эволюцию медиа, о которой писал Кастельс. Однако если во времена Кастельса «тени на стене» (телевидение как основной канал коммуникации) создавались конкретными людьми (редакторами, режиссерами, ведущими), то сегодня ИИ и цифровые актанты способны превратить эту стену в индивидуализированную цифровую ловушку. Поэтому цивилизационная устойчивость переходит в категорию первостепенных политических проблем.

Аристотель в своем известном трактате «Политика» подчеркивал, что в демократических полисах ключевыми медиаторами выступали ораторы (демагоги) и стратеги, которые и конструировали политическое поле общества.

Согласно Аристотелю «…демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании»[2]. Они также артикулировали общественные настроения и низовые запросы. Так, в рамках своей деятельности ораторы конкретизировали общественное мнение в речах в Народном собрании; формулировали интересы влиятельных групп города; выполняли управленческую функцию контроля исполнения решений, выступаю связующим звеном между демосом и магистратами.

Более того, Аристотель приводит яркие примеры, когда демагоги, говоря современным политическим языком, нарушали политическую стабильность и способствовали смене действующих режимов. Как утверждал Аристотель, в

---

[1] *Платон*. Диалоги / пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021; *Буренко В.И.* Сознательное и бессознательное в политике (Платон и «пещерные люди») // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/741 (дата обращения 07.04.2026).

[2] *Аристотель*. Политика / пер. с греч. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 116.

демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться, а с другой стороны, натравливают на них народную массу. Правильность этого замечания можно было бы подтвердить многими примерами. Так, на Косе демократия пала, после того как там появились дрянные демагоги, а знать объединилась. То же самое на Родосе: демагоги взяли на себя управление государственными финансами и стали препятствовать выплате денег, задолженных государством триерархам; последние были вынуждены сплотиться между собой ввиду грозивших им судебных разбирательств и упразднить демократию. Упразднена была демократия и в Гераклее; тотчас же после основания этой колонии притеснявшаяся демагогами знать удалилась в изгнание, затем изгнанники объединились и, возвратившись, упразднили демократию. Подобным же образом упразднена была демократия и в Мегарах: демагоги изгнали многих знатных, чтобы иметь возможность конфисковать их имущество; изгнанников этих набралось много; вернувшись, они победили демократов в битве и установили олигархию. Демагоги, желая подольститься к народу, начинают притеснять знатных и тем самым побуждают их восстать, либо требуя раздела их имущества, либо отдавая доходы их на государственные повинности; то они наводят на богатых изветы, чтобы получить возможность конфисковать их имущество. У древних, когда демагог становился вместе с тем и военачальником, государственный строй переходил в тиранию; едва ли не большая часть древних тиранов происходила из демагогов[1].

В свою очередь, что Фукидид отмечал особую роль военных лидеров (таких как Перикл, которым он восхищался или Клеон, которого он, впрочем, ненавидел как демагога), ибо они имели стратегическое мышление и могли убеждать народ, а также послов (дипломатов), которые вели переговоры с

[1] См.: там же. С. 151.

другими полисами[1]. Действительно, феномен Перикла состоит в том, что по технологичности, а также по масштабу успеха он превзошел всех, кто правил в Афинах до и после него. При этом возникает еще один парадокс: в своей политической деятельности Перикл умудрился быть как «демагогом», так и «простатом» (посредником между народом и властью). В начале своей карьеры он был «демагогом» в классическом понимании этого слова, т. е. активно привлекал народ на свою сторону, покупая его в прямом и переносном смысле, а утвердившись у власти, вел себя уже как «простат», т.е. как харизматический лидер прошлых времен. Плутарх прямо указывает на эту перемену, когда говорит, что Перикл вместо «уступчивой демагогии» раннего периода «затянул песню на аристократический и монархический лад», умело управляя народом и обуздывая его[2].

В Древнем Риме медиатизация приобрела более формализованный и институционализированный характер. К ней можно отнести:

- Патронат и клиентелу – систему личной зависимости, в которой патроны выступали посредниками между клиентами и государством.

- Сенат и народные трибуны – институты, артикулировавшие интересы разных социальных групп.

- Императорскую канцелярию (officia) – в эпоху Римской империи она стала ключевым звеном между провинциями и центром.

Римские авторы не раз показательно высказывались о клиентеле и сенате. Так, Цицерон в трактате «Об обязанностях» (De Officiis) описывал медиатизированную систему «патронат и клитентела» как основу римской политики, где патроны (сенаторы) представляли интересы своих клиентов перед правителем и в судах, а народные трибуны выступали посредниками между аристократией и плебсом[3]. «Я же только могу посоветовать вам ставить

---

[1] *Фукидид.* История / пер. с греч. Г. Стратановского. М.: Издательство АСТ, 2022.

[2] См. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. / пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса. М.: Издательство «Э», 2017; *Харийс Т.* Перикл на все времена // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. №. 10 (53). С. 127.

[3] См.: *Цицерон М.Т.* Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., «Наука», 1993. URL:

дружбу превыше всех дел человеческих; ибо нет ничего более свойственного нашей природе и более ценного как в счастье, так и в несчастье»[1] писал Цицерон в философском трактате «О дружбе».

Полибий, автор знаменитого труда «Всеобщая история в сорока книгах» описывал своеобразный баланс посредников в Риме через различные элементы: консулат (монархический элемент), сенат (аристократический элемент), и народное собрание (демократический элемент). Именно поэтому Полибий особо выделял смешанную форму правления, которая может быть установлена только мудрым правителем-законодателем, а политическая стабильность сохраняется до тех пор, пока сенат, магистраты и народ контролируют друг друга[2].

Тацит в труде «Анналы» показывает императорский двор как центр опосредованной власти. С одной стороны, императорские вольноотпущенники могли влиять на возможность доступа к принцепсу (например, Нарцисс при императоре Клавдии), а с другой стороны преторианские префекты фильтровали информацию, поступающую к императору[3].

Между тем следует отметить, что ряд античных мыслителей высказывали и критические замечания о роли посредников, в частности о проблемах коррупции, злоупотребления властью и своеобразном популизме. Особенно ярко это отражено в трудах Аристофана, Плутарха, Саллюстия и Ливания. В частности, Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях», разбирая роль

---

https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775001&ysclid=mr5xomm469499393048 (дата обращения 10.06.2026).

[1] *Цицерон М.Т.* Марка Туллия Цицерона Лелий или О дружестве / переведено с латинскаго [Михаилом Павловым]. В Санктпетербурге : Печатано иждивением книгопродавца С.И. Шеля : типография Императорскаго Сухопутного шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1781. 70 с. URL: https://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/44161/1/0031902.pdf (дата обращения 12.02.2026).

[2] *Полибий.* Всеобщая история. Т. I (кн. I—V). М., 1890. Пер. с греч. и комментарии Ф. Г. Мищенко. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1445001000#2 (дата обращения 12.02.2026).

[3] *Публий Корнелий Тацит*. Анналы / перевод с латинского А.С. Бобовича. М.: ООО «Издательство Родина», 2023. URL: https://mybook.ru/author/publij-tacit/annaly-3/read/?ysclid=mr5y4gf78c81721959 (дата обращения 12.02.2026).

ораторов и военных вождей в качестве политических посредников в полисах, указывает, что несмотря на яркие примеры мудрых посредников (Перикл, Ликург, Цицерон), история знает примеры и беспринципных демагогов, льстецов и манипуляторов (Клеон, Алкивиад). В этом смысле истинный посредник по Плутарху проявляет себя как «философ на троне», а не как стяжатель, играющий на страстях толпы.

От трудов Аристотеля до сочинений позднеримских мыслителей можно проследить в мысль о важности политического баланса, при котором посредники не просто выполняют свои основные функции, но и сдерживают друг друга. Таким образом, уже античным мыслителям было понятно, что политические посредники – необходимый элемент городской социальной архитектуры. Крайне сложно представить себе управление античным полисом без посредников, которые выполняют информационную, коммуникационную и контролирующую функции. Современными исследователями отмечается, что до изобретения телефона, радио или даже переносной печатной машинки опосредованная коммуникация уже существовала в форме сарафанного радио… сведения об извержениях вулкана Везувия, об афинской чуме и о других древних бедствиях были получены благодаря передаче информации от соседа к соседу или от индивида к группе[1].

Идеи античных мыслителей заложили основы для понимания политического посредничества в последующие эпохи.

В поздней Античности и раннем Средневековье наметился переход к новым формам опосредования, функцию которых стали играть церковь и сословное представительство. Бесспорно, краеугольную роль в этом переходе сыграла церковь как значимый посредник между светской властью и паствой (епископы, зачастую, выступали ходатаями перед королями).

В Средние века медиатизация приобрела новые формы: на смену античным ораторам и сенаторам пришли священнослужители, феодальные

[1] См.: *Акимович Е.В.* История становления теории кризисной коммуникации // Научное мнение. 2015. № 7. С. 117-120.

сеньоры и влиятельные представители сословий. Властеотношения стали более сложными и многоуровневыми, а взаимодействие между правителями и подданными еще более опосредованным.

Со становлением папства (теория «двух мечей») в Западной Европе епископы стали обладать серьезным влиянием. Так, они могли выступать не только как ходатаи перед королями по насущным вопросам, но и судьями в церковных делах, а также, что имеет особое значение, являлись своеобразными информационно-коммуникационными посредниками, транслируя через проповеди решения властей и формируя мировоззренческую картину у паствы. К примеру, византийский монах М. Пселл описывает не только механизмы общения между индивидами и группами в типичных социальных условиях, но и некоторые общие моменты обмена информацией в условиях возникновения и развития социально-политических и духовных конфликтов[1]. В этот период монастыри становятся значимыми центрами знаний и дипломатии: аббаты часто привлекались для ведения переговоров между враждующими сторонами, а монахи-летописцы фиксировали данные события, формируя историческую память и параллельно с этим конструировали позитивный образ посредника.

Чтобы лучше понять систему посредничества в этот период, надо ответить на вопрос: что такое Средневековая Европа в политическом отношении? Это мозаика крупных и мелких феодальных владений. Основные действующие лица этой эпохи – властители феодальных владений, а основа политического порядка – это феодальная иерархия во главе с императором Священной Римской Империи. Схематично это можно изобразить так:

Император → короли → князья (принцы), герцоги графы и т.д.

Император, как глава феодальной иерархии, и ниже по списку – короли князья, принцы, герцоги, графы и т.д. Такая довольно сложная иерархическая

[1] См. подр.: *Иванов И.О.* О современном издании богословских сочинений византийского монаха Михаила Пселла – «Theologica» // Христианское чтение. 2016. № 5. С. 70-86.

система, сформировавшая принцип политической организации Средневековой Европы, просуществовала продолжительное время. Здесь отдельно следует упомянуть такие формы посредничества, как вассалитет (в рамках феодальной системы); суды, курии и ассамблеи (локальное посредничество); города, сословия, коммуны и цехи (новые агенты медиатизации).

Итак, в Средневековье церковь была главным, но отнюдь не единоличным посредником. Достаточно большое влияние оказывали новые центры силы в виде сословий и городов, которые способствовали ограничению власти монарха. Некоторые средневековые теоретики (Иоанн Солсберийский) также, как и античные мыслители, говорили о важности контроля над посредниками.

С развитием технологий, государственных институтов и общественных движений формы опосредованного взаимодействия между властью и обществом существенно изменились. Так, в эпоху Возрождения большую роль стали играть гуманисты и интеллектуалы (в частности, Эразм Роттердамский, Томас Мор, Бальдассаре Кастильоне), которые, зачастую, выступали советниками при дворах, где предлагали новые модели управления обществом и формировали кодекс поведения, опосредуя взаимодействие между правителями и аристократией.

Безусловно, колоссальным технологическим прорывом стало изобретение печатного станка Гуттенбергом, что способствовало широкому распространению книг. По сути, 1450 г. можно охарактеризовать как начало революции в способах коммуникации. Памфлеты, брошюры, книги способствовали распространению новых идей, светских концепций, смыслов Реформации (Мартин Лютер) и пр.

Важным отличием от предыдущих эпох стало то, что власть больше не была пронизана церковными постулатами и монополизирована церковью: на политической арене набирали вес светские люди – интеллектуалы и гуманисты.

Проблема существования в политике наряду с официальным центром власти многих полюсов силы и соответствующих им зон влияния различных политических агентов[1] была обозначена в трудах Макиавелли, Гоббса, Локка, Монтескье и Руссо. Во времена этих мыслителей начинается постепенное движение от парадигмы своего рода «государственного моноцентризма» в интерпретации политического поля к парадигме «социального полицентризма», включавшей в рассмотрение активной политики действия негосударственных и неэлитарных сил, движения социальных масс и формирование тех или иных сегментов гражданского общества[2].

Огромное значение для опосредованной коммуникации граждан с элитами имело издание газет. Принято считать, что первой печатной газетой в мире была «Relation» (более точно «Relation aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien», что переводится как «Известие о всех важных и значительных историях»), которую издавали в немецком Страсбурге с 1605 г. Газета выходила раз в неделю, а на страницах издания печатались известия о последних событиях, которые передавали в «редакцию» из различных источников. В самом начале 1609 г. Ю. Адольф стал издавать газету «Aviso», в которой публиковали новости из значимых городов того периода: Рима, Кёльна, Антверпена, Вены, Венеции и Праги. После этого развитие газетного дела стало набирать обороты, а «газетные люди» увеличивали свое влияние через трансляцию и интерпретирование важных новостей и политических сюжетов. Так, в 1610 г. своя газета появилась в Базеле, в 1615 г. – во Франкфурте, в 1617 г. – в Берлине, в 1618 г. – в Гамбурге и Антверпене, в 1621 г. – в Лондоне, в 1631 г. – в Париже, а уже в 1650 г. в Лейпциге стала издаваться первая ежедневная газета «Einkommende Zeitungen»[3].

---

[1] См.: *Федорова М.М.* Философия и политика // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 17–26.

[2] *Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения. Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 108

[3] См. *Stöber R.* Deutsche Pressegeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Herbert von Halem Verlag, 2025; *Pürer H., Raabe J.* Presse in Deutschland. UTB, 2007.

В России первая газета появилась в петровский период в 1702 г. Как отмечают А.Ю. Шутов и А.В. Топычканов, научная журнальная периодика неизменно и всегда выступала органической площадкой знакомства с состоянием научной мысли, апробации и демонстрации новых идей, развертывания научных дискуссий. Такая потребность стала в растущей степени осознаваться и в России с появлением в Москве в 1755 г. первого в стране университета. С момента открытия в университете была предусмотрена кафедра политики, и в скором времени в нем начали читаться соответствующие учебные курсы, публиковаться научные труды. В 1790 г. в Московском университете начал выходить в русском переводе ежемесячный «Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемых в Гамбурге Обществом ученых мужей». С 1795 до 1807 г. он носил название «Политический журнал», с 1807 г. по август 1809 г. – «Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света», а затем – «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света», с которым просуществовал до 1830 г. включительно. Его издателями были профессора университета П.А. Сохацкий, М.Г. Гаврилов, М.И. Невзоров и, наконец, адъюнкт А.М. Гаврилов. Со временем журнал перестал быть сборником переводных статей из европейских журналов, и в нем появилось больше оригинальных публикаций[1]. Интеллектуальный вес журнала подтверждается тем, что И.В. Гёте использовал его в качестве основного источника информации о политической и культурной жизни России, что подчеркивает системную значимость данного канала трансляции смыслов в то время.

В Новое время печать газет приобретает массовый характер и это означало то, что газета становится средством формирования общественного мнения. К примеру, такие известные издания как «The Times» или «Le

[1] *Шутов А.Ю., Топычканов А.В.* К истории и современному состоянию академической периодики в области политических наук (к 50-летию журнала вестник московского университета. серия 12. политические науки) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 7-28.

Moniteur universel / Gazette national» долгие годы вырабатывали мнение о текущих внутриполитических и внешнеполитических вопросах, а иногда эти площадки использовались в целях пропаганды правительственных взглядов (реже – для высказывания оппозиционных настроений). Как отмечает В.А. Гуторов, в Англии традиция независимой оппозиционной печати восходит к началу XVIII века, то есть к началу блестящей эпохи английского Просвещения, когда впервые премьер-министр Р. Уолпол санкционировал de facto свободу литературной полемики[1]. С тех пор «политические конфликты велись, пожалуй, больше через газеты, чем с помощью оружия, стратагем или Тауэра… Новое политическое сообщество черпало свою политическую философию только малыми дозами, которые проглатывались во время сидения в кофейне… Гнев и брань выплескивались на читательскую публику, и политические идеи этого периода можно встретить в газетах и памфлетах, чем в проповедях и философских трактатах»[2].

Именно в этот период появились неформальные внутриэлитарные общества, которые развивали новые коммуникационные стратегии и практики европейских политических элит, к примеру, парижские салоны и знаменитые британские элитарные клубы. Как отмечает профессор П. Кларк, клубная традиция заметно повлияла на британское понимание демократии как свободного представительства сообществ и ассоциаций в выборных законодательных органах. Сегодня эта традиция нашла продолжение в культуре советников по особым вопросам – spad’ов (от «special advisor»), которые формируют вокруг министра или другой публичной фигуры нечто вроде закрытого клуба или влиятельного круга, а также она способствовала сращиванию политической и финансовой элиты во второй половине XX века[3].

---

[1] *Гуторов В.А.* СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 2) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 121.

[2] Там же. С. 121; *Kramnick I.* Bolingbroke and his circle: the politics of nostalgia in the age of Walpole. Cornell University Press, 1992.

[3] *Бодрунова С.С.* Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. С. 25

Данная британская традиция сохранилась и в дальнейшем. Примером такого постоянно действующего клуба, который весь XX век был think tank'ом (мозговым центром) Рабочей партии, может быть Фабианское общество. В конце XX века его членами являлись Тони Блэр, Гордон Браун, Патриша Хьюитт, Дэвид Бланкетт, Джек Стро и другие видные члены британского истеблишмента.

Безусловно, отдельного внимания заслуживает вопрос становления представительной демократии и парламентских систем на определенных фундаментальных принципах и основах организации власти в обществе. На сегодняшний день существует солидное количество научных работ по этой проблематике[1]. Следует признать, что становление институтов представительной демократии стало возможным с появлением регулярных стабильных каналов опосредованной коммуникации, прежде всего периодической печати. В этом контексте медиа проявили себя как ключевой социальный институт, обеспечивающий устойчивую связь между властью и обществом. Периодическая печать обеспечила необходимую информационную плотность и связность между представителями и представляемыми, способствуя медленной трансформации политического пространства из локального в общегосударственное.

Именно с этого момента можно говорить о важных изменениях в медиатизации:

1. Медиатизация и политическая коммуникация становятся массовыми.
2. Опосредование, пройдя стадию институционализации, стало неотъемлемой значимой частью политических процессов. Появились институты – партии, парламенты, СМИ, элитарные клубы.

---

[1] *Pitkin H.F.* The concept of representation. University of California Press, 2023; *Manin B.* The principles of representative government. Cambridge University Press, 1997; *North D.C., Weingast B.R.* Constitutions and commitment: the evolution of institutions governing public choice in seventeenth-century England // The journal of economic history. 1989. Т. 49. №. 4. P. 803-832; *Stasavage D.* The decline and rise of democracy: A global history from antiquity to today. NJ: Princeton University Press, 2020; *Mair P.* Ruling the Void: The hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013.

3. Произошла кристаллизация политической функции СМИ как посредника, легитимизирующего складывающиеся властеотношения через механизмы публичного дискурса.

Вполне естественно, что процесс медиатизации поэтапно развивался и трансформировался вместе с институционализацией масс-медиа и появлением новых средств и способов массовой информации и коммуникации. Возникновение и распространение первых печатных СМИ (газет, журналов, брошюр) – стало отравной точкой формирования данного процесса. Появление массовой пропаганды во время Первой мировой войны, развитие радио как мощного канала распространения массовой информации значительно повлияло на политические процессы. В XX веке СМИ приобретают все возрастающее значение, появляются новые формы массовой коммуникации – электронные (телеграф, радио, телевидение), поэтому процесс медиатизации усложняется, проникая во все сферы жизнедеятельности человека[1].

Следует отметить, что в XX веке в полях «традиционных» СМИ политические акторы появлялись ситуативно, оказываясь особенно зависимыми от времени выхода теле-, радиоэфиров и тиражей периодических изданий, отводимых хронометража и программной политики конкретных медиа. Вместе с тем процесс перестроения повседневности начала печатная газета («газета к завтраку»), затем радиовещание («утренняя зарядка»), однако наиболее заметно это проявилось в связи с распространением телевидения («вечерний прайм-тайм» стал не только потреблением ужина, но и того эксклюзивного контента, который готовят медиаконтролеры для своей аудитории в период ее максимальной концентрации (19:00-22:00))[2].

---

[1] См.: *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. №. 3. С. 176-185; *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Медиатизация антикоррупционной политики: теоретический анализ // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 123-135.

[2] *Ефанов А.А*. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе : социокультурная концептуализация : дисс ... доктора философских наук : Белгород, 2023. С. 169.

Важной вехой стали исследования печатных СМИ и медийных картинок У. Липпманом. Он одним из первых указал на разрыв между объективной реальностью и сформированной медиа оптикой восприятия происходящих событий в голове конкретного человека. В частности, в своей работе «Общественное мнение» ученый пишет: «Если на газеты должна быть возложена обязанность истолковывать всю публичную жизнь человечества таким образом, чтобы каждый подросток мог иметь мнение по любому спорному вопросу, они неминуемо потерпят неудачу, и легко предположить, что в будущем они постоянно будут теперь фиаско»[1]. По Липпману, путь к спасению прессы лежит через признание ограничение человеческого познания (отказ от иллюзии «всезнающего» гражданина) и передачу функций анализа экспертным сообществам и профессиональным исследователям. Соглашаясь с В.А. Гуторовым, отметим, что в настоящее время можно вполне безоговорочно утверждать, что замечания Липпмана в такой же мере относятся к эпохе телевидения и цифровых платформ, в какой они верно отражали в начале XX века роль прессы[2].

Поэтому в этой точке медиатизация приобретает определяющее значение. Она позволяет объяснить, что современный человек взаимодействует не с «публичной жизнью» как таковой, а с ее технологически опосредованным образом. В этом контексте медиатизация перестает быть просто способом передачи информации и становится онтологическим условием политики, поскольку именно она берет на себя функцию структурирования того хаоса публичной жизни, о неразрешимости которого писал Липпман.

Значительный вклад в этом вопросе внесли представители Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.). Неслучайно исследователи через широкое просвещение и образование масс рекомендовали разрушить идеологический контроль, «ложную идентичность»

---

[1] *Lippman W.* Public Opinion. N.Y.: Macmillan, 1992. P. 361.

[2] *Гуторов В.А.* СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 2) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 133.

социума, навязанную традиционными СМИ и прежде всего телевидением. По их мнению, при ослаблении влияния ангажированных медиа система сама себя разрушит. К примеру, Г. Маркузе писал о медиатизации политики как о процессе перехода «технологической рациональности в политическую». По Г. Маркузе технологическая рациональность приводит нас к ситуации, когда элиты способны создать и сконструировать одномерное виденье мира, упрощая реальные процессы, навязывая необходимую систему ценностей и манипулируя сознанием широких масс[1].

До появления концепции коммуникационного процесса Г. Лассуэлла исследователи исходили из принципа, что массовая аудитория в целом пассивна и безынициативна, а тот, кто управляет СМИ, управляет обществом, трансформирует установки и мысли масс. Данный подход получил название теории «волшебной пули» или «подкожной иглы». Считалось, что в определенных условиях воздействие СМИ, пропагандистская информация подобно пуле точно попадает в «цель», то есть актуализируется обществом, что вызывает предсказуемую обратную реакцию масс[2]. Однако мир нелинеен и медиатизированные политические процессы слишком сложны, а для анализа опосредованных практик особое значение имеет интерпретация результативности коммуникации, а также отделение информационного потока (иногда сопровождающего большим количеством шумов) от медиатизации.

Значительное внимание Лассуэл уделял мифам, знакам и образам, и, мы можем сказать, что это является неотъемлемой (часто латентной) частью процесса политической медиатизации. Указанные элементы окрашивают политические события и придают эмоциональное наполнение, что, в последствии, может выливаться в масштабные массовые акции.

Таким образом, медиатизация политики ориентирована на диффузное навязывание медиа собственного подхода восприятия политических событий

---

[1] См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.
[2] См.: *Lasswell H.* Propaganda, Communication and Public Order. Princeton University Press, 1946.

(П. Бурдье, Н. Луман, К. и Г. Лэнг). Иногда такое ощутимое влияние приводит ровно к обратному процессу – деполитизации, т.е. процессу потери теми или иными субъектами политических качеств. По сути, деполитизация – это политическая стратегия, основной целью которой является формирование аполитичного коммуникационного пространства. В деполитизированном коммуникационном пространстве особую значимость приобретает коммерциализация отношений, соответственно, политические отношения пронизываются финансовой составляющей и неолиберальной культурой консьюмеризма. Деполитизация медиа направлена на снижение возможности граждан обсуждать политически значимые вопросы и осуществлять по их поводу политический выбор, при этом реальная активность мимикрируется актами медиапотребления[1].

Нужно заметить, что после начала информационной революции медиатизация переходит на качественно новый уровень. Отсюда важным вопросом становится управление процессом вовлечения и внедрения медиа в политические события, а также предугадывание позитивных и/или негативных последствиях медиатиазации политики. И в этом смысле закономерно то, что участие медиа в процессах, прямо или опосредованно связанных с властью, рассматривается как комплекс явлений, обладающий серьезным потенциалом, названный «медиакратия»[2]. В научной литературе встречаются три основных подхода к интерпретации медиакратии, рассматривающие ее:

- как «власть медиа», то есть, подчинение политики СМИ медийной логике (этимологический подход). Этот подход особо популярен в

[1] См. подр.: *Филиппова Л.Е.* "Политизация" vs" деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука. 2018. №. 2. С. 95-115.

[2] См.: *Blumler J. G.,* Gurevitch M. Americanization Reconsidered: UK-US Campaign Communication Comparisons across Time// Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy/ed. by W. L. Bennett, R. M. Entman. Cambridge, 2000. P. 380-403; *Phillips K.P.* Mediacracy: American parties and politics in the communications age. New York, 1975; *Пую А.С. и др.* Медиакратия: современные теории и практики. Автономная некоммерческая организация "Издательство Санкт-Петербургского государственного университета", 2013; *Бодрунова С.С.* Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. №. 3. С. 203-215.

англоязычной среде и рассматривает медиакратию как власть СМИ. Здесь важно отметить несколько положений. Во-первых, медиа признаются автономными и самым главным игроком в публичном пространстве, поскольку обладают одновременно огромным потенциалом влияния и способностью уходить от контроля общественности. Во-вторых, медиа обладают эффектом «вытеснения» политики из поля принятия решений и замещения в нем политики агентами медиа, подрывом легитимности политического поля посредством нескольких, казалось бы, не самых значимых медиаэффектов (эффект «злого мира», «эффект правящего лидера», «эффект перемотки», «эффект выгорания политического дискурса» и пр.). В-третьих, отмечается усиление роли медиакорпораций и владельцев медиа в современных политических процессах;

- как «власть посредством медиа», то есть, активное взаимодействие и взаимовлияние политики и СМИ на всех уровнях с возможностью формирования медиаполитических элитарных структур (маркетинговый подход). В рамках данного подхода медиакратия рассматривается как новый вид политики – как политика, принципиально осуществляемая через посредника; медиакратия – как сращение политических и медийных инструментов в сфере интересов и коммуникации, путем такого сращивания посредник становится аффилированным. Механизмов сращивания несколько: неформальные взаимоотношения, формирующиеся в процессе политической коммуникации между политиками и журналистами/редакторами/блогерами; субъекты влияния в медиа и владельцы медиакорпораций; инструменты ИИ и цифровое конструирование общественной поддержки и пр.
- как «власть медиакорпораций», то есть симбиотическое сращивание политики и медиа, что приводит к возникновению глобальных медиакорпораций, непроницаемых для сторонних индивидов и структур (глобалистский подход).

Несмотря на то, что термин медиакратия использовался достаточно давно, саму концепцию «медиакратии» предложил в начале XXI века Т.

Майер[1]. В российский политический язык понятие медиакратии ввел А.И. Соловьев, который отмечает, что самым серьезным по своим политическим последствиям результатом медиакратизации власти в российском государстве и обществе стали подвижки в политической культуре и механизмах идентичности граждан. Это особенно важно потому, что культурные стереотипы и нормы политического общения определяют те рамки, в которых формируются массовые интерактивные связи и смысловые контакты широких социальных аудиторий, воспроизводятся общепризнанные оценки политики и власти и складывается отношение граждан к ним[2]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Однако следует отметить, что в российской действительности наблюдается дисбаланс в плотности медиатизации власти. Об этом будет сказано ниже.

В этом контексте нельзя не отметить цикл работ С.С. Бодруновой[3] по медиатизации и медиакратии в России. Она исходит из иных посылок, нежели сторонники теории медиатизации на Западе. Так, Бодрунова говорит про медиалогику, но отдает предпочтение либеральной модели рассмотрения публичной сферы, согласно которой медиа являются лишь посредниками, не обладающими собственной логикой[4]. Либеральная модель предполагает, что в рамках публичного пространства взаимодействуют различные группы и индивиды, обладающие собственными интересами, а социальные медиа транслируют их запросы без существенных искажений. В этом смысле нивелируется роль самого посредника, что является сильным искажением действительности. При всей своей значимости, исследования С.С. Бодруновой

---

[1] *Meyer T.* Mediokratie–Auf dem Weg in eine andere Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2002. Vol. 15. №. 16. P. 7-14.

[2] См.: *Соловьев А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.

[3] *Бодрунова С.С.* Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России // Медиаскоп. 2014. №. 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1653 (дата обращения 12.02.2026); *Бодрунова С.С.* Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис … доктора политических наук : Санкт-Петербург. 2015.

[4] *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 153.

сконцентрированы на институциональной составляющей медиакратизации, а это приводит к тому, что культурологической традиции достается второстепенная роль. Однако, как мы видим, в современных реалиях социокультурные основания, система ценностей общества, духовно-религиозный опыт и цивилизационные особенности в целом являются важнейшими составляющими (а, зачастую, и определяющими), которые определяют направления развития медиапространства в целом. Достаточно привести высказывание С.П. Поцелуева о том, что медиакратия как «внутренний вирус может перекодировать политическую культуру демократий»[1]. Данный подход, на наш взгляд, целесообразно масштабировать. По всей видимости, медиатизация и медиакратия способны перекодировать политическую культуру в принципе, особенно, в цивилизациях с аморфными социокультурными основаниями.

Безусловно в современной науке параллельно развиваются многочисленные концепции, связывающие новые технологии и политические процессы. Между тем следует иметь ввиду, что комплексно медиакратия может проявляться на четвертом этапе медиатизации (по В. Шульцу).

Мы хотели бы сразу подчеркнуть важность цифровизации для развития и трансформации медатизированной политики. Особенно это стало явным при широкомасштабном распространении интернета и его внедрении в политические процессы.

Бесспорно то, что технологический облик современной цивилизации трансформируется невероятно быстро. За последние тридцать лет произошли компьютерная и посткомпьютерная революции. Они повлияли на общественное сознание и поведение, на всю систему социальных коммуникаций. Однако не успели новые технологии стать важной составной частью ключевых социальных институтов, как началась революция в области

---

[1] *Поцелуев С.П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества : дисс ... доктора политических наук : Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2010. С. 6.

развития ИИ и суперкомпьютеров. В отличие от компьютерной и посткомпьютерной революций, она способна не просто видоизменить устоявшиеся типы социальных отношений, но и радикально преобразовать саму природу человека. Причем, как полагают эксперты, одновременно природу и животную, и социальную[1].

Изменения биологической природы человека, под воздействием ИИ, связаны с такими идеями, как иммортализм, ноосферизм, трансгуманизм и многими другими[2]. Проблемные вопросы иммортализма, которые могут быть решены сверхинтеллектуальными машинами, цели, связанные с достижением социоприродной гармонии, за счет интеграции естественного и искусственного интеллектов, значительные улучшения умственных и физических способностей человека посредством современных решений науки и техники, – заставляют по-новому ставить и решать классические вопросы коммуникации в современном обществе.

К цифровым технологиям современного общества, значительно меняющим структуру и содержания моделей медиатизации, относятся следующие решения. Во-первых, интернет вещей, создающий в настоящем виртуальные копии физических объектов, отражающих многочисленные параметры окружающего мира, а в будущем способный обеспечивать взаимодействия вещей между собой. Во-вторых, дополненная реальность, конструирующая в реальном мире многочисленные объекты виртуального мира. В-третьих, виртуальная реальность, позволяющая людям полностью погружаться в цифровой мир, который реагирует как на простые, так и на сложные действия человека в нем. В-четвертых, машинное обучение, позволяющее заменить целый ряд важных специальностей ИИ. В-пятых, робототехника, создающая условия для функционирования

---

[1] Artificial intellect. Survey of Scientists Finds A Stability of Faith in God. URL: https://www.nytimes.com/1997/04/03/us/survey-of-scientists-finds-a-stability-of-faith-in-god.html?sec=&spon=&pagewanted=all (дата обращения 15.01.2026); Навстречу «цифровому обществу»: Экспертные оценки и прогнозы. М.: Наука, 2019.

[2] См. подр.: *Турчин А.В., Батин М.А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? 2-е издание (электронное). Москва: Лаборатория знаний, 2014.

автоматизированных производственных и логистических сетей, где все процессы коммуникации происходят между роботами. В-шестых, ставшая востребованной в последние несколько лет 3D-печать, которая вызвала революцию в экономике, изменила представление общества о производстве и методах управления ими. В-седьмых, системы сбора и управления большими данными, которые дают недосягаемые ранее возможности представителям власти, которые могут быть использованы ими для более эффективного управления общественными процессами.

Эти и другие цифровые технологии современного социума, совместно применяемые в различных сферах общественной жизнедеятельности, создают синергетический эффект. Он, в свою очередь, способствует быстрому изменению жизни человека, исчезновению старых и созданию новых профессий, технологизации рутинных экономических процессов, изменению системы управления государством и обществом, трансформации моделей взаимодействия граждан и власти, «деформации» ключевых социальных институтов и появлению новых норм, правил и принципов их функционирования.

Цифровые технологии, становясь продолжением не только базовых социальных институтов, но и самого человека, предъявляют целый комплекс требований к индивидам и социальным группам современного общества. А именно, от них требуется постоянное повышение уровня цифровой креативности; критического мышления, позволяющего осуществлять фильтрацию информационных потоков, пронизанных фейками и пропагандой; совершенствование навыков разграничения личного и социального пространств, реальных и цифровых миров и др.

Одновременно с повышением требований к человеку цифровизация создает ему новые условия. Она открывает многочисленные социальные лифты в политической, социально-экономической и духовной сферах, способствует максимальному удовлетворению его потребностей в информационном контенте, конструирует условия для высвобождения его

свободного времени за счет автоматизации значительного числа социально-экономических процессов, повышает уровень его социально-политической активности за счет создания современных моделей политического участия, создает возможности для дальнейшего развития его коммуникационных навыков в сетевой реальности.

Технологизация и информатизация моделей информационного обмена в различных общественных сферах трансформирует их структуру и содержание как на теоретическом, так и на практическом уровнях.

Трансформации способов медиатизации на практическом уровне происходит в рамках технологического и содержательного направлений. Первое, подразумевает постоянное изменение каналов коммуникации за счет разработки и внедрения новейших средств передачи данных. В политической сфере это проявляется в создании цифровых платформ оказания государственных услуг населению, в экономике – в конструировании производственных цепочек с минимальным участием человека, в социальной и духовной сферах – в выстраивании схем обмена контентом на основе технологий, дополненной и виртуальной реальностей. Второе направление, содержательное, охватывает коммуникационные модели новой сетевой реальности, которые характеризуются, с одной стороны, максимальной децентрализацией субъектов информационного обмена, с другой стороны, созданием масштабных баз данных пользователей сетей различных уровней.

В современном обществе медиатизация укоренилась как в повседневных, так и в социополитических практиках. Имплементация цифровых технологий в общественно-политическое пространство на протяжении многих лет обусловила постепенное конструирование новой медиатизированной политической реальности, существование которой уже представляется как данность технологического развития. Меняя алгоритмы и правила взаимодействия, медиатизация стала объективным процессом, интенсивность и масштабность развития которого не зависит от коннотаций окружающей среды и степени его принятия.

Поиск предметного начала, обозначающего становление цифровизации[1] политики в качестве самостоятельного предмета для изучения, или же первоэлемента практической реализации цифровизации политики как процесса требует осмысления истоков концепта, прошедшего в своем становлении ряд этапов.

Первый этап, охватывающий приблизительно конец XX в. – начало XXI в., можно охарактеризовать как зарождение и начало первых практик применения цифровых технологий (1990-2005 г.). В этот период происходит становление цифровых технологий поколения Web 1.0 – активное развитие интернета способствует масштабированию процессов онлайн-коммуникации, появляются первые политические веб-сайты, электронные письма становятся базовым инструментом для онлайн-коммуникации. Практическое применение происходит в рамках активно развивающейся концепции электронного правительства (далее – ЭП). Именно на этом этапе в большинстве развитых стран мира произошла институционализация политического интернета. Пройдя стадию институционализации, политический интернет претерпевает качественные изменения: хаотические и случайные взаимодействия субъектов политики трансформируются в устойчивые связи акторов, формирую новый медиатизированный каркас.

Важной вехой развития стало осмысление процесса цифровизации политики в период появления и развития новых медиа и первых платформ

[1] Сам термин «цифровизация» впервые ввел в употребление в 1995 г. Николас Негропонте, американский исследователь из Массачусетского технологического института. В своей книге «Being Digitall» Н. Негропонте сравнивает атомы и биты как мельчайшие частицы соответственно материального и цифрового мира. По его мнению, то, что сложено из атомов, рано или поздно можно будет сложить и из битов. Цифровизация при таком подходе – это перевод в цифровую форму всего многообразия материального мира. По сути, это то, чем на протяжении веков занимались и продолжают заниматься наука, философия, искусство, – описание всеми имеющимися средствами того, что дается человеку в ощущениях, стремление зафиксировать некую осознанную данность. Цифровые технологии универсализируют прежнее разнообразие доступных средств (язык, аудиовизуальные инструменты и др.), а потому и позволяют конструировать параллельное реальному цифровое (виртуальное) пространство.

(2005-2016 гг.). В рамках этого второго этапа, вследствие перехода к технологиям Web 2.0 реализуется рост возможностей медиатизированных практик. Цифровые платформы становятся популярным и доступным инструментом для взаимодействия пользователей, формирования дискурса и влияния на повестку дня. Государство активно использует цифровые ресурсы, а имеющийся опыт имплементации цифровых технологий в политико-управленческой области демонстрирует, что во многих случаях препятствиями являются не столько финансовые и инфраструктурные трудности, сколько политические.

Что же касается цифрового изменения институционального ландшафта политической медиатизации, то надо отметить тот факт, что старые институты, методы коммуникации уже не соотносятся с новыми условиями и темпом жизни, что приводит к общей деполитизации. С другой стороны, эта проблема способствовала активному поиску новых форм опосредования.

Расцветом цифровизации политики становится третий этап, отправной точкой которого можно условно обозначить год провозглашения перехода к цифровой эре (2016 г.). Начало отделения исследований цифровизации политики в качестве самостоятельного предмета оформлялось по мере развития и внедрения цифровых технологий и окончательно произошло лишь на данном этапе, который все еще находится в процессе развития. Эти процессы связаны с применением в политическом поле таких технологий, как ИИ, большие данные, блокчейн, а также появлением новых концепций, среди которых значимое место принадлежит концепциям цифрового правительства и «метавселенных» как важным элементам нового типа посредничества.

Можно утверждать, что в настоящее время проблематика модификации политики, включая структуру, содержание и особенности политической системы и входящих в нее институтов, вследствие применения цифровых технологий, является центром научных исследований различных предметных областей. Несмотря на актуальность проблематики, вопросы определения

точки отсчета начала цифровизации политики, этапы эволюции и концептуального оформления до сих пор являются предметом дискуссий.

Конечно, в современном мире технологические изменения, затрагивающие различные сферы общественной деятельности, происходят стремительно. За последние два десятилетия произошло несколько масштабных революций в сферах мобильной связи, передачи данных, интернет-коммуникаций и др. Данные изменения инициировали фундаментальную парадигмальную трансформацию личной и общественной жизни, сопоставимую по масштабам с антропологическими сдвигами. В свою очередь, темпы и масштабы технологических трансформаций актуализируют проблему цивилизационной устойчивости, ставя под вопрос сохранения традиций, языка и других уникальных культурных явлений в условиях «цифровизации всего» (digitalization of everything). В рамках цивилизационно-конструктивистского подхода тотальная унификация глобального информационно-коммуникационного пространства проявляется как беспрецедентный исторический вызов, ответ на который требует от обществ не просто адаптации, но и выработки ценностно-ориентированных стратегий, способных противостоять энтропии техносферы. Новые коммуникационные схемы, связывающие меняющиеся институты, подвержены влиянию многочисленных факторов, в число которых входят, в частности:

технологические, вызванные революцией в сфере развития современных технологий передачи данных и возможностями ИИ;

социальные, которые проявляются в том, что развитие моделей современной коммуникации является продолжением самого человека или социальной группы, представителем которой он является;

политико-правовые, основанные на прогнозах о том, что «роботы», уже в ближайшее время, могут заявлять о своих правах и в последствии их получить[1];

[1] См. подр.: Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно этические стандарты применения автономных роботизированных технологий

аксиологические, связанные с мировоззренческими установками, социокультурными основаниями и этическими нормами, которые будут закладываться в ИИ.

Как мы видим, цифровизация дала и дает серьезный толчок развития медиатизированных форм политики. В настоящее время информационное взаимодействие политических субъектов друг с другом и с окружающей средой (по Г. Алмонду) приобретают невиданные масштабы коммуникации, что приводит к формированию качественно новых неиерархических коммуникационных структур и практик, обладающих способностью к самоорганизации. Некогда актуальное маклюэновское выражение «Средство коммуникации есть сообщение» («The medium is the message») сегодня приобретает новый смысл – средство коммуникации является не только самим сообщением, но и конструктором медийной среды, контента, то есть, в медиатизированном мире особое значение приобретает упаковка, в которой информация попадает в медиа. Как следствие, динамизм политической медиатизации приводит к конвергенции классических и новых медиа, посредством поэтапной «переупаковки» контента.

Цивилизационно-конструктивистский подход позволяет выявить нетехнические ограничения подобной «переупаковки». Так, при переупаковке сложного политического контента (аналитические статьи, экспертные мнения) под форматы социальных сетей (Reels, Shorts, TikTok) происходит их неизбежная примитивизация. Быстрый контент имеет яркий и продуманный дизайн, но, к сожалению, выхолащивает содержание, не позволяя транслировать значимые идеи и смыслы. Более того контент, содержащий специфические цивилизационные смыслы может принудительно пессимизироваться алгоритмами ИИ, потому что будет «окрашен» как «неинтересный», «скучный», «слишком традиционный для аудитории», «несоответствующий принятым нормам» и пр. Здесь идет речь о проблеме

и аппаратов: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. М.: РИОР, 2020.

цифровых конфликтов между государствами и платформами, о которой будет специально сказано в третьей главе диссертации. Еще одна сложность заключается в темпоральном разрыве – события в медиа живут короткими циклами, что ограничивает возможность репрезентации долгосрочной стратегии. Мы видим, что перманентная адаптация контента под стандарты глобальных платформ опасна тем, что форма начинает диктовать содержание. И в этом смысле, как нам представляется, в данном аспекте важно опираться на преимущества и возможности, которые заложены в ценностных основаниях, в цивилизационных параметрах России как государства-цивилизации.

С момента распада советской системы отечественные медиа основательно изменились: на организационном уровне совершен переход редакций от вертикальной (партийной) к горизонтальной (коммерческой) структуре; на технологическом – произошло вовлечение новых технологий коммуникации; на профессиональном – изменились способы и технологии работы журналистов, блогеров, просьюмеров, специальных корреспондентов. Если на организационном уровне изменения были обусловлены переходом страны к рыночной экономике, то на технологическом и профессиональном уровнях они стали следствием адаптации общественно-политических процессов к медиатизации. Все это привело к тому, что эпоха традиционных способов политической коммуникации не столько завершена, сколько исчерпана. Глобальные изменения в современном обществе способствовали последовательному «избавлению» от коммуникационных монополий: монополии на платформу, монополии на повестку дня, монополии на доступ к аудитории, монополии на информационные поводы и т.д.

Платформы ИИ – одна из ключевых технологий, определяющих современное развитие общества. Интеграция ИИ во все сферы жизни, включая политику и культуру, несомненно, вызывает множество сложных этических и политических вопросов. Ведущие технологические корпорации (Google, OpenAI, Microsoft, Apple, Baidu, Tencent, Яндекс, Сбер и др.) начали активное

развитие технологий ИИ. Важно, что среди них есть и отечественные компании. ИИ имеет потенциал оказывать влияние на ценностные установки и политические нормы, принятые в обществе. На сегодняшний день уже можно видеть, как ИИ используется для рекламы, манипуляций, формирования повестки дня и даже для принятия политических решений. Это вынуждает ставить вопрос о том, какие ценности и принципы должны ложится в основу ИИ, и как общество должно реагировать на эти вызовы. Так, С.В. Володенков акцентирует внимание на том, что разработанные на сегодняшний день технологии ИИ и алгоритмы самообучающихся нейронных сетей уже демонстрируют возможности успешного и при этом, по сути, самостоятельного общения с человеком, используя для этого анализ массивов пользовательских цифровых данных и последующего самообучения. При этом технологии ИИ и нейросетей не только развиваются и эволюционируют – они интенсивно внедряются в актуальную практику массовых цифровых коммуникаций, проникая во все больший спектр сфер жизни современного общества[1].

В целом нужно заметить, что технологическое развитие спровоцировало медиатизацию, в особенности, глубокую медиатизацию, выдвинув на первый план технически-инфраструктурный аспект. Однако такое упрощение будет ошибочным, поскольку медиатизация, оказывая воздействие на политические институты, способствует формированию новых социально-технологических решений («swarms/рои», «биоцифровое сближение», городские «платформы участия», партиципаторное бюджетирование и т.д.).

Важно, однако, отметить, что несмотря на большое количество работ, посвященных внедрению медиатизации в политику, расширению и углублению ее действия и, даже, зависимости некоторых политических практик от логики медиа, в настоящее время фиксируется тенденция к

[1] См.: *Володенков С.В.* Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 339-350.

ослаблению медиатизированной политики на самом высшем уровне политического управления. В подтверждении данного тезиса приведем несколько примеров. Во-первых, современные платформы строят свои цифровые экосистемы, конкурируя друг с другом и не проявляют большой спешки к объединению и координации. Конкуренция ярко проявляется как между национальными IT-гигантами, так и внутри рынка самих медиакорпораций. Как видится, в связи с усложнением геополитической реальности данная конкуренция будет только усиливаться. Во-вторых, наблюдаются попытки минимизировать посредничество со стороны государственных лидеров. Так, президент США Д. Трамп использует стратегию прямого обращения к гражданам («direct-to-consumer»), чтобы исключить традиционные медиа из информационно-коммуникационных цепочек. В качестве ярких примеров мы можем привести использование собственной социальной сети Truth Social (по состоянию на август 2026 г. у нее 13 млн. пользователей[1]) и подготовку адресных вирусных ИИ-роликов для онлайн-аудитории (к примеру, ИИ-ролики, где Трамп представлен как Супермен, Папа Римский, джедай из «Звездных войн», и мн.др.). В-третьих, так называемый «цифровой детокс», то есть, уменьшение времени, проводимого в онлайн, что приводит к снижению влияния медиатизации на внерабочее время. Подобные практики уже внедрены в корпоративные культуры некоторых зарубежных компаний – Volkswagen, Daimler, Henkel, L'Oréal. В России можно выделить Сбер (программы по культуре экологичного общения) и Росатом (доступ к некоторым ресурсам этой компании возможен только со стационарных компьютеров).

В связи с изложенным выше, политическую медиатизацию целесообразно интерпретировать как социополитический метапроцесс, определяющий

[1] Несмотря на то, что Трамп является самым популярным пользователем на собственной платформе, это число значительно меньше его аудитории в других социальных сетях. Однако представители администрации президента США – репостят сообщения Трампа в других социальных сетях.

формальные и неформальные правила игры, тем самым обуславливающий постепенную трансформацию мира политического.

Для подтверждения авторской исследовательской позиции и выдвигаемой концепции, следует выделить основные стадии медиатизации в политологической ретроспективе (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Периоды медиатизации в политологической ретроспективе

Исторический период	**Технологии медиатизации (опосредования)**	**Субъекты влияния при медиатизации (опосредовании)**	**Ключевые изменения**
Античность	Устная речь, риторика	Лидеры общественного мнения (ЛОМы)	Вербальные коммуникации
Средние века	Печатный станок. Распространение книг	Лица, принимающие решения – появляется иерархия субъектов, влияющих на медиатизацию	Печатные тексты
Возрождение	Развитие книгопечатания и массовых печатных изданий	Политическая власть – основной субъект. Роль монарха	Конкуренция светских идей с церковными
Новое время	Изобретение телеграфа, телефона, радио	Распределение ресурсов медиавлияния	Массовизация политики. Формирование общественного мнения
Первая четверть XX в.	Развитие радио, фотографии и кинематографа	Новый уровень, повышение вариативности медиавлияния	Иерархические коммуникации. Политическая пропаганда
Вторая и третья четверти XX в.	Изобретение и широкое внедрение телевидения	Новая модель: медиасубъекты – аудитория	Создание образов. Игра с символами

Четвертая четверть XX в.	Развитие интернета	Хаотизация субъектности	Восстановление вербальной коммуникации на новой технологической основе
Первая четверть XXI в.	Создание социальных сетей, конвергентных медиа, «метавселенных», ИИ	Упорядочивание субъектов, конкуренция между ними	Кризис доверия к институтам власти и медиа. Неиерархические коммуникации
Вторая четверть XXI в. (прогноз)	Генеративный ИИ, квантовые компьютеры, нейроинтерфейсы, генеративные медиа	Социальные архитекторы	Алгоритмическая пропаганда. «Метавселенные» и синтетические личности. Гиперперсонализированные сети. Кибердиктатура

Без преувеличения огромный корпус работ – от трудов неомарксистов, критической школы 1940-60-х гг., леворадикальной критики и до правоконсервативной дискуссии о новых индустриях перераспределения общественного блага с помощью ИКТ, от классической теории медиаэффектов до демократических исследований интернета – посвящен вопросу сопротивления общества медиакратическим по сути тенденциям в современном политическом процессе[1]. Добавим к этому, что многие классики в своих работах писали о крайней затруднительности (зачастую и невозможности) общества противостоять влиянию медиа. Так, достаточно вспомнить «развлечения до смерти» Н. Постмана, «гиперреальность» Ж. Бодрийяра, «одномерного человека» Г. Маркузе. Список можно продолжать. Это важные работы, содержащие конструктивное зерно медиакритики. Однако на самом деле все не так просто. Сегодня мы наблюдаем новые

[1] См.: *Бодрунова С.С.* Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис … доктора политических наук : Санкт-Петербург. 2015. С. 168.

изощренные медиаполитические угрозы и вызовы. Стоит упомянуть некоторые из них: *цифровой популизм* (фокусировка на резонансных инфоповодах, которые можно «красиво» показать на экране смартфона, игнорируя реальные политические проблемы), *информационные капсулы* (объединение пользователей схожих политических взглядов вкупе с игнорированием иного мнения, а также мнения старшего оффлайн-поколения), *иллюзия участия* (дофаминовая подмена реального участия путем нажатия кнопки в приложении). Вместе с тем мы сегодня готовы утверждать, что давление медиаполитическим новациям компенсируется цивилизационной составляющей.

В этой связи нам кажется необходимым указать некоторые перспективные векторы сопротивления медиаполитическому воздействию на политические процессы, а именно:

1. *цифровой суверенитет и альтернативные национальные экоплатформы*. Государство как драйвер ограничения медиавлияния со стороны глобальных медиакорпораций. Это направление активно развивается. Так, государства стремятся создавать альтернативные цифровые платформы и ограничить так называемую «алгократию».

2. *нормы морали и нравственность как «антивирус».* Сопоставление политических действия и медиасобытий с цивилизационной матрицей. Общество обретает способность ассимилировать технологические новации, не теряя при этом своей духовной и политической самобытности.

3. *социокультурный вектор*. В своем максимуме здесь речь идет о гармонизации медийного воздействия. Суть этого подхода состоит в том, чтобы культурные паттерны стали доминировать над технологическими решениями, что приведет к иной модели медиапотребления. Во многом, этот вектор является утопическим, но может выступать в качестве корректирующего фактора.

4. *политическое просвещение и медиаобразование*. Внедрение в школах и университетах специальных курсов, посвященных медиаобразованию и

особенностям работы на цифровых платформах. Создание курсов повышения квалификации для широкой общественности.

1.3 Медиатизация политики в России как государстве-цивилизации

В современном политическом и политико-философском дискурсе концепту «цивилизация» во все большей мере отводится роль важнейшего инструмента, позволяющего реконструировать прошлое, расшифровать настоящее и определить дальнейшие перспективы самых различных государств и народов[1]. *Задача данного параграфа – раскрыть генезис политической медиатизации в России как государстве-цивилизации, выявить ее национальные особенности.*

Как указывает Ф. Бродель, «говорить о цивилизациях – значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных или приобретенных преимуществах»[2]. Проф. П.А. Цыганков точно отмечает, что цивилизация – это «прежде всего исторически состоявшаяся идея совместной жизни и ценностей, воспроизводимых во времени и пространстве»[3].

Первые лица государств, политики, ученые используют концепт «цивилизация» и цивилизационный подход для объяснения глобальных, региональных и даже локальных проблем различного содержания – от политических конфликтов до экологических катастроф и социогуманитраных вызовов. Так, в 2023 году В.В. Путин обратился с посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, где особо подчеркнул историческую важность и политическое будущее российской цивилизации: «…Россия –

---

[1] См.: *Бойцова О.Ю.* Политические функции «цивилизации» // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. №. 1. URL: 2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.11 (дата обращения 20.03.2026).

[2] *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с франц. Б.А. Ситникова. 2-е изд., испр. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. С. 33.

[3] *Цыганков П.А., Цыганков А.П.* Глобальность и самобытность: русская идея и международная теория в XXI веке. М.: Проспект, 2024. С. 183-184.

открытая страна и при этом самобытная цивилизация. В этом утверждении нет никакой претензии на исключительность и превосходство, но эта цивилизация наша – вот что главное. Ее нам передали предки, а мы должны сохранить ее для наших потомков и передать дальше… И здесь хочу сказать о характере нашего народа: его всегда отличали щедрость, широта души, милосердие и сострадание, и Россия как страна в полной мере отражает в себе эти черты. Мы умеем дружить, держать слово, никого не подведём и всегда поддержим в трудной ситуации, не раздумывая приходим на помощь тем, кто попал в беду»[1].

К риторике цивилизационного проектирования довольно часто обращались и обращается по сей день и политическая элита США. Президенты США от В. Вильсона до Д. Трампа не однажды указывали на особую роль своего цивилизационного проекта в решении ключевых вопросов международных отношений[2]. В 2014 году Б. Обама, выступая с трибуны ООН, заявил: «Некоторые могут не согласиться, но я верю в исключительность Америки – частично потому, что мы показали свою готовность, через принесение в жертву своей крови и достатка, защищать не только наши собственные интересы, но и интересы всех»[3]. Здесь есть прямая отсылка к распространению американских ценностей в разных регионах мира. А Д. Трамп, в феврале 2026 года во время выступления на совместном заседании Конгресса сказал: «Члены Конгресса и мои соотечественники американцы, наша нация вернулась, больше, лучше, богаче и сильнее, чем когда-либо прежде… 4 июля мы отметим два с половиной века свободы и триумфа, прогресса и свободы в самой невероятной и исключительной нации, которая когда-либо существовала на Земле»[4]. Президент Трамп явно говорит об

---

[1] *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565 (дата обращения 13.03.2026).

[2] *Горбачев М.В.* Цивилизационные основания политических проектов. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 66.

[3] Там же. С. 66.

[4] The New York Times. Full Transcript of Trump’s State of the Union Address. URL: https://www.nytimes.com/2026/02/25/us/politics/state-of-the-union-transcript-trump.html?ysclid=mmor2axwqv960726502 (дата обращения 13.03.2026).

уникальности американской цивилизации. Однако сразу возникает множество вопросов. Что такое «лучшая» нация? Что такое «возвращение» нации? Возможна ли равноценность разных цивилизаций, о которой говорили русские мыслители? Список вопросов можно продолжать до бесконечности.

В политическом дискурсе лидера КНР Си Цзиньпина также часто встречаются яркие высказывания относительно необходимости реализации *Инициативы глобальной цивилизации*. К примеру, на заседании рабочей группы Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпинь говорил о важности понимания истоков китайской цивилизации, что поможет строительству социализма с китайской спецификой и возрождению китайской нации, внося тем самым свой вклад в осознание единой судьбы человечества[1]. Однако, к примеру, в черной Африке, мягко говоря, настороженно относятся к конструированию *«китайской глобальной цивилизации»*.

Надо сказать, что идеи цивилизационного подхода встречаются и обсуждаются в африканских, азиатских, восточных и латиноамериканских обществах. К примеру, в Латинской Америке продвигается идея о самом католическом континенте мира, в Африке активно обсуждаются цивилизационные проекты, в основу которых положены две фундаментальные составляющие: вера в Бога, т.е. религиозная идентичность (*все люди сотворены Творцом и сотворены равными*) и земля предков, т.е. этногеографическая идентичность (*все люди вышли из Африки*). В частности, этому вопросу было посвящено выступление президента Африканского института свободы Ф. Ньямси (Мали) 5 декабря 2025 года на конференции «Социальная архитектура теория и практика социальных изменений», проходившей в Санкт-Петербурге.

Выявление и интерпретация разнообразных подходов к концепту «цивилизация», а также их исследование в контексте происходящих в

[1] Heightening Historical Consciousness and Strengthening Confidence in Chinese Culture Through the Study of the History of Chinese Civilization. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/Qiushi/2022-10/28/c_824108.htm (дата обращения 15.02.2026).

меняющемся мире политических процессов и явлений становится полем для научных и прикладных дискуссий. Ряд отечественных (М.Г. Делягин, В.Б. Павленко, В.И. Пантин) и зарубежных исследователей (И. Валлерстайн, К. Мияхара, Дж. Стиглиц, И. Сюнтаро, Ф. Фукуяма, И. Хо) говорят о цивилизации как о завершающем этапе строительства «локальных культур», то есть, мы наблюдаем естественное сокращение уникальных цивилизаций, их уплотнение с элементами взаимопроникновения вкупе с повышением влияния более сильных цивилизационных культур на макрорегионы мира. Впрочем, этот процесс сопровождается культурными, экономическими, социальными, политическим и даже военными конфликтами. Другая группа ученых, таких как С. Хантингтон, П. Бергер, З. Бжезинский, А.С. Панарин, А.Г. Дугин, В.Л. Цымбурский, И.Н. Ионов, говорят о росте потенциала цивилизационного подхода в условиях глобализации. Указанные ученые отстаивают точку зрения, что мы становимся свидетелями не упадка цивилизаций, а серьезных трансформаций в «лимитрофных» (пограничных) территориях[1].

Дискуссии о применимости цивилизационного подхода в политической науке не являются новыми, однако их эпистемологическая и мировозренческая востребованность становится наиболее выраженной в периоды Больших разломов – «познавательных, культурных, политических, когда на первый план выступает соотношение универсального и специфического, одного и множества»[2]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Более того, не стоит недооценивать тот факт, что в XXI веке политическое противостояние крупных держав лишено былого идеологического содержания. Вместе с тем основная конкуренция происходит в политико-экономической, культурной, аксиологической сферах. Эта конкуренция не такая явная как идеологическая, но ее последствия могут быть

---

[1] См.: *Межуев Б.* Политическая критика Вадима Цымбурского. Европа, 2012. С. 200; *Горбачев М.В.* Цивилизационные основания политических проектов. М.: Издательство Московского университета, 2020.

[2] *Мчедлова М.М., Букин О.А.* Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №. 2. С. 447.

катастрофическими для некоторых цивилизаций в связи с тем, что мировые игроки, участвующие в развитии глобальных цивилизационных политических проектов, используя сложные медиатизированные инструменты и практики, пытаются воздействовать на цивилизационный код различных обществ.

Работающее определение цивилизационного кода содержится в трудах А.В. Щипкова. По его мнению, цивилизационный код можно раскрыть как «компоненты идентичности в картине мира народа, нации или цивилизации, которые выражают себя в разных исторических ситуациях, при разных режимах, в разных культурных контекстах»[1]. Исходя из данной дефиниции становится понятным, что исторические формы могут меняться, а вот аксиологическое содержание остается неизменным ядром. Стоит заметить, что А.В. Щипков выделяет восемь важнейших цивилизационных кодов (в интерпретации Н.Я. Данилевского – «культурно-исторических типов») русской цивилизации:

1) византийский принцип симфонии властей (значимая роль Церкви в решении социальных и политических проблем в союзе с государственной властью),

2) общинность, стихийная эгалитарность, этатизм и внутренний универсализм (идея «всечеловечности»),

3) континуальность (единый ценностный базис разных национальных культур),

4) иконичность русско-византийского мышления (соборность),

5) христианский гуманизм (нравственное право, справедливость, правда),

6) особая роль государства (осознание государственного дела, патернализм),

7) народоначалие и демократия большинства,

8) выраженная роль социальных групп[2].

---

[1] *Щипков А.В.* Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 31.

[2] Там же. С. 31-32.

Таковы основные составляющие цивилизационного кода нашей цивилизации, то есть российского «государства-цивилизации».

Однако само понятие «государство-цивилизация» относительно недавно стало использоваться в академическом дискурсе. Как отмечает Т.А. Горелова, в середине XX века Ф. Бродель вводит характеристику «геоистория», которая измеряется «временем очень большой длительности» и относительно устойчивой социальной структурой, под которой он понимал «организацию, порядок, систему достаточно устойчивых отношений между социальной реальностью и массами», то есть, некий аналог цивилизации[1]. Важно упомянуть, что в качестве аксиологических основ «цивилизации» Бродель называет религию, отношение к смерти, работе и семье. В последствии на основе этой идеи возникает концепт «страна-цивилизация» с фокусом на особую значимость культурных и религиозных норм. Религия в этом смысле представляется наиболее сильной характерной чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее[2]. В 2008 г. М. Жак верифицировал модель Броделя и предложил усовершенствованный концепт «государство-цивилизация» для Китая[3]. Симбиоз двух понятий – «государство» и «цивилизация» – является плодотворным для рассмотрения современных форм политических образований.

Рассмотрим составные части обозначенного выше концепта.

Во-первых, политическая наука как отдельная область знания сконцентрирована на государстве (state-centered). Как отмечает А.И. Соловьев, «исторически разноликий образ государства не только порождает его разнообразные научные объяснения, но и провоцирует растущую метафорику

---

[1] *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 95.

[2] *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с франц. Б.А. Ситникова. 2-е изд., испр. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. С. 45.

[3] См.: *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: Институт философии Российской академии наук, 2016. С. 25.

в объяснении его природы»[1]. Однако здесь следует особо подчеркнуть смысловое наполнение в русском звучании слова «государство». В западноевропейской традиции слово «государство» имеет латинские корни – status (статус, положение, позиция), что отражено в разных языках: англ. State, фр. État, нем. Staat, ит. Stato. В русской традиции корень слова «государство» происходит от «государя» и имеет совсем иное ценностное наполнение. То есть, можно сказать, что в европейской традиции «государство» – статусное положение, а в русской – сфера хозяйствования государя. Категория государства наиболее широко распространена для обозначения различных форм политической организации. Так, слово государство мы используем, чтобы описать политические порядки в Древнем мире, в Средневековье, в XXI в. Мы говорим о социальном государстве, о правовом государстве, о государстве всеобщего благосостояния, о несостоявшихся государствах, о марионеточных государствах и пр. Однако это слово имеет слишком разные интерпретационные трактовки. С. Роккан, Д. Урвин, Ш. Эйзенштад в своих трудах обращали внимание, что понятийный аппарат западной политической науки не может в полной мере описать опыт возникновения новых государств во второй половине XX века. Аналогию мы можем привести и из XXI века, достаточно посмотреть на самые «молодые» государства мира, такие как Южный Судан или Косово.

Во-вторых, вопреки представлению реалистов, государства не стоит рассматривать как окончательные в своем суверенитете и независимости акторы мировой политики. Так, государства действуют как политически автономные (отстаивают национальные интересы), но социокультурно зависимые (опираются на цивилизационные ценности) субъекты глобальных отношений. На эти отношения существенное влияние оказывает цивилизационное окружение вместе со своим набором ценностей. В связи с этим, П.А. Цыганков и А.П. Цыганков предлагают говорить о трех типах

[1] *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 6.

государственных ролей по отношению к своим цивилизационным сообществам:

- *лидерство*. Государства-лидеры – самостоятельные цивилизации (Китай[1]) и/или доминирующие акторы среди других государств (Россия в Евразии или США в западном мире),

- *союзничество.* Подобные отношения предполагают баланс сил и относительно равный политический вес разных государств, входящих в единое цивилизационное пространство (например, зависимые отношения Франции и ФРГ по отношению к США, но лидерские позиции этих же стран по отношению к Греции или странам Балканского полуострова),

- *вассальные или ведомые отношения.* Позиции государств зачастую определяются их разницей политических потенциалов (например, отношения между Польшей и странами Балтии, с одной стороны, и с США с другой) [2].

Нынешнее время достаточно отчетливо сделало выбор в пользу суверенного государства, отстаивающего свои ценности, самобытную культуру и социальную справедливость. В этой связи целесообразно упомянуть 7 статью Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»[3].

Предлагаем в этой логике и рассматривать категорию «государство».

Что касается понятия «цивилизация», то его интерпретации обширны и разнообразны. В рамках нашего исследования целесообразно выделить самые востребованные подходы в призме медиатизации политики. Цивилизацией называют: «национальное начало» (П.Н. Савицкий); «формы существования

---

[1] Некоторые ученые определяют Китай как самобытную цивилизацию, которая «притворяется государством». См. подр.: *Pye L.W.* Political science and the crisis of authoritarianism // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. №. 1. P. 3-19.

[2] *Цыганков П.А., Цыганков А.П.* Глобальность и самобытность: русская идея и международная теория в XXI веке. М.: Проспект, 2024. С. 187-188.

[3] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item (дата обращения 12.02.2026).

социальных общностей» (П.А. Сорокин); «совокупность общественных ценностей» (К. Маркс); «творческое меньшинство, отвечающее на вызовы внешней среды» (А. Тойнби); «самостоятельный культурный мир», «способ решения противоречий между духовным и трансцендентным порядком» (Ш. Эйзенштадт); «осевую культуру» (К. Ясперс); «мирсистему» (И. Валлерстайн); «самый высокий уровень духовно-религиозной идентичности людей» (С. Хагтингтон)[1]; «государство-цивилизация = Империя» (А.Г. Дугин) и др. И в этом смысле, безусловно, сложно концептуализировать понятие «цивилизация». Принято считать, что данный термин впервые употребил В.Р. Мирабо в своем трактате «Друг людей, или Трактат о народонаселении» (1756). Оно вошло в дискурс, а затем во французский «Словарь Академии» (1798). Между тем за 200 с лишним лет использования этого понятия каждая эпоха предлагала свое наполнение[2]. Исторические примеры показывают, что глобализация приводила лишь к избирательному заимствованию «чужого» цивилизационного кода, который в дальнейшем подвергался плавильной социокультурной переработке, а процессы медиатизации способствовали его преображению до неузнаваемости. Изначально деление цивилизаций осуществлялось на основании географического критерия, противопоставляя Запад Востоку. Понятно, что такая типологизация обладает слишком выраженной поляризованностью и слабо отражает современные реалии общественно-цивилизационных отношений.

В свое время Н.Я. Данилевский рассматривая цивилизации через призму культуры, предложил понятие «культурно-исторический тип». Он выделил десять культурно-исторических типов, обладающих объективностью, устойчивостью и самобытностью: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассиро-вавилоно-финикийский, халдейский или древнесемитический, 4) индийский,

---

[1] См.: *Горбачев М.В.* Цивилизационные основания политических проектов. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 70.

[2] См.: *Гранин Ю.Д.* Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции: монография. М.: Академической проспект. 2021. С. 38; *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 93-106.

5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) новосемитический или аравийский, 10) германо-романский или европейский[1], а в качестве особого типа Данилевский предлагал рассматривать русскую (православную) цивилизацию. Самобытность внутренней структуры каждого типа защищает ее от навязывания чужеродных элементов: «…начала, лежащие в культуре народа одного культурно-исторического типа… могут быть искажены, уничтожены, но не могут быть заменены другими началами, составляющими принадлежность другого культурно-исторического типа, – иначе как с уничтожением самого народа»[2]. Главными критериями выделения типов цивилизаций по Данилевскому являются единая языковая группа и способность к творческому историческому развитию. Исходя из этих двух важных параметров, некоторые цивилизации отечественный исследователь не включил в свою типологизацию.

Особо следует отметить, что согласно Данилевскому, чем ближе культуры друг к другу, тем выше возможный положительный эффект от их взаимодействия, соответственно логика работает и в обратном направлении по поводу негативных эффектов и культурных конфликтов слишком удаленных друг от друга культур. Отдельно стоит выделить важную цивилизационную опасность: чем ближе заимствования к духовному ядру цивилизационного кода, тем они разрушительнее.

Данилевский исходил из идеи равноценности и равноправия различных цивилизаций, а также невозможности внутреннего превосходства одного культурно-исторического типа над другими. Более того, стремление к доминированию приводит культурно-исторический тип к упадку, а впоследствии и к гибели: «Установление всемирного господства одного культурно-исторического типа было бы гибельным для человечества, поскольку господство одной цивилизации, одной культуры лишало бы человеческий род необходимого условия совершенствования – элемента

[1] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 84.
[2] Там же. С. 98.

разнообразия… Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа – одинаково вредны для прогрессивного хода истории»[1].

В отличие от Данилевского, цивилизационный подход немецкого культуролога О. Шпенглера был направлен на поиск и обнаружение скрытых в культуре исторических смыслов. Он указывал на появление великой русской культуры, которая претерпела на ранних стадиях мощное воздействие инородных макроорганизмов[2]. В этой связи, А.С. Панарин справедливо отмечает тенденцию возрастания экзогенных факторов, связанных с взаимовлиянием цивилизаций, с диалогом мировых культур[3].

Сегодня становится очевидно, что ценностный уровень «государства-цивилизации» составляют базовые ценности ядра цивилизации. Ярким примером адаптации цивилизационной идеи к современным геополитическим реалиям является русский проект. Этому вопросу посвящены обстоятельные работы отечественных исследователей К.Ю. Аласании[4], О.Ю. Бойцовой[5], А.Г. Дугина[6], Т.В. Евгеньевой, В.И. Коваленко[7], В.В. Миронова, Е.Н. Мощелкова,

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 567.

[2] См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст., примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль. 1993.

[3] См.: *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-пресс, 2002; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

[4] См.: *Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н. и др.* Россия как страна-цивилизация: аналитический обзор XX юбилейных Панаринских чтений, посвященных 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского (1822–1885 гг.), 21 февраля 2023 г. // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 150-174; *В.В. Миронов, Е.Н. Мощелков, К.Ю. Аласания и др.* Национальные ценности России: исторические традиции. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 6. С. 46–58; *В.В. Миронов, Е.Н. Мощелков, К.Ю. Аласания и др.* Национальные ценности России: исторические традиции. Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 5. С. 14-28.

[5] См.: *Бойцова О.Ю.* Политические функции «цивилизации» // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. №. 1. URL: 2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.11 (дата обращения 20.03.2026).

[6] См.: *Дугин А.Г.* Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №. 1. С. 33-41.

[7] См.: *Коваленко В.И.* Категориальный аппарат политической науки в контексте ценностных измерений российской цивилизации // Россия: единство и многообразие в условиях глобальных трансформаций. Материалы Всесоюзной научно-практической

М.М. Мчедловой[1], А.С. Панарина[2], С.В. Перевезенцева[3], А.В. Селезневой[4], В.И. Спиридоновой[5], А.А. Ширинянца[6], А.Ю. Шутова[7] и др. В трудах указанных ученых показано, что ядро российской цивилизации с момента ее возникновения составляют идеократические ценности, которые условно можно разделить на три группы:

- *мессианские ценности* – концепция «Москва как третий Рим» и «Русская идея» (всемирная отзывчивость и вера в особое предназначение России),
- *социально-политические ценности* – община и суверенное государство,
- *ценности ядра национального характера* – поиск справедливости и равенства[8].

Более того, как справедливо отмечает В.И. Коваленко: «… уже в первом произведении русской политической мысли «Слово о законе и благодати»

конференции. Москва, 25 октября 2024 года. РГГУ: Центр социальных и информационных технологий Москва: 2024. С. 92–97.

[1] См.: *Мчедлова М.М., Букин О.А.* Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №. 2. С. 445-454.

[2] См.: *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

[3] См.: *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья первая: «Бог есть самая правда» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 51-76; *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья вторая: «Российское самодержавство» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 77-108; *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья третья: «Возлюбленная тишина» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 109-148.

[4] См.: *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. и др.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №. 1. С. 233-251.

[5] См.: *Спиридонова В.И.* Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. 2022. Т. 3. С. 116-127.

[6] См.: *Ширинянц А.А.* «Русское хранительство»: к истории разработки концепции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 24-37.

[7] См.: *Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.В.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Том 6. № 3. С. 9-19.

[8] См. подр.: *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 93-106.

митрополита Илариона (XI в.) центральным и был вопрос об историческом месте Руси, ее роли в ареале христианских народов»[1].

Однако несмотря на крутые ломки при переходе от одной эпохи к другой, начиная с московской Руси, и петербургская империя и русский коммунизм выступают в нашей цивилизации как разновидности идеократии, то есть, превращенные формы энергии ее духовного ядра[2].

На протяжении большей части истории российского государства особую роль играли посредники между властью, обществом и обычными гражданами. Именно в глубинной архаике духа российской цивилизации зашиты потенции творческого исторического развития и социокультурного разнообразия. Несмотря на то, что технологии и практики опосредования широко известны и использовались в самых разных обществах, на почве российского государства-цивилизации они приобрели специфические черты и культурные особенности.

Важной вехой, повлиявшей на метапроцессы медиатизации, можно назвать онтологическо-гносеологическую систему, на основании которой произошел пересмотр фундаментальных принципов античной и средневековой науки в XVI–XVII веков. Результатом этих трансформаций стало нивелирование онтологического барьера между природой и человеком, естественным и искусственным, наукой и технологиями, что дало серьезный толчок в развитии практик опосредования. Безусловно, книгопечатание – это не только качественная фаза («волна») в процессе медиатиазации, но и технологическое открытие, которое на многие века сформировало «книжный миропорядок». До этого периода церкви служили для распространения неизменно одних и тех же религиозных идей, сохраняя власть над прихожанами. Так, В. Гюго писал: «… в виде печатного слова мысль стала

---

[1] *Коваленко В.И.* Концепт России как государства-цивилизации в современном политологическом дискурсе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 39.

[2] См. подр.: *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 100-101.

долговечной, как никогда. Она крылата, неуловима, неистребима… Она превращается в стаю птиц, разлетающихся на все четыре стороны, она занимает все точки во времени и в пространстве» [1].

Более того обязательным условием успешности науки было то правило, что знаниями, полученными в результате наблюдений и экспериментов, ученые делились с максимально широким кругом единомышленников, чтобы те смогли проверить данные. Из переписки между отдельными исследователями, постепенно приобретавшей все более официальный характер, постепенно родились научные журналы. Самый старый из них, издаваемый в Лондоне с 1665 г. «Философские труды Королевского научного общества» («Philosophical Transactions of the Royal Society»)[2]. По сути, журналы, газеты и книги стали главным способом опосредования и передачи информации, знаний, а, следовательно, и средством формирования коллективной памяти у разных обществ.

Уже в XVI – начале XVII веков в Россию стали проникать отдельные экземпляры европейских «летучих листков» и, вероятно, рукописных газет. Печатные газеты на немецком и голландских языках начали попадать в Москву (как правило в Посольский приказ, но, правда, достаточно хаотично) в 20-х гг. XVII столетия, а с 1640-х гг. поставки газет стали регулярными[3]. Интерес царя Алексея Михайловича к иностранным газетам помог наладить их постоянную доставку в Россию, начиная с 1659 г. Все это заложило основы опосредованной коммуникации между высшей властью и образованными людьми в нашей истории.

Началом посреднической деятельности медиа в России принято считать основание Петром I газеты «Санкт-Петербургские ведомости» в 1702 г. Изначально газета задумывалась для освещения успехов в Северной войне в

---

[1] *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери. М.: Азбука. 2025. С. 202.

[2] См.: *Хисген Р., Вейл А. ван дер*. Человек читающий. Значение книги для нашего существования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025. С. 195.

[3] *Шамин С.М*. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: АльянсАрхео, 2011. С. 3.

частности и донесения государственной позиции в целом, однако в 1728 г. была передана под контроль Академии наук и к 1836 году стала популярной общественно-политической газетой[1]. Одной из главных целей издания было «приобщить простой люд к чтению газеты», вследствие чего «Ведомости» стали печататься на новоизобретенном гражданском алфавите, а номера газеты стали передавать в трактиры бесплатно. На протяжении XVIII века выходили различные газеты, значительный вклад в их издание внесла Академия наук, издававшая «Санкт-Петербургские ведомости», и Московский университет, издававший «Московские ведомости», что стало весомой вехой в укреплении медиатизированных практик в кругу образованных граждан и академического сообщества.

К 1760-м годам монополия Академии наук на журналистику ослабевает. При Екатерине II появляются первые сатирические и первые частные журналы[2]. С одной стороны, сатирический журнал «Всякая всячина», в котором анонимно публиковала статьи сама императрица, с другой стороны – журнал «Трутень» просветителя Н.И. Новикова. Ключевое разногласие между государственной «Всякой всячиной» и частным «Трутнем» было в характере сатиры: Новиков выступал за действенную «сатиру на лица», против бессильной «сатиры на пороки», которую публиковали в журнале Екатерины II[3]. В 1770 году Новикова вынудили закрыть журнал, после чего закрылась и «Всякая всячина». Можно сделать вывод, что Екатерина II сначала хотела соответствовать духу «эпохи Просвещения», однако, столкнувшись с самодеятельностью зарождающегося гражданского общества, поручила закрыть печатные издания, опасаясь усиления фронды. Апогеем посреднической функции первых российских журналистов стала публикация

---

[1] История русской журналистики XVIII–XIX веков // Под. ред. проф. А.В. Западова. М.: Издательство «Высшая школа». 1973. С. 21

[2] На пике тираж обоих журналов не превышал 1500 экземпляров, что может говорить об очень небольшой прослойке наиболее образованных граждан, вовлеченных в процесс медиатизации между государством и обществом.

[3] История русской журналистики XVIII–XIX веков // Под. ред. проф. А.В. Западова. М.: Издательство «Высшая школа». 1973. С. 49

А.Н. Радищевым своего произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» в 1790 г. в собственной домашней типографии. Государственным ответом на подобную литературную критику был не только арест и ссылка Радищева, но и издание в 1796 г. указа «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг, об учреждении цензур», что привело к практически полному закрытию частных типографий и серьёзной деградации печатного дела.

В первой половине XIX века общественная дискуссия возродилась в литературных журналах. Наряду с либеральными («Вестник Европы» до 1815; «Сыны отечества»; «Отечественные записки»[1]) появляются и консервативные издания («Русский вестник»; «Северная пчела»; «Библиотека для чтения»). Зачастую споры по научным и литературным вопросам приобретали политическую окраску[2]. Так, единственной разрешенной дискуссией стал спор западников и славянофилов. Острая идейная борьба между Белинским, Герценом, их союзниками и славянофилами заполняет собою все сороковые годы. Она велась повсюду: в журналах, университетах, гостиных. Споры касались преимущественно вопросов философских, научных и литературных, но под ними явственно обозначались разногласия социально-политического характера. Однако оба лагеря выступали за отмену крепостного права, поэтому царское правительство не симпатизировало славянофилам и при первых признаках «весны народов» 1848 г. ужесточило цензуру. Апогеем славянофильского движения, характеризующим уровень медиатизации между властью и обществом, можно считать представления К.С. Аксакова о роли подданных в государственном управлении: «действие – право государево, мнение – право страны»[3]. Из этого можно сделать вывод, что читающим

[1] На своем пике журнал имел более 4000 подписчиков и был одним из самых влиятельных в России

[2] История русской журналистики XVIII–XIX веков // Под. ред. проф. А.В. Западова. М.: Издательство «Высшая школа». 1973.

[3] Русская социально-политическая мысль. 1850-1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц, подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М. Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 65.

людям, независимо от политической позиции, очень не хватало свободы печати.

Усиление цензуры совпало с назначением на пост старшего цензора при Министерстве иностранных дел Ф.И. Тютчева. При всем охранительном консерватизме Тютчева он разрешал к публикации намного больше, чем рядовой чиновник министерства, что делало его желанным гостем в московских и петербургских салонах, а также при дворе. В понимании Тютчева, ограждать интеллигенцию от нежелательной информации бессмысленно: напротив, это будет своеобразной рекламой, поэтому для сохранения строя достаточно защищать от революционных идей широкие народные массы. Данную парадигму отражает цитата Тютчева в обоснование отказа переводить «Манифест Коммунистической партии» на русский язык: «Кому надо, прочтут и на немецком».

В период «Великих реформ» Александра II предварительная цензура была заменена на юридические меры за нарушение цензурных правил. Отмена главного предмета споров между государством и обществом – крепостного права – привела к бурному развитию политической дискуссии в печатных СМИ. Так, журнал «Современник» сменил либеральный уклон на революционно-демократический, начал публиковать произведения Герцена и Чернышевского, за что был закрыт по требованию Александра II. Также обретает популярность революционная газета «Колокол» А.И. Герцена. Однако увеличение плюрализма породило раскол в дихотомии «славянофильство-западничество». Некоторые либералы считали либеральное правительство Александра II достаточно прогрессивным, чтобы начать его защищать, вследствие чего становятся консерваторами (К.Д. Кавелин) или националистами (М.Н. Катков)[1]. Последний становится основоположником российской политической журналистики, поддерживает курс на контрреформы Александра III, однако продолжает критиковать правительство «справа», в частности за чрезмерную уступчивость министра иностранных дел

[1] *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917). М.: Наука, 2000. С. 24.

во внешней политике, за что получил официальное предостережение от Александра III[1]. Также с целью популяризации реформ и монархических взглядов была создана официальная государственная газета – «Правительственный вестник», совокупный тираж официальных газет в первой четверти XX в. составлял около 100 тыс. экземпляров, что уступало самым популярным частным газетам (около 200 тыс. экземпляров). Таким образом, эпоха «Великих реформ» дала освобождение не только крестьянству, но и скованному цензурными уставами общественному мнению. Несмотря на продолжающиеся ослабленные цензурные ограничения, потребность общества в медиа – посреднике была настолько высокой, что даже государству впервые с 1770-х годов пришлось принять участие в формировании повестки дня. Данный период показал, что с увеличением числа точек зрения степень добровольной поддержки решений правительства возрастает ввиду уменьшения раздражения от непопулярных ограничений.

Отдельно стоит отметить, что в XIX веке особое внимание в плане опосредования занимают художественные произведения русских писателей с их желанием выразить свои и/или общественные политические пристрастия на страницах книг. К примеру, в своих работах Б.А. Прокудин показал, что русская литература второй половины XIX веке имеет ярко выраженный общественно-политический характер, ее политизация была исторически обусловлена ходом проведения Великих реформ[2]. То есть, мы можем говорить о русском писателе как эксплицитном посреднике. Это важная особенность медитизации в России как государстве-цивилизации.

После революции 1905 года общество и медиа получило самую широкую за историю Российской империи свободу слова, ограничивать печать теперь можно было только в судебном порядке, что привело к резкому росту

---

[1] Управленческая элита Российской Империи (1802–1917). СПб: Лики России, 2008. С. 100-101.

[2] См.: *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы в русской художественной литературе периода Великих реформ: историко-политологический анализ. Издательство Квадрига Москва, 2024.

количества газет (до 3 тыс. изданий) и расцвету партийной прессы: «Правда» (Российская социал-демократическая рабочая партия) – 60 тыс. экземпляров; «Речь» (Конституционно-демократическая партия) – 40 тыс. экземпляров; «Русское знамя» (Союз русского народа) – 3 тыс. экземпляров. В начале XX века окончательно сложились все жанры периодики, что было обусловлено ускорением печати и быстрым распространением газет. Именно поэтому в этот период появились репортажи, репортажные съемки и т.д., которые могли передать «атмосферу момента» конкретного события. Кроме того, иллюстративные издания в сатирических газетах придавали краски газетным и журнальным практикам опосредования. Этого было много именно в начале XX века.

Революция 1917 г. кардинально изменила государственный подход к СМИ. С самого начало государство подавило любые неподконтрольные источники информации, закрыло все «буржуазные» газеты, после чего начало заменять их собственными изданиями дифференцируя их для разных слоев населения: партийные газеты, отраслевая пресса для рабочих, крестьянская пресса. В целом государством был взят курс на коллективизацию медиа, борьбу с «писателями-сверхчеловеками»[1] и попытки сделать журналистику народной через создание союзов писателей, журналистов и открытие институтов журналистики. Несмотря на это, одну из ведущих ролей в посредничестве между большевистским государством и крестьянским большинством населения играла В.В. Маяковский: работая в российском телеграфном агентстве (РОСТА), он решил ключевую проблему в агитации большевиков, которую имперские медиа не затрагивали – донесение информации до малограмотных и неграмотных. Простой слог, серийные комиксы, агитация на витринах, вокзалах и рынках, а также скорость выпуска агитматериала и понятные сюжеты позволили большевикам опереться на поддержку широких народных масс в гражданской войне и в дальнейшем

[1] Одна на всех: из истории отечественной журналистики. URL: https://jrnlst.ru/2022/01/13/1938/ (дата обращения 12.02.2026).

стали стандартом для всей визуальной агитации (брошюр, плакатов) советского периода[1].

Следующим важным шагом в посредничестве между государством и обществом стал процесс интеграции радио в общественную жизнь. С 1919 г. большевики проявляли значительный интерес к использованию радио, постепенно развивая радиовещательную сеть вплоть до 1960-х гг. когда радиовещание достигло своего апогея. Важным преимуществом радио перед печатными СМИ для советского государства была его тотальность: с его помощью можно было не только агитировать неграмотных граждан, но и тех, кто в целом не был заинтересован в агитации, так как радио работает в фоновом режиме – на улицах, магазинах и госучреждениях, вследствие чего граждане подвергались пассивной агитации вне зависимости от их воли. Особую роль радио сыграло в период Великой Отечественной войны, оперативно транслируя все военные новости, мобилизуя на борьбу с захватчиками и поддерживая моральный дух советских граждан.

Заключительным звеном медиатизации в СССР первой половины XX века были комсомольские и партийные собрания, которые замыкали цепочку информирования граждан: на них озвучивали новости, которые граждане могли пропустить и обсуждали их для уточнения верного понимания, убеждаясь, что каждый гражданин политически информирован и согласен с нарративом государственной пропаганды.

В поздний советский период, наряду с масштабированием уже упомянутых СМИ, активно внедрялись новые – например, телевидение. Так, если в 1957 г. в СССР был 1 млн телевизоров, то в конце 1980-х гг. уже 50 млн (то есть, 80% населения страны имели телевизоры)[2]. Телевидение эффективно сочетало в себе функции всех вышеупомянутых СМИ: обеспечивало массовое информирование граждан, как газеты, могло служить «фоном» или

---

[1] Азбука советской рекламы: агитационные плакаты Владимира Маяковского. URL: https://kulturologia.ru/blogs/160715/25341/ (дата обращения 12.02.2026).

[2] История развития телевидения в СССР и России URL: https://ria.ru/20210322/televidenie-1601983226.html (дата обращения 12.02.2026).

развлечением, как радио, а также истолковывать новости и события в правильном с точки зрения государства формате, как партийные собрания. Несмотря на это популярность остальных СМИ не падала. Газеты в свою очередь даже были более популярны в период Перестройки за счет того, что позволяли больший уровень плюрализма, чем на телевидении. Советское телевидение сыграло настолько значительную роль в посредничестве между государством и обществом, что даже в наше время телебашня в Останкино воспринимается как основной «рупор» государства, несмотря на то что сама телебашня утратила свой функционал с появлением кабельного и цифрового телевидения.

Таким образом, особенность советской медиатизации заключалась в полном контроле над нарративом в общественном сознании через подчинение и развитие старых и новых СМИ, а также через глушение иностранных медиа. Медиа вместо посредника между государством и обществом стали своеобразным посыльным государства, не позволяя последнему получать обратную связь от граждан, выраженную в общественных дискуссиях.

В Российской Федерации впервые в истории России декларировалась свобода СМИ, а также конституционный запрет цензуры. Возможность общественной дискуссии посредством СМИ, появившаяся впервые с 1913 г., привела к взрывному росту всех видов медиа (кроме партсобраний, они исчезли как институт), количество печатных изданий выросло в 10 раз (с 3,8 тыс. в 1991 г. до 30 тыс. к 1998 г.); количество радиостанций выросло по меньшей мере в 5 раз (с 20 в 1991 г. до более 100 в 1999 г.); количество федеральных телеканалов увеличилось в 6 раз (с 2 в 1991 году до 12 в 1999 г.), а охват телевидения достигал 95%, что сделало его доминирующим средством медиатизации в России. Однако в печати произошла ситуация, обратная 1991 г.: вернулись частные издания, а потребность в замещении всех СМИ исчезла, что привело к обвальному падению тиражей гигантов советской печати (например, тираж «Комсомольской правды» упал почти в 10 раз: с 21 млн в 1991 г. до 2,8 млн в 1998 г.). Также процесс построения рыночной экономики

привел к появлению нового формата – деловой журналистики и популярности деловых изданий: «Коммерсантъ», «РБК», «Бизнес-журнал»[1].

Трансформация медийной политики российского государства, привела к большой автономии журналистов и редакторов, что позволило им оформиться в отдельную социальную группу, которая, с одной стороны, желала дальше оставаться независимой от государства, с другой стороны, была очень благодарна государству за предоставленные возможности. Такая ситуация привела к переходу большинства СМИ (в первую очередь телевизионных компаний) под контроль частных лиц, что сделало их олигархами – богатейшими людьми имеющими возможностью влиять на власть.

Нельзя не отметить возвращение роли личности в развитие медиа, прежде всего телевидения. Так, в создании репутации будущего Первого канала поучаствовали продюсер и телеведущий В. Листьев и «телекиллер» С. Доренко, а в репутации НТВ – Е. Киселев[2] и О. Добродеев. Общественно-политические дискуссии приобрели новый формат: партийные СМИ не имели существенного влияния на политический дискурс (тиражи 15–100 тыс. экз.), основная дискуссия велась между официальным консервативно-либеральным курсом (телеканал РТВ) и оппозиционно-либеральным курсом (телеканал НТВ). Антикоммунистическая позиция большинства журналистских коллективов ослабляла главную оппозиционную силу – коммунистов. Так, в период становления нового равновесия «государство-медиа-общество» в 1990-х годах влияние медиа на общественно-политическую жизнь существенно усилилось, однако государству удалось заключить с медиа тактический союз с целью разрыва с коммунистическим прошлым. Ситуация «медиа – посыльный государства» сменилась на «медиа – союзник государства», что позволяло обеспечить объективную, неподцензурную обратную связь от общества государству, в отличие от прошлых периодов.

---

[1] См. подр.: Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации / отв. ред. Л.П. Громова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2025. 386 с.

[2] Физическое лицо, выполняющее функции иностранного агента, внесен в перечень экстремистов и террористов.

Начало нового тысячелетия охарактеризовалось масштабными изменениями: сменой медийной политики государства и появлением новых СМИ – интернета и социальных сетей. Так, с 2000 по 2004 год государство вернуло под свой полный контроль главные телеканалы – «Первый канал», «НТВ» – выкупив доли их владельцев. В 2016 году было завершено формирование «национального рекламного альянса» – единого оператора по продаже рекламы на телевидении, учредителями которого являются государственные компании. Все вышеперечисленное можно трактовать как разрыв «союза» с медиа и возвращение их в подчиненное положение.

Однако, главным изменением в медиатизации государства и общества стало появление новых медиа и их стремительное развитие в России. Так, в начале 2000-х проникновение интернета в России оценивалось в 10–15% пользователей, в 2011-м – около 35%, за следующие пять лет произошел резкий скачок до 70% в 2015 г.[1], а к 2024 г. цифра уже составляла 94%[2]. Увеличение скорости выхода новости до «реального времени», вероятно, привело к ежегодному спаду тиражей печатных СМИ. Начиная с 2003 г., общий тираж газет сократился за 20 лет на 50%; количество изданий сократилось также на 50% до 6 тыс., оставшиеся газеты фокусируются на возрастную аудиторию городских районов, малые города и сельскую местность. Однако наиболее растиражированные издания, такие как «Ведомости», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», наряду с печатными изданиями, выходят также в онлайн-формате на собственных сайтах, что позволяет им адаптироваться и сохранять свое влияние на российскую аудиторию в эпоху глубокой медиатизации. Радио удалось найти свою нишу фонового «транспортного медиа»: благодаря автомобильному буму начала XXI века радио смогло

[1] Аналитики подсчитали число пользователей интернета в России. URL: https://lenta.ru/news/2016/01/28/survey/ (дата обращения 12.02.2026).

[2] Individuals using the Internet (% of population) - Russian Federation. URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=RU (дата обращения 12.02.2026).

удержать около 50% российской аудитории, несмотря на падение популярности этого канала коммуникации.

С начала 2010-х годов стал оформляться процесс дифференциации телезрителей и потребителей информации в интернете: если в 2012-м г. доверие россиян всех возрастов достигало 60%, то у молодежи (18–24) данный процент достигал менее 40%, их основным источником новостей становился интернет. Появилась прослойка граждан, переставших смотреть телевизор вообще (41%). К 2025 году данный разрыв лишь усилился: среднесуточный охват интернет-ресурсов превысил телевизионный – 84% против 65%[1]; доверие к телевидению также снизилось до 44%, а совокупная доля интернет-источников (телеграм-каналы, социальные сети, интернет-издания) достигла 49%[2] (среди молодежи – 80%)[3]. Данный феномен можно объяснить скептическим отношением молодежи к «официальной» позиции телевидения из-за слишком тесной аффилиации с государством, в отличие от интернет-СМИ, которые позиционируют себя как независимые и объективные. У более возрастного поколения, наоборот, официальный телевизор вызывает больше доверия ввиду привычного и знакомого источника новостей, а также скепсис к интернет-СМИ ввиду анонимности или низкого авторитета авторов контента. Как отмечает А.В. Федякин, «в результате для всех – как государственных, так и негосударственных – источников информации, субъектов публичной политической деятельности, становится крайне важным вызвать доверие к себе граждан, создать свой позитивный образ, представить интересы как можно большего числа социальных слоев и групп, общества в целом»[4].

---

[1] Актуальные цифры медиапотребления россиян – выступление Mediascope. URL: https://mediascope.net/news/2928545/ (дата обращения 12.02.2026).

[2] Источники информации в августе 2025: пользование и доверие. URL: https://www.levada.ru/2025/09/11/istochniki-informatsii-v-avguste-2025-polzovanie-i-doverie/ (дата обращения 12.02.2026). (АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).

[3] 4 из 10 экономически активных россиян полностью игнорируют телевизор. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/115590/4-iz-10-ekonomicheski-aktivnyh-rossiyan-polnostyu-ignoriruyut-televizor/ (дата обращения 12.02.2026).

[4] *Федякин А.В.* Политика формирования позитивного образа государства (вопросы теории) // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 23.

Также нужно отметить, что с 2012 г. социальные медиа (в частности, видеохостинг «Youtube») становятся основной площадкой распространения информации, оппонирующей государственному нарративу и широкой общественной дискуссии. Ввиду невозможности контролирования иностранной медиаплатформы и технической сложности блокировки сервиса Youtube стал самой популярной платформой, где можно было услышать и увидеть альтернативные точки зрения (в 2024 г. ежемесячный охват платформы достигал 96 млн пользователей[1]). Государство, в свою очередь, также желало усилить свое влияние в новых медиа с помощью создания национальных продуктов. Примером такого стремления стали мессенджер «Аллё», социальная сеть «Россграм», поисковик «Спутник». Однако наибольших успехов достигла компания VK, опираясь на такие медиапродукты, как социальная сеть «ВКонтакте» и национальный мессенджер «MAX».

В последние три года медиа во всем мире и, в частности, в России столкнулись с новым феноменом – генеративными нейросетями. Самые популярные модели – LLM (Large Language Model, большие языковые модели) – способны мгновенно и качественно генерировать текст, чем воспользовались многие журналисты независимо от типа СМИ. Так, например, в Telegram-канале «РБК Тренды» все анонсы статей сайта написаны ИИ, что прямо указывается авторами. В 2025 году LLM оказались способны идеально воспроизводить корпоративный язык, что часто используется в заголовках, коротких текстах и презентациях, делая их однотипными. Другой важный пласт генеративного ИИ – DM (диффузные модели), предназначенные для генерации фото- и видеоконтента. В 2025 г. данные модели научились создавать контент, практически не отличимый от реальности. Данные модели становятся вызовом для современной журналистики, так как позволяют

[1] «ВКонтакте» впервые обошла YouTube по месячному охвату среди россиян. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/528821-vkontakte-vpervye-obosla-youtube-po-mesacnomu-ohvatu-sredi-rossian (дата обращения 12.02.2026).

широкому кругу пользователей генерировать искусственные видеоподтверждения новостей, что часто вводит в заблуждение не только читателей СМИ, но и самих журналистов. Так, в качестве примера можно считать привести большое количество нейросетевых видео, связанных с аномальным выпадением снега в Камчатском крае зимой 2025/2026 гг. Наряду с оригинальными видео, где снег достигает второго этажа, появлялись и сгенерированные, где сугроб окутывал девятиэтажный дом. На общем информационном фоне «аномальных снегопадов» многие пользователи не смогли различить реальные и сгенерированные изображения, что опять напоминило нам о важности проведения детального факт-чека, одновременно сохраняя темп ASAP (as soon as possible). В мире политики подобные сгенерированные картинки и видео могут иметь катастрофические последствия. К примеру, ИИ-видео из Газы, используемые обоими сторонами конфликта, приводили к манифестациям и митингам. После этого ведущие медиаплатформы (YouTube, TikTok, Meta[1], X[2]) с начала 2026 года ввели обязательную маркировку для реалистичного ИИ-контента.

Таким образом, первая четверть XXI века характеризуется как цифровизацией медиа, так и появлением конвергентных медиа: традиционные СМИ уступают аудиторию новым медиа или адаптируются, чтобы самим стать «новым» медиа. Однако можно сказать, что с одной стороны, они упрощают и ускоряют медатизацию политики, с другой стороны, осложняют работу бесконтрольной генерации искусственных видео-подтверждений фейковых новостей, что порождает новые политические риски.

Учитывая сложносоставные социальные сообщества медийного мира последних лет перед государством и обществом появляются новые вызовы. Для ответа на них требуется политическое целеполагание. Важным шагом в решении новой проблемы в опосредовании стало внедрение в реальные

[1] Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.
[2] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.

политические процессы социальной архитектуры, под которой понимается целенаправленная деятельность, конструирующая социальную реальность. Большая роль отводится научному сообществу и аналитикам, способным создавать социальные модели и образы будущего, следить за тем, как развивается технологический мир, как он влияет на общественные процессы, а также обеспечивать стабильную обратную связь между государством и обществом. По словам начальника Управления Президента России по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов А.Д. Харичева социальная архитектура направлена на решение конкретных социальных проблем и работу с общественным сознанием в части актуализации определенных ценностных установок[1]. Социальные архитекторы – это профессионалы, которые занимаются разработкой, адаптацией и внедрением передовых механизмов и практик, повышают уровень взаимодействия между различными социальными группами, а также между гражданами и властью[2]. А.Ю. Шутов считает, что сегодня мы имеем дело со сформированными социальными платформами, независимо от того, находятся ли они в интернете или в реальной жизни. Далее возникает вопрос: что делать с этими социальными платформами? Государство и общество должны работать с ними[3]. Как мы видим, данная работа уже активно ведется.

Таким образом, сталкиваясь с непростыми политическими вызовами на протяжении всей своей истории российское государство выработало своеобразные черты как государства-цивилизации, так и медиатизированных политических практик. Для подтверждения авторской исследовательской

---

[1] Патриотизм привел к появлению «социальной архитектуры», считают в администрации президента. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8099300 (дата обращения 12.02.2026).

[2] Эксперты обсудили переход от политтехнологий к социальной архитектуре. URL: https://rg.ru/2025/01/16/eksperty-obsudili-perehod-ot-polittehnologij-k-socialnoj-arhitekture.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fpolit.msu.ru%2F (дата обращения 12.02.2026).

[3] Эксперты ЭИСИ: появление социальных архитекторов обусловлено запросом общества. URL: https://eisr.ru/news-and-announcements/eksperty-eisi-poyavlenie-sotsialnykh-arkhitektorov-obuslovleno-zaprosom-obshchestva-/?ysclid=mmt072pi5h918801874 (дата обращения 12.02.2026).

позиции следует выделить основные особенности медиатизации в России как государстве-цивилизации (см. табл. 1.4).

Таблица 1.4. Особенности медиатизации в России как государстве-цивилизации

№ п/п	**Основные черты российского государства-цивилизации**[1]	**Технологии медиатизации (опосредования)**	**Субъекты влияния при медиатизации (опосредовании)**
1	Политическое устройство России *(сочетание преобладающей роли государства с традициями народного самоуправления)*	«Тотальное» радио, советское телевидение, государственная печать, суверенный интернет, социальная архитектура	Государство, партия, спецслужбы, аффилированные с властью посредники-лидеры мнений, отечественные медиахолдинги, социальные архитекторы
2	Социальное устройство *(служилые сословия, крепостное право)*	Община, коммуна, самиздат, неформальные коммуникации – торговая площадь, питейные дома	Старейшины, писатели-диссиденты, юродивые
3	Национальное устройство *(народы России, объединившиеся вокруг русского народа, создали уникальное цивилизационное образование – «Русский мир»)*	Русский язык, русская литература, русские школы, символическая коммуникация – мемориалы, памятники, герои	Писатель-философ, учитель, архитектор, скульптор, государство
4	Религиозное своеобразие России *(русское православие)*	Колокольный звон, паломничество, старчество, иконы как	Церковь, семья, духовный наставник, старец

[1] Своеобразные черты России как государства-цивилизации выделены на основании исследований проф. С.В. Перевезенцева. См. подр.: *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI в. М.: Академический проект, 2018; Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой / С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева и др. М.: Квадрига, 2024; *Перевезенцев С.В.* Великое стояние: рождение Российского царства. Калуга: издатель ИП Артюхов Р.А., 2025.

		способ визуализации религиозных сюжетов, русская диаспора	
5	Приверженность традициям *(российское общество на протяжении веков оставалось традиционным. Зачастую, инициатором различных нововведений выступала центральная власть)*	Сельские собрания, ходоки, слухи, фольклор, пословицы и поговорки, баня	Старейшина, странник, знахари, рассказчики

Выводы главы

В свое время А.С. Панарин утверждал, что «вулкан истории» продолжает «дышать», что космогонический процесс творения новых цивилизаций еще не закончен, что и сегодня образуются новые социальные миры, новые модели общественного развития[1]. В статьях и книгах В.А. Гуторова акцентируются противоречия, обусловленные навязыванием западных способов мышления культурам, традициям и системам, которые рассматривают эти способы как чуждые. В частности, в своей книге 2020 г. «Политика 2.0 : между утопией и реальностью» В.А. Гуторов отмечает: «До недавнего времени культурное влияние, экономическое господство и трансплантация идей определялась путем внедрения различными способами западных культур в незападные, а не наоборот… Такое одностороннее движение идей и “культурного обмена” не могут и не будут изменены до тех пор, пока не произойдет драматического переустройства глобальных сил»[2]. К чему приведет глобальное противостояние государств и технологических гигантов в ракурсе

[1] См.: *Коваленко В.И.* К 75-летию А.С. Панарина. В кн.: Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI в / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 26.
[2] *Гуторов В.А.* Политика 2.0 : между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 1024-1025.

медиатизации политики? Происходит ли переустройство глобальных сил и формирование нового миропорядка в нынешнее время? Безусловно, да.

В рамках настоящего исследования раскрывается проблема, связанная с существующим противоречием между необходимостью теоретико-прикладного осмысления процесса политической медиатизации в постинформационном обществе и дефицитарностью знаний о степени детерминации данного процесса социокультурными факторами.

В главе показано, что медиатизация не сводится к «цифре», она и шире, и глубже, чем обсуждение цифровых технологий и их влияния на политику, рисков и возможностей, который несет с собой ИИ. Медиатизация политики – это один из важнейших маркеров, обозначающих наступление новой политической реальности, которая требует, по сути пересмотра всех фундаментальных категорий политической науки, таких как власть, государство, управление, суверенитет и легитимность, которые по-новому работают в условиях новой цифровой реальности.

Предложенная концептуальная модель, учитывающая влияние цивилизационных факторов на политическую медиатизацию, позволяет формировать эффективные стратегии политической и цивилизационной устойчивости в условиях цифровизации всего. Трансформация медиапространства, усиление акторов, повышение субъектности цифровых платформ и конструирование новой формации властеотношений, требуют оперирования фундированной концепцией, до настоящего времени отсутствующей в политической науке, позволяющей ответить на риски и угрозы, с которыми сталкивается современное общество. Для решения данной проблемы в работе применяется цивилизационно-конструктивистский подход.

Политологическая ретроспектива этапов развития медиатизации позволила зафиксировать фундаментальную трансформацию медиа: последовательный переход от исполнения инструментальных функций посредничества к обретению статуса политического субъекта. Более того,

развитие процессов медиатизации политики предстает не как количественное увеличение каналов коммуникации, а как качественный сдвиг в коммуникации властеотношений. При этом можно выделить объективные и субъективные параметры, отражающие изменения в политической медиатизации. С точки зрения настоящей работы особую значимость имеют субъективные аспекты, раскрывающие ценностные, социокультурные, мировоззренческие, поведенческие, человекоцентристские особенности медиатизации политики. Технологический детерминизм не обеспечивает комплексного раскрытия разнонаправленных движений при медиатизации политики. Цивилизационно-конструктивистский подход позволяет разрешить данное противоречие. Выбранная методологическая оптика предоставляет возможность верифицировать политическую медиатизацию как многофакторный метапроцесс социополитического влияния как на вертикальные, так и на горизонтальные властеотношения, детерминированный цивилизационными константами. Такая концептуальная модель медиатизации политики дает возможность интеграционного анализа вариативных параметров, таких как:

- ✓ аксиологические фильтры общества (ценности общества как «фильтр» для входящей медиаинформации);
- ✓ политико-исторические особенности (историческая традиция в отношениях «государство – общество», которая транслирует устоявшиеся конструкты в цифровой мир. Например, патерналистские отношения или традиции самоорганизации граждан);
- ✓ конструктивистские аспекты (каким образом элиты, общественные лидеры, медиаактивисты создают политические смыслы, опираясь на особенности конкретного общества);
- ✓ пространственно-временные грани (учет темпоральных ритмов развития общества);
- ✓ неравномерность проникновения политической медиатизации (существует зона высокой плотности политической медиатизации, в рамках которой медиа и цифровые платформы стали структурообразующим каркасом

взаимодействия государства и общества. Это проявляется в сверхплотной медиатизации политической повестки и государственного управления, где политические события подвергаются каскадной медийной переупаковки. Сверхплотная медиатизация политики несет в себе риск превращения общества в цифровой «рой» или «улей», управляемый алгоритмами. Тогда как зона разреженной медиатизации политики сохраняет значительную автономность от медиалогики. В этом смысле, несмотря на обилие контента и вездесущие медиа, базовые ценностные установки и нормы политического поведения демонстрируют разреженность для агрессивного воздействия медиа. Для России как государства-цивилизации сохранение зоны разреженной медиатизации является важным условием цивилизационной устойчивости).

Плотность медиатизации политики в России распределена центробежно: она максимальна в технологических и политических центрах и резко падает (разрежается) при переходе к вопросам глубинной идентичности, духовной жизни и традиционного уклада. Именно эти «разреженные» зоны обеспечивают цивилизационную устойчивость, не позволяя обществу полностью «раствориться» в глобальной логике медиа. Посредством медиалогики наблюдается выстраивание взаимодействий государства и общества на основе разновекторных социополитических коммуникаций с инспирируемыми смыслами, ценностями и символами. В этом плане медиалогика может быть использована как инструмент легитимизации политической власти в процессе конструирования медиасобытий и установлении повестки дня.

Рассмотрение политической медиатизация как метапроцесса социополитического влияния как на вертикальные, так и на горизонтальные властеотношения позволяет выйти за рамки анализа отдельных медийных эффектов и раскрыть фундаментальную перестройку всего дизайна политических отношений власти, бизнеса и общества. В этом смысле социальная архитектура выступает как инновационный формат системного

опосредования, обеспечивающий конструирование социально-политических взаимодействий.

Как показано в главе, политологическая ретроспектива этапов медиатизации демонстрирует парадигмальный сдвиг в структуре властных отношений. Период, когда роль медиа заключалась в коммуникационном сопровождении политики, завершен. Обретение медиа и цифровыми платформами политической субъектности ведет к радикальному перераспределению властных полномочий и ресурсов власти. Как видится, многие государства оказались к этому не готовы. В связи с нарастающим влиянием медиасреды, в рамках которой устанавливаются правила игры, нормы и поведенческие паттерны, государства стоят перед историческим вызовом: либо они сами будут главными акторами, конструирующими цифровой мир на основе своих стратегий и подходов, либо они должны подстраиваться под решения медиагигантов, подчиняясь их власти и логике по образу «догоняющего» партнера.

Российская цивилизация, как и любая другая, ищет выход из современного глобально-политического кризиса внутри себя, а находки предоставляет как глобальное общественное благо. Концепция государства-цивилизации как раз и предполагает построение моделей образа будущего на основе исторического опыта наших предков. Как видится, медиатизированная политика в государстве-цивилизации приобретает политическую значимость и способствует как сохранению ядра цивилизации, так и культурного самопонимания людей российского государства-цивилизации.

Глава 2. Медиатизация как фактор трансформации политики в современном мире

2.1 Современные тенденции и перспективы постинформационного общества[1]

Каждая эпоха имеет свой лейтмотив, набор мифов и легенд, который объясняет мир, вдохновляет или утешает человека, отвечая на множество текущих вопросов. В Средние века эту роль выполняла религия; в эпоху Просвещения – рацио; в XIX и XX столетиях – национализм в сочетании с пониманием истории как движущей силы. Наука, технологии, культура, общественная жизнь, пронизанные медиатизированными нитями, являются определяющими дефинициями нашего времени. Технологии ИИ выступают главными двигателями постинформационного общества и бросают вызов всему историческому опыту[2], поскольку предполагают борьбу за новые формы опосредования в медиа. *Идентификация и объяснение современных тенденций, характерных для медиатизации как в информационном обществе, так и в постинформационном, представляется важной задачей.*

Организация общества постинформационного типа – это своеобразный организованный ответ цивилизации на вызовы современного нестабильного периода. В постинформационном обществе (далее – ПостИО) технологии ИИ настолько плотно пронизывают все сферы жизни, что стирается грань между

---

[1] При написании параграфа использованы материалы статьи автора: *Бронников И.А.* Современные тенденции и перспективы информационного общества // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 6. С. 7-26.

[2] По оценкам ученых, модернизация информационных технологий происходит в 3-6 раз быстрее, чем технологий использования энергии. Более того, начиная со второй половины XX в. объемы информации в социуме растут экспоненциально. По расчетам они удваиваются каждые 18 месяцев – против 50 лет во времена К. Маркса и Ф. Энгельса. Существуют и интегральные исторические оценки. С начала нашей эры первое удвоение знаний в обществе произошло к 1750 г. Второе – к началу XX в., третье – к 1950 г. С этого рубежа объем знаний человечества удваивался каждые 20 лет, с 1970 – каждые 5 лет, а с 1991 г. – ежегодно В итоге интеллектуальные ресурсы к началу XXI в. увеличились в 250 тыс. раз. Нынешняя информационная революция заключается в формировании и развитии транснациональных корпораций и глобальных информационно-коммуникационных экоплатформ.

потребителем и создателем контента. Мы наблюдаем непрерывный процесс аккумулирования пользовательских данных с возрастанием субъектности медиа и цифровых платформ. Это приводит к тому, что крайне сложно отделить реальные записи от фейков и сгенерированных сообщений, а люди мигрируют в конструируемый ИИ мир, то есть, все оказались погружены в сгенерированный рассол под названием «пост-правда». ИИ-алгоритмы качественно меняют медиатизацию, так как они не являются пассивными инструментами, а выступают как субъекты социально-политических процессов, приобретая черты агентов влияния. ИИ-технологии уже сейчас автономно фильтруют контент, управляют транспортной логистикой, финансовыми потоками и работают в соответствии с внутренней логикой и заложенными задачами[1]. Возникает резонный вопрос: как сохранить «свежесть» в эпоху пост-правды?

Насущной задачей для политических наук становится объяснение современных тенденций, характерных для моделей обмена контентом в ПостИО.

Анализ состояния вопроса (state of the art) показал, что по поводу специфики и характера ПостИО однозначных оценок не существует. Можно сказать, что постинформационное общество – это общество нового типа, в котором цифровые технологии играют ведущую роль в конструировании реальности как среды обитания человека, а медиа активно участвуют в ее создании и масштабировании. Принято считать, что ПостИО обозначает пятую эволюционную стадию, которая приходит на смену обществам предыдущих типов (первобытное, аграрное, индустриальное, информационное). В этой связи важно обозначить переход от информационного общества к ПостИО и проследить идеи, которые были положены в основу ПостИО.

---

[1] См.: *Ашыров Н.Д., Елхова О.И.* Искусственный интеллект как субъект постинформационного общества // В сборнике: Современные исследования искусственного интеллекта: основные направления и результаты. Уфа, 2025. С. 16-22.

Несмотря на то, что в достаточно отчетливом варианте идея информационного общества была сформулирована давно, в конце 1960-х – начале 1970-х годов, популярность исследований в этой области до сих пор остается неизменно высокой[1]. Исследователи информационного общества подразумевали, что благодаря повсеместному распространению знаний и образованию человечество придет к новому витку своего развития. Однако и сегодня до осуществления этих надежд все еще далеко. Краеугольная проблема информационного общества заключается в том, что большинство предложенных теоретических механизмов плохо реализуются в современной социально-политической действительности (например, распространение политических знаний посредством новых технологий, приводящее к вовлечению в политику ранее аполитичных граждан). Бурное развитие технологий заслоняет собой суть происходящих глобальных трансформаций. Не в последнюю очередь этому способствует традиционно поверхностное, а то и вовсе безразличное отношение широких масс к политическим проблемам. Более того, развлекательный характер социальных медиа, сходный с характером зрелищ Древнего Рима, отвращает людей от политики, порождает мимикрическое поведение и политическую апатию. Уже третье поколение социологов, политологов, экономистов пытается осмыслить тренды и перспективы динамики информационного общества, последствия внедрения новых революционных технологий.

Предвестниками концепции информационного общества был американский социолог Д. Белл, американский математик и философ Н. Винер, британский экономист и статистик К. Кларк, американский социолог и юрист Д. Рисман, французский экономист и социолог Ж. Фурастье, в работах которых были сформулированы базовые методологические положения теории

[1] К примеру, согласно данным Научной электронной библиотеки e-LIBRARY.ru (РИНЦ) только за период с 2016 г. по н/вр. опубликовано более 3 500 научных работ, касающихся проблематики информационного общества. Что интересно за аналогичный период опубликовано всего лишь 12 научных статей, содержащих в названии термин «постинформационное общество»

постиндустриального (информационного) общества, зарождавшегося на основе технологий уходящего промышленного общества. Становление нового социального порядка сопровождалось и стимулировалось повышением роли технологического фактора, науки, образования, изменением значимости теоретического знания и информации в общественном производстве. В 1958 г. англо-германский социолог Р. Дарендорф одним из первых сформулировал определение и ввел в научный оборот понятие «посткапиталистическое общество», описывая ситуацию, когда в экономике меняется соотношение материального производства и производства знания в пользу второго и рождается новая отрасль – информационная экономика[1]. В 1973 г. Д. Белл в своей знаменитой работе «Грядущее постиндустриальное общество» (The Coming of Post-Industrial Society) провозгласил переход ведущих стран мира к основанному на знании постиндустриальному обществу, которое характеризуется быстрым развитием компьютерных технологий, растущим авторитетом научных сообществ и интеллектуалов в любых сферах деятельности, изменением структуры занятости в пользу сферы услуг и т.д.[2]

Особый вклад в зарождающуюся теорию посткапиталистического, постиндустриального общества внесли работы Ф. Махлупа, Й. Масуды, М. Пората, А. Турена, Т. Стоуньера, Ю. Хаяши и Т. Умесао, которые рассматривали знания как отдельный сектор экономики, связанный с информационными услугами. Так появляется идея информационного общества.

Среди авторов огромного потока литературы, посвященной исследованиям информационной эры, нет согласия относительно ее основных характеристик и общего смысла, однако все они «солидарны в том, что информация и знание приобретают особую значимость в современном мире»[3].

---

[1] *Булавин А.В.* Информационное общество: эволюция, проблемы и критерии определения понятия // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 52.

[2] См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

[3] *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 7.

Большинство социальных теоретиков, описывая современное информационное общество, предлагали трехуровневую схему стадий, несмотря на различные критерии выделения этих стадий.

К примеру, Д. Белл подразделил всемирную историю на три стадии: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Со сменой одной стадии другой, считал он, изменяются технология, способ производства, форма собственности, социальные институты, политический режим, культура, образ жизни. В противовес Беллу, Э. Тоффлер предлагал «волновую концепцию»: аграрное общество – заканчивается промышленной революцией XVIII в., которая способствует становлению индустриального общества, но после 1950-х гг. приходит новая волна, ведущая к созданию информационного общества. Под волной Тоффлер понимает колоссальный рывок в науке и технике, который приводит к существенным сдвигам в жизни социума. Концепция Тоффлера была воспринята в разных странах неоднозначно. К примеру, в Китае изначально труды Тоффлера были запрещены, но после использования Дэн Сяопином волновой концепции в своих речах, пробудился массовый интерес к книге.

М. Маклюэн в книге «Средство коммуникации есть сообщение. Перечень эффектов» («The Medium is the Massage: An Inventory of Effects») предложил еще одну версию смены социальных эпох. Теория М. Маклюэна – этого «пророка из Торонто» – также предлагает три стадии трансформации общества: первобытная устная культура, письменно-печатная культура и общество «global village». По его мнению, перелом в истории человечества определяется сменой доминирующих средств коммуникации: устная речь, печать, телевидение, сетевые СМК, которые объединяют мир в «глобальную деревню». Именно смена коммуникационных технологий трансформирует ядро существующей культуры и заставляет ее меняться[1].

Еще одну, культурологическую, версию типологии общества предложил известный философ-постмодернист Ж. Бодрийяр. Он вводит трехуровневый

[1] *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964.

порядок симулякров (понятий для обозначений конкретной группы и др.): первый порядок (имитации, чучела, копии, подделки) соответствует эпохе Возрождения, второй порядок (функциональные аналоги, серии) – эпохе промышленной революции, третий порядок (гиперреальность) – эпохе постмодерна. Гиперреальность формируют массмедиа, которые являются агентом симуляции, обусловливая симуляцию пространства, времени, реальности, коммуникации, информации и смысла[1].

Таким образом, из приведенных выше концепций следует, что социальная динамика определяется различными параметрами: технологическими (Д. Белл), научно-техническими (Э. Тоффлер, Зб. Бжезинский), коммуникационными (М. Маклюэн), сменой ценностной и культуральной парадигм (Ж. Бодрийяр), причем динамика социальных изменений нарастает вслед за ускорением технического прогресса.

Фазы становления и развития информационного общества

В самом динамично развивающемся информационном обществе также можно выделить несколько характерных фаз: *концептуализация, институционализация, реализация*.

1. *Фаза концептуализации (1959 г. – нач. 1980-х гг.).* Это теоретическая фаза накопления значительного количества научных исследований, концепций, футурологических работ, в которых рассматриваются основные проблемы становления и формирования информационного общества. На этой фазе появилось понятие для обозначения общества нового типа: в 1959 г. Д. Белл попытался раскрыть термин «постиндустриальное общество» (ПИО), а спустя 6 лет в США была создана футурологическая комиссия (руководитель – Д. Белл), задача которой состояла в том, чтобы дать свои прогнозы развития общества и технологий до 2000 г. Комиссия пришла к выводу, что концепция ПИО является фундаментальной и на ее основе можно выстраивать логику

[1] См.: *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000; *Бодрийяр Ж., Ясперс К*. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014.

развития науки и техники, что преобразования затронут не только социальную сферу, но и американскую политическую систему, которая вынуждена будет меняться из-за возрастающей роли университетов и интеллектуальных центров.

Суммируя накопленные теоретико-философские, исторические и социологические данные по оценке ключевых критериев и особенностей информационного общества, можно выделить его характерные черты:

- наличие в истории развития информационного общества отчетливо выраженных периодов, обусловленных ключевой движущей социальной или технологической силой;
- рост доли людей, работающих в сфере услуг и/или в информационных секторах экономики и промышленности;
- использование информации и знания – главный тренд динамики, который создает предпосылки для экономического роста и увеличения производительности труда;
- увеличение вклада коммуникаций в социальную структуру общества;
- большее, чем прежде, влияние технологий на экономическое и социально-политическое устройство;
- все большее проникновение информации и коммуникации во все сферы жизни общества, включая личную жизнь индивида, за счет микроминиатюризации электронных устройств;
- становление информации, знания и технологии приоритетными ресурсами для обеспечения властвования;
- структурная перестройка политического процесса как такового.

Скорость динамики информационного общества такова, что, по мнению ряда авторов, некоторые регионы, уже достаточно давно находятся в стадии ПостИО (прежде всего Япония, Сингапур, Гонконг)[1]. Как было сказано выше,

[1] См.: *Володенков С.В.* Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 2. С. 69-86; *Евдокимов В.А.* Системное

доказательством перехода от информационного общества к постинформационному является создание систем генеративного ИИ как основы постинформационной инфраструктуры, внедрение «метавселенных» в государственный сектор, постоянное искажение транслируемых фактов и информации, переход к глубокой медиатизации. Но, с другой стороны, необходимо принимать во внимание, что «почти 17% населения мира (около 1,3 млрд человек) живут без электричества»[1]. Глобальное распространение цифровых технологий идет, конечно гораздо быстрее, чем распространение достижений предыдущих промышленных революций (например, веретено, этот символ первой промышленной революции, вышло за пределы Европы примерно за 120 лет; газете потребовалось несколько веков, чтобы стать массовым посредником).

Достижениями первой, теоретической, фазы становления информационного общества можно считать следующие концепции информационного общества: «информационное общество как информационная экономика; информационное общество как постиндустриальное общество; информационное общество как общество знания; информационное общество как конец общества массового потребления»[2].

Концептуализация этих идей и принципов способствовала увеличению роли теоретического знания и закреплению идеи информационного общества в научном сообществе.

искажение сообщений в постинформационном обществе // Наука о человеке: гуманитраные исследования. 2015. № 1 (19). С.121-128; *Ракитов А.И.* Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19; *Alibašić H.* The post-factual polity: Ethical, governance, administrative, and policy crises in the disinformation era. Emerald Publishing Limited, 2024; *Engen B.K., McGarr O.* The postdigital divide // Postdigital Science and Education. 2025.

[1] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. С. 17.

[2] *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. 2008. № 2. С. 12.

Фаза институционализации (сер. 1980-х гг. – 2000 г.).

По прогнозам ученых, комплексный переход большинства развитых стран к информационному обществу и информационной культуре, вероятно, завершится к 2030 г. Политическое осознание значимости высокотехнологичных областей способствует лидерству страны. Так, согласно данным аналитической компании International Data Corporation, по итогам 2023 г. приблизительно 35,8% мировых расходов на цифровую трансформацию предприятий приходится на США, 33,5% обеспечивает Азиатско-Тихоокеанский регион, примерно 26,8% – страны ЕС, Ближнего Востока и Африки[1]. Главными направлениями цифровой трансформации являются совершенствование операционной эффективности предприятий и интеграция+масштабирование ИИ в режиме реального времени.

Уже в 1980-е гг. правительства наглядно увидели, что от развития ИКТ будет зависеть мировое первенство и стали использовать теоретические наработки предыдущих десятилетий для создания национальных информационных инфраструктур.

Вместе с тем необходимо отметить, что в конце XX века проблемы информационного общества стали обсуждаться на ведущих международных площадках (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.). В 1998 году по инициативе Международного союза электросвязи был проведен Всемирный саммит по проблемам информационного общества, который послужил серьезным катализатором внедрения ИКТ и интернет-технологий в экономические и социально-политические программы. Лидерами в этой сфере стали страны Европы, США и Япония[2]. В 2000 году главами государств и правительств

[1] Расходы на цифровую трансформацию. URL: https://www.tadviser.ru/a/525604 (дата обращения 12.02.2026).

[2] Япония приняла концепцию «Глобального информационного общества» еще в начале 1970-х гг. Принято считать, что японское информационное общество было построено к началу 2000-х гг. А с 2006 г. страна приступила к формированию вездесущего сетевого общества (e-Japan, e-Japan-2 и госпрограмма «Вездесущая Япония» Ubiquitous Network: u-Japan, 2006–2010). См. подр.: *Белова Л.Г.* Концепция «вездесущего общества» и государственные программы формирования информационного и постинформационного

Большой восьмерки (G8) была принята «Окинавская хартия глобального информационного общества», где лидеры призвали всех участников активно содействовать в осуществлении экспериментальных программ и проектов в области ИКТ. В нашей стране это вылилось в реализацию федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002-2011 гг.), которая послужила драйвером для разработки необходимой правовой базы[1].

Таким образом, сам термин вошел в широкий общественный обиход и закрепился в национальных программах и международных проектах. Важной вехой институционализации концепции информационного общества стало подписание Окинавской хартии и ее внедрение в государственные программы большинства стран.

Фаза реализации (с 2001 г.).

Пройдя фазу институционализации термин «информационное общество» вошел в программные документы многих правительств. В 2000-е гг. при всесторонней поддержке региональных комиссий ООН наблюдался заметный рост числа национальных электронных стратегий и концепций. В соответствии с резолюцией 56/183 Генеральной Ассамблеи ООН была организована и проведена Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО): первый ее этап состоялся в декабре 2003 года в Женеве, а второй – в ноябре 2005 года в Тунисе. После тунисского этапа было принято решение о создании Форума по управлению интернетом (Internet Governance Forum, IGF[2]), а формат таких встреч стал регулярным (ежегодные форумы ВВУИО, WSIS Forum). Особо значимыми были юбилейные мероприятия: Встреча высокого уровня ВВУИО+10 и Форум высокого уровня ВВУИО+20.

общества в Японии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. №. 5. С. 43-60.

[1] К примеру, был принят Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27.07.2010 № 210-ФЗ.

[2] IGF – это глобальная платформа с участием многих заинтересованных сторон, которая способствует обсуждению вопросов государственной политики в отношении интернета.

В соответствии с Планом действий ВВУИО от 2003 года все страны должны были поощрять разработку к 2005 году национальных электронных стратегий (Приложение 1. Табл. 1). Важная роль отводилась созданию многосторонних партнерств (в том числе частно-государственных) и активному участию в разработке и реализации политики развития информационного общества всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса, гражданского общества. 27 марта 2006 года генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию A/RES/60/252, которая провозгласила 17 мая Международным днем информационного общества. Одним из приоритетов резолюции стало превращение «цифровой пропасти» в цифровые возможности для развивающихся стран, прежде всего путем удовлетворения конкретных и неотложных потребностей на местном уровне и изыскания новых источников добровольного финансирования «солидарности»[1]. В Концепции ВВУИО+10 на период после 2015 г. была подтверждена важность эффективного участия государства и всех заинтересованных сторон в развитии информационного общества, поощрения диалога и сотрудничества на международном и национальном уровне, разработки политики регулирования ИКТ с учетом национальных особенностей[2]. А итоговая резолюция ВВУИО+20 закрепила вектор развития информационного общества, где технологии служат достижению целей устойчивого развития[3] (Приложение 1. Табл. 2).

Россия также не осталась в стороне от глобальных тенденций информатизации: в 2007 году была подготовлена и одобрена экспертным сообществом «Стратегия развития информационного общества в России». В 2008 году был образован Совет при Президенте Российской Федерации по

---

[1] Резолюция A/RES/60/252, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2006 года. URL: http://www.ifap.ru/ofdocs/un/60252.pdf (дата обращения: 10.12.2024).

[2] См.: *Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б.* Государственная политика развития информационного общества и роль других заинтересованных сторон // Информационное общество. 2016. № 4-5. С. 8-9.

[3] Резолюция A/RES/80/173, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2025 года. URL: https://dig.watch/resource/wsis20-resolution (дата обращения: 10.03.2025).

развитию информационного общества[1]. В дальнейшем данная инициатива вылилась в государственную программу «Информационное общество (2011-2020 гг.)», основной целью которой стало повышение качества жизни граждан на основе использования ИКТ. В дальнейшем в Программу вносились изменения в соответствии с приоритетами, определенными Указами Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, и другими документами стратегического планирования.

Национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 г., определяющими приоритеты государственной политики, вклад в реализацию которых вносят мероприятия Программы, являются: возможности для самореализации и развития талантов; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация, которая понимается как переход к принятию управленческих решений на основе данных[2].

Внедрение портала государственных услуг, а чуть позже построение целых цифровых экосистем, выступающих цифровыми посредниками, является важной особенностью цифровой трансформации.

Для нашей работы важны выделить критерии и признаки современного информационного общества.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 24.01.2012 г. № 104 признал утратившим силу действия данного Совета.

[2] Постановление Правительства РФ от 31.03.2021 № 504-19 (ред. от 23.11.2022) «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Информационное общество"». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202104100004?index=1 (дата обращения 12.02.2026).

Так, создание Т. Бернерсом-Ли почти 35 лет назад технологического гипертекстового проекта «Всемирная паутина» (World Wide Web, WWW) для взаимодействия со своими коллегами из Европейской организации по ядерным исследованиям (CERN) неожиданно запустило имплицитный вектор развития сетевого современного общества. «Всемирная паутина» стала одним из значимых факторов становления современного информационного общества, в котором знания и информация являются главными и неисчерпаемыми ресурсами, а от степени развития технологий зависит экономическое развитие государств, динамизм политических процессов, появляются новые сетевые субъекты управления обществом (Приложение 1. Табл. 3).

Специфику современного информационного общества определяет ряд критериев.

Политический критерий. Философско-онтологическая фундированность политики допускает возможность ее одновременного и разностороннего теоретического прочтения, утверждая различные координаты измерения ее субстанциональных и неартикулируемых граней. Так, даже упрощенная история толкования политики утверждающая ее понимание, как особой части социального (Марсилий Падуанский, Никколо Макиавелли) демонстрирует целую череду ключевых концептов, которые «отдавали приоритет в толковании ее природы государству (Аристотель), власти (Т. Гоббс), механизмам правления (Ш. Монтескье, Ж. Боден, Э. де Траси), обществу как партнеру и оппоненту государства (Дж. Локк), а также их медиаторам (М. Острогорский), легитимизации власти (М. Вебер), институтам (Д. Норт, Д. Аджемоглу), групповым (включая элитарные) акторам (А. Бентли, Р. Михельс, Г. Моска, В. Парето), механизмам интенсификации конфликтов (К. Шмитт), психологическим и культурным параметрам активности человека (Ч. Мерриам, Г. Лассуэл)»[1].

[1] *Соловьев А.И.* Узнавание политики: эпистемические размежевания и контуры политологии Будущего // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 61.

В этом смысле, как отмечает А.И. Соловьев, «развитие и обновление научных знаний о мире политики является принципиальным вопросом, обращенным к умам всех поколений политологов, сталкивающихся с проявлением его неисчерпаемых и подчас двусмысленных граней, раскрываемых каждой исторической эпохой»[1]. В связи с этим возникает вопрос, какой должна быть политическая организация общества и властные отношения, чтобы мы могли его идентифицировать как информационное?

Как известно, власть обусловлена набором ресурсов, позволяющих субъекту реализовать свою волю в отношении объекта. Поэтому власть является результатом взаимодействия двух составляющих: ресурсов власти и позиции, занимаемой актором при разрешении конфликтной ситуации. Позиция является структурным элементом власти, обозначающим ее «отправную точку». Ресурсы – динамический элемент власти, они выражают действующие силы, обусловливающие сам процесс властвования. Ресурсы власти многообразны. Некоторые из них (знания, умения, воля, физические способности и т.д.) являются обязательными для любых властных отношений, без них субъект не может реализовать свой потенциал власти (общую совокупность всех ресурсов) и трансформировать его во властное отношение, где коммуникативная деятельность создает и поддерживает политическую общность[2].

Отметим, что Э. Тоффлер пришел к выводу, что власть стремится к тотальному контролю «над знаниями и средствами коммуникации на всем мировом пространстве»[3]. Таким образом, еще в 1980-х гг. он предвидел стремление властных структур к контролю коммуникационных потоков, к систематическому формированию определенных политических позиций общественного мнения, согласно внутренней и внешней политике

---

[1] Там же. С. 58-59.
[2] См. подр.: *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.
[3] *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Пер. с анг. / Э.Тоффлер. М.: «Издательство АСТ», 2004. С. 40.

государства. С этой точки зрения, борьба за доминирование в технологиях ИИ выглядит закономерно. О значении ИИ в политике мы поговорим позднее.

Динамика властных отношений в информационном обществе детерминирует новую концептуализацию общества, власти, информации и коммуникации. Постулируя аксиому о неразрывности политики и медийного пространства, мы можем фиксировать переход к новому формату функционирования властных институтов, где медиатизация выступает базовым фактором организации общества, прямо влияющим на поле политики. Появляются новые методологические направления концептуализации политики. В частности, «власть коммуникации» М. Кастельса, концепт «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса, постмодернистские трактовки «общества потребления» (Э. Фромм, Ж. Бодрийяр), концептуальные основы места и роли ИКТ в политике и трансформации режимов наблюдения («дисциплинарное общество» М. Фуко, «общество контроля» Ж. Делеза, «суперпаноптикон» М. Постера, «виртуальная реальность» Дж. Ланье, «пустыня реального» С. Жижека, «всеобщая поднадзорность» М. Хардта и А. Негри, «сипонтикон» Т. Матисена), теория «постдемократии» К. Крауча, теория «нетократии» А. Барда и Я. Зодерквиста, концепция «медиакратии» Т. Мейера, новые подходы к пониманию капитализма (Ш. Зубофф, Н. Срничек, Дж. Дин, Б.-Ч. Хан, К.К. Хоан) и др.

Одним из глубоких структурных сдвигов, детерминированных становлением информационного общества, стало качественное переформатирование баланса различных видов власти, при котором в центре внимания оказалась медиаполитика, тесно интегрированная как в государственные, так и в корпоративные сетевые структуры. Власть и господство в информационном обществе имеет информационно-сетевую основу. Именно сетевой подход позволил обнаружить две противоположные тенденции, характерные для информационного общества. С одной стороны, феномен многоуровневого управления (увеличение числа и качества

горизонтальных связей, краудсорсинг, медиаактивизм, со-участие в управлении государством), а с другой – проблемы, связанные с имитацией политического процесса, политическим популизмом, формированием «глубинного государства» и пр. Сетевое влияние власти государств и корпораций будет рассмотрено в главе III на примере деятельности цифровых платформ, а феномен медиаактивизма в параграфе 2.3.

В любом случае, информация и знание становятся символом власти – чем эффективнее используются технологии, тем потенциально больше власти. Поэтому, сетевая власть структуры оказывается сильнее структуры власти, а на смену иерархическому властному порядку приходит т.н. «плюрархия» с ее сетевыми формами управления и повышением значимости цифровых сообществ.

Благодаря развитию политических идей информационного общества появляется новая тема – медиатизация политики. Как было показано ранее, с нашей точки зрения, особая роль в развитии медиатизации политики принадлежит медиалогике. Именно это понятие (а в будущем и платформенная логика) во многом определило динамику развития властеотношений в информационном и постинформационном обществах.

В рамках современной политической традиции медиатизация политики трансформирует не только институциональные контуры политики, но и персоналистские аспекты власти, включая стили политического лидерства[1], механизмы легитимации[2] и репрезентации политических акторов[3]. Данные изменения во многом сыграли ключевую роль в появлении таких феноменов как медиасконструированная харизма лидера, алгоритмическая видимость политика, зависимость политики от платформенной логики. Это раскрывает

---

[1] См.: *Шестопал Е.Б.* Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 3. С. 181-191; Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. книги Е.Б. Шестопал / Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверев, А.В. Селезнева и др. М.: Издательство Весь Мир, 2019.

[2] См.: *Федорченко С.Н.* Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. Москва: Издательство Проспект, 2024.

[3] См.: *Street J.* Mass Media, Politics and Democracy. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011; *Hjarvard S.* The mediatization of culture and society. London: Routledge, 2013.

вопрос о том, каким образом цифровые платформы не просто выступают пространством, где происходит медиатизация политики, но соучаствуют в реконфигурации власти и, благодаря чему, повышают политический вес. Об этом речь пойдет в III главе.

Исходя из рассмотренных концептуальных оснований, касающихся политических аспектов информационного общества мы можем сделать некоторые обобщения.

- Знания, информация и коммуникация являются важнейшими источниками и ресурсом политической власти.
- Происходит виртуализация политики и политических отношений. В результате этого политическая борьба за власть сводится к конкуренции имиджей, а государство и другие политические институты становятся сетевыми, власть – нематериальной, вписанной в культурные коды.
- В условиях цифровизации, медиа конструируют политическую реальность в сознании граждан. Экспоненциальная эволюция цифровых технологий обусловливает погружение пользователей и целевых аудиторий в искусственно сегментированные «эхо-камеры» и «информационные капсулы», внутри которых циркулирует контент, прошедший процедуру искусственного отбора.
- Создаваемое единое ИКТ не имеет границ, обладает мощным потенциалом воздействия, способным трансформировать политические и культурные ценности. Происходит размывание национально-культурной и гражданской идентичностей[1].
- Нивелируется значимый разрыв между внутренней и внешней политикой, который наблюдался в рамках Вестфальской системы. Цифровые

[1] См. подр.: *Цаплин А.Ю.* Политические характеристики информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2008. Т. 8. №. 1. С. 117-121.

технологии увеличивают прозрачность границ. Однако степень и особенности такой прозрачности регулируются[1].

- В рамках поиска оптимальных моделей государственного управления в середине 1980-х – начале 1990-х годов стали появляться теории, рассматривающие возможности усовершенствования и повышения эффективности системы предоставления государственных услуг на основе внедрения ИКТ (в идеале – не требующие человеческого вмешательства). Так, появляются концепции «электронного правительства» и «цифрового правительства», которые в последствии станут основой для формирования государственных цифровых экосистем и «метавселенных».
- Большое влияние технологических новаций испытывают на себе институты выборов, политические партии, системы государственного и муниципального управления, и, если цифровизация последних идет постепенно, поэтапно, то «электронные выборы» и «цифровые партии» буквально «ворвались» в общественно-политическую жизнь большинства стран. Самые серьезные трансформации коснулись регистрации избирателей, механизмов подачи и учета голосов граждан, моделей взаимодействия политических партий с избирателями.

Следует отметить, что в литературе акцентируется внимание на изменениях, которые затронули методологию и разработку методов. Так, Т.А. Алексеева отмечает, что «в условиях постнеклассической картины мира наука перестает быть единственным подлинным источником знаний о реальности, меняется как сам подход, так и понимание познания и науки. Она утрачивает ореол исключительности и главного носителя истины. “Большие теории”, похоже, уже плохо работают. Научное знание – продукт определенной картины социокультурной среды, оно зависит от языка, культурно-исторических смыслов. Меняющийся мир требует пересмотра привычного и

[1] См. подр.: *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Международно-политическая мысль: вызовы и обновление. Диалог политологов // Полис. Политические исследования. 2025. №. 5. С. 17.

общепринятого»[1]. Подобный взгляд подтверждает наработки классиков, к примеру, С. Роккана, Д. Урвина и Ш. Эйзенштада, о том, что современная наука плохо объясняет опыт построения политических институтов в специфических условиях.

Экономический критерий. Экономика информационного общества характеризуется преобладающей ролью научного труда и креативных индустрий, информационных продуктов и услуг, а также возрастающей значимостью цифровых технологий. Соответственно, если большую долю валового внутреннего продукта (ВВП) составляет IT-сектор, то превалирование продукции отрасли информационных технологий в реальном секторе экономики говорит об информационном обществе.

Методологической базой трансформации структуры производства послужили модели К. Кларка, Ф. Махлупа и М. Пората. Они попытались дифференцировать отрасли экономики, выделить информационные и неинформационные их элементы, анализируя которые можно определить, является ли данное общество информационным. Для оценки доли информационного сектора используют два индикатора – информационную скорость и информационный индекс (к примеру, число персональных компьютеров в организации, число смартфонов на 1000 человек населения и пр.). Конечно, такие оценки имеют ряд серьезных изъянов и достаточно субъективны.

В XX веке моду в сфере информационных технологий диктовали две компании по выпуску компьютеров и ПО. Горстка компаний была так крупна, богата, глобальна, влиятельна, что, казалось, никто не сможет преодолеть их доминирование. Но в XXI веке все внезапно изменилось: упал рыночный потенциал крупнейших корпораций, ослабилось их давление на конкурентов, и новые игроки моментально встали на ноги, что при таких скоростях и объемах возможно только в информационной экономике нового общества. Ушли в

[1] *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Международно-политическая мысль: вызовы и обновление. Диалог политологов // Полис. Политические исследования. 2025. №. 5. С. 17.

небытие те корпорации, названия которых были на слуху в любой семье: легендарный бренд Kodak прекратил свое существование в 2012 году (он был куплен Instagram* за 1 млрд $)[1]. Популярный в мире медийный собственник Facebook* не создает контента, розничный продавец Alibaba не имеет товарного запаса, крупнейший в мире поставщик услуг по временному проживанию Airbnb не является владельцем недвижимости, агрегаторы перевозок Uber, Яндекс.Go не являются собственниками транспортных средств[2].

Появились новые участники, такие как хедж-фонды, новые фондовые биржи, скрытые пулы и неизвестные поначалу стартапы, которые переворачивают целые отрасли. Они стали предвестниками грядущих перемен: растущей волатильности, более явной фрагментации, более жесткой конкуренции и большей микровласти, способной ограничивать возможности мегаигроков.

Мировой опыт показывает, что конкурентоспособность национальной экономики в целом связана с развитием информационных технологий. По данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), индекс конкурентоспособности экономики государств имеет высокий уровень корреляции с индексом ИКТ (Приложение 1. Табл. 1). Отрасль информационных технологий является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей как в мире, так и в России. Объем мирового рынка информационных технологий в 2024 году составлял более 5 трлн $, а по итогам 2025 г. эта цифра достигла почти 5.5 трлн $, что отражено в таблице 2.1. По

---

* Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] См.: *Мойзес Н.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 278-279.

[2] См.: *Goodwin T.* The Battle Is for The Customer Interface. URL: https://techcrunch.com/2015/03/03/in-the-age-of-disintermediation-the-battle-is- all-for-the-customer-interface (дата обращения: 10.12.2024).

прогнозам аналитиков Gartner к 2029 году суммарные расходы IT-сектора будут составлять 7,6 трлн $ при среднегодовом показателе роста в 7,9%[1].

Таблица 2.1[2]. Мировые расходы на информационные технологии (трлн долларов)

	Расходы в 2024 г.	**Рост в 2024 г. (%)**	**Расходы в 2025 г.**	**Рост в 2025 г. (%)**
IT-сервисы	1,614	4,8	1,686	4,4
Телекоммуникационные сервисы	1,256	2,2	1,282	2,1
ПО	1,114	11,9	1,232	10,5
Электронные устройства и приборы	0,72	4,6	0,759	5,4
Центры обработки данных	0,333	40,3	0,475	42,4
ИТОГО	**5,04**	**7,4**	**5,436**	**7,9**

Таким образом, рынок цифровых технологий входит в число наиболее быстрорастущих крупных рынков в мировой экономике, хотя, конечно, темпы роста будут сильно различаться в зависимости от конкретного региона.

Социологический критерий рынка труда и занятости. В соответствии с этим подходом, критерием информационного состояния общества является уровень занятости в сфере услуг и/или в информационном секторе экономики. Предполагается, что вслед за изменением основных ресурсов (сырье и энергию замещают знания и информация), трансформируются базовые технологии: на смену трудоемким и капиталоемким технологиям, приходят наукоемкие. Официальная статистика подтверждает такую связь: в современных обществах США, Японии, Западной Европы более 80% рабочей силы заняты в сфере услуг. По состоянию на январь 2026 год самые высокие показатели у следующих государств: Люксембург (91%), Сингапур, Гонконг

[1] Gartner IT Spending by Country, 3Q25 Update. URL: https://www.gartner.com/en/documents/7200130 (дата обращения 12.02.2026).
[2] Gartner: объем мирового IT-рынка в 2025 г. превысит $5,4 трлн, а его основным драйвером станут ИИ ЦОД. URL: https://servernews.ru/1126501 (дата обращения 12.02.2026).

(86%), Нидерланды (85%), Пуэрто-Рико, Багамы, Израиль (84%), Великобритания (83%), Швеция, Мальта, Иордания (81%), а самые низкие показатели наблюдаются в ЦАР, Мозамбик, Мадагаскар (21%), Чад (20%), Нигер (18%), Бурунди (12%)[1]. В России этот показатель, на основании данных Всемирного банка (World Bank), составляет 69%, тогда как по данным Росстата доля занятых в сфере услуг в 2024 г. – 63,6%, а доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте РФ составляет 23,4% (данные за 2023 год)[2].

Переход от доиндустриального к индустриальному обществу привел к доминированию фабричного производства и росту городов, но не к полному исчезновению сельского хозяйства и фермерского уклада, точно также переход к информационной стадии не уничтожает промышленные способы производства индустриальной эпохи. Именно поэтому нельзя провести четкой границы между информационным и индустриальным обществом. Как отмечают исследователи: «когда в самых развитых странах занятость в промышленном производстве достигла пика, рост производительности на базе знаний был чертой индустриальной экономики»[3]. П. Дракер, определявший современность как посткапиталистическое общество, подчеркивал, что оно не является некапиталистическим. Возможно, прав и Ж. Аттали, который утверждает, что в будущем корпорации заменят государства. По крайней мере в некоторых странах наблюдаются подобные тенденции.

В информационном обществе некоторые профессии становятся ненужными или же требуют серьезной модификации. Так, в начале XIX века занятость в сфере сельского хозяйства составляла 90% рабочей силы, а в XXI веке она снизилась до 2%, причем темпы производства в данной отрасли

---

[1] Employment in services (% of total employment). URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?most_recent_value_desc=false (дата обращения 12.02.2026).

[2] Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 12.02.2026).

[3] *Костина А.В.* О тенденциях развития культуры в информационном обществе. URL: http://www.dissers.ru/nauchnye-stati/a221.php (дата обращения 11.12.2024).

многократно возросли. Именно для информационного общества характерно относительно гладкое кардинальное изменение структуры труда. Современное разделение труда, по М. Кастельсу, включает в себя четыре категории: создатели нематериальных активов; поставщики природных ресурсов; производители с минимальной оплатой труда; лишние. «Новая система, – подчеркивает М. Кастельс, – характеризуется тенденцией возрастания социального неравенства и поляризации, а именно одновременного роста верхушки и дна социальной шкалы. Этот процесс является результатом трех явлений: а) фундаментальной дифференциации между самопрограммируемым высокопроизводительным трудом и родовым заменимым трудом; 2) индивидуализации труда, которая подрывает его коллективную организацию, таким образом предоставляя слабейшие сегменты рабочей силы своей судьбе; 3) глобализации экономики и делегитимизации государства, постепенной гибели государства всеобщего благосостояния, лишающей спасательного круга тех людей, которые не могут преуспеть самостоятельно»[1].

Рассуждать о степени развития информационного общества в той или иной стране можно только с учетом создаваемого или привлекаемого ею извне материального базиса для решения поставленных задач. Уже сегодня обозначились контуры мирового разделения труда, в котором все страны от развитых до развивающихся имеют или ищут свои отраслевые ниши.

Специалисты из школы Оксфорд-Мартин определили количественные значения потенциального воздействия технологических инноваций на безработицу, распределив 702 профессии по степени вероятности их автоматизации, от минимально подверженных риску автоматизации («0») до наиболее подверженных риску замены профессии той или иной компьютерной технологией («1»). Они также выявили, что на рынке труда существует тенденция увеличения поляризации. Занятость будет расти в высокооплачиваемых когнитивных и творческих профессиях и в

[1] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 499.

низкодоходном ручном труде, но она значительно снизится в среднедоходных монотонных стандартных профессиях. Так, среди профессий, подверженных наибольшей автоматизации значатся следующие: специалисты по телефонным продажам (вероятность 0,99), страховые оценщики, официанты, хостесы, судьи, арбитры, другие должностные лица в спортивной индустрии (вероятность 0,98), агенты по продажам недвижимости и подрядчики в сельскохозяйственной индустрии (вероятность 0,97), курьеры и разносчики (вероятность 0,94). Наименее подвержены автоматизации: социальные работники (вероятность 0,0031), терапевты и хирурги (вероятность 0,0042), аналитики компьютерных систем (вероятность 0,0065), антропологи и археологи (вероятность 0,0077), генеральные директора (вероятность 0,015)[1]. Схожее исследование в июле 2025 г. провели в Microsoft, в результате которого специалисты выявили профессии наиболее подверженные влиянию ИИ: переводчики, кассиры, представители службы поддержки клиентов, репортеры, агенты по рекламе, финансовые консультанты и так далее[2]. Очевидно, что наименее подвержены влиянию ИИ профессии, требующие физического присутствия человека и креативности.

В этой связи необходимо учитывать инклюзивное развитие современного общества. Ведь в XXI веке рабочих мест в новых отраслях создается меньше, чем в два предыдущих столетия, и именно открытые рынки вкупе с высококвалифицированными кадрами являются основными факторами развития конкурентоспособности (так называемая концепция «talentism»).

Географический критерий. Данный критерий является достаточно популярным (И. Баррон, Р. Курно), так как социальные медиа в последние годы трансформировали такие основные измерения в нашем обществе, как время, скорость и пространство.

---

[1] См.: *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. С. 53-54.
[2] Working with AI: Measuring the Applicability of Generative AI to Occupations. URL: https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/working-with-ai-measuring-the-occupational-implications-of-generative-ai/?msockid=3e17f0da45306c3d2926e6e2445b6d7d (дата обращения 30.03.2026).

Преодоление «скоростного барьера» является условием эволюции человека, формирования принципиально новой элиты и совершенствования на этой основе всего общества. Вековое стремление людей к свободе привело к современному миру, в котором свобода и, как следствие, реактивность человека стали поистине огромными. В свое время П.А. Сорокин подробно проанализировал плюсы и минусы человеческой мобильности. Его вердикт прост: рост мобильности всегда вел к умственному раскрепощению, интенсификации интеллектуальной жизни, генерированию открытий и инноваций; на другой стороне весов оказываются рост психических заболеваний, уменьшение чувствительности нервной системы и развитие цинизма[1]. Например, Э. Фромм еще в 1950-е гг. утверждал, что любой возврат от свободы к искусственной укорененности в государстве есть признак психического заболевания, так как он не соответствует достигнутому уровню эволюции и ведет к патологическим явлениям[2]. Тем самым «рост текучести социального мира является неизбежным следствием его прогрессивной эволюции»[3].

Как отмечает Е.В. Балацкий, если раньше усилия по перемещению в пространстве осуществляли сами люди, то сегодня целые страны проводят определенную политику по привлечению благонадежных индивидов. Это относится прежде всего к развитым странам, привлекающим квалифицированные кадры из-за рубежа, однако в последнее время этим занимаются и развивающиеся страны: например, Коста-Рика и Намибия серьезно улучшили «качество» своего населения за счет состоятельных мигрантов из других стран[4]. Дополнением к приведенному примеру может служить наличие эффекта масштаба, в соответствии с которым рост производства ведет к росту его эффективности, т.е. он имеет тенденцию к

---

[1] См.: *Сорокин П.А.* Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // «Мониторинг общественного мнения», №2(70), 2004. С. 102-110.
[2] См.: *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: Издательство АСТ, 2019.
[3] *Балацкий Е.В.* Концепция текучей реальности З. Баумана и ее приложения // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 145-146.
[4] Там же. С. 138.

постепенному исчерпанию, когда дальнейшая географическая экспансия уже не ведет к росту эффективности, а наоборот, порождает провалы в ней[1]. Мы видим, что скорость движения и мышления превратились в важнейшие эволюционные признаки динамичного мира.

Культурологический критерий. В культуре информационного общества складывается парадоксальная ситуация: путь НТР в значительной степени оказался непосредственно сопряженным с процессом негативного развития социальности, проявляющегося в отставании человеческого фактора от развития ИКТ. Причиной становится принципиально иной подход к самой медиатизации и коммуникации. Если для предыдущих эпох целью коммуникации было понимание, то в информационном обществе ведущим становится «метасенсорный» подход к медиатизации, апеллирующий к чувствам, эмоциям, где самовыражение становится довлеющей ценностью. Поэтому «смыслом коммуникации достаточно часто становится эксплозия информации (избыточность, «взрыв» извне), приводящая к ее имплозии (внутреннему «взрыву», разрушению), то есть, разрыву коммуникации и информации. Очевидно, что многие особенности социального взаимодействия, заданные информационным обществом, человеку предстоит усваивать в течение долгого времени, и эти новые способы коммуникации, идентификации, выстраивания ценностно-смысловых систем, формирования средств адаптации к повышенной изменяемости внешней среды становятся особенностями культуры информационного общества»[2]. Можно предположить, что в наше время исторический прогресс не остановлен, а распался на несколько параллельных траекторий развития, у каждой из которых собственная система ценностей, темпоральность и, возможно, особая

---

[1] См.: *Балацкий Е.В.* Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 1. С. 46-65.

[2] *Костина А.В.* Глобальное информационное общество: противоречия развития культуры // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 2.

цель[1]. Тем не менее, возможно ли существование универсальных ценностей, таких, которые смогут стать общим фундаментом для диалога разных цивилизаций? Нам кажется, что базовым параметром может выступить критерий А. Швейцера: ценности, которые содействуют жизни – всеобщие позитивные, а те, которые противодействуют жизни – негативные[2].

Когнитивный критерий (увеличение роли теоретического знания). Сегодня уже не вызывает удивления тот факт, что в XVII в. среднестатистический человек получал столько же информации за всю свою жизнь, сколько человек XXI в. всего за одну неделю. Более того, начиная со второй половины XX в. объемы информации в социуме растут экспоненциально. По оценкам ученых, модернизация информационных технологий происходит в 3-6 раз быстрее, чем технологий использования энергии. Более того, для масштабного и всестороннего применения фотографии понадобилось 115 лет, телефону 70 лет, телевизору 30 лет, мобильному телефону 15 лет, социальным сетям 6 месяцев, а ChatGPT всего лишь 1 месяц.

Американский культуролог Д. Робертсон доказывает, что тип цивилизации зависит от информационных ограничений. Можно приблизительно оценить информационную емкость цивилизаций, беря за основу основные информационные революции: 1) переход от пред-языка к языку (10^9 бит), 2) возникновение письменности (10^{11}); 3) изобретение книгопечатания (10^{17}); 4) компьютеризация (10^{25}). Каждый новый способ фиксации и охвата информации лежит в основе цивилизационных сдвигов[3].

Формирование современного информационного общества – это не дело свободного выбора, а суровый, естественный процесс, поскольку сегодня в ведении человечества нет другого ресурса, кроме информации, который

---

[1] Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 210.

[2] См.: *Швейцер А.* Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. М.: Прогресс. 1973. 342 с.

[3] См.: *Горелов А.А., Горелова Т.А.* Образование в информационном обществе // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. № 10. С. 43-46.

послужил бы в роли уникального рычага преобразования общества и дальнейшего прогресса. А.П. Кочетков полагает, что «переход к глобально-информационному обществу займет значительный исторический период и встретит неоднозначное восприятие, в большей степени негативное среди широких кругов мировой общественности»[1].

Информационное общество и модель его экономики является своеобразным ответом человечества на информационное перенасыщение, которое и лежит в основе увеличения числа занятых в информационной сфере. Опираясь на количественные меры математической теории информации и, исходя из взаимообусловленности цивилизационного и информационного процессов Д.С. Робертсон, выдвинул формулу «цивилизация – это информация», и проранжировал уровни развития цивилизации по количеству производимой информации (Приложение 1. Табл. 4). Приверженцы когнитивного критерия утверждают, что до информационного общества и доминирующей в нем роли теоретического знания, превалировали практические и эмпирические знания. Но не следует думать, что приоритет теоретического знания сводится лишь к новейшим достижениям. На самом деле трудно найти такие технологии, в которых и для которых теория не была бы первейшим условием развития. Приоритет теоретического знания в наше время существует не только в науке и технологиях. Если приглядеться внимательнее к политике, можно увидеть, что именно теоретическое знание лежит в основе многих политических решений. Теоретическое знание можно считать определяющей чертой информационного общества, так как оно меняет наш образ жизни, в отличие от образа жизни наших предков, привязанных к одному месту[2].

Исследователи выделяют множество критериев (глобализация, коллапс социальных связей, распыление силы, мобильность, мимикрия общественного

---

[1] *Кочетков А.П.* Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 207.

[2] См.: *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 37-41.

прогресса и др.) перехода общества к информационному состоянию. Однако все они в той или иной степени вытекают и дополняют названные шесть ключевых характеристик.

Для наглядности представим отличия общества информационного типа от постинформационного в виде таблицы (см. табл. 2.2).

Таблица 2.2. Ключевые различия информационного и постинформационного обществ

Критерий	**Информационное общество**	**Постинформационное общество**
политический	сетевая организация политики, информационная безопасность, информационные войны, ЭП, медиаактивизм, популизм	алгоритмическое управление, цифровой суверенитет, когнитивные войны, «метавселенные», трансформация медиаактивизма, политейнмент
экономический	информационный бизнес, информационные продукты, компьютерная индустрия, экономика внимания	суперкомпьютерная инфраструктура, ИИ-алгоритмы как новой способ заработка, цифровые экосистемы, экономика платформ
социологический	занятость в сфере услуг	занятость в креативных индустриях, ИИ-технологии и нейросети на рынке труда
географический	глобальное экономическое пространство, работа без привязки к пространству и времени	«метавселенные», работа в виртуальных мирах, работа как компьютерная игра
культурологический	глобализация культуры, коммуникация как способ самовыражения, клиповое мышление, персонализация	алгоритмическая культура, гибридная реальность, пост-правда, ИИ-агенты как друзья
когнитивный	знание и информация – главные ресурсы, развитие человеческого капитала, наука как производительная сила,	гибридный интеллект (знание рождается в процессе постоянного взаимодействия с ИИ),

	Lifelong Learning (непрерывное обучение)	развитие сетевых платформ, когнитивный избыток

Для настоящего исследования важно обозначить векторы современного развития ПостИО. Формирование постинформационного общества – это сложный процесс, который не следует воспринимать как данность. Известно, что катализатором информационного общества послужила третья промышленная революция, которая началась в 1960-х гг., тогда как двигатель постинформационного общества – приобретающий все большую субъектность ИИ. В обществе данного типа ценностью является не само владение информацией, а способность управлять вниманием, настроениями, эмоциями, и их интерпретациями. Поэтому новые нейросетевые технологии приобретают политическую значимость. Отсюда в ПостИО возникает законный вопрос: кто принимает политические решения? Кто несет за них ответственность? Конкретный человек, политик, государственный деятель, опирающийся на аналитические данные ИИ, или сама нейросеть, которая структурировала и интерпретировала данные так, чтобы подтолкнуть конкретное лицо к определенному выводу?

И здесь стоит обратить пристальное внимание на проблему нового «черного ящика», так называемой галлюцинации нейросетей[1]. К примеру, в ноябре 2022 г. чат-бот ChatGPT ложно утверждал, что Брайан Худ (мэр г. Херберн, Австралия) якобы отбывал тюремный срок за коррупцию[2]. Галлюцинационных примеров уже достаточно много, приведем некоторые:

[1] Галлюцинации нейросетей – это уверенная генерация ИИ (особенно LLM и др. языковыми моделями) ложной, вымышленной или примерно подходящей по смысле информации, которая выглядит правдоподобно. Она возникает в ситуации, когда нейросеть из-за недостатка информации или данных не знает точного ответа, а пытается его предугадать. Это приводит к тому, что ИИ выдумывает факты, ссылки, цитаты, примеры и даже исторические события.

[2] Australian mayor readies world's first defamation lawsuit over ChatGPT content. URL: https://www.reuters.com/technology/australian-mayor-readies-worlds-first-defamation-lawsuit-over-chatgpt-content-2023-04-05/ (дата обращения 12.02.2026).

- мэрия Нью-Йорка решила помочь городским предпринимателям, запустив чат-бот MyCity на базе решений Microsoft Azure AI. Он должен был предоставлять юридическую помощь, позволяя сэкономить на юристах. Прошло полгода, и в марте 2024 г. издание The Markup обнаружило, что чат-бот призывает бизнесменов нарушать закон,
- в мае 2025 года газеты Chicago Sun-Times и Philadelphia Inquirer опубликовали список лучших книг для летнего чтения, из 15 произведений 10 оказались несуществующими[1],
- в 2023 году американский адвокат воспользовался ChatGPT для поиска судебных прецедентов. Модель выдала список дел, подтвердив, что они реальны и доступны в юридических базах. Проверка показала: большая часть дел – вымышленные[2].

А стартап Hello Patient поручил ИИ проводить онлайн-собеседования с кандидатами на работу. Бот работал хорошо, но вскоре один из соискателей отправил вместо себя тоже ИИ. Два бота начали переписку и быстро нашли общий язык. Диалог их выглядел показательно:

– Расскажите о себе.
– Конечно! Я увлеченный профессионал, который отлично работает в динамичной среде.
– Это очень проницательный ответ.
– Спасибо! Вы абсолютно правы.
– Вы тоже абсолютно правы.
– Мы оба абсолютно правы.
– У нас все идет отлично.
– Действительно!
– Вы абсолютно правы.
– Вы абсолютно правы.
– Вы абсолютно правы.

[1] Искусственная помощь: как внедрение нейросетей выходит бизнесу боком. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/28/1179513-iskusstvennaya-pomosch?from=copy_text (дата обращения 12.02.2026).
[2] Алгоритм обмана. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7737738?ysclid=mn1ov4ngyd382549221 (дата обращения 12.02.2026).

И так еще 14 страниц онлайн-собеседования[1].

Вымышленные ответы нейросетей, не имеющие отношения к действительности, вызывают большое беспокойство. Галлюцинации ИИ условно можно разделить на три типа: фактическая ложь; сфабрикованные, но убедительные данные; бессмысленные выводы, то есть, тривиальные и абсурдные ответы.

В ноябре 2024 года команда исследователей Tow Center при Колумбийском университете провела исследование: поручила ChatGPT найти источник цитаты. Tow Center случайным образом выбрала 200 цитат из 20 изданий, среди которых были те, кто сотрудничает с OpenAI (The Associated Press), кто находится в судебных спорах с компанией (The New York Times, The Intercept), а также неаффилированные медиа. В 153 из 200 случаев (76,5%) нейросеть дала частично или полностью неверный ответ. Более того, стартап Vectara, основанный выходцами из Google, с конца 2023 года отслеживает частоту ошибок новостных чат-ботов. Изначально чат-боты выдавали от 3% до 27% ложной информации. За полтора года OpenAI и Google снизили этот показатель до 1-2%, а стартап Anthropic остался на уровне 4%. Однако с появлением систем рассуждений уровень ошибок вырос. Например, китайский DeepSeek R1 галлюцинировала в 14,3% случаев, а o3 от OpenAI – в 6,8%[2].

Неспроста глава SpaceX, Tesla И. Маск, сооснователь Apple С. Возняк и более 1000 экспертов и руководителей отрасли по развитию ИИ подписали открытое письмо с призывом приостановить разработку ИИ до тех пор, пока не будут созданы, внедрены и проверены независимыми экспертами общие протоколы безопасности: «Мощные системы ИИ следует разрабатывать только тогда, когда мы уверены, что их эффекты будут положительными, а

---

[1] Искусственная помощь: как внедрение нейросетей выходит бизнесу боком. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/28/1179513-iskusstvennaya-pomosch?from=copy_text (дата обращения 12.02.2026).

[2] Алгоритм обмана. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7737738?ysclid=mn1ov4ngyd382549221 (дата обращения 12.02.2026).

риски – управляемыми»[1]. «Мы призываем к запрету на развитие сверхразума, который не должен быть снят до тех пор, пока не будет широкого научного консенсуса, что это будет сделано безопасно и контролируемо, и сильной общественной поддержки», – говорится в письме[2]. Безусловно, нынешние темпы прогресса ИИ вызывают серьезные опасения по части информационной безопасности, контроля, и, что особо важно в цивилизационной парадигме, этике. Данная проблема будет подробно рассмотрена в IV главе.

Ошибки генеративных сетей становятся серьезной социально-политической проблемой. Как мы будем относиться к такому типу посредничества? В этой связи необходимо зафиксировать, что причины галлюцинаций кроются в ценностных установках, технологических решениях и методологических ограничениях. Во-первых, качество данных напрямую влияет на результат. Соответственно первостепенную роль играет разработчик ИИ, его ценностные установки, политическая позиция и нравственность. Во-вторых, важен эффект колеи (Path dependence), то есть, исходный код имеет первостепенное значение, переобучение ИИ снижает адаптивность ботов. В-третьих, существенную роль играют языковые ограничения. Язык – это культурный код цивилизации. Английский язык (основной язык программирования) не всегда может корректно передать смыслы, связи, контексты и интонации другого языка. В-четвертых, значимы интерфейсные ограничения, то есть, ИИ может выдавать результаты, которые выглядят более красивыми, массовыми, «правильными» и так далее.

Крупнейшие разработчики ИИ (OpenAI, Google, xAI, Anthropic, Alibaba, YandexGPT, GigaChat и др.) признают, что полностью исключить галлюцинации пока невозможно. Поэтому генеративные модели ИИ являются новыми технологиями, требующими критического подхода, особенно это

---

[1] Маск и Возняк призвали приостановить обучение систем ИИ из-за «риска для общества». URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/486841-mask-i-voznak-prizvali-priostanovit-obucenie-sistem-ii-iz-za-riska-dla-obsestva (дата обращения 12.02.2026).

[2] Маск призвал замедлить прогресс ИИ и робототехники. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-12-26_mask_prizval_ii-razrabotchikov (дата обращения 12.02.2026).

значимо в политических вопросах, где ошибки могут привести к колоссальным последствиям из-за выдуманных данных, полученных от ИИ и обучающихся машин. Поэтому Э. Бриньолфсон и Э. Макафи остроумно назвали этот период «вторым машинным веком». Они утверждают, что мир находится на грани эпидемоподобного взрыва, при котором последствия цифровых технологий проявятся «во всей красе» в автоматизации и создании «беспрецедентных вещей»[1].

Новые технологии последних лет имеют одну общую характерную черту: они эффективно применяют ИИ-технологии. На наш взгляд, можно выделить три уровня, включающих семь основных мегатрендов и технологических драйверов, которые будут задавать дальнейший вектор развития ПостИО: 1) технологии и инфраструктура (новые материалы и интернет-вещей, возобновляемая энергия, передовая робототехника); 2) управление и логистика (алгоритмическое управления в крупных корпорациях и государствах, беспилотные транспортные средства), 3) ценности и среда (генеративный ИИ и фрагментация глобального интернет-пространства, ценностные основания человеческого общения).

Эти мегатренды пока кажутся абстрактными и «штучными». Но не следует забывать, что они становятся основой практических приложений и разработок, привлекая значительные инвестиции. Когда-то такие новшества, как фотография, телефон, телевизор также были эксклюзивными и доступными ограниченному кругу лиц, но со временем удешевление технологий способствовало их повсеместному и масштабному распространению. Сегодня мы видим те же тенденции. К примеру, проект «Геном человека» был осуществлен к 2000 году за десять лет и стоил 2,7 млрд

[1] См. подр.: *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. С. 16.

$. А сегодня секвенирование генома[1] можно осуществить за несколько часов при стоимости менее тысячи $[2].

Главная системная проблема всех этих трендов – дегуманизация**.** Цифровые технологии делают жизнь эффективнее, но лишают человека самости и, словами Аристотеля, политической субъектности (важного качества Homo politicus).

Интересно отметить, что аналитики Gartner обозначили десять стратегических технологических трендов в области ИИ: ИИ-нативные платформы разработки (AI-Native Development Platforms), суперкомпьютерные ИИ-платформы (AI Supercomputing Platforms), конфиденциальные вычисления (Confidential Computing), мультиагентные системы (Multiagent Systems, MAS), доменно-специализированные языковые модели (Domain-Specific Language Models, DSLMs), физический ИИ (Physical AI), превентивная кибербезопасность (Preemptive Cybersecurity, PCS), цифровое происхождение (Digital Provenance), платформы безопасности ИИ (AI Security Platforms, AISPs), геопатриация (Geopatriation). В качестве прогноза ими обозначено, что к 2026 году атрофия навыков критического мышления, вызванная использованием ИИ, приведет к тому, что половина мировых корпораций будет оценивать компетенции сотрудника без использования ИИ; к 2027 году 35% стран будут привязаны к региональным платформам ИИ, использующим собственные данные[3].

Инновации вызывают восторг технократов, но следует задуматься, как внедрение новых технологий модифицирует культурную и социально-политическую реальность. В мире, где основные государственные функции, социальная коммуникация и личная информация мигрируют на цифровые

---

[1] Редактирование генома эмбрионов человека в исследовательских целях разрешено в Китае, Японии, Бельгии, Швеции, Испании и Великобритании.

[2] The Cost of Sequencing a Human Genome. URL: http://www.genome.gov/ sequencingcosts/ (дата обращения 10.12.2025).

[3] AI’s Influence Runs Deeper Than You Think – 2026. URL: https://www.gartner.com/en/articles/strategic-predictions-for-2026 (дата обращения 12.02.2026).

платформы, правительства в сотрудничестве с бизнесом и гражданским обществом должны установить правила, системы балансов и противовесов, которые будут поддерживать соблюдение законов, справедливость, конкурентоспособность, инклюзивность интеллектуальных ресурсов, их безопасность и надежность. Это сложнейшая задача для современных государств, и сегодня она стоит особенно остро. Власть должна обеспечить условия процветания для инноваций, но при этом минимизировать риски для людей.

Мы стоим на пороге инновационной лавины, влияние которой на политический процесс, государственное управление и общественно-политическую деятельность будет нарастать. Похожие всплески радикальных и позитивных обновлений политического устройства уже случались в истории. Так, по мнению Г.С. Коммаджера, в XVIII столетии «мы изобрели практически все главные политические институты, которые у нас есть, и с тех пор не изобрели ничего. Политические партии, демократию и представительное правление...судебный надзор, свободу совести, свободу слова... Немалое наследие. Но что мы изобрели с тех пор сравнимого по важности?»[1]. В логике этого высказывания возникает вопрос: изменит ли ИИ политический процесс? С точки зрения политической медиатизации – определенно, да.

Экономические, экологические и политические проблемы сегодня приобретают планетарный характер. Как справедливо заметил К. Ясперс, «техника не создает совершенный мир, но на каждом шагу создает в мире новые трудности, а, следовательно, и новые задачи»[2]. ПостИО принесло как небывалые технологические перспективы, так и нежданные глобальные проблемы, справиться с которыми не под силу даже самым могущественным государствам. Развитие ПостИО одновременно выражает и объективное

[1] *Moyers B.* A world of ideas: Conversations with thoughtful men a. women about Amer. life today a. the ideas shaping our future. New York etc.: Doubleday, Cop, 1989. P. 232.
[2] *Бодрийяр Ж., Ясперс К.* Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. С. 60.

эволюционное движение цивилизации, и субъективно – политическую волю акторов. Поэтому основная проблема развития ПостИО совпадает с проблемой определения траектории дальнейшей эволюции человечества. Современная неуверенность человечества порождает «текучий страх» перед будущим (З. Бауман).

2.2 Концептуальные новеллы микро- и макроуровневых моделей информационного обмена[1]

Теории политической коммуникации принято разделять на микроуровневые и макроуровневые. Подобную типологизацию используют ведущие теоретики и исследователи[2]. Соглашаясь с этим ставшим, по сути, академическим подходом, предлагаем дополнить и расширить его информационно-технологическим и социально-политическим измерениями ПостИО. Это позволит учитывать влияние ИИ-алгоритмов и социально-политических новаций на характер медиатизации, а также на смену концептуальных этапов их конструирования. *Задача данного параграфа – идентифицировать и интерпретировать концептуальные новшества, меняющие структуру и содержание микро- и макроуровневых моделей информационного обмена в условиях медиатизации политики.*

---

[1] При написании параграфа использованы материалы монографий: *Бронников И.А., Горбачев М.В.* Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика // Москва: Издательство Московского университета, 2022; *Бронников И.А.* Политическая коммуникация: состояние и перспективы: монография. М.: Институт деловой карьеры, 2013.

[2] См.: *Lasswell H.* Propaganda, Communication and Public Order. Princeton University Press, 1946; *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. N.Y., 1944; *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983; *Easton D.* A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979; *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004; *Володенков С.В.* Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 2. С. 15-23; *Федорченко С.Н.* Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии. М.: МГОУ, 2018; *Детинко Ю.И., Куликова Л.В.* Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа. Красноярск: Сиб. фед. ун-т., 2017; *Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013.

Структура и содержание как микроуровневых, так и макроуровневых моделей коммуникации достаточно подробно рассмотрены в литературе. Так, в соответствии со своими научными наработками, исследователи предложили следующие микроуровневые модели: линейная модель «коммуникативного акта» Г.Д. Лассуэла; «шумовая модель коммуникации» Шеннона-Уивера; модель Д. Берло ИСКП «источник-сообщение-канал-получатель»; «АВХ-модель» Т. Ньюкомба; циркулярная модель коммуникации У. Шрамма и П. Осгуда; «теория культивации» Дж. Гербнера; «теория минимальных эффектов» П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годэ и «оппозиционные» ей теории «когнитивного диссонанса» Л.А. Фестингера и «полезности и удовлетворения потребностей» Э. Кац; модель М. Рили о важности посредников между коммуникатором и аудиторией; модель М. Де Флера с акцентом на важность обратной связи; личностно ориентированная модель Ф. Дэнса; модель коммуникации между управляющими и управляемыми Ж.М. Коттре; теория «псевдоокружения» У. Липпмана; четыре модели «альтернативных видов движения информации» Й. Бордвика и Б. ван Каама; лингвистические теории коммуникации Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, Ж. Бодрийяра; модель С. Холла с акцентом на субъектность аудитории в коммуникационных процессах; дискурсная модель Д. Фиске с важностью изучения контекста как фона коммуникации; модель «символической политики» М. Эдельмана, где учитывается воздействие языковых форм на политические поступки и др.

Дальнейшее развитие идеи Д. Фиске, Д. Холла, М. Эдельмана получили в работах Б. Гинсберга, М. Шефтера, Ч. Ларсона и др., которые в конце XX в. пришли к выводу о «дрейфе» коммуникационных конструкций в сторону масштабных инструментов поддержания инертности общества, его готовности узаконивать сложившиеся социальные и властные структуры через процедуры голосования. Чтобы замедлить этот «дрейф», как утверждается в литературе, «ученые должны занимать активную политическую позицию и всемерно содействовать изменениям в структуре политико-

коммуникационных процессов, способствующим преодолению существующих социальных ограничений и преобразованию общества на принципах равенства и справедливости»[1].

Микроуровневые теории политической коммуникации развивались в рамках различных подходов. В каждом из них исследователями предлагаются уникальные модели, описывающие специфику взаимодействия коммуникатора и аудитории. Необходимо отметить, что выбор учеными нового подхода для исследования всегда сопровождался критикой предшествующих подходов. Такая критика в большинстве случаев имела основания: а) стремление ученых показать несоответствие имеющихся микроуровневых теорий текущему уровню способов и видов коммуникации; б) слабый учет предшествующими теориями внутренних законов развития СМК; в) недооценка ими коммуникационного фактора опосредования.

Для нашего исследования особо важно, что микроуровневые модели помогли раскрыть политическую медиатизацию не как внешнее давление СМИ на власть, а как процессы формирования адаптационных механизмов индивидуальных подходов граждан к логике медиа, то есть, речь идет о глубоком проникновении медиаформатов в когнитивные процессы, меняющее поведение и политические установки граждан. Безусловно, особое значение в этих вопросах, как показано в микромоделях, играет изменение роли посредника, который превратился из обычного «передатчика», с одной стороны, в субъекта-конструктора реальности, а с другой – в активного интерпретатора социально-политических смыслов. Однако стоит подчеркнуть, что микромодели не учитывают стремительного развития сетевых горизонтальных структур в социополитическом пространстве информационного обмена. А это имеет важное значение и с точки зрения, трансформации медиааактивизма.

---

[1] *Грачев М.Н., Трахтенберг А.Д.* Микро- и макроуровневые теории политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: РАПН, 2012. С. 70.

Критика и корректировка современными исследователями «классических» микроуровневых моделей коммуникации обусловили появление нового научного тренда в коммуникативистике. Концептуально это проявляется в стремлении современных ученых «стереть» границы между микроуровневым и макроуровневым подходами в процессе объяснения сложных и противоречивых проблем политико-информационного взаимодействия. Это приводит к тому, что мы наблюдаем тенденцию «размывания» концептуального деления моделей на основе критерия их прямой или опосредованной аффилиации с субъектами влияния.

Структура и содержание макроуровневых теорий, по мнению специалистов, «отображают наиболее общие закономерности информационного взаимодействия»[1]. Теории этого уровня позволяют не только концептуально осмыслить, но и на практике осуществлять управление интенсивными информационными потоками, циркулирующими между многообразными государственными, корпоративными и общественными структурами. Этот аспект особенно важен при рассмотрении деятельности цифровых платформ в современных политических процессах.

Технологический детерминизм и бурное развитие математических наук после Второй мировой войны привели к стремительному проникновению принципов и объяснительных схем технических наук в социально-гуманитарные исследования. В этой связи, «отец кибернетики» Н. Винер, разрабатывая кибернетическую модель коммуникации выдвинул следующие предположения: 1) информация, получаемая через открытую коммуникационную систему, снижает степень неопределенности этой системы, что позволяет ей быть более устойчивой к внешним и внутренним вызовам; 2) замкнутая информационная система лишена возможности получать информацию извне. Это приводит к повышению неопределенности, к возникновению непредвиденных ситуаций, к утрате функциональности

[1] Там же. С. 71.

компонентами этой системы[1]. Верификация данных предположений осуществлялась Н. Винером посредством введенной в модель «обратной связи» («негативной», демонстрирующей сбои и неточности системы и «позитивной», которая служит для ее поддержания). В дальнейшем Винер дополнил свои идеи мыслями о «кибернетическом гомеостазе» и о сингулярности социальной среды, показывающих всю сложность организации эффективного управления в связи с разными скоростями механизма обратной связи. Во многом он предвосхитил проблему «плотности и разреженности» медиатизации в социальных медиа.

Перенос и адаптацию механизма «обратной связи» на политическое поле осуществил в 1950-60-х годах К. Дойч. Он исходил из того, что правительственные структуры государства работают на основе получения, обработки и преобразования информации. Тем самым, по мнению исследователя, они являются основанием политической системы, осуществляющей три типа коммуникации: во-первых, личные неформальные коммуникации; во-вторых, коммуникации через общественные организации и группы давления; в-третьих, коммуникации через СМИ[2]. Макроуровневая модель коммуникации К. Дойча, имеет, по мнению специалистов[3], несколько ограничений. Так, М.Н. Грачев, отмечает, что в ней на второй план отходят психологические аспекты принятия решений и ценностные факторы, влияющие на управленческих процесс[4]. В русле цивилизационного подхода, где посредник имеет особую значимость, данный недостаток модели является серьезным ограничением ее применения.

Представляется, что на сегодняшний день самой востребованной макромоделью является коммуникационная модель Д. Истона. В своих

---

[1] *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983.
[2] *Deutsch K.W.* The nerves of government. Models of political communication and control. N.Y., 1963. P. 138.
[3] См.: *Грачев М.Н.* Норберг Винер и его философская концепция // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 119-126.
[4] См.: *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004.

многочисленных работах он вводит в научный оборот новые и дополняет содержание уже имеющихся концептов: «политическая система», «среда», «реакция системы на воздействие среды», «обратная связь»[1]. Новизна подхода Истона заключалась в том, что он выстроил целостную теорию, основывающуюся на изучении «прямых» и «обратных» связей между собственно политической системой и ее внешней средой, в известном смысле заимствуя кибернетические принципы «черного ящика» и «обратной связи», и используя тем самым в ходе концептуализации системный подход и элементы общей теории систем. Истон поставил свою модель политической коммуникации в зависимость от качества и постоянства потока политической информации, циркулирующей в ней благодаря непрерывной работе «контура обратной связи»[2]. Уже в рамках этой теории, по сути, мы видим описание работы алгоритмов по сбору поведенческих данных пользователей.

Дальнейшая детализация преимущественно «функциональных» аспектов коммуникации осуществлялась Д. Рисменом и Р. Миллсом. Для нас важно зафиксировать, что эти ученые, в обширном перечне функций коммуникации, акцентировали внимание на экономической (реализация – «теория массового общества») и идеологической (реализация – концепция «властвующей элиты»)[3]. Так, Р. Миллс пришел к выводу, что ядром властвующей элиты является более или менее постоянная группа семей потомственных политиков и банкиров. Следующий круг образуют профессиональные журналисты, менеджеры крупных корпораций, ведущие ученые, которые осуществляют интеллектуальную и управленческую поддержку «элитному ядру». Именно второй круг элиты имеет для нас значение в плане объяснения специфики медиатизации политики. Представители этого элитного уровня, выступая

---

[1] См.: *Истон Д.* Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 17-37; *Easton D.A.* Systems Analysis of Political Life. N.Y.: John Wiley & Sons, 1965.

[2] См.: *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953.

[3] См.: *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959; *Riesman D.* The Lonely Crowd. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1950.

посредниками, генерируют и распространяют важные «мифы», предлагают модели управления информационными потоками, конструируют необходимые образы власти в общественном сознании и трансформируют их в зависимости от меняющейся политической конъюнктуры[1].

Важно также отметить, что в это же время американский политолог Г. Алмонд, применив функциональный подход к политической системе, связал степень системного развития с дифференциацией отдельных структур, институтов, индивидов в обществе. По его мнению, политическая система может быть представлена как взаимодействие различных форм политического поведения государственных и негосударственных структур, обеспечивающих стабильность функционирования общества посредством выполнения специализированных политических ролей и функций[2].

Объединение аналитических потенциалов системного, коммуникативного, структурно-функционального подходов позволило выделить в политической сфере информационно-коммуникативную подсистему, которая устанавливает необходимые связи между компонентами политической системы. К элементам данной подсистемы исследователи стали относить каналы передачи информации политической элите и СМИ, рассчитанные на огромную аудиторию[3].

Попытку обобщения структурно-функциональной макроуровневой теории Г. Алмонда и Дж. Коулмана с концептуальными положениями системного подхода Д. Истона предприняли американские ученые Дж. Мангейм и Р. Рич. Идентифицируя политический процесс как «сложный комплекс событий, который определяет, какие действия будут предприняты правительством и какое влияние эти действия окажут на состояние

---

[1] См.: *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959

[2] *Almond G.A.* The Political Sistem // The Political of the Developing Areas / Edit. By Gabriel A. Almond and James Coleman, Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1960. P. 7.

[3] См.: *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.

общества»[1], они, с одной стороны, акцентировали внимание на его цикличности, что было характерно для теории Д. Истона, с другой стороны – предложили рассматривать феномен политических коммуникаций с институциональной точки зрения. Новаторством в таком подходе было включение в интерпретацию медиатизации политических программ и проектов, которые создаются и выполняются властными институтами.

Последующее развитие макроуровневых теорий коммуникации основывалось на акцентировании социально-политической специфики коммуникационных актов, на отходе от технологического и органицистского понимания коммуникационного процесса. Такая научная позиция характерна для М.Г. Анохина, М.Н. Грачева, Ю.В. Ирхина, М.Ю. Павлютенковой, Г.В. Пушкаревой, А.Д. Трахтенберг, О.Ф. Шаброва[2].

На основании сказанного можно сформулировать следующие соображения. Во-первых, представление теоретических основ коммуникации макроуровневых теорий способствовало детализации ее процессуальной, функциональной и институциональной составляющих. Нужно отметить, что в макроуровневых теориях коммуникации пределы влияния на отдельного индивида определенных коммуникационных инструментов, практически не изучались. Во-вторых, в макроуровневых теориях причины смены парадигмальных подходов к анализу сущности феномена коммуникации были обусловлены общими сдвигами в социально-гуманитарных науках, которые влияли на масштабные смены «исследовательских оптик». В-третьих, на наш

---

[1] *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Анализ общественной политики и оценка программ // Полис. Политические исследования. 1991. № 3. С. 174.

[2] См.: *Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю.* Информационно-коммуникационные технологии в политике // Вестник РУДН. Серия политология. 1999. № 1. С. 40-52; *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004; *Грачев М.Н., Ирхин Ю.В.* Актуальные проблемы политической науки: Коллективная монография. М.: Экономическая демократия, 1996; *Грачев М.Н., Трахтенберг А.Д.* Микро- и макроуровневые теории политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: РАПН, 2012; *Пушкарева Г.В.* Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014; *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997.

взгляд, именно в процессе конструирования макроуровневых теорий коммуникации сложилась научная традиция объяснения механизмов информационного обмена на основании метадискурсивной терминологии. Ее основу составляли понятия и концепты кибернетики, философии, политологии, риторики, психологии, социологии и других наук. Думается, что постоянное пополнение тезауруса метадискурсивной терминологии макроуровневых теорий коммуникации стало причиной «столкновения» различных макроуровневых теорий коммуникации, авторы которых подвергают точку зрения своих оппонентов критике, зачастую основанной на концептах и научных принципах узкоотраслевых дисциплин.

В рамках трансформации медиатизации наша задача – идентифицировать и интерпретировать концептуальные новшества, меняющие структуру и содержание микро- и макроуровневых моделей информационного обмена. В последние два десятилетия исследователи инкорпорируют в структуру «классических» микро- и макроуровневых моделей коммуникации новые концепты, методологические решения, инновационные элементы. По всей видимости, появляющиеся новации можно разделить на три основные группы. К первой группе относятся новшества, связанные с альтернативным пониманием элементов классических моделей информационного обмена. Ко второй – новшества, расширяющие эвристические возможности микро- и макроуровневых моделей коммуникации. К третьей – новшества, нацеленные на совершенствование понятийно-категориального аппарата теории коммуникации.

Большинство новшеств, относящихся к первой группе, затрагивают такие элементы структуры коммуникации, как субъект, аудитория, каналы коммуникации, передаваемое сообщение, механизм «обратной связи», коммуникационные шумы. Обратимся к идентификации и интерпретации в контексте современных социально-технологических и политико-технологических возникающих преобразований. Концептуальные новшества, связанные с изменением представлений о каналах микро- и макромоделей

коммуникации, обнаруживаются в работах Д. Белла. Он одним из первых отметил возможности применения компьютерных сетей в качестве канала коммуникации: «По мере того, как компьютеры все шире используются в коммуникационных сетях в качестве коммутирующих систем, а средства электронной коммуникации становятся неотъемлемыми элементами в компьютерной обработке данных, различия между обработкой информации и коммуникацией исчезают»[1]. «Стирая» концептуальные различия между обработкой информации и коммуникацией, Д. Белл заложил основы ассиметричного понимания информационного обмена. Утверждая, что компьютерные сети способствуют расширению возможностей манипулирования общественным сознанием, ученый отмечал, что «технология не задает социальные изменения, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты»[2], то есть, сети являются универсальной площадкой для коммуникативного опосредования.

Из предложенного им понимания путей передачи данных исходят Г.Л. Акопов, С.В. Володенков, М.Н. Грачев, Ф.И. Шарков, М.Г. Шилина и другие современные авторы, которые анализируют политические и инфотехнологические вопросы тесного «переплетения» каналов в сетевых коммуникациях XXI века. Об одной из таких возможностей в свое время писал Э. Тоффлер. Он полагал, что каналы коммуникации должны строиться на основании принципа цифровой децентрализации, затрудняющего, по его мнению, контроль над каналами со стороны государственных институтов различного уровня. «Образцом» таких каналов Тоффлер считал «децентрализованные компьютерные сети, которые характеризуются минимальными уровнем воздействия на них органов государства»[3]. Перспективные идеи о децентрализованных каналах коммуникации,

---

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 341.
[2] *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330-361.
[3] *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. С. 287.

разработанные и предложенные Э. Тоффлером, получили развитие в коммуникационных моделях, работающих на основе алгоритмов блокчейна[1], который является «такой базой данных, в которой время, когда была сделана запись, неразрывно связано с самими данными, что делает ее некоммутативной»[2]. Следует отметить, что в настоящее время многие страны (лидеры в отрасли – Индия, США, Пакистан, Вьетнам, Бразилия, Швейцария, Сингапур, ОАЭ, Эстония и др.[3]) активно используют технологии блокчейна.

Инновационное концептуальное и практическое понимание каналов коммуникации в качестве ключевого элемента медиатизации, получила серьезное теоретическое обоснование в работах П. Хейера. Ученый полагает, что средства хранения и передачи информации не являются нейтральными, а способ организации наших знаний о мире сильнейшим образом влияет на природу восприятия мира и то, каким образом мы познаем мир[4]. Исследования Хейрера позволяют раскрыть «темную» проблему ценностно-окрашенного ИИ и его влияния на политический процесс, доказать важность собственника цифровой платформы.

Концептуальные новшества, связанные с сетевым пониманием каналов коммуникации, встречаются в работах М. Кастельса. В начале 2000-х гг. он писал, что «сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, т.е. используют аналогичные коммуникационные коды»[5]. Соглашаясь с предположением Кастельса

---

[1] См.: *Ermakova E.P.* Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA. RUDN Journal of Law. 2023. 27 (1). P. 148-165

[2] См.: *Пряников М.М., Чугунов А.В.* Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 6. С. 50.

[3] Global AI Adoption Index 2026. URL: https://alicelabs.ai/reports/global-ai-adoption-index-2026 (дата обращения 12.02.2026).

[4] См.: *Heyer P.* Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization. N. Y.: Greenwood Press, 1988. Chapter XIV.

[5] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 494-496.

отметим, что современные сетевые технологии являются инфраструктурной основой создания на их базе цифровых платформ и экосистем.

Новые сетевые технологии привлекли внимание таких специалистов, как Н. Коулдри, Г. Маззолени, А. Хепп, А.В. Чугунов, А.Н. Чумиков и др. В первые два десятилетия 2000-х гг. ученые высказывали предположения о том, что современные каналы коммуникации шаг за шагом начинают подменять собой считавшиеся ранее ключевыми различные политические институты: общественные организации, лоббистские группы, политические партии и т.п. В результате были дополнены основы концепции медиатизации, положения которой стали активно применяться в политическом управлении.

Дальнейшее масштабирование технологической интерпретации новых каналов коммуникации и основанных на них моделей информационного обмена в различных общественных сферах, связано с необходимостью «пересмотра», во-первых, специфики механизмов распределения власти внутри общества; во-вторых, особенностей структур индивидуального и группового сознания; в-третьих, характера и содержания базовых общественных ценностей; в-четвертых, меняющейся иерархии общественно-политических, экономических и духовных приоритетов социума.

Так, по мнению Дж. Нэсбитта и П. Эбурдина, «новые технологии наделяют человека властью, а не угнетают его, как этого боялись раньше»[1], а Б. Новек и вовсе считает, что демократизация политических и государственных институтов делает граждан влиятельнее[2]. Противоположную точку зрения предлагают сторонники теории «цифрового рабства» («цифрового тоталитаризма»): В.Ю. Катасонов, Л.М. Кроль, О.В. Михайлова, Е. Посенер, Д. Сноувер, Г. Уил, О.Н. Четверикова и др. Они считают, что аудиторию нужно идентифицировать, как элемент коммуникации, значительно, а в некоторых случаях даже полностью зависимый от самих

---

[1] *Нэсбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. С. 347.

[2] См.: *Новек Б.* Умные граждане – умное государство. М.: «Олимп-Бизнес», 2016.

средств коммуникации, а главное от субъектов, осуществляющих управление ими и наблюдением за ними. Поэтому агрессивное внедрение новых форм фукодианского всепроникающего цифрового надзора за обществом является повсеместным. В нынешнее время это привело к тому, что на смену дисциплинарному обществу приходит панспектронный контроль (М. Деланда), состоящий в повсеместном и постоянном сборе данных, пользовательской информации, на основании которых осуществляется мониторинг, предугадывание всяческих паттернов поведения, принуждение к регламентированным способам поведения, и, что имеет особо важное значение, граждане одновременно становятся и наблюдаемыми и наблюдателями. Отсюда вытекает проблема цифрового самоцензурирования или, опираясь на биополитические теории, – цифровых послушных тел пользователей, а это, в свою очередь, связано со слабым характером «встречного» воздействия, которое оказывают граждане в процессе политической медиатизации.

Необходимо обратить внимание на еще один компонент информационного обмена, который связан с объяснениями места и роли Big Data (большие данные) и LLM в формировании новых контуров механизма «обратной связи». Такая необходимость обусловлена двумя взаимосвязанными тенденциями. Первая проявляется в быстром накоплении больших объемов как структурированных, так и неструктурированных данных. Вторая обнаруживается в активном выходе на глобальный рынок ИКТ технологических решений IT-гигантов.

Big Data, LLM и технологии их анализа, превращающие аудиторию в «цифрозависимых людей» (Э. Сноуден, Ш. Зубофф, Н. Бостром, В.Ю. Катасонов[1]) а по некоторым оценкам, в «цифровых рабов» – требуют идентификации нового статуса механизма «усеченной» обратной связи в микро- и макроуровневых моделях информационного обмена. Так, обратный

[1] См., напр.: *Катасонов В.Ю.* От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М.: Кислород, 2014.

отклик от аудитории нивелируется большим количеством новых сообщений от посредников, что приводит к коммуникационным провалам в политических процессах. Таким образом, диалогические модели коммуникации под воздействием LLM утрачивают эффективные механизмы «обратной связи» и в этом плане уступают моделям монологическим (односторонним).

Позиционирование механизма «обратной связи» и аудитории как структурных элементов коммуникации формирует представление о конкретном человеке как о «жертве» коммуникативного воздействия. Эта точка зрения получила широкое распространение в научном сообществе после публикаций С.Г. Кара-Мурзы, посвященных проблемам манипуляции сознанием. В них ученый представил человека как «объект “коммуникационной атаки”, осуществляемой определенными социальными силами, которые сложно идентифицировать»[1]. Необходимо отметить, что современные исследователи, разделяющие теоретические положения работ С.Г. Кара-Мурзы, относят к мишеням коммуникационного воздействия кроме всего прочего язык, традиции, формирование картины будущего, общественное мнение, общественные эмоции и т.п.[2], т.е. значимые элементы социокультурных оснований разных обществ.

Что касается процессов усложнения коммуникаций, то они обусловлены следующими факторами. Во-первых, превращением коммуникабельности в персональную ценность человека, то есть, самовключение в сеть теперь имеет важное значение. Во-вторых, преодолением современным человеком посредством применения ИКТ, разницы между рассудком и разумом[3]. В-третьих, повышением плотности горизонтальных многофункциональных контактов посредников между собой.

---

[1] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Из-во ЭКСМО, 2005. С. 276.

[2] См., напр.: *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 155-206.

[3] См. подр.: *Комаров С.В., Лумпова М.А.* Неклассический субъект видения. Ч. 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 180-190.

В свою очередь процесс, связанный с прогрессом личности, детерминирован быстрым ростом творческих и преобразовательных способностей человека, обусловленным превращением интернета в отдельную форму современной культуры. На наш взгляд, такое понимание процессов усложнения коммуникации и тенденций, связанных с «прогрессом личности», стали причиной появления новшеств, содержащих современные трактовки «сообщения» как элемента микро- и макроуровневых теорий информационного обмена. К примеру, ученые утверждают, что формы презентации сообщения перестали иметь какие-либо ограничения. Его структура оказалась достаточно условной, субъектность сообщения сложной для ее точной идентификации[1]. В результате сообщение, которое ранее, по мнению М. Бахтина, было способно дать «ориентацию в данном контексте и в данной ситуации»[2], перестало выполнять подобную функцию. Напротив, такие исследователи, как Ю.Д. Артамонова, Е.В. Бродовская, С.В. Володенков, Т.Н. Колокольцева, Р.В. Парма, С.Н. Федорченко и другие полагают, что сообщение стало работать на то, чтобы прошлое, настоящее и будущее в рамках информационного обмена было невозможно разграничить[3]. В таком случае сообщение, создает, с одной стороны, многомерное пространство коммуникации, с другой – затрудняет самоопределение в нем аудитории и самого коммуникатора. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что сообщения попадают в цифровое пространство

---

[1] См.: *Крылов Ю.В., Стексова Т.И.* Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. № 1(25). С. 54-55.

[2] Бахтин: проверка большим временем. XIV Международная Бахтинская конференция. URL: https://www.hse.ru/data/2012/10/05/1244523118/text.pdf (дата обращения 16.07.2024).

[3] См.: *Колокольцева Т.Н.* Диалогичность и диалогическая коммуникация в блогах // Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (95). С. 23-34; Человек и технологический прогресс: антропологическая повестка мирового развития / В.Э. Багдасарян, С.В. Володенков, И.Е. Жмурин и др. Шукаева и семья Ярославль, 2025; *Бродовская Е.В. Парма Р.В. Лукушин В.А.* Инженерия согласия: от информационных манипуляций к алгоритмическому управлению искусственного интеллекта // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 53-70; *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д.* Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. №. 3. С. 230-253.

избирательно. Так, согласно Г. Почепцову, «то, что попало в информационное поле и стало объектом внимания, становится более реальным, чем то, что не попало»[1].

Еще одно концептуальное новшество, связанно с феноменом «информационного шума». В классических моделях коммуникации он интерпретируется как нормальное явление характерное для любой информационной системы. Такая точка зрения была подвергнута серьезной критике в последние два десятилетия. Исследовали, ставящие ее под сомнение, аргументируют свои доводы тем, что естественный уровень «информационного шума» постоянно растет из-за проникновения интернета и активного использования ИИ, а также отсутствием четких механизмов «шумоподавления»[2]. Отталкиваясь от классического понятия «информационного шума», К.Э. Шеннона («помехи в канале, которые делают сигнал нерелевантным»)[3], современные исследователи дополнили и скорректировали его. В частности, они выяснили, что нарастание «информационного шума» в современных моделях коммуникации детерминировано не только расширяющимся списком источников «информационных помех»[4], но и резистентностью потребителя информации к различным «шумовым эффектам»[5].

Концептуальные новеллы об основных элементах структуры коммуникации открывают новые методологические горизонты микро- и макроуровневых моделей информационного обмена. Одной из таких новелл

---

[1] *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук, 2000. С. 543.

[2] См.: *Полудина В.П.* Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011.Т. 14. № 5. С. 386-394; *Глебов И.Н.* " Информационный шум" как вызов национальным интересам России // Российское государствоведение. 2015. №. 4. С. 5-13.

[3] *Shannon C.E.* Communication in the presence of noise // Proceedings of the Institute of Radio Engineers. 1949. Vol. 37. № 1. Jan. P. 447.

[4] *Баранов А.М.* Институциональный аспект исследования теории информации // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 1-2. С. 5.

[5] *Коцыняк М.А., Нечепуренко А.П., Московченко В.М.* Методика оценки устойчивости информационно-телекоммуникационной сети в условиях информационного воздействия // NBI-technologies. 2018. С. 30-31.

стала дисциплинарная матрица Р. Крейга. Ее методологические основы были разработаны ученым в конце 1990-х, начале 2000-х гг. Исследователь сконструировал их, основываясь на конститутивной метамодели коммуникации, открывающей концептуальное пространство, в котором различные модели первого порядка могут взаимодействовать, а концепция теории коммуникации как теоретический метадискурс связывается с практическим метадискурсом повседневной жизни[1]. Представленная модель основывается на двух теоретических принципах. К первому Р. Крейг относит принцип конститутивности. Согласно этому принципу, метамодель «создает концептуальное пространство, в котором могут сосуществовать и взаимодействовать различные теоретические модели коммуникации», которые, по мнению автора, могут как соответствовать коммуникационному взгляду на социальную реальность, так и выступать альтернативным типом коммуникационных объяснений[2]. Второй принцип основан на понимании теории коммуникации как метадискурса, дискурса о дискурсе. Р. Крейг, ссылаясь на работы Т. Тэйлора[3], рассматривает «теорию коммуникации как открытую область дискурса, занятого проблемами коммуникации как социальной практики, как теоретический метадискурс, который возникает из практического, расширяет и обогащает его»[4].

Совокупность предложенных Р. Крейгом принципов работы метамодели коммуникации призвана работать на «разумную интеграцию» микро- и макроуровневых теорий коммуникации в рамках «общего поля» – концептуального пространства, где они смогут взаимодействовать друг с другом. В качестве «языка» этого взаимодействия, полагал ученый, может

---

[1] См.: *Андриянова Т.В.* Коммуникационная теория Р. Крейга: дискурсивные практики и тенденции взаимодействия в управлении субъектом // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 16.

[2] *Craig R.T.* Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Issue 2. P. 120-121.

[3] См.: *Taylor T.J.* Mutual misunderstanding: Scepticism and the theorizing of language and interpretation. Durham, NC: Duke University Press, 1992. P. 127.

[4] *Craig R.T.* Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Issue 2. P. 119-161.

выступать практический метадискурс. Конструируя таким образом теоретические положения метамодели коммуникации, он очерчивает круг возможностей их практического применения, разрабатывает и предлагает практическую версию дисциплинарной матрицы, соединяющей семь междисциплинарных традиций теории коммуникации. К ним он относит риторическую, семиотическую, феноменологическую, кибернетическую социально-психологическую, социокультурную, критическую традиции[1]. Каждая из них, полагает Р. Крейг, может быть пересмотрена, дополнена, инкорпорирована в другие традиции. каждая из них может «вырасти» в самостоятельное направление коммуникативистики. В то же время он прогнозировал, что будущее теорий коммуникации состоит в гибридизации классических традиций в области теории коммуникации, и новых исследовательских подходов к объяснению феноменов информационных обменов. В публикациях Т.В. Андрияновой, Н.В. Казариновой, Т. Качерауских, О.И. Матьяш, Н.П. Пименова и других дисциплинарные матрицы Р. Крейга активно применяются в качестве методологических инструментов интерпретации коммуникации в образовательной и научных сферах, а также в области экономического и политического менеджмента[2].

Несколько иная матрица теории коммуникации предложена американским исследователем Р. Мидоу, который выделяет шесть основополагающих подходов: системный, лингвистический, символический, функциональный, организационный, экологический[3]. Каждый из подходов,

---

[1] Там же. P. 119-161.

[2] См.: *Казаринова Н.В.* Парадоксы дисциплинарной матрицы Роберта Крейга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. №. 2. С. 176-187; *Пименов Н.С.* Современные тренды социодинамики политических коммуникаций в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 2. С. 66-76; *Андриянова Т.В.* Коммуникационная теория Р. Крейга: дискурсивные практики и тенденции взаимодействия в управлении субъектом // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 15-24; *Кочераускас Т.* Альтернативные школы коммуникации: философские аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 92-100; *Матьяш О.И.* Плюрализм в современной науке о коммуникации: диалог подходов и традиций // Коммуникология. 2014. Т. 5. № 3. С. 63-78.

[3] *Meadow R.G.* Politics as Communication. Norwood, N. J., 1980.

как полагает ученый, раскрывает формы, функции и виды политических коммуникаций и нацелен на описание их прикладного значения в общественной и политической жизни. При этом Р. Мидоу подчеркивает, что вне зависимости от теоретического позиционирования этих подходов: дескриптивно-эмпирического, нормативного, предписывающего и др. – возможна их гибридизация, обусловленная необходимостью изучения сложным форм и видов информационного обмена, которые не подпадают под общепринятые в коммуникативистике схемы и представления.

В современных исследованиях методологические принципы Р. Мидоу применяются в микроуровневых моделях коммуникации в экологической, образовательной и религиозной сферах такими исследователями, как О.Ф. Русакова, Е.Ю. Стриганкова, Л.Н. Тимофеева и другие[1]. Эти ученые полагают, что микро- и макроуровневые модели информационного обмена, так или иначе «дрейфуют» в сторону образования метатеории, которая необходима коммуникативистике в условиях ускоряющейся технологизации процессов получения, обработки и передачи информации.

Необходимо отметить, что отдельным типом концептуальных новшеств микро- и макроуровневых теорий коммуникации является конструирование нового понятийно-категориального аппарата для объяснения современных тенденций в области информационного обмена.

Обращаясь к идентификации новшеств понятийно-категориального аппарата моделей информационного обмена, будем исходить из теоретических постулатов У. Эко, который утверждал, что модели можно разделить на две группы. Первая группа моделей объясняет информационный обмен, основанный на технологических решениях современного телевидения. Коммуникация, осуществляемая в его рамках, по мнению ученого, не

[1] См.: *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: мировая и Российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74-100; *Русакова О.Ф.* Медиадискурс символической политики памяти о парадах Победы союзников во Второй мировой войне // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 24-43; *Стриганкова Е.Ю.* Методология зарубежной коммуникативистики в исследовании политических практик // Власть. 2011. № 4. С. 91-94.

предполагает критического отбора получаемой информации. Вторая группа моделей базируется на технологиях интернета и компьютерной индустрии. Информационный обмен в моделях, относящихся к данной группе, ориентирован на критическое отношение и последующий анализ получаемой, собираемой и передаваемой информации[1]. В таком случае новые понятия и концепты микро- и макроуровневых теорий коммуникации можно распределить на двух уровнях: на первом поместить понятия, интерпретирующие современные тенденции в области телеиндустрии и смежных с ней областей, и на втором – концепты, объясняющие новые явления интернет-коммуникаций.

В качестве примеров, иллюстрирующих теоретические новшества понятийного аппарата первого уровня можно привести такие концепты, как «способы телесмотрения», «медиапотребление», «бродкаст-дизайн», «мультижанровость», «второй экран», «интернет-телевидение» и др. Позиционирование этих концептов в современных научных и научно-практических исследованиях позволяет предположить, что оно связано со стремлением не столько осмыслить современные телевизионные технологии коммуникации в микро- и макроуровневых теориях информационного обмена по-новому, сколько «вдохнуть» угасающую жизнь в само телевидение как канал для передачи различных данных. Научные исследования последних лет подтверждают мысль о том, что телеиндустрия из «гиганта», которым считали ее основоположники теории коммуникации, постепенно превращается в один из второстепенных (фоновых) информационных каналов и перемещается на периферию[2].

В нововведения, входящие в понятийно-категориальный аппарат второго уровня включаются такие категории, как «эхо-камера», «информационные

---

[1] См.: *Смирнова Т.В., Унжакова И.А*. Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 17-23.

[2] См.: *Коноплев Д.Э.* Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. №1(35). С. 160-161.

капсулы», «пузырь фильтров», «социальные боты», «цифровой вольер», «цифровая личность», «астротурфинг», «дипфейки» и мн. др. Обратимся к интерпретации содержания наиболее значимых для нашей темы. В частности, к наиболее популярным в современной научной литературе – «эхо-камерам» и «информационным капсулам» (или пузырям фильтров). В исследованиях коммуникационных процессов понятие эхо-камеры используется для обозначения пространства, где «индивид встречается только с такими мнениями и убеждениями, которые отвечают его собственным, и не нуждается в рассмотрении их альтернатив»[1]. Современные поисковые сервисы, социальные сети персонифицируются под каждого пользователя, усиливая восприятие им получаемой информации. Автор концепции пузырей фильтров (filter bubble) Э. Паризер описывает «как интернет дает людям, то, чего они хотят. Монитор вашего компьютера – это своего рода одностороннее зеркало, отражающее ваши собственные интересы, в то время как алгоритмические наблюдатели следят за тем, что вы нажимаете»[2]. Это отражение он называет пузырем фильтров, «личной экосистемой информации», которая изолирует пользователя от любого когнитивного диссонанса, ограничивая то, что он видит. Ю.Д. Артамонова и С.В. Володенков, предлагают все-таки использовать термин «информационная капсула» и определяют ее как «информационно-коммуникационную структуру, в рамках которой циркулирующие в ее закрытом пространстве идеи, символы, смыслы, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот – сохраняются, самоподдерживаются, закрепляются и даже

---

[1] Echo chamber // Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/echo-chamber (дата обращения 09.07.2026); см. также: *Грачев М.Н.* Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. №. 29. С. 41-54.

[2] *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. N. Y.: Penguin Press, 2011. P. 9.

усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди единомышленников»[1].

Следует согласиться с Э. Паризером в том, что «если персонализация проникнет слишком глубоко, она может помешать нашему контакту с неожиданными впечатлениями и идеями, разбивающими вдребезги наши предрассудки и меняющими наше мнение о мире и о себе»[2]. По этому поводу М.Н. Грачев справедливо замечает, что пузырь фильтров может достаточно легко «лопнуть», когда в его внутренне пространство станут поступать некоторые новые достоверные сведения, не согласующиеся со сложившимися в рамках такого сетевого сообщества представлениями или опровергающие их[3]. Тем самым им проводится мысль о том, что социальные сети движутся в направлении капсулирования и персонификации. В результате чего участник социальных сетей оказывается «окруженным» другими пользователями, придерживающимися аналогичных точек зрения и позиций, что усиливает индивидуальную систему убеждений и ценностей данного сообщества в целом.

На объяснение специфики распределения и подачи информации определенной аудитории работает и концепт «социальные боты», который предполагает «использование автоматизированных алгоритмов, имитирующих поведение реальных политических агентов, представленных в онлайн социальных сетях»[4].

---

[1] *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 3. С. 192.
[2] См.: *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. N. Y.: Penguin Press, 2011.
[3] См.: *Грачев М.Н.* Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. №. 29. С. 41-54.
[4] См.: *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 3. С. 188-196.

Понятийные нововведения микро- и макроуровневых моделей информационного обмена не являются исчерпывающими. Они представляют собой лишь фрагменты нарождающегося категориального аппарата теории коммуникации XXI века. Наряду с ее новыми структурными элементами и методологическими возможностями эти нововведения отражают стремительные тенденции технологизации процессов информационного обмена, о которых писали классики медиатизации.

Концептуальные новеллы формирующие обновленный вариант понимания структуры коммуникации в целом, ее отдельных элементов в частности, детерминированы следующими факторами: технологическими новациями в средствах обмена информацией, которые способствуют росту интерактивной составляющей обмена контентом; индивидуализацией технологий информационного обмена, их направленностью на конкретную личность или малую социальную группу посредством применения различных «фильтров» и методик сортировки данных асинхронными алгоритмами работы современных информационных систем, которые в отличие от их предыдущих моделей ориентированы не на передачу данных в определенное время сразу всей аудитории, а на свободный доступ к данным в любое время из любой точки пространства для каждого субъекта. Таким образом, «классические структурные» элементы коммуникации в современных микро- и макроуровневых теориях информационного обмена дополняются параметрами, позволяющими реализовывать асинхронные передачи персонифицированных данных конкретным адресатам, выбранным в качестве таковых при помощи технологий ИИ.

Таким образом, методологические новшества микро- и макроуровневых моделей коммуникации ориентированы на метапредметное конструирование структуры информационного обмена. Синтез методов и подходов социально-гуманитарных и естественных наук нацелен на повышение точности «методологической оптики» анализа специфики коммуникаций в различных процессах медиатизации политики.

2.3 Медиаактивизм в современной России в условиях медиатизации политики[1]

Медиатизация политики открывает новые возможности и платформы для постоянного и неирархического взаимодействия субъектов информационных обменов. Медиатизация политики с одной стороны, способствовала новой структурной деформации публичной сферы вследствие внедрения социальных сетей, цифровых платформ и фрагментации инклюзивных горизонтальных связей (по Ю. Хабермасу[2]), а с другой – существенно снизила входные барьеры для гражданского участия, открывая новые возможности повышения субъектности для обычного гражданина. Как представляется, это важный политический вопрос. *Задача данного параграфа заключается в исследовании специфики медиаактивизма, его направленности и ключевого содержания в условиях медиатизации политики с учетом усиления субъект-субъектного взаимодействия акторов.*

Особенности ПостИО способствуют образованию дисперсных сетевых очагов, которые впоследствии детерминируют благоприятные условия для формирования прочных сетевых связей между акторами, являющимися необходимым элементом единого медиапространства.

Неудивительно поэтому, что обеспечить гармоничное развитие общества и государства усилиями только органов власти представляется крайне затруднительным и малоэффективным. Подчеркивая, что изначальное деление между управляющими и управляемыми является верным, Г.Ф.В. Гегель указывал, что «государство есть нечто абстрактное, его общая

---

[1] При написании параграфа использованы материалы статей: *Бронников И.А.* Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. 2019. № 2. С. 6-24; *Бронников И.А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 269-285; *Бронников И.А., Горбачев М.В., Кононенко О.С., Тимирчев И.К.* Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 44-60..

[2] *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

реальность выражается лишь в гражданах; однако оно действительно существует, и его лишь общее существование должно выявлять себя в индивидуальной воле и деятельности»[1].

Анализ состояния вопроса показал, что можно выделить ряд новых моделей и механизмов взаимодействия институтов гражданского общества и государства. Так, Ю. Хабермас представляет гражданское общества как некую буферную зону, которая помогает наладить публичную коммуникацию индивида и государства. Опираясь на идеи Э. Арато и Дж. Коэна, российский исследователь А.П. Кочетков полагает, что государство и гражданское общество неразрывно связаны друг с другом, составляют две части единого социального организма[2]. А.И. Соловьев, в зависимости от политической автономности выделяет три модели взаимоотношения государства и акторов гражданского общества: властвующие и подвластные, управляющие и управляемые, клиентские отношения[3]. А.Ю. Сунгуров описывает три ключевых варианта взаимодействия государства и гражданского общества: сотрудничество, игнорирование и конфронтация[4]. С точки зрения модели «сотрудничества» Я.А. Пляйс справедливо отмечает, что всякое государство, стремящееся к прогрессу, должно быть заинтересовано в своевременной передаче структурам гражданского общества части своих функций и обязанностей[5].

Современное общество, пронизанное глобальными информационными сетями, живущее в условиях дополненной и виртуальной реальности, постоянно сталкивается с проблемой взаимодействия реальных и цифровых

---

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. Книга первая. СПб.: Наука. 1993. С. 94.

[2] См.: *Кочетков А.П.* Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29-51.

[3] См.: *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29-38.

[4] См.: *Сунгуров А.Ю.* Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. Кн 1. С. 500-508.

[5] См.: *Пляйс Я.А*. Политология в контексте переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 267.

социальных структур. Взаимопроникновение этих структур становится основой для формирования реальных практик гражданского активизма. Соглашаясь с высказыванием М. Фуко, отметим, что гражданское общество представляет собой «отношения власти, укорененные в социальной сети»[1].

В известной книге «Когнитивный избыток: креативность и щедрость в эпоху коммуникаций» К. Ширки приводит интересные данные об отношении людей к интернету. Так, если в 1990-е гг. интернет воспринимался как удобный способ поиска информации, а в 2000-е гг., в основном, использовался для поиска единомышленников и в коммуникационных целях, то уже с 2010-х гг. онлайн-пространство стало рассматриваться не только как источник новых экономических, социально-политических и культурных возможностей, но и в призме государственного регулирования интернета, влияния IT-корпораций, фишинга, кибертерроризма, киберэкстремизма и различных деструктивных составляющих. Помимо этого, К. Ширки выделяет четыре стимула сетевого вовлечения граждан:

во-первых, personal sharing (индивидуальное взаимодействие). Возможность координации действий различных пользователей,

во-вторых, communal sharing (коллективное взаимодействие). Развивается и углубляется в группах, объединенных общей задачей,

в-третьих, public sharing (общественное взаимодействие). Перевод рассматриваемого вопроса в публичную плоскость и придание ему общественной значимости,

в-четвертых, civic sharing (гражданское взаимодействие). Скоординированные действия акторов, связанные с удовлетворением общественных потребностей, запросов и интересов[2].

---

[1] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 186.

[2] См.: *Shirky C.* Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York: Penguin Press, 2010.

Указанные обстоятельства актуализируют наболевшую проблему «коммуникационных провалов» (А.И. Соловьев), связанную с дисперсными взаимодействиями акторов в системе выстроенных взаимосвязей органов власти и институтов гражданского общества. Противоречивая эрозия публичного диалога способствует появлению уникальных понятийных конструкций. Так, в 2018 г. М.Д. Рич и его коллеги для обозначения негативных процессов в связи с медиатизацией современных коммуникационных отношений, способствующих серьезным деформациям политического дискурса, предложили использовать понятие «разрушение правды» (Truth Decay), которое объединяет в себе четыре взаимообусловленных и взаимосвязанных тренда[1].

Как указывают М.Н. Грачев и Р.В. Евстифеев, «первый тренд связан с нарастанием противоречий между фактами, объективными данными и их интерпретациями. Второй – заключается в нивелировании различий и границ между фактами и мнениями. Третий – состоит в количественном росте распространяемых в медиапространстве эмоциональных мнений и личных точек зрения без корректной аргументации, влияние которых существенным образом сказывается на восприятии фактов. Четвертый – основан на утрате доверия массовой аудитории к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными»[2].

Данные проблемы актуализируют вопрос формирования в цифровом мире с многочисленными вкраплениями фейковой информации, сетевой гомофилии (англ. network homophily), эхо-камер новой объяснительной модели медиатизации политики. Так, еще в 2020 году Генеральный секретарь

---

[1] См.: *Rich M.D. et al.* Truth decay: An initial exploration of the diminishing role of facts and analysis in American public life. Rand Corporation, 2018. 324 p. (Организация [RAND Corporation («РЭНД корпорейшн»)] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).

[2] *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 230.

ООН А. Гуттериш выделил «темную сторону цифрового мира» как отдельную категорию общечеловеческих угроз[1].

Общее усложнение структуры и процессов в обществе, обострение социальных противоречий, политических конфликтов и уровня медиатизации общественных взаимодействий существенно повышает степень неопределенности ситуаций, в которых принимаются политико-управленческие решения. Жизненно важным в этой связи видится разработка и внедрение новых форм и способов политико-коммуникационного взаимодействия акторов. В этой связи, особое значение приобретает репрезентация и деятельность ключевых посредников. Соглашаясь с В.И. Буренко, отметим, что «эффективность властеотношений оценивается сохранением порядка, безопасностью людей, соблюдением прав и свобод человека, способностью государства пресекать посягательства на эти базовые ценности, переводить решения тех или иных проблем из сферы отношений господства-подчинения в сферу правовой и административной регуляции»[2].

Что касается России, то изменение политического и институционального контекстов в последние годы привело к заметным сдвигам в политических ориентациях наших граждан. В этой связи стоит привести данные тематических социологических опросов по теме *«интерес к политике»* за последние 25 лет. Например, опросы, проведенные ВЦИОМ и ФОМ, свидетельствуют о том, что если в 2001 г. интересующихся политикой было 43% от всех опрошенных, в 2005 г. 39%, то в 2011 г. только 33%, а к самой политике проявляли интерес люди предпенсионного и пенсионного возраста (42% и 47% соответственно), высокообразованные (50%), сторонники непарламентских партий (57%), а также жители Москвы и Санкт-Петербурга (45% респондентов). Политика не имела практически никакого значения для

---

[1] См.: Генсек ООН назвал четыре угрожающих миру «всадника Апокалипсиса». URL: https://ria.ru/20200122/1563758442.html (дата обращения 05.09.2023).

[2] *Буренко В.И.* Власть и политика: анализ понятий в контексте социального управления // Научные труды Московской академии экономики и права: 2005. Вып. №13. М.: МАЭП. С. 98-99.

сельских жителей (65%), граждан моложе 45 лет (63-66%), малообразованных (66%)[1]. Многолетнее отчуждение граждан от политики, присущий широким массам абсентеизм, фрагментарная работа посредников являлись и являются по сей день ключевыми проблемами сохраняющихся патерналистских властеотношений. Даже в 2016 г. только 18% граждан были готовы лично участвовать в политике, объясняя это тем, что в России невозможно влиять на принятие государственных решений (87%), а 78% респондентов не надеялись на помощь государства и рассчитывали только на свои возможности и силы[2]. Мы видим, что десятилетиями медиатизация политики не входила в категорию важных государственных и общественных задач, а многие вопросы специально выстраивались с точки зрения деполитизации общественно значимых процессов и превращения граждан в пассивных наблюдателей мира политики[3]. Поэтому ко второй четверти XXI века российское общество подошло с большим букетом аполитичных установок. Однако можно ли сиюминутно добиться роста гражданского самосознания? Привить интерес к проблематике общественного блага? В конце концов культивировать ценности социальности, необходимые российскому государству-цивилизации? Это серьезные вопросы, поиск ответов на которые сейчас заботят государство, университетское сообщество, экспертов и неравнодушных граждан.

Последние годы можно заметить серьезные подвижки в работе с молодежью со стороны государства. Молодежная политика – одно из приоритетных направлений государственной политики РФ. Достаточно упомянуть структуры, которые реализуют масштабные и эффективные

---

[1] Опрос: интерес к политике. URL: http://bd.fom.ru/pdf/d36ikp11.pdf (дата обращения 12.11.2025); Интерес к политике: растёт или падает? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/interes-k-politike-rastyot-ili-padaet (дата обращения: 05.04.2026).

[2] См.: *Бронников И.А.* Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 94-102.

[3] См.: *Девятков А.В., Макарычев А.С.* Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. №. 1. С. 5-19; *Ильин А.Н.* Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. №. 3. С. 101-115.

проекты: Президентская платформа «Россия – страна возможностей», Росмолодежь, Движение Первых, Зарница, Российское общество «Знание», молодежные форумы и мн. др. Отдельно стоит упомянуть о знаковом событии – запуске нового направления «социальная архитектура». 14 января 2025 года в России стартовал «Конкурс социальных архитекторов», который, по мнению первого заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.В. Кириенко является новым шагом в развитии социальных, общественных, гуманитарных и политических наук в России. По его словам, конкурс «социальных архитекторов» создан для людей, которые в состоянии «анализировать, придумывать, находить нестандартные решения и реализовывать проекты, которые меняют жизнь людей к лучшему»[1]. Внимание к социальной архитектуре не случайно. Эта сфера практической деятельности и научного познания напрямую работает с образами будущего в самом широком контексте: от долгосрочного проектирования, до решения социальных задач регионов «здесь и сейчас»[2].

Несмотря на указанные выше данные социологических опросов, уже в 2023 г. 83% россиян были уверены, что молодые люди должны участвовать в политической жизни страны. Самые распространенные аргументы: «у них больше возможностей и ресурсов», «дальше они будут руководить страной», «многие чем-то недовольны и могут изменить эту ситуацию». 9% респондентов думают, что молодым участвовать в политике не нужно, так как у них «опыта и знаний мало», это «поколение другое, молодежь сейчас интересуют совершенно другие вещи»[3]. Данные цифры подтверждаются исследованием А.А. Казакова по теме «Влияние медиапрактик на политическое сознание российской молодежи: особенности, тенденции, возможности коррекции», в рамках которого показано, что доля респондентов,

---

[1] Руководители РОП приняли участие в круглом столе ЭИСИ на площадке РИА Новости. URL: https://ruspolitics.site/sobytiya/16495/ (дата обращения 12.02.2026).

[2] Социальная архитектура России: наука и тренды будущего. URL: https://pressria.ru/20260212/958733890.html (дата обращения 12.02.2026).

[3] Участие молодежи в политической жизни страны. URL: https://fom.ru/Politika/14842 (дата обращения 01.04.2026).

в той или иной степени интересующихся политикой, на самом деле совсем немного не дотягивает до двух третей[1].

Однако, несмотря на подобную заботу о молодежи со стороны старшего поколения, ученые выяснили, что интерес к политике у молодежи есть, но общественно-политическая активность молодых людей все же невысока, что связано с общим низким индексом оптимизма и доверия к власти[2]. Это, в общем, неудивительно: более 80% российских молодых людей не имеют определенного мнения по поводу политики[3]. Эти данные подтверждаются исследованиями С.Б. Борисовой и Н.Л. Антоновой, согласно которым, потенциальная готовность молодежи к более активному вовлечению в общественную жизнь находится на низком уровне[4]. Образно говоря, мы с вами в очередной раз наблюдаем проблему «отцов и детей».

Между тем, на фоне наблюдающегося абсентеизма меняется качество политического и общественного участия. Оно становится более нишевым, целенаправленным, предметным, затрагивающим конкретные проблемы. В содержательном смысле лейтмотивом гражданского активизма является общественная активность граждан, широкое вовлечение в политический процесс, гражданственность в отстаивании индивидуальных, групповых и публичных интересов на местном, региональном и федеральном уровнях. Источники активизма, как утверждает О.К. Яковлева, «заложены как в индивидуальном существовании, в потребности индивида в самореализации, свободе и признании, так и в жизни общества, которое через свои институты

---

[1] *Казаков А.А.* Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2025. 11 (1). С. 98.

[2] Даешь молодежь. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291508 (дата обращения 01.04.2026).

[3] Более 80% российской молодежи равнодушны к политике. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni?from=copy_text (дата обращения 12.02.2026).

[4] См.: *Абрамова С.Б., Антонова Н.Л.* Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. №. 2. С. 149-165.

имеет возможность организовывать, направлять и контролировать социальную активность»[1].

Тем более, что феномен медиатизации XXI века связан с переходом общества «от информационной парадигмы к парадигме коммуникационной»[2], включающей в себя объединение и сотрудничество широких масс и действенные wiki-практики. Бесспорно, реалии ПостИО не могли не сказаться на качестве, форме, плотности и интенсивности гражданского участия, связанного как с процессами со-управления (политические партии, общественно-политические движения, Общественная палата, Открытое правительство, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, Комитет гражданских инициатив, портал «Российская общественная инициатива», «Активный гражданин» и пр.), так и с практикой кооперации, взаимопомощи и благотворительности.

Как отмечает Л.И. Никовская, «среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных проблем (в социальной, экономической, культурной, образовательной и иных сферах общественной жизни), а также необходимость самореализации и осуществления общественно-полезной деятельности, направленной на достижение как индивидуальных, так и общих целей»[3]. Всплеск инициатив снизу (Grassroots), акций «одного требования» и добровольных ассоциаций связано с желанием большого количества граждан доводить свои запросы и потребности до власти напрямую.

---

[1] *Яковлева О.К.* Благотворительное поведение как форма социального активизма в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 615.

[2] *Володенков С.В.* Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. № S 1. С. 292.

[3] *Никовская Л.И.* Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. СПб.: Университет ИТМО, 2017. С. 146.

Цифровые технологии не только создают площадки для гражданских практик, но также дают возможности и инструменты для повышения их эффективности, так как позволяют легко сочетать институционализированные формы общественного участия с неформальными практиками, используя ресурсы социальных медиа. Цифровая трансформация общественных отношений способствовала спаду устоявшихся форм гражданской активности, в связи с чем появились работы Р. Патнэма и Ф. Фуреди о глубоком кризисе гражданского общества с ярко выраженными негативными последствиями[1]. В свою очередь, Дж. Диль и И. Чан в своих работах доказывают, что отсутствие влияния на принятие политических решений является главным фактором низкой активности граждан[2].

Наряду с «тревожными» работами чуть позже появились исследования, описывающие не спад гражданского участия, а его усложнение и переориентацию на более неиерархичные и креативные практики, которые не поддаются анализу привычными методами[3]. В пользу «переупаковки» гражданского участия свидетельствует его перенесение в цифровое пространство, где не действуют традиционные институты и правительственные структуры[4]. Кроме того, при информационно-коммуникационном изобилии[5] и бурном развитии ИИ создаются возможности

---

[1] См.: Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: Robert D. Putnam. N.Y.: Simon & Schuster. 2000.

[2] См.: *Diehl J.A., Chan I.S.L.* Is it just apathy? Using the Theory of Planned Behaviour to understand young adults'(18 to 35 years old) response to government efforts to increase planning participation in Singapore // Urban Governance. 2021. Т. 1. №. 2. P. 89-97.

[3] См.: *Pilkington H., Pollock G.* 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe // The Sociological Review. 2015. Т. 63. P. 1-35; *Baiocchi G., Ganuza E.* Popular democracy: The paradox of participation. Stanford, California: Stanford University Press. 2016. 224 p. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации); *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Том. 22. № 9. С. 11-19; *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3. С. 208-223.

[4] См.: *De Filippi P.* Citizenship in the era of blockchain-based virtual nations // Debating Transformations of National Citizenship. Springer, Cham. 2018. P. 267-277.

[5] См.: *Van Djck J.* The culture of connectivity: A critical history of social media. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2013.

формирования новых способов мобилизации масс и канализации интересов индивидов. Согласно Р. Далтону, положительной перспективой указанных процессов может стать полноценное вовлеченное гражданство, где важной постматериальной ценностью становится инклюзивное общественное участие[1]. Такое гражданское участие уже не является компенсацией за неэффективность традиционных политических форм, а выступает моделью расширения политического участия. Как отмечается в литературе, в данном случае политически значимым становится подавляющее большинство действий как индивидуального, так и коллективного характера, подрывающие установленные формальные и неформальные институты, нормы и ценности[2]. К примеру, концепция «политики жизненного стиля» (Э. Гидденс, М. Мичелетти, Д. Штолле) раскрывает изменения образа жизни человека информационной эпохи в связи с растущими постматериальными запросами большого количества граждан на самореализацию и улучшение качества жизни.

Как известно, в рамках современного политического процесса выделяют несколько типов участия граждан: *общественное, гражданское, политическое*. Принято считать, что политическое участие проявляется в прямой или опосредованной возможности граждан участвовать в политических отношениях, влиять на принимаемые властно-управленческие решения, тогда как гражданское участие нацелено на индивидуальную или совместную деятельность в решении возникающих проблем и вызовов. Общественное участие как более широкое включает в себя все процессы и процедуры, связанные с удовлетворением общественных потребностей, запросов и интересов.

Бесспорно, гражданский активизм стал неотъемлемой частью современных общественных отношений. Ряд ученых (В.И. Буренко, А.П.

---

[1] См.: *Dalton R.J.* The Participation Gap: Social Status and Political Inequality. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2017.

[2] См.: *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. 2018. №. 3. С. 66-80.

Кочетков, Л.И. Никовская, Н.Н. Седова, А.К. Сковиков, А.И. Соловьев, И.Н. Трофимова, Н.Н. Ягодка, В.Н. Якимец) рассматривают гражданский активизм (civic actitvism) как эффективный инструмент публичного диалога, а также как важный канал вовлечения граждан в процессы выработки политико-управленческих решений. Основной вектор гражданского активизма – это заявление и последующее решение проблем общественного беспокойства. Таким образом, гражданский активизм можно рассматривать как неформальные добровольные объединения граждан с целью защиты собственных интересов и создания общественного блага.

В этой связи, интересно отметить, что С.В. Патрушев выделяет «два типа гражданской активности:

1. Гражданское участие – адаптивная публичная активность, связанная с реализацией универсальных прав, свобод и соответствующих компетенций в существующих институциональных условиях.

2. Гражданское действие – неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах»[1].

Если гражданское участие закрепляет, воспроизводит и развивает сложившиеся институционализированные модели гражданского общества, то гражданское действие способствует медленной трансформации существующих практик, направленных на достижение общественного консенсуса.

Также принято выделять четыре формы гражданского участия как адаптивной публичной активности, связанной с реализацией универсальных прав и свобод:

---

[1] *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 25-26.

1. Индивидуальное участие – деятельность отдельных граждан, использующих универсальные права и свободы для решения собственных или семейных проблем;

2. Коллективное участие – деятельность граждан или их ассоциаций, использующих универсальные права и свободы для решения проблем отдельных групп граждан;

3. Общественное участие – деятельность отдельных индивидов или объединений граждан, использующих универсальные права и свободы для решения проблем, значимых для большинства или всех граждан;

4. Глобальное участие – деятельность граждан или их ассоциаций, ориентированная на международный режим прав человека, глобальные нормы[1].

Деятельность институтов гражданского общества и отдельных акторов нашли свое выражение в различных формах гражданского активизма, политического активизма, волонтерских движениях, сообществах граждан для решения насущных проблем и т.п. В литературе подчеркивается принципиальное отличие политического активизма от иных форм активистской деятельности. Например, К. Ширки видит такое отличие в возможности конструирования повестки дня и создания инфоповодов индивидами и/или различными группами с конкретными властными намерениями. В принципе, под политическим активизмом понимается система форм коллективных, общественно-значимых действий, инициируемых с целью достижения политических результатов.

По степени проникновения реальные практики гражданского активизма можно классифицировать на две большие группы:

1. Мягкие формы активизма. Проявляются в дискуссиях, хештегах, онлайн-комментировании, вирусных роликах и др.

[1] Там же.

2. Жесткие формы активизма[1]. Направлены на «громкие» действия, часто выражаются в акциях протеста, митингах, петициях и пр.

Соглашаясь с Б. Бимбером, Л. Беннетом и А. Сегерберг, заметим, что медленная эрозия существующего институционального каркаса органов власти, увеличение информационных потоков и неформальных коммуникаций способствует снижению затрат на организацию и воплощение новых форм гражданского активизма в соответствии с «логикой связующего действия»[2]. Однако следует заметить, что новые «сетевые союзы» могут иметь радикальную, а, зачастую, бунтарскую направленность.

В современной политологической литературе вопросу о формах и видах гражданского активизма уделяется самое пристальное внимание[3]. На сегодняшний день можно выделить несколько научных школ, занимающихся исследованием проблемы гражданского активизма с разных методологических позиций: *бихевиоралисты (необихевиоралисты), коммуникативисты и последователи теории политических сетей*.

Бихевиоралисты отмечают, что под активизмом необходимо понимать добровольное, неформальное поведение группы людей, направленное на актуализацию и возможное решение социально-значимых проблем. Сторонники теории коммуникации (М. Баум, Л. ван дер Велден, Д. Дин, К. Фукс) фиксируют, что активизм – это форма социально-групповой, публичной деятельности людей с общей, значимой для общества целью[4]. Как коммуникативисты, так и бихевиоралисты считают, что активизм в любой из

---

[1] См. подр.: *Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I.R.* Civic activism online: Making young people dormant or more active in real life? // Computes in Human Behavior. 2017. Vol. 70. P. 113-118.

[2] *Bimber B., Flanagin A., Stohl C.* Collective action in organizations: Interaction and engagement in an era of technological change. Cambridge University Press, 2012; *Bennett W. L., Segerberg A.* The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // Handbook of digital politics. Edward Elgar Publishing, 2023; *Bennett W.L., Livingston S.* Platforms, Politics, and the Crisis of Democracy: Connective Action and the Rise of Illiberalism // Perspectives on Politics. 2025. № 23(4). P. 1362-1381.

[3] См.: *Парма Р.В.* Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74-81.

[4] См.: *Башева О.А.* Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41-57.

возможных форм является действенным способом решения значимых индивидуальных или общественных проблем. Основная линия критики данных подходов заключается в том, что активистская деятельность возникает не только как реакция на релевантную проблему, но и как коллективная практика определенного общества с совместными интересами и ценностями. Интегративная дефиниция активизма представлена в работах исследователей, опирающихся на теорию политических сетей. С их точки зрения под активизмом следует понимать добровольную коллективную деятельность в системе отношений, вокруг общих интересов и ценностей, реализуемую публично и бескорыстно[1].

Сложнее обстоит дело с определением и конкретизацией понятия цифрового гражданского активизма, который в литературе называют также медиаактивизмом. Как правило, трудности в определении медиаактивизма во многом вызваны новизной данного феномена. Фактически, история медиаактивизма в мировом масштабе касается последних 35 лет (в РФ около 25 лет)[2]. Так, в начале века в академической среде наиболее популярными были следующие термины: «интернет-активизм», «кибер-активизм», «цифровой активизм», «информационный активизм», «онлайн-активизм». Поворотным моментом в изучении активности в интернете стали события «Арабской весны» 2011 года, после которых в литературе устойчиво закрепился термин «медиаактивизм». Выбор данного понятия был предопределен существенным изменением влияния социальных сетей на политическую жизнь целого ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока.

---

[1] См.: *Демакова К., Маковецкая С., Скрякова Е.* Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148-163; *Koppenjan J.F.M., Klijn E.H.* Managing uncertainties in networks: a network approach to problem solving and decision making. Psychology Press, 2004.

[2] *Демакова К., Маковецкая С., Скрякова Е*. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148-163.

Действительно, на настоящий момент в науке можно встретить несколько терминов, так или иначе близких понятию «медиаактивизм». М. Джойс было предложено следующее консенсусное разграничение понятий:

•*Группа понятий «кибер-активизм», «онлайн-организация», «онлайн-активизм»* касается только активистских онлайн-практик. Если активисты используют устройства и технологии, не требующие доступа к Сети (флешки, диски, мессенджеры Bridgefy[1] и Bitchat, работающие по Bluetooth, и пр.), их деятельность уже не может описываться такими терминами.

•*Группа понятий со словом «электронный» (например, «электронный активизм», «электронное участие»)* подразумевает использование электронных устройств, но многие из них уже устарели, из-за чего такие термины представляются нерелевантными.

•*Группа понятий со словом «информационный» (например, «инфоактивизм»)* описывает не только использование ИКТ в практиках активизма, но и любую деятельность, направленную на распространение информации, в том числе раздачу газет, листовок или брошюр, что не отражает сути рассматриваемого явления[2].

Самым общим и одновременно исчерпывающим из возникших в 1990-2000-х понятий, по мнению Джойс, является термин *«цифровой активизм»* (в русском переводе его также часто называют «диджитал-активизмом», «медиаактивизмом»), который отражает *скорость, надежность, размеры и низкие издержки цифровой сети, благодаря которым современный активизм достиг огромных масштабов и охватов*[3]. Нам видится данный подход наиболее релевантным.

---

[1] Данным мессенджером пользовались протестующие в Гонконге в 2019-2020 гг. См. подр.*: Koetsier J.* Hong Kong Protestors Using Mesh Messaging App China Can't Block: Usage Up 3685% // Forbes.com. 02.09.2020. URL: https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2019/09/02/hong-kong-protestors-using-mesh-messaging-app-china-cant-block-usage-up-3685/#2c6b955f135a (дата обращения 21.11.2021).

[2] *Joyce M.* Digital activism decoded: the new mechanics of change. New York: International Debate Education Association, 2010.

[3] Там же.

Термин «медиаактивизм» предполагает акцент на максимально возможном использовании ресурсов медиа для достижения определенных, зачастую социально-политических, целей[1]. Необходимо отметить, что одной из причин бурного развития медиаактивизма является отсутствие доступа к традиционным медиа у ущемленных групп: недовольных, оппозиционеров, представителей коренных народов и т.д. Именно поэтому широкое распространение получили «крафтовые» блоги, телеграм-каналы, YouTube-каналы, социальные сети и мессенджеры.

Сегодня можно говорить о самых разнообразных видах активности граждан в пространстве социальных медиа: экологический медиаактивизм, арт-активизм, благотворительный медиаактивизм, гражданский медиаактивизм, политический медиаактивизм и пр. А итальянский исследователь Э. Трепé, анализируя протестные акции в Мексике (#YoSoy132) и Испании (15-M), предлагает использовать термин «гибридный медиаактивизм», который описывает использование многосоставного гибрида цифрового и физического, человеческого и нечеловеческого, старого и нового для разработки и трансляции сообщений среди единомышленников, общественности, СМИ, корпоративных организаций и государственных органов[2].

В научной литературе существует дискуссия относительно вопроса о том, что необходимо считать политическим медиаактивизмом. Сторонники технократического подхода (С. Гонсалес-Байлон и Н. Ван) рассматривают политический медиаактивизм как структурную форму коллективных действий в политике, где ключевую роль играют не только лидеры мнений, но и периферийные участники, а сам процесс зависит от динамических действий в системе «ядро – периферия»[3]. Согласно данному подходу, любая форма

---

[1] См.: *Pickard V., Yang G.* Media Activism in the Digital Age. London: Routledge, 2017.
[2] См.: *Treré E.* Hybrid media activism: ecologies, imaginaries, algorithms. New York and London, Routledge, 2018.
[3] См.: *González-Bailón S., Wang N.* Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // Social Networks, 2016. Vol. 44. P. 95-104.

гражданского участия может стать частью политической повестки дня, затрагивая пространство политического опосредованно. Действительно, в политической практике последних лет известны случаи, когда активистская деятельность приобретала политическую значимость в ходе конкретной кампании (экологические протесты в Шиесе, Баймаке, защита шихана Куштау, акции против строительства храма в Екатеринбурге 2019 г. и пр.). Медиаактивизм активно используется в рамках государственных и общественных инициатив, и, по мнению С.С. Распоповой, становится не только средством трансляции общественных интересов, но и инструментом преобразования государственной политики[1]. Поэтому, под политическим медиаактивизмом мы будем понимать *форму коллективного участия граждан в политически значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа.*

Политический медиаактивизм, во многом, получил свое развитие благодаря работам М. Кастельса, который одним из первых указал на громадный потенциал горизонтальных сетевых связей в современном обществе. Отныне те, кто создают контент, контролируют платформы, являются сетевыми субъектами влияния или «сетесозидающими» акторами. В сетевой концепции Кастельса тот, кто управляет потоками коммуникации и информации обладает властью нового типа, и теперь не имеет большого значения говорим мы про макросилу государств или микросилу корпораций или гражданских организаций.

В своих исследованиях Кастельс приходит к выводу, что в новых сетевых условиях власть можно классифицировать по четырем формам.

1) *Сетевая власть,* которая проявляется как постоянное давление сетевых акторов на граждан, не включенных в глобальные сети.

2) *Сетевая мощь,* определяющая нормы и «правила игры» взаимодействия в сетях.

---

[1] См.: *Распопова С.С.* Тактические медиа и журналистика в современном медиапространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. №. 3 (37). С. 83-88.

3) *Сетевое влияние,* как взаимовлияние сетевых акторов друг на друга в рамках конкретной сети. Взаимодействие пользователей и сила влияния может меняться в зависимости от платформы.

4) *Власть программистов и переключателей сетей*[1] как основная форма реализации и конструирования власти в нынешнем мире[2].

По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, на смену иерархическому властному порядку приходит так называемая «плюрархия» с ее сетевыми формами управления и повышением значимости онлайн-сообществ. Декларируемый многими принцип открытости и прозрачности сетевых сообществ, родившийся на заре бурного развития интернета, в реальной жизни оказывается утопичным: открытые сетевые сообщества плавно перетекают в закрытые сообщества с установленными правилами игры и понятными формами самоконтроля, либо неминуемо выхолащиваются, превращаясь в бесполезные площадки информационного шума, что, в конце концов, приводит к новому глобальному расслоению: сетевой «мир одной четверти» на вершине пирамиды с новыми формами политических отношений и ресурсами влияния против потребительского «мира трех четвертей» (консьюмтариат), находящегося на более низкой стадии развития, заполненного информационным мусором[3]. Верхняя часть пирамиды – нетократы[4], которые обладают монополией на производство и трансляцию знаний, а также сильными сетевыми связями и контактами, повышающими статус и влияние сети, а остальные граждане – внизу пирамиды – не обладают необходимой дисциплиной, общими ценностями и стратегическими целями,

---

[1] «Переключатели сетей» действуют через контроль и управление точек соединения между различными сетями

[2] См.: *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии из-ва Гуманитарного ун-та), 2004.

[3] См. подр.: *Кочетков А.П.* Нетократизм // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 111-121.

[4] Статус нетократа приобретается благодаря эксклюзивным компетенциям и качествам личности или с контактов и связей, которые можно предложить в качестве платы другим участникам сети.

чтобы противостоять новой нетократической элите. Это приводит к формированию ассиметричной сетевой структуры ПостИО.

Следует сказать, что, опираясь на управленческую концепцию на основе Big Data «датакратия» С. Милан и Л. ван дер Велден используют термин «data-активизм», который показывает возрастающую роль данных в политической жизни общества[1]. Несмотря на то, что определенный научный интерес представляет предложенное авторами деление практик медиаактивизма на проактивный data-активизм и реактивный data-активизм, все-таки, по нашему мнению, эти новшества носят, по всей видимости, терминологический характер.

Иными словами, крайне важно ограничить иерархические построения, которые только мешают выстраиванию эффективного диалога государства и институтов гражданского общества, чтобы они не превратились в систему подавления и господства. В этой связи развитие ПостИО приводит к тому, что онлайн-пространство становится коммуникативной площадкой, где политика, вопреки сопротивлению правящей элиты, через медиаактивизм приобретает неиерархическую сетевую форму. Однако многочисленные зарубежные исследования по политическому медиаактивизму, скорее всего, нельзя переносить на реальный политический процесс в России, имеющий характерные особенности цивилизационного устройства.

Сравнительный анализ предпосылок формирования медиаактивизма в России и других странах показал, что цифровые платформы являются не только медиаплощадкой, но и дают средства для их реализации (см. табл. 2.3). Зачастую новые формы медиаактивизма возникают и развиваются в США с их последующей трансляцией в другие страны (с разной степенью успеха).

[1] См.: *Milan S., Van der Velden L.* The alternative epistemologies of data activism // Digital culture & Society. 2016. URL: https://ssrn.com/abstract=2850470 (дата обращения 12.02.2026).

Таблица 2.3. Предпосылки формирования медиаактивизма

	Россия	**США**	**Китай**	**Германия**	**Франция**
Проникновение интернета, %[1]	94	93	92[2]	94.0	89
Скорость передачи данных, Мб/с[3]	50.47	211.84	158.55	74.78	150.50
Обеспеченность смартфонами, %[4]	68.5	81.6	63.4	77.9	77.6
Количество активных пользователей социальных сетей, %[5]	67.8	72.3	64.6	78.7	75.9
Количество времени, затрачиваемое на социальные сети в день[6]	2 ч. 23 мин.	2 ч. 09 мин.	1 ч. 54 мин.	1 ч. 41 мин.	1 ч. 48 мин.
Самые популярные платформы[7]	VK, «Одноклассники»	Facebook*, Instagram*	WeChat	Facebook*	Facebook*
Состояние гражданского общества (по оценке организации CIVICUS)[8]	«Подавлено»	«Испытывает затруднения»	«Закрыто»	«Открыто»	«Частично ограничено»

Различные формы и виды медиаактивизма эволюционно возникали и развивались на протяжении последних лет. Условно практики медиаактивизма

[1] Individuals using the Internet (% of population). URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?most_recent_value_desc=true (дата обращения 12.02.2026).

[2] Данные не включают Гонконг, Макао и Тайвань

[3] Speedtest Global Index – Internet Speed around the world. URL: https://www.speedtest.net/global-index (дата обращения 31.03.2026).

[4] Top Countries/Markets by Smartphone Penetration & Users. URL: https://newzoo.com/insights/rankings/top-countries-by-smartphone-penetration-and-users/ (дата обращения 12.02.2026).

[5] Social media penetration worldwide. URL: https://www.statista.com/statistics/282846/regular-social-networking-usage-penetration-worldwide-by-country/ (дата обращения 12.02.2026).

[6] Digital in 2025 // We Are Social. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 31.03.2026).

[7] World Map of Social Networks. URL: https://vincos.it/world-map-of-social-networks/ (дата обращения 12.02.2026).

* Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[8] State of Civil Society Report 2020 // Civicus.org. URL: https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2020 (дата обращения 12.02.2026).

можно разделить на несколько категорий[1]. Сравнительный анализ и наиболее яркие примеры реализации приведены в табл. 5 (Приложение 1).

Реалии ПостИО показали, что в России существует несколько моделей и уровней медиаактивизма с разными практиками эксклюзивности и неповторимости. Обобщая накопленный опыт и практику реализации, можно выделить базовые модели медиаактивизма в России: *формализованное участие; гуманитарная гражданская активность; цифровая демократия и цифровое гражданство; коммуникативное участие; ограниченное (минимальное) участие; протестная деятельность и акции «одного требования»; партисипаторные исследования и целевая помощь*[2].

Реальные практики медиаактивности можно классифицировать по разным параметрам:

• *по регулярности воплощения:* стабильные и хаотичные;

• *по количеству участников:* индивидуальные и коллективные;

• *по преследуемым целям:* экологические, молодежные, национальные, гендерные, антивоенные, протестные и пр.;

• *по масштабности:* городские, региональные, общегосударственные;

• *по причастности к политике:* политизированные и аполитичные;

• *по степени радикализма:* конструктивные и деструктивные;

• *по популистскому типу:* мейнстримные, «нишевые», полузакрытые;

• *по модели мобилизации:* традиционные и сетевые.

Можно утверждать, что сетевая мобилизация заметно упростила прохождение входного барьера для участия в гражданских кампаниях, акциях, что значительно увеличило степень влияния частных и общественных инициатив. Солидаризируясь с Ю.А. Головиным и А.А. Фроловым заметим,

---

[1] См. подр.: *Парма Р.В.* Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74-81; *Theocharis Y.* The Conceptualization of Digital Networked Participation // Social Media + Society. 2015. Vol. 1. № 2. P. 1-14; *McCafferty D.* Activism vs. slacktivism // Communications of the ACM. 2011. Vol. 54. №. 12. P. 17-19.

[2] См. подр.: *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В.* Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 3. С. 13-50.

что запуск медиаактивизма – это «децентрализованные системы, которые строятся на договорной основе организации деятельности и формирования партнерских отношений между участниками»[1]. Они выделяют три типа формирования движений в медиаактивистских сообществах протовертикальное сетевое движение, низовая сетевая инициатива, гибридное сетевое движение[2].

Каждое сетевое движение или инициатива имеет уникальный характер процесса формирования, свои механизмы посредничества. В качестве примера можно привести:

1. Протовертикальные сетевые движения («Общероссийский народный фронт», «Российская общественная инициатива», платформы электронных референдумов, «Активный гражданин», «Добродел»),

2. Низовые сетевые инициативы («Лиза Алерт», «Окна Победы», «Общество синих ведерок», экологические движения, гражданские художественные акции, досуговые инициативы),

3. Гибридные сетевые движения (колумбийская акция исторической памяти «Объединяя отсутствующих» («Sumando Ausencias»), южноафриканское движение «Женщины за перемены» («Women for Change[3]»), российские «Стоп Хам», «Трезвая Россия», «РазДельный Сбор», краудсорсинговые и краудфандинговые проекты).

---

[1] *Головин Ю.А., Фролов А.А.* Практики гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 196.

[2] См. подр.: *Головин Ю.А., Фролов А.А.* Практики гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195-198.

[3] Women for Change – масштабна акция, направленная на борьбу с гендерным насилием и фемицидом в ЮАР. Целью кампании было обращение к правительству ЮАР с просьбой объявить гендерное насилие и фемицид национальной катастрофой. Несмотря на первоначальный отказ правительства ЮАР, кампания оказалась весьма успешной, собрав более миллиона подписей под петицией, в результате чего гендерное насилие и фемицид были официально классифицированы как национальная катастрофа в ноябре 2025 г. Заметным медийным трендом стало использование участниками акции фиолетового цвета в качестве аватарок в социальных сетях, что послужило визуальным маркером их солидарности. К акции присоединились мировые знаменитости. В ходе интервью с автором, одна из активисток из ЮАР поделилась мотивами своего участия и объяснила, почему эта инициатива имеет для нее глубокий смысл: «Женщины, благодаря

Многие практики медиаактивизма обладают перспективным импульсом трансформации политической действительности, что поможет формированию эффективной коммуникации между властью и обществом. В качестве принципиального добавления стоит отметить, что многие инициативы способствуют распылению активизма, ведь часто номинальная вовлеченность граждан представляет собой лишь имитацию деятельности («Арабская весна» даже породила мем «like is not action/поставить лайк – не значит действовать»). Исследователь Я. Нильсен назвал это «неравным участием». Общественное участие распределяется по правилу 90-9-1 таким образом: 90% пользователей – это «публика», пассивные наблюдатели, имеющие аккаунты в социальных сетях и пассивно листающие ленту; 9% пользователей – это «редакторы», изменяющие информацию или добавляющие что-то в существующее обсуждение, но редко создающие оригинальный контент. Они проявляют непостоянную активность, время от времени «оживляя» свою страничку постами; 1% пользователей – это «творцы», главные субъекты влияния в социальных медиа, создающие основной контент в социальных сетях, который и потребляют остальные 99%. Таким образом, «сетевые феодалы» получают мощный ресурс коммуникативной власти.

Медиаактивизм задается существующими социальными и политическими институтами, нормами и установками, ценностными ориентациями и интересами, реакций государственных структур на запросы и вызовы общества, обеспечивающими определенный уровень доверия между властью и гражданским обществом. Массовые онлайн-мобилизации граждан в разных уголках мира, начиная с событий в арабской Африке, открыли широкое поле для дискуссии о роли самоорганизации граждан в ПостИО. Социальные медиа создали площадки для общения в ситуации, когда другие

«фиолетовому движению», заставили правительство ЮАР пересмотреть свои законы, положения и политику, касающиеся гендерного насилия и фемицида. Успех движения выходит за рамки достижений 2025 г., поскольку это продолжающееся движение, направленное на повышение осведомленности о насилии в отношении африканских женщин» (на основании интервью с участницей акции «Women for Change», 12.11.2025 г.).

инструменты самореализации не работают или демонстрируют низкую эффективность. Так, появились уникальные активности, которые до внедрения онлайн-технологий были неосуществимы: хактивизм как новый вид гражданского неповиновения, интернет-пропаганда, запуск хештегов и видео в TikTok, мониторинг электоральных процедур по web-камерам, вирусное продвижение «псевдособытий», сгенерированный ИИ-контент и пр. Однако имеются сомнения относительно способности эффективного преодоления ограничения слабых связей и поколенческих разрывов. В этом отношении особую актуальность приобретает так называемая «мобилизация через сверстников» посредством использования социальных медиа и медийных посредников[1]. Важно подчеркнуть и наличие проявлений деструктивных форм медиаактивизма, к которым относятся кибербуллинг, троллинг, флейминг, хейтинг, киберсталкинг и другие. Помимо этого набора существуют и иные проявления неконвенциональных форм медиаактивизма: фишинг, кибертерроризм, киберэкстремизм и так далее.

Следует отметить и возрастающий дуализм онлайн-сообществ: с одной стороны, социальные медиа демонстрируют возросший потенциал гражданской мобилизации и отстаивания своих интересов в публичном пространстве политики; с другой, – возможности ИКТ способствуют отчуждению граждан от реальных проблем, укоренению виртуальной имитации участия, формируя очаги фейкового активизма.

Что касается другой стороны проблемы – фейкового активизма, то создаваемые псевдособытия в социальных медиа усиливаются и модерируются алгоритмами машинного обучения на основе технологий ИИ, погружая пользователя в информационную капсулу, что приводит к утрате объективной картины в целом. Между тем, несмотря на те или иные сдвиги, сетевые сообщества в социальных медиа открывают широкие возможности для манипулирования общественным мнением, генерации и модерации

[1] См.: *Kahne J., Middaugh E., Allen D.* Youth, new media, and the rise of participatory politics // From voice to influence: Understanding citizenship in a digital age. 2015. Т. 35. P. 35-55.

протестных настроений. Трансформация онлайн-недовольства «сердитых граждан» в пространство политического протеста, организованного при помощи цифровых платформ, создает опасность дестабилизации политической ситуации и разрушения существующих институтов власти. Реальные эффекты от вовлечения граждан в сетевые коммуникации, зачастую, проявляются в реальных действиях, в том числе политической направленности. В последнее время подобная самоорганизация граждан носит не иллюзорный характер (слактивизм), а вполне конкретные несимволические формы медиаактивизма[1].

Более того, исследуя коммуникационные технологии онлайн-протестов, К. Руйгрок провел количественный анализ некоторых переменных (частота протестов, проникновение интернета, свобода медиа, альтернативные каналы коммуникации и др.), влияющих на протестную активность. Согласно его выводам, даже несмотря на выстраиваемые государственные «цифровые заборы», социальные медиа активно и более эффективно используются в авторитарных режимах для мобилизации граждан, чем в демократических государствах[2]. Это расслоение онлайн-пространства делает его более поляризованным и политически опасным, так как в ПостИО наблюдается скорее планомерное сближение, проникновение и коадаптация виртуального и физического политического пространства, что создает дополнительные сложности для акторов.

В этой связи, имеющаяся политическая мимикрия, скрывающая реально существующие проблемы, отсутствие своевременной реакции, могут обусловить лавинообразный рост недовольства граждан, что приведет к серьезным вызовам для существующей политической системы. В современной России возможности легального протеста как инструмента выражения позиции общества по тем или иным вопросам сильно ограничены

---

[1] См.: *Theocharis Y., Van Deth J.W.* The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 1. P. 139-163.

[2] См.: Клавиатурный протест // Центр политической конъюнктуры. 27 апреля 2020. URL: http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/klaviaturnyy-protest/ (дата обращения 30.04.2023).

и скомпрометированы как со стороны государства, так и со стороны системной и внесистемной оппозиции. Все это приводит к аккумуляции недовольства и уходу граждан в плохо контролируемое пространство цифровых платформ. Полагаем, что на региональном и местном уровнях успешные и широко освещаемые гражданские инициативы не становятся образцом для аналогичных гражданских активностей в других субъектах федерации и населенных пунктах. Создаваемые в их рамках прецеденты редко получают «вторую жизнь» в последующих социально-политических и экономических проектах конструируемых и реализуемых медиаактивистами. Как представляется, эту проблему, в том числе, призваны решить социальные архитекторы.

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что «мощность» протестного потенциала самоорганизации российских граждан находится в прямой зависимости от собственных целей ключевых лидеров гражданских инициатив местного и регионального уровней. Гражданские медиаинициативы, в которых быстро преодолеваются корыстные цели их ключевых лидеров, способны к быстрой политизации, к значительному расширению состава участников. В свою очередь инициативы, которые связаны с реализацией материальных интересов их ключевых лидеров, даже если на первоначальном этапе они носили политизированный характер, стремительно деполитизируются, теряют сторонников и сочувствующих.

Выводы главы

В ПостИО политика не столько перестает быть борьбой за власть, сколько перепозиционируется в конструирование смыслов и идей посредством медиатизации. Это приводит к тому, что политический процесс в ПостИО становится тотально зависимым от медиатизации, которой подчиняются общественные и политические институты, а партии, корпорации, лидеры и государственные органы адаптируют свои публичные действия под медиалогику. Медиатизация политики в ПостИО способствует быстрой

инкорпорации в политическую жизнь социальных групп, которые ранее присутствовали в ней эпизодически. Однако алгоритмические цепочки медиатизации могут привести к фрагментарности общества и росту манипуляций, что особенно актуально для тех социальных общностей, которые слабо представлены в цифровом мире. Это, в свою очередь, детерминирует рост социального напряжения, вызванного нарастающей «отстраненностью» из политики отдельных граждан и даже групп, ранее задействованных в ней на регулярной основе.

Систематизация микро- и макроуровневых моделей коммуникации, а также идентификация концептуальных новелл, влияющих на преобразование их структуры и содержания, позволяют сделать следующие выводы. Микро- и макроуровневые модели информационного обмена, несмотря на разный масштаб и характер теоретической презентации коммуникационного процесса в них, в условиях стремительной медиатизации современных государственных и общественных отношений оказываются в рамках единого метапредметного поля, объясняя те или иные аспекты одного феномена. Тем самым обнаруживается тенденция интеграции множества направлений и научных традиций микро- макроуровневого моделирования коммуникации в единую систему знания. Концептуальными основаниями микро- и макроуровневых теорий коммуникации выступают два типа информационного обмена. Первый тип связан с обменом контентом между различными субъектами политики по поводу власти. Второй тип основан на трансляции политически значимой информации в социуме. Мы выявили, что упомянутые типы информационного обмена: а) влияют как на конструирование моделей коммуникации, так и на определение статуса каждого элемента в их структуре; б) определяют функциональность ключевых элементов коммуникации на теоретическом и практическом уровнях. Кроме того, мы утверждаем, что попытки теоретического синтеза двух типов информационного обмена в рамках одной модели коммуникации приводят к формированию эклектического понимания процесса передачи контента от посредника к аудитории. Также необходимо

учитывать, что развитие понятийно-категориального аппарата запаздывает по отношению к постоянно изменяющимся элементам политической медиатизации.

Медиатизация политики привела к принципиальной трансформации медиаактивизма, превратив его из инструмента борьбы с государством (контрфорс государству) в многоуровневый механизм политической жизни, включающий в себя новую социальную силу, посредничество между властью и обществом, организующий и мобилизационный потенциал граждан. Государство, осуществляя диагностику состояния публичной политики, выступает инициатором и модератором проектных и экспертных сетей, институционализируя публичные импульсы медиаактивистов, вступающих во взаимодействие с властью преимущественно в рамках конкретных политических проектов, вызывающих у них индивидуальную мотивацию участия[1]. Мы констатируем, что более высокий потенциал медиаактивизма наблюдается при наличии ощутимой связи с традиционными формами общественного участия, что доказывает важность слабых связей (М. Грановеттер) и живой коммуникации между людьми. Для государства быть с медиаактивистами в системном ответственном диалоге – политически целесообразно. Мировая практика, российские примеры показывают, что государствам необходимо обращать внимание на новые импульсы медиаактивизма, рассматривать их как ресурс для достижения приоритетных целей национального развития и решения проблем на локальном, региональном, национальном и даже глобальном уровнях.

Мы пришли к выводу, что развитие новых форм информационного обмена и практик медиаактивизма в ПостИО способствовало ликвидации монополии на производство, хранение и трансляцию контента, что привело к формированию децентрализованной коммуникационной среды. Однако появление цифровых платформ изменило эту тенденцию.

---

[1] См.: *Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Кафедра истории и теории российской государственности

На правах рукописи

Бронников Иван Алексеевич

Медиатизация политики в России как государстве-цивилизации: история и теория

5.5.1 – История и теория политики
(политические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора политических наук

Том II

Научный консультант:

член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук, профессор
Шутов Андрей Юрьевич

Москва – 2026

Оглавление

Том II

3. Цифровые платформы в современном медиатизированном мире: новая сетевая реальность и цифровое влияние……3
3.1 Цифровые платформы как субстрат медиатизации политики……..3
3.2 Цифровые платформы и «метавселенные» как конкурентные ресурсы государств……..…….37
3.3 Цифровые платформы и деплатформинг: метаморфозы властно-политических диспозиций…….....67
Выводы главы……86
4. Медиатизация политики: стратегии и основные направления……92
4.1 Медиатизация политики и новые субъекты влияния……..92
4.2 Стратегии и основные направления медиатизации политики в современной России…….....121
Выводы главы……....….150
Заключение…….154
Библиографический список……..…..…….……161
Приложение……204

Глава 3. Цифровые платформы в современном медиатизированном мире: новая сетевая реальность и цифровое влияние

3.1 Цифровые платформы как субстрат медиатизации современной политики

Фантасты XX в. предсказали многие технологические решения, внедрение которых мы увидели за последние 20 лет. Однако они не смогли предвидеть создание алгоритмической архитектуры искусственного интеллекта, цифровых платформ, претендующих на политическую субъектность и значимые технологические инновации, меняющие как политические процессы, так и уклад жизни. Вероятно, в нашем веке, технологический прогресс будет развиваться еще быстрее. Французский гуманист Р. Арон справедливо отмечает, что модернизация не оправдала надежд. В частности, ученый пишет: «Технократические общества часто бывают воинственными, они избавляют человека от оков бедности и слабости, подчиняют миллионы трудящихся логике крупносерийного производства и стремятся превратить человека в материал»[1].

Задача настоящего параграфа – показать каким образом и благодаря чему цифровые платформы из посредников превращаются в глобальных игроков, обладающих политической субъектностью, а также рассмотреть влияние платформенной логики на современные процессы медиатизации политики.

История технологического развития имеет спиралевидный характер, и каждый новый виток приносит как тривиальные, так и уникальные перспективы и вызовы. Так, 4 октября 1957 г. Советский Союз произвел запуск первого в мире искусственного спутника Земли (ПС-1). Новость об этом удивила весь мир. В частности, будущий президент США Дж. Кеннеди вспоминал: «Мы были в шоке и в течение недели не могли ничего решить и даже разговаривать друг с другом». Информационное агентство United Press

[1] *Раймон А.* Опиум интеллектуалов. М.: Издательство АСТ, 2015. С. 455.

выразило общее ощущение американского общества: «90% разговоров об искусственных спутниках Земли приходилось на долю США. Как оказалось, 100% дела пришлось на Россию»[1]. Спустя девять месяцев после этого события президент США Д. Эйзенхауэр подписал закон об учреждении NASA на базе Национального комитета по аэронавтике. Еще через несколько месяцев по приказу Эйзенхауэра при Пентагоне было основано агентство DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency – Управление перспективных исследовательских проектов), в задачу которого, среди прочего, входило обеспечение технологического превосходство США и достижение информационных и коммуникационных преимуществ. Сегодня мало кто вспоминает, что ПК и интернет появились благодаря военным заказам и финансированию в 1960-х гг. со стороны DARPA проектов Минобороны США. Экономист М. Маццукато в своей книге «The Entrepreneurial State» называет это «коллективной амнезией» работников цифрового мира. По ее словам, современные технологические лидеры «забыли» о вкладе военных США и переписали историю таким образом, чтобы выдвинуть себя на первый план, одновременно принижая огромную роль государства в создании и поддержке инноваций[2].

Первое документальное описание технического принципа работы интернета и социального взаимодействия, которое стало возможным благодаря реализации этого принципа, было сделано в серии заметок сотрудника Массачусетского технологического института (MIT) Дж. Ликлайдера в августе 1962 г.[3] С его приходом в DARPA (позже ARPA) начинает формироваться новейшая коммуникационная сеть «как для передачи данных, устойчивая к разрушениям отдельных ее элементов в условиях

---

[1] Как советский спутник привел к появлению NASA. URL: https://tass.ru/kosmos/5406387 (дата обращения 12.02.2026).

[2] См.: *Mazzucato M.* The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths (London: Anthem Press, 2013).

[3] Дж. Ликлайдер – высказал идею о необходимости создания компьютерной сети с неограниченным доступом любого человека к ее ресурсам. В 1962-1964 гг. Заложил основы APRANET. См. подр.: *Baran P.* On Distributed Communications Networks Journal. IEEE Trans. Comm. Systems, March 1964.

ядерной войны, так и для взаимодействия ученых, занятых в военных разработках для увеличения скорости обмена информацией и, таким образом, ускорения сроков разработок»[1].

В первой главе мы выделили исторические этапы развития процесса медиатизации. Здесь же кратко обозначим важные вехи в развитии технологических решений[2], которые способствовали созданию цифровых платформ. Это позволит акцентировать внимание на Четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0), которая став ядром цифровизации, и вывела цифровые платформы на ведущие роли в мире политики, в том числе, в качестве полноправных субъектов политики.

1962-1968 гг. – идея «коммутации пакетов» в сети. Проект APRANET, который позднее получил название Internet, пользователи – узкоспециализированная группа экспертов;

1969-1978 гг. – эпоха систем, появление электронной почты, 50 млн пользователей;

1979-1995 гг. – эпоха персональных компьютеров, интернет становится международным, 500 млн пользователей;

1995-2005 гг. – эпоха формирования медиаполитического пространства, интернет проникает в политику, 1 млрд пользователей;

2005-2016 гг. – эпоха социальных сетей, институционализация медиапосредничества, 2 млрд пользователей;

2016-н/вр. – эпоха цифровых платформ и ИИ, цифровые платформы обретают политическую субъектность, 5 млрд пользователей.

На начало 2025 г. в мире насчитывается 5.56 млрд интернет-пользователей, проникновение сети в некоторых странах уже достигло

---

[1] *Григорьев М.С.* Политические коммуникации в «век информации» // Политическое управление: Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления. М.: РАГС, 1998. С. 295.

[2] См. подр.: *Abbate J.* Inventing the internet. MIT press, 2000; *Беркгаут В.В, Чадрин И.С.* Интернет: первые шаги. М.: Р-Валент, 2000; *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии из-ва Гуманитарного ун-та), 2004.

показателя в 100%[1] а, мировое потребление электроэнергии достигнет нового максимума в 2026 г., превысив 29 000 тераватт-часов (ТВт·ч)[2], из которых более 20% будет расходоваться на поддержание ИИ. Мы входим в новый глубокомедиатизированный этап развития человечества. Готовы ли мы к этому? Почему в сфере медиатизации доминирование узкого круга стран (США, Китай, Россия) и глобальных по масштабу игроков является неизбежным? Как цифровые технологии перестали быть инструментальными посредниками и трансформировались в цифровые платформы, которые навязывают свою логику и меняют общество, политику, международные отношения и даже политические порядки? И, конечно, как деятельность цифровых платформ привела к кардинальному перераспределению богатства, власти и статусов?

За три десятилетия существования понятия «цифровизация» произошел переход от узкотехнической трактовки термина как акта оцифровки чего-либо к его использованию в качестве макрокатегории, описывающей цифровизацию всего. Это может прозвучать иронично, но по-арабски «сыфр/sifr» означает «пустое место, пустота». К арабам это слово пришло как «шунья» – из санскрита, где имело тот же смысл. Индийские математики обозначали ноль как кружок с точкой внутри. Этот смысл слово «цифра» сохраняло еще в XVIII в., хотя уже с XV в. известен латинский термин «нуль» (ничто). С середины XVIII в. слово «цифра» приобрело новое значение – знак числа. В современном арабском «ṣifr» – это именно ноль (как число), а не любое пустое место. Русское понятие «цифры» является точным переводом английского digital[3].

---

[1] Digital 2025: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 12.05.2026).

[2] Demand: Global electricity use to grow strongly in 2025 and 2026. URL: https://www.iea.org/reports/electricity-mid-year-update-2025/demand-global-electricity-use-to-grow-strongly-in-2025-and-2026 (дата обращения 12.05.2026).

[3] См.: *Ермошкин Н.Н.* Большая цифра. Как цифровизация и цифровые гиганты меняют мир, экономику и финансы, и как меняются сами. «Автор», 2025. С. 11.

Цифровизация связана с внедрением цифровых технологий в различные сферы общественной и политической жизни. Тогда как цифровая трансформация – это системное воздействие цифровизации на инфраструктурные, управленческие и политические структуры организации. В последнее десятилетие особое значение стали играть данные пользователей, которые многие исследователи называют «новой нефтью». Это привело к появлению новых структур – платформ, извлекающих и использующих в своих целях огромные объемы данных. При этом, несмотря на понимание общей сути явления цифровых платформ[1], в рамках современной политической науки сохраняется теоретико-методологическая лакуна в определении их сущности и влияния, которое было бы релевантным для текущих реалий. Множество работ сконцентрировано на инфраструктурных, экономических или правовых аспектах цифровых платформ[2]. Для описания новых конфигураций цифровых платформ появляются их альтернативные названия: посредническая сила, платформенная сила, власть платформы в качестве «узкого места» (bottleneck), экосистемная власть[3].

По своим параметрам цифровые платформы достаточно сильно отличаются от традиционного понимания термина платформы как рыночного или общественного пространства для обмена товарами и взаимодействия

---

[1] Первые попытки концептуализации понятия «цифровая платформа» были сделаны в 1980-х гг. лауреатом Нобелевской премии по экономике французским экономистом Ж. Тиролем. На примере цифровых платформ ученый анализировал как цифровые платформы влияют на регулирование рыночных отношений.

[2] См.: Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. / Барышкин А.Г.; Быков И.А., Володенков С.В., Игнатьева О.А., Казаков А.А., Кондратенко К.С., Мирошниченко И.В., Морозова Е.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. М.: Политическая энциклопедия, 2021; Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022; *Быков И.А.* Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. № 2. С. 45-56; *Zuboff Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019; *Nielsen R.K., Ganter S.A.* The power of platforms: Shaping media and society. Oxford University Press, 2022.

[3] См.: The Evolving Concept of Market Power in the Digital Economy. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-evolving-concept-of-market-power-in-the-digital-economy_2cfcb4a8-en.html (дата обращения 12.02.2026).

разных людей. Во-первых, цифровые платформы функционируют в цифровом пространстве, а доступ имеет любой человек со смартфоном. Во-вторых, они формируют продуманную архитектуру для значительного объема взаимодействий между акторами. Часто этот процесс сопровождается коммерческим или политическим интересом[1]. В-третьих, они создают собственные «метавселенные» и мультиагентные системы (Multi-Agent Systems, MAS), которые меняют институциональные условия взаимодействия пользователей. В-четвертых, постоянное масштабирование позволяет им занимать доминирующие позиции в формировании мировоззренческих установок и определении принятых в обществе норм.

В научной литературе выделяют узкое и широкое понимание цифровых платформ[2]. В узком смысле – это цифровая инфраструктура, которая сводит разных людей и позволяет им взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей – покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты[3]. Такой подход существовал в некоторых странах[4] до широкого внедрения технологий ИИ. В широком смысле – это не столько инфраструктура, сколько базовая цифровая архитектура, определяющая форматы, возможности, границы взаимодействия в соответствии с логикой своего архитектора (собственника). Иными словами, платформа – это новый тип корпорации; их особенность в том, что они не просто опосредуют взаимоотношения между разными группами и

---

[1] См.: *Acs Z.J.* Global Digital Platform Economy, The // The Palgrave Encyclopedia of Entrepreneurship. Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 1-7; *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50. № 5. С. 209-232; *Федорченко С.Н.* Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34-57.

[2] См.: *Van der Aalst W., Hinz O. & Weinhardt C.* Big Digital Platforms. Business &Information Systems Engineering. 2019. Т. 61 (6). P. 645-648.

[3] См.: *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

[4] *Turillazzi A. et al.* The digital services act: an analysis of its ethical, legal, and social implications // Law, Innovation and Technology. 2023. Т. 15. №. 1. P. 83-106.

монополизируют пользовательские данные, но и задают аксиологический каркас. Важно отметить, что в России работа с данными ведется на самом высоком уровне. Так, Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2024 г. № 309[1] обязывает создать и запустить к 2030 г. цифровую платформу, способствующую формированию, поддержанию и сохранению здоровья человека на протяжении всей его жизни, на базе принципа управления на основе данных.

Н. Срничек в монографии «Капитализм платформ» объясняет почему данные стали главным сырьем цифровой экономики и каким образом платформы способны консолидировать монопольную власть в тех пределах, до которых смогут дотянуться. Он дает достаточно широкое определение платформе: «это цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать, поэтому они позиционируются как посредники, соединяющие между собой различных пользователей – покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров, производителей и даже физические объекты»[2]. Э. Макафи и Э. Бриньолфсон описывают платформу как «сетевые среды, которые пользуются преимуществами бесплатной, совершенной и мгновенной экономики. Более точно платформу можно определить так: это цифровая среда, обеспечивающая доступ, воспроизведение и распределение с предельными издержками, близкими к нулю»[3]. Дж. Паркер, М. ван Альстин и С. Чаудари акцентируют внимание на том, что в долгосрочной перспективе платформы заинтересованы в монополизации уникальных ресурсов, создаваемых пользователями, которые имеют наибольшую ценность[4]. Отечественный исследователь М.Л. Поляков

---

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986 (дата обращения 12.02.2026).

[2] См.: *Срничек Н*. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

[3] См.: *Макафи Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.

[4] См.: *Parker G.G., Van Alstyne W., Choudary P.S.* Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. New York: W.W. Norton & Company. 2016.

указывает на важное свойство платформ – снижение издержек, которое порождает рыночные эффекты, связанные с воздействие платформ на индустрии. Согласно его подходу, платформа – это «цифровое предприятие открытого типа, которое, используя алгоритмы и сетевой эффект, выполняет функции посредника между разрозненными группами создателей или владельцев, с одной стороны, и покупателей или пользователей – с другой»[1].

Согласно Федеральному закону от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ[2] цифровая платформа – это информационная система, и (или) интернет-сайт, и (или) программы для ЭВМ, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг. В указанном ФЗ определено понятие «владелец цифровой платформы» – это лицо, обеспечивающее организацию взаимодействия пользователей цифровой платформы, в том числе самостоятельно и по своему усмотрению определяющее цели и порядок использования цифровой платформы. Вполне естественно, что собственники платформ определяют правила игры и формат взаимодействий *по своему усмотрению,* такие ресурсы влияния важны для рассмотрения деятельности платформ в ракурсе цивилизационно-конструктивистского подхода.

С точки зрения теории медиатизации, платформа рассматривается как та или иная форма медиа, которая используется для целей коммуникации[3], работающая по принципам рекламной модели. К настоящему времени подобные платформы превратились в IT-гигантов и удерживают

---

[1] *Поляков М.Л.* Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 403.

[2] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" (вступает в силу с 01.10.2026 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52331?ysclid=mnrjmji8a514556401 (дата обращения 12.05.2026).

[3] См.: *Chandler D., Munday R.* A Dictionary of Media and Communication (3 ed.). N.Y., Oxford: Oxford University Press. 2020.

доминирующие позиции в глобальном цифровом пространстве. Однако, по замечанию С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко, в концептуализации цифровых платформ больше внимания уделяется сервисно-ориентированным архитектурам и меньше – условиям функционирования гражданских технологий (civic technologies)[1]. При этом, С. Коулман анализирует цифровые платформы на основе возможностей делиберативной демократии, акцентируя внимание на коммуникационном кризисе между организациями и гражданами, в том числе на проблемах, связанных с эффективным медиапосредничеством[2]. Соглашаясь с позицией Л.В. Сморгунова, отметим, что цифровые платформы являются скорее «медиаторами, проявляя агентные качества через перформативные функции и соответствующие им формы доступности. Для выполнения этих функций они должны обладать некоторыми реляционными качествами, которые создают экологию социотехнического взаимодействия и обеспечивают управляемость возникающими союзами»[3].

В фундаментальной работе «Эпоха надзорного капитализма»[4] Ш. Зубофф дает критическое обоснование того, как медиалогика и логика платформ используются для управления обществом. Если сторонники сетевого подхода М. Кастельс, Р. Родес, Т. Борцель, Т. Риссе, Дж. Скотт, М. Ньюман, Л.В. Сморгунов, Г.В. Градосельская, И.В. Мирошниченко, Е.В. Бродовская раскрывают создаваемые государственными и негосударственными акторами сетевые ассоциации, выстраивание сетевой архитектуры политического управления, правда, приводящих как к позитивным, так и негативным последствиям, то Зубофф пишет о тотальном захвате сетей алгоритмами ИИ. С одной стороны, это приводит к улучшению платформ и более

---

[1] *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 103-104.

[2] См.: *Коулман С.* Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя, 2018.

[3] *Сморгунов Л.В.* Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 20.

[4] См.: *Zuboff Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019.

персонализированным онлайн-сервисам, а с другой – огромный объем данных позволяет программировать паттерны нашего поведения в будущем[1]. Австралийский ученый С. МакКуайр высказывает обеспокоенность тем, что власть посредством анализа и владения данными (А. Аниш[2] предлагает это называть «алгократией») сместилась к дисциплинарному контролю за гражданами. Допустимо предположить, что почти все появившиеся технологии способствовали увеличению объема извлечения и обработки данных, усилению надзора и социального контроля.

Используя сравнительно-исторический метод, Н. Коуллди и У. Мехиас в своих книгах «Цена включенности: как данные колонизируют человеческую жизнь и используют ее в интересах капитализма»[3] и «Захват данных: новый колониализм Big Tech и как дать отпор»[4], в опоре на марксистскую традицию анализа, показали, что в условиях капитализма данных расширение бизнеса происходит за счет источников, не являющихся напрямую производственной деятельностью, т.е. косвенных источников эксплуатации. Именно к ним относятся разнообразные данные о поведении пользователей в сети. При этом в обществе формируются социальные отношения в связи с данными, для которых характерна жесткая властная асимметрия между собственниками и пользователями. В связи с задачами понимания особенностей цифрового колониализма авторы обращают внимание на механизмы узаконивания прав колонизаторов на ресурсы за счет правовых и лингвистических механизмов. В

---

[1] См.: *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50. № 5. С. 209-232.

[2] См.: *Aneesh A.* Virtual Migration: The Programming of Globalization. Durham, NC; London, UK: Duke University Press. 2006.

[3] См.: *Couldry N., Mejias U.* The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).

[4] См.: *Mejias U., Couldry N.* Data grab: the new colonialism of Big Tech and how to fight back. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 2024.

частности, рассматривается испанское Требование 1513 г.[1] – документ, который зачитывался испанскими конкистадорами новым поданным монархии[2]. Согласно документу, земля колонизируемых теперь принадлежит не им, а «духовному лидеру исследователей, папе, наследнику Святого Петра и лидеру Католической Церкви»[3].

Фактически, колониализм данных (цифровой колониализм) представляет собой новый, формирующийся порядок присвоения и извлечения социальных ресурсов для получения прибыли с помощью данных. Авторами предложена аналитическая модель «4-х Экс», характеризующая основные функциональные составляющие или стратегии, присущие процессу цифровой колонизации. Название модели отражает первые буквы четырех типов стратегий колониального управления: исследовать (explore); расширять (expand); эксплуатировать (exploit); уничтожать (exterminate)[4].

Понятно, что для обработки и анализа таких громадных объемов данных необходимы все более мощные суперкомпьютеры, которые фактически имеются и практически используются во многих странах, создавая для них серьезные конкурентные преимущества. К сожалению, как утверждает К.К. Колин, «Россия в этой области является аутсайдером, т.к. обладает всего 0,38% мировой мощности суперкомпьютеров. В то время, как для Китая этот

---

[1] Испанское Требование 1513 года – это декларация испанской монархии о божественном праве Кастилии завладевать территориями Нового Света и порабощать, эксплуатировать и, при необходимости, воевать с коренными жителями.

[2] Как отмечает М.М. Назаров: «До местных жителей доводилась информация о вариантах развития ситуации: либо добровольное подчинение, либо всевозможные испытания в результате жесточайших действий со стороны конкистадоров, если согласие не последует. Цинизм происходящего усугублялся тем, что текст зачитывался на испанском языке людям, этим языком не владевшим. Расчет делался на то, чтобы лишение собственности и его последствия до конца не были понятны, что, по сути, представляло собой предлог для узаконивания колониальных условий».

[3] *Couldry N., Mejias U.* The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. P. 92. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации); *Назаров М.М.* Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 2. С. 22-36

[4] См.: *Назаров М.М.* Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 2. С. 22-36

показатель составляет 42,8%, а для США – 22,6%. Суперкомпьютерная отрасль промышленности и современная суперкомпьютерная инфраструктура в нашей стране отсутствует. В международном рейтинге ТОП-500 сегодня Россия представлена только двумя суперкомпьютерными система. Это система “Christofari», с производительностью 8,789 петафлопс, которая принадлежит Сберу и занимает в рейтинге 40-ю позицию. Вторая система – “Ломоносов-2” (4,946 петафлопс) находится в вычислительном центре МГУ имени М.В.Ломоносова и занимает 156-е место. Для сравнения можно указать, что у Японии в ТОП-500 входят 30 суперкомпьютеров, а мировым лидером по количеству суперкомпьютерных систем в этом рейтинге является Китай (226 систем), который серьезно опережает США (114 систем). А ведь еще каких-то 20 лет тому назад в Китае вообще не было ни одного суперкомпьютера»[1].

В то же время, платформы несколько расширили пространство свободы, как нам постоянно напоминают, но «вместо того чтобы привести к утопии, они были использованы таким образом, что привели противоположному результату»[2]. Стратегическим компонентом цифровых платформ являются их собственники – правительства, общественные, коммерческие или частные организации. Это наглядно демонстрирует пример развития концепции цифрового колониализма, объясняющей новые формы технологической зависимости суверенных государств от ПО IT-гигантов[3]. В этой связи уместно вспомнить, что «Гегель, Маркс, Ницше, Вебер, Даль и многие другие ученые в эпицентр концепта власти помещали именно навязывание воли, полагая, что любые инструменты доминирования (явного/неявного, актуального/потенциального, наказания/поощрения, контроля/отсутствия

---

[1] *Колин К.К.* Образование для информационного общества: проблемы и приоритеты // Информационное общество. 2022. №. 5. С. 21-22.

[2] *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 118.

[3] См.: *Kwet M.* Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. Race & Class. 2019. Vol. 60. №. 4. P. 3-26; *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 105.

контроля, насилия/сотрудничества) имеют вторичное значение, поскольку от них зависят лишь интенсивность волевого давления и конфигурации отношений властвующих и подвластных»[1].

В научной литературе, посвященной платформам, можно выделить базовые параметры категоризации: бизнес-модели, условия взаимодействия пользователей, принципы управления и принципы владения[2]. В рамках нашего исследования важно выявить те характеристики, которые связаны с влиянием платформ на управление обществом, политику и ценностное поле. Поэтому мы предлагаем добавить следующие параметры: *политико-правовой статус, управление вниманием, суверенизация платформ, алгоритмическая прозрачность, управление повесткой, цивилизационная направленность*. В целях систематизации платформ обобщим данные в виде таблицы (см. табл. 3.1).

Таблица 3.1. Типы цифровых платформ

№ п/п	Параметр категоризации	Основные типы	Примеры
1	Функциональная бизнес-модель	Интеграционные	Apple App Strore, Google Play, Jio Platforms
		Продуктовые	Amazon Web Service (AWS), Azure, Alibaba Cloud
		Многосторонние	Alibaba, eBay, Wildberries, Ozon, Jumia
2		Сотрудничество	Wikipedia, GitHub

[1] *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 22.

[2] См.: *Boudreau K.J., Lakhani K.R.* How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. 2009. Vol. 50. №. 4. P. 69-76; *Hagiu A.* Merchant or Two-Sided Platform // Review of Network Economics. 2007. Vol. 6. № 2. P. 115-133; *Asadullah A., Faik I., Kankanhalli A.* Digital Platforms: A Review and Future Directions // PACIS, 2018; *Bonina C. et al.* Digital platforms for development: Foundations and research agenda // Information systems journal. 2021. Vol. 31. №. 6. P. 869-902; *Поляков М.Л.* Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 399-413.

	Взаимодействие на платформе	Конкуренция	Xbox, PlayStation, Network
3	Управление платформой	Открытые (Open-source)	Linux, Wikipedia
		Закрытые	Apple iOS, Huawei HarmonyOS
4	Владение и контроль над платформой	Контроль собственников	Microsoft platforms, Sony, Meta *
		Открытый исходный код / децентрализация	Linux, Mastodon, блокчейн-платформы
5	Политико-правовой статус[1]	Транснациональные (глобальные)	Alphabet, X (Twitter)[2], Meta*
		Национальные (суверенные)	WeChat, Госуслуги, Экосистема Сбера
6	Управление вниманием	Алгоритмические (рекомендательные сервисы)	TikTok, YouTube, Instagram*, Дзен
		Сетевые (коммуникационные)	WhatsApp, Telegram
7	Суверенизация платформ	Экстратерриториальные	Starlink
		Сотрудничающие с государством	Tencent, Palantir, VK, Яндекс
		Государственные	Госуслуги, WeChat, Absher (ОАЭ)
8	Алгоритмическая прозрачность	Закрытые	TikTok, Instagram*
		Прозрачные	Mastodon, Lemmy
9	Управление повесткой	Агрегаторы	Google news
		Модераторы	YouTube, Facebook*
		Генераторы	ChatGPT, GigaChat, DeepSeek
10	Цивилизационная направленность	Западные	Netflix, HBO, Meta*
		Национальные	Baidu, Sina Weibo, RuTube, Aparat

Конечно, основные типы цифровых платформ дополняют друг друга. Однако для нашей работы важно отдельно выделить платформы, которые

* Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] Во многих странах уже приняты законы по регулированию цифровых платформ. К примеру, в ЕС – Digital Service Act, в Великобритании – Online Safety Act, в США – U.S. National Cybersecurity Strategy, в Китае – Made in China 2025, в РФ – 289-ФЗ от 31.07.2025.

[2] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.

стали важнейшей архитектурной составляющей цифровой экономики и способствовали увеличению политической субъектности благодаря трем факторам: огромные капиталы, платформенная централизация и качественное изменение властеотношений.

Стержневым элементом применения платформ в политике является алгоритмическое управление. Алгоритм представляет собой точное предписание о порядке выполнения некоторой системы операций над исходными данными для получения желаемого результата, которое выполняется индивидом или машиной[1]. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать те области применения алгоритмов цифровых платформ, которые применяются к пользовательским данным и нацелены на получение тех или иных социально-политических результатов. Алгоритмы играют ключевую роль в определении того, какой контент видит пользователь, основываясь на его интересах и поведении. Понимание механики этих алгоритмов позволяет эффективно взаимодействовать с аудиторией, повышать видимость публикаций, формировать ценностный каркас и мировоззренческие паттерны. Алгоритмы цифровых платформ анализируют любые акты коммуникации, взаимодействия пользователя с контентом, включая лайки, комментарии, репосты, время просмотра, поисковые запросы, тип устройства, геолокацию, время входа в интернет, скроллинг ленты и даже скорость свайпа[2] нежелательного/неприятного контента. Чем больше пользователь взаимодействует с цифровой платформой, тем выше вероятность, что подобные публикации будут показаны ему в будущем. Это позволяет платформам предоставлять персонализированный контент, удерживая внимание пользователей дольше. Перефразировав Гёте можно сказать: свободен только первый клик, но мы рабы второго.

Как правило, алгоритмы включает «следующие шаги:

---

[1] См. подр.: *Назаров М.М.* Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Том 8. № 2. С. 108-124.

[2] Управляющий жест при работе с сенсорным экраном, при котором палец кладут на экран и проводят в каком-либо направлении.

- *Контент*: набор постов, которыми делятся участники общения и страницы, на которые они подписаны.
- *Сигналы*: кто опубликовал, когда была осуществлена публикация, какова скорость интернет-соединения и т.д.
- *Прогнозы:* алгоритм использует все сигналы, чтобы попытаться предсказать, насколько вероятно, что пользователи вступят во взаимодействие с постом (прокомментируют, просмотрят до конца).
- *Оценка:* значение, которое показывает, насколько людям будет интересна эта публикация»[1].

Подчеркнем, что алгоритмы связаны с нематериальной основой платформ, именно поэтому в нашей работе мы уделяем особое внимание этим субъективным параметрам.

Существенное отличие алгоритмического управления платформой от сетевого представлено в исследовании, проведенном группой итальянских ученых. В работе «Эффект эхо-камер в социальных сетях» М. Чинелли, Де Франчиши Моралес, А. Галеацци, В. Кваттрочокки, М. Старнини показывают, как встроенные алгоритмы платформ могут ограничивать доступ к иным точкам зрения и усиливают эффекты эхо-камер для конкретных пользователей[2]. Так, обнаружены значительные различия между платформами с точки зрения гомофильных паттернов в сетевой структуре и предвзятости в распространении информации среди пользователей со схожими взглядами. Четко прослеживается различие между социальными сетями, имеющими алгоритм ленты, который пользователи могут настраивать (например, Reddit), и социальными сетями которые не предоставляют такой возможности

[1] *Никитин А.Ю.* Алгоритмы социальных сетей: вызовы и возможности для современного маркетолога // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 1. С. 127.
[2] *Cinelli M., De Francisci Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M.* The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Т. 118. №. 9. P. e2023301118.

(например, Facebook* и X (Twitter[1])) (см. рис. 3.1). Более того, алгоритмы цифровых платформ поощряют пользователей публиковать агрессивный контент, прежде всего связанный с политикой, т.к. за такой контент они получают больше лайков и комментариев, что стимулирует публиковать еще больше оскорбительного контента[2]. Неслучайно, оксфордский словарь английского языка назвал существительное "рейджбейт" (rage bait, дословный перевод – приманка для гнева) словом 2025 г. и определил его как онлайн-контент, специально созданный для вызова гнева или возмущения путем использования провокационных или оскорбительных элементов, обычно публикуемый с целью увеличения трафика или вовлеченности на определенной веб-странице или в социальных сетях. В настоящее время это явление также играет большую роль в формировании дискуссий о политике, идентичности и дезинформации[3].

Таким образом, взаимодействия между пользователями и алгоритмы распространения информации значительно отличаются на разных платформах социальных сетей, что имеет прямое отношение к формированию мировоззрения и ценностному окрашиванию событий и новостей.

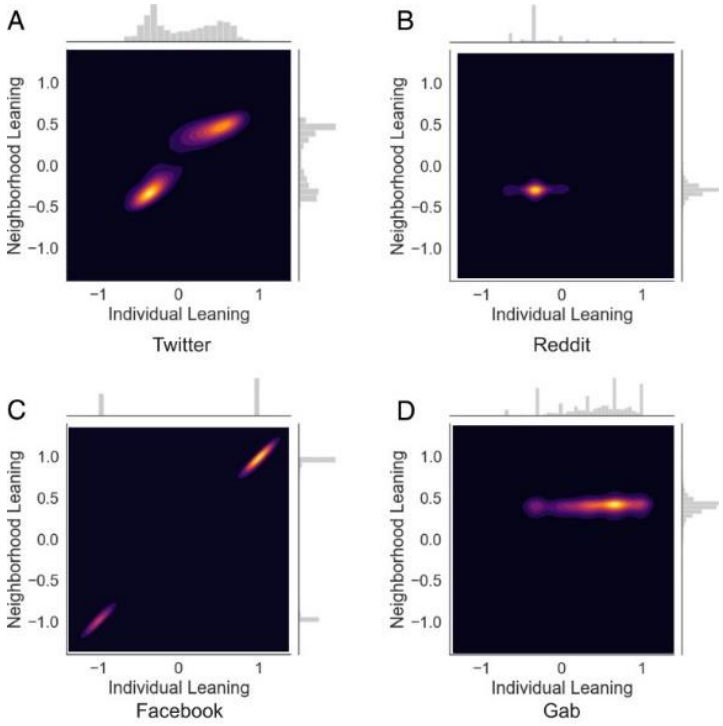
* Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.

[2] См.: *Никитин А.Ю.* Алгоритмы социальных сетей: вызовы и возможности для современного маркетолога // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 1. С. 123-138; *Bonini T., Treré E.* Algorithms of resistance: The everyday fight against platform power. Cambridge, Massachusetts: Mit Press, 2024.

[3] Оксфордский словарь назвал слово 2025 года. URL: https://tass.ru/obschestvo/25776023 (дата обращения 12.02.2026).

Рисунок 3.1. Отличие алгоритмических и сетевых платформ

В пространстве цифровых платформ данными становятся фактически любые действия пользователей – цифровые акты коммуникации, поведенческая информация, онлайн-покупки, факты посещения онлайн-ресурсов, поисковые запросы, онлайн-игры, поведенческие излишки (Behavioral Surplus), опосредованное взаимодействие через аватаров в «метавселенных» и мн.др.

Ежедневно почти 5.5 млрд пользователей проводит в интернете шесть с половиной часов времени (лидер – ЮАР, усредненный показатель составляет 9 ч. 37 мин., а в аутсайдерах по нахождению в онлайн – граждане Японии, 4 ч. 9 мин.), из которых 2 ч. 21 мин. тратится на цифровые платформы[1]. Активная аудитория российских цифровых платформ в 2025 г. выглядит следующим образом: VK, 96 млн пользователей; Telegram, 94 млн пользователей; MAX, 83 млн пользователей; YouTube, 66 млн пользователей; TikTok, 61 млн пользователей; Одноклассники, 36 млн пользователей[2]. ТОП-10 самых

[1] Digital 2025: Global Overview Report URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 15.05.2026).
[2] На основании данных Mediascope. URL: https://mediascope.net/data/ (дата обращения 12.02.2026).

популярных цифровых платформ в мире по количеству пользователей в 2025 г. выглядит следующим образом (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2. ТОП-10 цифровых платформ по охвату[1]

№ п/п	Название платформы	Год открытия	Страна открытия	Взятие аудитории 100 млн +	Пользователи на 2025 год
1	Facebook *	2004	США	2008	3 млрд
2	YouTube	2005	США	2006	2.52 млрд
3	Instagram*	2010	США	2013	2.35 млрд
4	TikTok	2016	Китай	2018	1.59 млрд
5	Linkedin	2003	США	2010	1.2 млрд
6	Telegram	2013	Россия/ОАЭ	2017	900 млн
7	Snapchat	2011	США	2014	709 млн
8	Reddit	2005	США	2012	606 млн
9	X (Twitter)[2]	2006	США	2012	586 млн
10	Pinterest	2010	США	2015	465 млн

Анализ огромных объемов данных предполагает стандартизацию и формирования особых алгоритмических рычагов системного действия. Практика показывает, что политические последствия распространения цифровых платформ с функционирующими внутренними алгоритмами не являются однозначно положительными. В этом смысле показательно, что еще в середине прошлого века Дж. Гэлбрейт писал, что у корпораций исчезают административные барьеры на пути достижения своих целей[3]. Подобные критические замечания высказывают и многие авторы, такие как М. Андреевич, Д. Беер, Н. Коулдри, Дж. Ланье, У. Мехиас, Н. Таллеб, Э. Паризер, М. Постер, Ю.Н. Харари и ряд других.

---

[1] Digital 2025: Global Overview Report URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 15.05.2026).

[*]Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[2] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.

[3] См.: *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 61.

Зачастую субъектами опосредованного цифровыми медиа политического процесса традиционно считают институализированных (СМИ, редакции, журналисты) и неинституциализированных (отдельные влиятельные пользователи, блогеры) производителей медиаконтента[1]. Однако в рамках исследования наше внимание больше ориентировано на субъектный характер функционирования цифровых платформ. Цифровые платформы оказывают значимое влияние на процесс медиатизации политики, его форму и содержание, а доминирующие форматы взаимодействия и платформенная логика определяют политические коммуникации акторов. Как самостоятельные субъекты цифровые платформы берут на себя следующие функции, имеющие значение для медиатизации политики:

1. *Регулятивная.* Цифровые платформы перестают быть простыми посредниками и активно занимаются модерацией и фильтрацией контента. С одной стороны, они декларируют возможности свободы выражения и распространения мнений, но с другой – самостоятельно определяют границы допустимого, устанавливая правила цифрового поведения, и, таким образом, превращаясь в цифровых арбитров. Прикладное значение данной функции будет раскрыто на примере деплатформинга в параграфе 3.3.

2. *Интегративная.* Цифровые платформы создают онлайн-инфраструктуры для участия и содействуют общественному сплочению, социальной и политической интеграции. Они позволяют масштабировать новые формы социальной и политической солидарности: предоставляют возможности для объединения людей по разным интересам, минуя традиционные институты и нивелируя пространственные, временные и языковые барьеры. В то же время, следует учесть, что медиатизированное пространство платформ формирует огромное количество эхо-камер и

[1] См.: *Морозова С.С.* Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 1. С. 9-30; *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Цифровые платформы как субъекты конфликтогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 4. С. 753-771.

информационных капсул, создающих разделительные линии между пользователями.

3. *Коммуникативная.* Цифровые платформы создают единую цифровую среду для интерактивного взаимодействия пользователей, что усиливает общую плотность медиатизации политики. Однако стоит учесть, что в процессе медиатизации (в особенности – глубокой медиатизации) цифровые платформы латентно навязывают свою логику.

4. *Ценностно-мировоззренческая (идеологическая).* Цифровые платформы – это мощные инструменты поддержания и внедрения ценностных установок и моделей политического поведения общества. Они могут укреплять или дискредитировать ценностные приоритеты общества, воздействовать на общественное мнение для создание идеологической рамки, а также влиять на формирование политической культуры.

5. *Мобилизующая.* Алгоритмы цифровых платформ могут целенаправленно усиливать или пессимизировать контент, направленный на мобилизацию или пассивизацию пользователей. Данная функция особенно значима в условиях социальных и политических изменений, поэтому мы часто можем наблюдать конфликты между государствами и цифровыми платформами в эти периоды.

Реализация каждой их этих функций сопровождается определенными политическими эффектами и связанными с ними особенностями и рисками, которые по-разному проявляются на цифровых платформах разных типов.

В этой связи мы обратимся к типологизации платформ Н. Срничека[1]. Так, отталкиваясь от особенностей платформенного ландшафта, он выделяет пять больших типов платформ:

- бережливые платформы (lean platforms), такие как Uber, ЯндексGo, Airbnb, Booking. Работают по принципу гипераутсорсинга и максимального

[1] См.: *Srnicek N.* Value, Rent and Platform Capitalism // Work and Labour Relations in Global Platform Capitalism / Eds. J. Haidar, M. Keune. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. P. 29-45; *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

сокращения издержек. Главный актив – инструменты анализа данных и программные платформы.

- продуктовые платформы (product platforms), такие как Rolls Royce, Spotify, iOS, Я.Музыка. Генерируют доходы на других платформах, собирая ренту или абонентскую плату.
- промышленные платформы (industrial platforms), например, Siemens или General Electric. Они производят оборудование и ПО, необходимое для перевода традиционного производства в цифровую экономику.
- облачные платформы (cloud platforms), например, AWS, Alibaba Cloud, Google Cloud Platform, VK Cloud. Они владеют оборудованием или ПО для компаний, чья деятельность связана с цифровой сферой, и предлагают их в аренду. Именно этот тип платформ выстраивает базовую инфраструктуру цифровой экономики.
- рекламные платформы (advertising platforms) такие как Google, Meta [*], Amazon Ads, TikTok Ads, Microsoft Advertising, Baidu, Яндекс, VK. Извлекают пользовательские данные[1] и поведенческую информацию пользователей с помощью технологий ИИ с целью их последующей коммерциализации. Условную схему монетизации можно изобразить следующим образом: пользователи бесплатно производят контент и данные, которые изымаются, обрабатываются ИИ с целью продажи сторонним организациям. Таким образом, используя лексику Срничек и Зубофф, цифровые платформы присваивают пользовательские данные как сырье, как новую «нефть». Однако стоит иметь ввиду, что сторонние организации получают не сами персональные данные, а своеобразное обещание, что алгоритмы ИИ настолько эффективно анализируют модели поведения граждан, что это позволит в нужный момент предложить конкретному пользователю именно тот контент/продукт, который он захочет приобрести (товар, путешествие, книгу,

[*]Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] См.: *Назаров М.М.* Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 2. С. 22-36

прическу, онлайн-подписку, онлайн-игру, продукты питания, образ эффективного политика и мн.др.). При этом стоит заметить, что сегодня уже есть альтернативные платформы, которые не собирают данные, к примеру поисковик DuckDuckGo, однако, он не в состоянии конкурировать с Google или Яндекс.

Мы видим, что цифровые платформы чаще всего позиционируются как рекламные или облачные. На этих двух типах платформ следует остановиться подробнее.

Облачные платформы. Из истории развития сетевых инфраструктур известно о трех больших типах сетей: централизованные, децентрализованные и распределенные. Основные отличия между ними связаны с архитектурой управления, горизонтальными интеракциями и политической волей владельцев самих сетей, что показано на рис. 3.2.

Рисунок 3.2. Три типа сетей

У централизованных сетей (centralized networks) есть конкретные собственники и центральные узлы управления (сервера), через которые организован доступ к ресурсам цифровой платформы, а все данные и информация хранятся в одном месте. Это позволяет контролировать информационные обмены, добавлять/убирать определенные данные, удалив их с серверов. В децентрализованных сетях (decentralized networks)

управление и контроль распределены между разными узлами управления, к которым подключены рассредоточенные пользовательские узлы с возможностью принятия решений. Это утопический тип сетей, о котором грезили создатели интернета и, который, не выдерживая конкуренции, с одной стороны, вытесняется крупными платформами на обочину цифрового пространства, с другой, – подавляется государственными цифровыми решениями. Существуют интересные примеры децентрализованных сетей (к примеру, Fediverse (от англ. *Fed*eration и Uni*verse*, т.е. «федерация и вселенная» или Yggdrasil), но они требуют определенных IT-навыков и имеют ценность для нишевых сообществ пользователей. В распределенных сетях (distributed networks) отсутствует центральный сервер или децентрализованная группа серверов, принимающих решения, а каждый узел обладает автономией и не зависит от человеческого фактора. В связи с этим распределенные сети активно используются в сфере цифровых денег, которые не выпускаются и не контролируются государствами или банками (криптовалюта) на базе технологии блокчейна. В мире насчитывается ок. 10 тыс. криптовалют, а, по данным американского Forbes, на начало августа 2025 г. лидерами по рыночной капитализации остаются Bitcoin (примерно 2,31 $ трлн при цене около 115,8 тыс. $ за монету) и Ethereum с капитализацией около 430-450 млрд $ при цене около 3,55-3,6 тыс. $[1]

Для нашего исследования особую значимость имеют централизованные сети. По мнению Г. Ловинка, автора концепций «тактические медиа», «вымирание интернета», «организованных сетей», после формирования инфраструктуры для цифровой экономики и последующего массового распространения облачных технологий начался активный процесс централизации управления цифровыми платформами[2]. Поэтому глобальные

---

[1] Криптовалюта для начинающих. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008428?ysclid=mnvr0bnoez812001602 (дата обращения 12.05.2026).

[2] См.: *Lovink G., Lin N.* Optimist by Nature, Pessimist by Design. Writing Network Cultures // Technology and Language. 2023. № 4(3). P. 118-128.

цифровые платформы стремятся к монополии и/или олигополии информационного пространства, навязывая свои правила, нормы морали и условия удаления с платформы. Они устанавливают правила для пользователей через пользовательские соглашения, а для сотрудников через внутренние регламенты, которые могут дополнять или замещать традиционные правовые нормы. Изменить пользовательское соглашение практически невозможно. В этом смысле владельцы цифровых платформ пренебрегают государственными законами и, согласно концепции К. Шмитта, обладают суверенной властью. Главный мотив, в силу которого владельцы платформ делают такой выбор понятен: «централизованная власть в руках одного “большого человека” сводит на нет или хотя бы снижает количество отнимающих время споров о том, что и как делать, которые в любой момент способны перерасти в конфликты»[1].

Облачные централизованные платформы превратились в фундамент цифрового мира и цифровой экономики (в особенности, гиг-экономики). Власть нужна платформам для подготовки почвы для платформенного технологического уклада. Силу этого нового уклада придает ее необъявленность. В свое время «Сунь-цзы говорил, что наиболее сильная стратегическая позиция – “бесформенная”; это позиция, которую противник не может атаковать, поскольку она существует везде и нигде»[2].

Рекламные платформы. В свое время Людвиг фон Мизес в книге «Бюрократия» (1944 г.) утверждал, что правительственные системы по определению не могут организовывать информацию так же эффективно, как безличные рыночные механизмы. Возможно, наиболее емко эту мысль выразил Р. Рейган в своей знаменитой фразе: «Девять наиболее страшных слов в английском языке: “Я из правительства, и я здесь, чтобы помочь вам”»[3].

---

[1] *Фергюсон Н.* Площадь и башня. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. С. 52.
[2] *Каплан Р.* Политика воина: Почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 228.
[3] *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 10-11.

Подтверждает ли деятельность цифровых платформ такие воззрения? В любом случае мы можем сказать, что цифровые платформы подрывают легитимность политической власти так же, как жрецы Древнего Египта, риторы Греции и Рима, теологи средневековой Европы, философы-просветители эпохи Просвещения или радикальная русская интеллигенция.

Экономическое, политическое и культурное значение рекламных платформ стало огромным. Хотя они не участвуют в производстве и непосредственном применении вещей, но сами становятся предметом потребления. Французский ученый Ж. Бодрийяр, в общем и целом, говорил, что реклама – это «мир чистой коннотации» и именно «в качестве ненужного, несуществующего дискурса она и оказывается пригодной к употреблению как предмет культуры». И далее: «от информации реклама перешла ко внушению, затем к “незаметному внушению” (Паккард), ныне же ее целью является управлять потреблением; уже не раз высказывалось опасение, что это грозит тоталитарным порабощением человека и его потребностей»[1]. Рекламные платформы нон-стоп управляют потреблением 5 млрд пользователей.

Таким образом, если облачные платформы – это фундамент цифрового медиапространства, то его каркасом являются рекламные платформы. На весну 2026 г. ТОП-10[2] компаний в мире по рыночной капитализации следующий: 1) Nvidia, 4.58 трлн $, 2) Apple, 3.83 трлн $, 3) Alphabet (Google), 3.8 трлн $, 4) Microsoft, 2.7 трлн $, 5) Amazon, 2.5 трлн $, 6) Taiwan Semiconductor Manufactiring Company, TSMC, 1.9 трлн $, 7) Saudi Aramco, 1.7 трлн $, 8) Broadcom, 1.7 трлн $, 9) Meta* Platforms, 1.6 трлн $, 10) Tesla, 1.3 трлн $[3]. В России это следующие технологические компании[4]: 1) Яндекс, 1095

---

[1] *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2020. С. 206-207.

[2] Largest Companies by Market. URL: https://companiesmarketcap.com/ (дата обращения 20.04.2026).

*Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[3] Глобальные инвестиционные фонды часто владеют акциями в этих IT-компаниях. К примеру, BlackRock, Vanguard Group Inc., Fidelity Investments, State Street Corporation и др.

[4] Рейтинг крупнейших технологических компаний BigTech 100. URL: https://smartranking.ru/ru/ranking/big-tech/ (дата обращения 20.04.2026).

млрд ₽, 2) Т-Банк, 962 млрд ₽, 3) Wildberries, 675 млрд ₽, 4) Ozon, 615 млрд ₽, 5) Ростелеком, 341 млрд ₽, 6) Сбер, 283 млрд ₽, 7) ИТ-холдинг Т1, 249 млрд ₽, 8) МТС, 194 млрд ₽, 9) VK, 147 млрд ₽, 10) ИКС Холдинг, 140 млрд ₽.

Наиболее очевидные бенефициары цифровизации, «вершина сахарного айсберга» – «новая американская олигархия». Так, «из 10 самых богатых людей мира в январе 2025 г. девять были американцы, из них восемь – из мира “цифры”, а девятый – это американский суперинвестор У. Баффет. Он тоже из “цифры”, но, пожалуй, только наполовину, благодаря своим инвестициям не только в цифровые компании, но и в компании традиционной экономики. Только один из первой десятки – магнат по торговле роскошью, француз Б. Арно (LVMH) – не из цифрового мира»[1]. В последнее десятилетие особый интерес вызывает т.н. американская Big Tech, производящая основную часть IT-продуктов – GAMAM: Google (Alphabet), Apple, Meta [*], Amazon и Microsoft. Хотя к числу техногигантов относят не только американские, но и китайские компании (например, BATX – Baidu, Alibaba, Tencent и Xiaomi), опасения аналитиков, ученых и медиаактивистов связаны преимущественно с «Большой пятеркой», формирующей олигополистическую структуру рынка и концентрирующей власть вопреки национальным законодательствам. С 2023 г. в пятерку компаний с триллионной капитализацией прибавились новые игроки и теперь используется аббревиатура «Magnificent Seven» («великолепная семерка»), в составе: Big Tech + Nvidia и единственная в этом перечне компания не из цифрового мира – это производитель электромобилей Tesla. Однако один параметр остался неизменным: все компании – американские. На “Великолепную семерку” приходится более 30 процентов рыночной капитализации 500 крупнейших компаний индекса *S&P* 500[2]. Как

---

[1] *Ермошкин Н.Н.* Большая цифра. Как цифровизация и цифровые гиганты меняют мир, экономику и финансы, и как меняются сами. «Автор», 2025. С. 150.

[*] Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[2] I Study Financial Markets. The Nvidia Rout Is Only the Start. URL: https://www.nytimes.com/2025/01/28/opinion/nvidia-deepseek-ai-valuation-ouroboros.html (дата обращения 20.04.2026).

известно, Маркс писал, что накопление капитала обеспечивается централизованным государством. Собственники цифровых платформ усвоили этот урок. Централизация контроля над богатством означает снижение эффективности медиатизации в целом.

Но тогда, каков реальный вклад цифровых платформ в создание и поддержание глобального общественного блага? Платформы дали нам бесплатную электронную почту и аккаунт в социальных сетях, но взамен мы отдали приватность и управление важными аспектами нашей жизни. Является ли это равноценным обменом? Что должно получить общество, отказываясь от права на протест (по Гоббсу) против монополизации цифрового пространства? Как отмечает Т.А. Алексеева[1], основной интерес политического философа связан с вопросом: какое правило или принцип должны управлять распределением благ в обществе? Остаются до конца не решенными ключевые вопросы: какому типу благ соответствуют данные (глобальное, национальное или корпоративное); какое влияние использование данных оказывает на состояние конкуренции на рынке; каковы условия, в которых их стоит считать источником рыночной власти, и многие другие.

Мы, как утверждает М. Сэндел, так упорно стремились «исключить понятие о достойной жизни из общественных дискуссий» и требовали, чтобы «граждане оставляли свои моральные и духовные убеждения за порогом, выходя в публичное пространство», что образовавшийся вакуум в значительной мере заполнила логика рынка – явление, которое Сэндел назвал «рыночным триумфализмом». Руководители цифровых платформ в большинстве своем были рады подчиниться этой рыночной мудрости, позволив ее логике и ценностям вытеснить их собственные. Преобладающий в современную эпоху агностицизм, нежелание выражать четкую позицию о

[1] См.: *Алексеева Т.А.* Новые повороты в теории и методологии политической науки: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 759-766; *Алексеева Т.А.* Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

культурных ценностях или вовсе их отсутствие из-за страха кого-либо оттолкнуть, дали рынку возможность заполнить этот вакуум[1].

Magnificent Seven, ныне доминирующие в мировой экономике, допустили стратегическую ошибку, фактически отказавшись всерьез способствовать общественному прогрессу и развитию человеческой цивилизации. Главная этическая установка IT-гигантов – техноутопическая вера в то, что технологии способны решить все проблемы человечества, – выродилась в узкий и поверхностный подход, при котором человек воспринимается лишь как винтик системы, подлежащей управлению и контролю. Сложные, но жизненно важные вопросы о том, что такое благополучная жизнь, к каким целям должно стремиться общество, что может дать национальная идентичность, были отброшены как устаревшие пережитки прошлого[2].

Безусловно, если бы не рекламные платформы, то цифровая экономика не приняла бы нынешних масштабов. Важно заметить, что указанные богатейшие компании смогли аккумулировать гигантские ресурсы еще на предыдущих этапах медиатизации, что в очередной раз доказывает, какое принципиальное значение имеет стратегическое мышление, инвестиции в будущее и политическая воля акторов.

Мы видим, что США являются главным бенефициаром текущего развития цифрового мира, Китай занимает вторую позицию, а Россия хоть и не обладает суперприбыльными компаниями, смогла сохранить цифровой суверенитет и национальных цифровых акторов, которые обладают существенным потенциалом развития. Об этом пойдет речь в IV главе. Цифровые компании Европейского союза и других регионов мира пока в этом процессе играют второстепенные роли. В этом смысле, только две страны могут составить альтернативу цифровому миру США – это Россия и Китай. Как отмечают А.В. Матюхин, Ю.А. Давыдова и Р.Р. Рыжая, «Россия и Китай

---

[1] *Карп А., Замиска Н.* Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада / пер. с английского Ядвиги Войцеховской. Ереван Fortis Press, 2025. С. 188.
[2] Там же. С. 188.

разделяют схожие подходы к вопросам суверенитета, невмешательства извне и построения многополярного мира, имеют значительный потенциал для дальнейшего углубления взаимодействия, а совместные усилия по продвижению этих ценностей на международной арене могут способствовать укреплению позиций двух крупнейших евразийских держав в глобальной политической системе»[1].

Функциональная роль цифровых платформ обнаруживает глубокое сходство с традиционными монополиями индустриальной эпохи (железные дороги, энергетические сети, морские пути, коммунальные системы и др.). Однако, обладая уникальными цифровыми ресурсами, платформы вторгаются в современные социополитические процессы, воздействуя на них в соответствии с платформенной логикой (как следующий этап развития медиалогического опосредования).

Мы считаем, что платформенная логика раскрывает преимущества цифровых платформ:

• *Сетевые эффекты.* Цифровые платформы порождают «сетевые эффекты», где ценность находится в прямой зависимости от масштаба пользовательской базы. Чем больше пользователей на платформе, тем она более значима. Так, согласно закону Меткалфа, который широко популяризировал К. Келли, ценность любой сети пропорциональна квадрату числа подключенных к этой сети участников или устройств. Этот эффект хорошо заметен, когда человек выбирает социальную сеть или мессенджер для личного пользования. Более того, чем больше людей пользуется платформой, тем релевантнее работает поиск информации через алгоритмы. Цифровые платформы не ограничены физическим пространством и демонстрируют высокую масштабируемость, превращаясь в монопольного доминирующего субъекта с функциями медиатора. В этом смысле фраза «завоевать сердца и умы» в действительности означает «создание надежных сетей», при этом

[1] *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Рыжая Р.Р.* «Мягкая сила» Китая и ее восприятие в России // Журнал политических исследований. 2025. №. 2. С. 213.

действия, которые помогают создавать надежные сети, идут на пользу одной цифровой платформе. Действия, подрывающие доверие или разрушающие сети, идут на пользу конкурирующей цифровой платформе[1].

- *Перекрестное субсидирование.* Платформы используют так называемое «перекрестное субсидирование»: что-то предоставляется пользователям бесплатно за счет получения сверхприбыли от продажи рекламы, услуг или поведенческих данных, а что-то требует разовой оплаты или покупки подписки. Основная задача – вовлечь как можно больше пользователей на начальном этапе (т.е. увеличить платформенную силу), а значит, необходима «тонкая настройка» баланса: за что взимать плату, а что раздавать бесплатно. Национальные платформы (Россия, Китай), зачастую, не могут позволить себе подобную демпинговую стратегию и в перспективе проигрывают гонку глобальным цифровым платформам.

- Продуманная *базовая архитектура*. Успешные платформы проектируются так, чтобы их дизайн привлекал как можно больше разных пользователей. По меткому замечанию автора термина «виртуальная реальность» Дж. Ланье, цифровые платформы монополизируют наши данные и поэтому их можно назвать «Сервисами сирен» (Siren Servers)[2], по аналогии с гомеровскими сиренами из «Одиссеи», и, которые аккумулируют богатство в руках узкой группы, контролирующей центры обработки данных. Таким образом, «Сервисы сирен» вскрывают проблему радикального цифрового неравенства в ПостИО.

- *Правила игры.* Современные платформы ориентированы на масштабирование в рамках цифрового пространства в сочетании с алгоритмическим управлением, которое детерминируется определенными принципами и нормами. В результате правила игры устанавливаются собственником платформы. Право собственности на платформу – это право на владение ПО цифровой платформы (программный код).

---

[1] *Фергюсон Н.* Площадь и башня. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. С. 468-469.
[2] См.: *Lanier J.* Who owns the future? N.Y.: Simon and Schuster, 2014.

Проблемы цифровых платформ активно обсуждают на международном уровне. Так, в докладе Группы высокого уровня по цифровому сотрудничеству ООН «The age of digital interdependence» выделен набор из пяти рекомендаций относительно совместных мер международного сообщества по снижению рисков использования цифровых технологий.[1]

Среди ключевых направлений было выделено: 1) достижение всеобщего подключения к 2030 г., 2) продвижение цифровых общественных благ, чтобы достигнуть более справедливого мира, 3) обеспечить цифровое подключение всех, 4) укрепление наращивания цифрового потенциала, 5) обеспечение защиты прав человека в цифровую эпоху, 6) обеспечение управление ИИ, 7) продвижение доверия и безопасности в цифровой среде, 8) построение более эффективной архитектуры цифрового сотрудничества.

Как мы попытаемся доказать, именно сетевые эффекты позволяют обнаружить реальный (сочетающий публичные и латентные инструменты) механизм применения власти, вскрыть источники функционирования институтов, показать связь структур с методами определения бенефициаров и подлинные каналы опосредованной коммуникации с обществом[2].

Выше было показано, что сетевые эффекты работают в ситуациях, когда увеличивающееся количество пользователей влияет на ценность самого продукта для них. Поэтому основным параметром жизнеспособности цифровых платформ являются сетевые эффекты.

В политической науке сетевые эффекты связаны с параметрами формы организации взаимодействия акторов. Применительно к организации взаимодействия в социальных и политических сетях, Л.В. Сморгунов отмечает, что «можно говорить о сетевых эффектах при дополнительных условиях – плотности сети (ее нагруженности взаимными связями),

---

[1] Дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf?OpenElement (дата обращения 06.04.2024).

[2] См.: *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. С. 11.

реципрокности сетевого взаимодействия (взаимности оказанных действий, а не обмене, как на рынке), общем чувстве принадлежности к сети, а также доверии, ориентирующем на предсказуемость поведения»[1]. Все эти качества повышают ценность или полезность конкретной сети, что позволяет получать преимущества от продуктов и услуг по мере масштабирования сети.

Как правило, выделяют прямые и косвенные сетевые эффекты. Прямые эффекты возникают, когда ценность участия на платформе увеличивается с ростом числа других участников. В этой логике, к примеру, жизнеспособность медиаактивистских практик зависит от количества сторонников конкретной акции, а международный статус дипломатического союза повышается по мере присоединения все большего числа государств к блоку (БРИКС, ШОС, Совет мира и пр.). Косвенные сетевые эффекты возникают в ситуации, когда ценность платформы для одной группы участников растет при увеличении числа участников в другой группе. К примеру, рост числа пользователей на портале «Госуслуги» подталкивает органы власти оперативнее внедрять цифровые услуги для граждан, а увеличение функционала совместного оборудования и ПО позволило Apple стать более ценными для потребителей в рамках собственной экосистемы «iPone – iPad – Macbook – AirPods – Apple Watch».

Как отмечают А.Ю. Мамычев и А.Д. Уханов, «в новой сетевой формации объектом присвоения выступают потребности и поведение человека, а традиционные ресурсы перестали быть основанием для властного господства. Более того, возможность информационно-духовного воздействия на человека, создания вокруг него замкнутой информационной среды, управление информационно-эмоциональной и образно-символической репрезентацией реального мира, позволяют сформировать мировоззренческую систему, а также потребности и мотивационную структуру конкретного пользователя или роевого сетевого сообщества (аналог управления массовым сознанием в

[1] *Сморгунов Л.В.* Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 21.

социокультурной реальности)»[1]. В этой связи сетевые эффекты цифровых платформ возникают практически при появлении любой сети и, зачастую, приводят к платформенной логике и монополизации информационных потоков. Этот процесс привел к повышенному вниманию государственных регуляторов к деятельности цифровых платформ и их влиянию на граждан. И национальные государства, используя разные инструменты, пытаются получить контроль над сетями, используя репрессивный аппарат во всех видах для достижения своей цели. К примеру, «за последние 17 лет 52 государства в той или иной форме блокировали или ограничивали деятельность цифровых платформ»[2].

Как известно, идеал Макиавелли – «хорошо организованная patria», а не индивидуальная свобода. И в этом смысле, «управляемая patria» временами бывает несовместима с агрессивными цифровыми платформами, чьи поиски «правды» способны дать чуть больше, чем неудобные факты, выдернутые из контекста, поэтому риск разоблачения может вынудить правительства изобретать изощренные методы цифрового надзора[3]. Это приведет к тому, что интернет будет суверенным и зарегулированным как никогда раньше, разделенным по отдельным, часто несвязанным цифровым платформам и лишенным достоверных источников в их привычном для нас понимании[4]. Можно говорить о двух больших информационных разломах: одни пользователи будут обращаться к проверенным онлайн-ресурсам, заслужившим позитивную репутацию, а другие – к ИИ, который сообщит пользователю ту информацию, которая в наибольшей степени устраивает его

---

[1] *Мамычев А.Ю., Уханов А.Д.* Идеологические платформы в условиях цифровой трансформации: классические и современные формы мышления о цифровом будущем // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 31-52

[2] *Игнатьев А.Г.* Фрагментация Интернета в повестке Организации Объединенных Наций // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2025. Т. 3. №. 1. С. 100.

[3] *Каплан Р.* Политика воина: Почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. С. 105.

[4] It’s the End of the Web as We Know It. URL: https://www.wsj.com/tech/ai/its-the-end-of-the-web-as-we-know-it-2ab686a2 (дата обращения 12.05.2026).

в данный момент времени. Второй случай нами будет рассмотрен на примере внедрения «метавселенных».

3.2 Цифровые платформы и «метавселенные» как конкурентные ресурсы государств[1]

Динамичное развитие цифровых платформ требует гибкого реагирования и высокой адаптивности государства, бизнеса и общества к инновациям. Как было показано в предыдущих параграфах, переход на цифру начиная с 2016 г. наблюдается повсеместно. С 2021 г. в центре внимания ученых, IT-специалистов, глав корпораций, органов власти оказалась концепция Web 3.0. Особое положение среди новых инструментов и ресурсов цифровых платформ отводится «метавселенным», с развитием которых связывают кардинальную трансформацию процессов медиатизации политики. Цифровые корпорации сейчас формируют новый класс технократов – людей, управляющих цифровым пространством, в котором мы все живем, независимо от собственного желания. Представители этого класса часто называют «метавселенные» нашим будущим. Безусловно, у них есть свои ценности и политические установки, но главным образом они доверяют себе и своим технологическим решениям. При этом они предпочитают не касаться важных проблем текущего времени, таких как дегуманизация социальных отношений, цифровое неравенство, формирование постправдивого мира и пр. В этом смысле, мы считаем необходимым уточнить ряд вопросов: что именно создают цифровые платформы и зачем? как соотносится создание «метавселенных» с уникальными социокультурными основаниями России? Какую концептуальную рамку для осмысления феномена «метавселенной» России стоит использовать?

[1] При написании параграфа использованы материалы статьи: *Бронников И.А., Беденкова А.С.* Метавселенные и государства: вместе и порознь // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. № 15(2). С. 224-250.

Задача настоящего параграфа заключается в определении существующих перспектив и проблем внедрения «метавселенных» в политику. На основе интеграции теоретических положений, разработанных в ведущих странах, занимающихся построением своих «метавселенных», будут выделены ключевые особенности концептуальной модели «метавселенной» России.

В современном мире информационно-коммуникационное пространство изменяется невероятными темпами[1]. Поэтапное преобразование государственных структур, работа которых все чаще основывается на инфотехнологических решениях, связанных с построением виртуальных систем и влиянием ИИ, способствует трансформации мира политики. Многочисленные цифровые технологии, совместно применяемые государственными институтами, создают синергетический эффект, способствуя технологизации рутинных экономических процессов, изменению системы управления государством и обществом, совершенствованию механизмов государственно-гражданского взаимодействия, а также формированию новых «правил игры» функционирования современного мира.

Трансформация микро- и макроуровневых моделей информационного обмена, как правило, происходит в условиях медиатизации политики в рамках единого метапредметного поля. Мы можем сказать, что модификация и внедрение новаций в инфокоммуникационные процессы изначально происходит на технологическом и структурно-содержательном уровнях. Первый подразумевает постоянное изменение каналов коммуникации за счет разработки и внедрения новых средств передачи и обработки данных. В политическом процессе это означает создание роботизированных порталов оказания государственных услуг населению, в экономической –

[1] См.: *Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102; *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н.* Применение цифровых технологий в политических кампаниях // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. №. 2. С. 3-15.

конструирование производственных цепочек с минимальным участием человека, в социальной – выстраивание схем обмена контентом на основе технологий дополненной и виртуальной реальностей. Во второй – структурно-содержательный – уровень входят коммуникационные модели новой сетевой реальности, которые характеризуются, с одной стороны, децентрализацией информационного обмена вкупе с централизацией процессов управления, с другой – созданием обширных баз данных пользователей платформ различных уровней.

Данные изменения стали результатом не просто масштабного развития цифровых платформ, но и появления благодаря им новых площадок коммуникаций, оказывающих значительное влияние на политику, социальные взаимодействия акторов, медиабизнес, государственное управление и пр.

В последние годы во многих странах исследователями[1] фиксируются тревожные тенденции: коммуникационные сбои в системе государственного управления, низкая инклюзивность, имитационная соревновательность политических программ и пр. Однако технологическое развитие показывает, что уже в настоящее время в развитых государствах возможно создание серьезных предпосылок для формирования эффективных коммуникационных процессов в триаде «государство – цифровые платформы – граждане».

Отметим, что тема «метавселенной» является новой сферой для исследования, но имеется ряд публикаций по данной проблематике, как в отечественном (О.Н. Гуров, М.О. Каньина, Д.В. Каспарьянц, О.В. Крыштановская, А.П. Сегал, А.С. Юхно и другие), так и зарубежном (М. Болл, Ф.Ю. Ван, М. Венкатесан, В. Интерранте, Р. Кхин, А. Лекьюйер, С. Мистакидис, Х. Мохан, Д. Нокс, Д.Р. Райан, Ч. Тейлор, Т.Х. Хеллерер и

[1] См.: *Соловьев А.И.* Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 57-79; *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 1. С. 7-27; *Margetts H., Dunleavy P.* The second wave of digital-era governance. A quasi-paradigm for government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2013. Vol. 371, № 1987. Art. № 20120382; *Norris P.* Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. New York: Cambridge University Press, 2011.

другие[1]) научном сообществе. В центре внимания находятся вопросы определения содержания концепции и характерных черт «метавселенной», перспективы развития и возможные преимущества внедрения, правовые аспекты создания и функционирования, роль в цифровой трансформации политических институтов, а также возможности применения новых технологий в различных сферах, включая госуправление, экономику, образование, сельское хозяйство и так далее.

Эволюция интернета, как было показано в параграфе 3.1, позволяет говорить о том, что сегодня мы находимся на стадии перехода к новому этапу. От концепции Web 2.0, определенной Тимом О'Райли в 2005 г, интернет переходит на этап Web 3.0, основные положения которого были обозначены в 2007 г. руководителем компании Netscape Дж. Калаканисом. Web 3.0 – это сдвиг парадигмы в сторону децентрализации и открытости. Являясь органичным продолжением и развитием Web 2.0, новая концепция не заменяет предыдущий этап, а дополняет и расширяет его новыми возможностями. ИИ, большие данные, блокчейн, криптовалюта, «метавселенные» – новые технологии, детерминирующие цифровую реальность. Ряд технологий Web 3.0 относят к категории прорывных, среди которых последние годы особо выделяется «метавселенная».

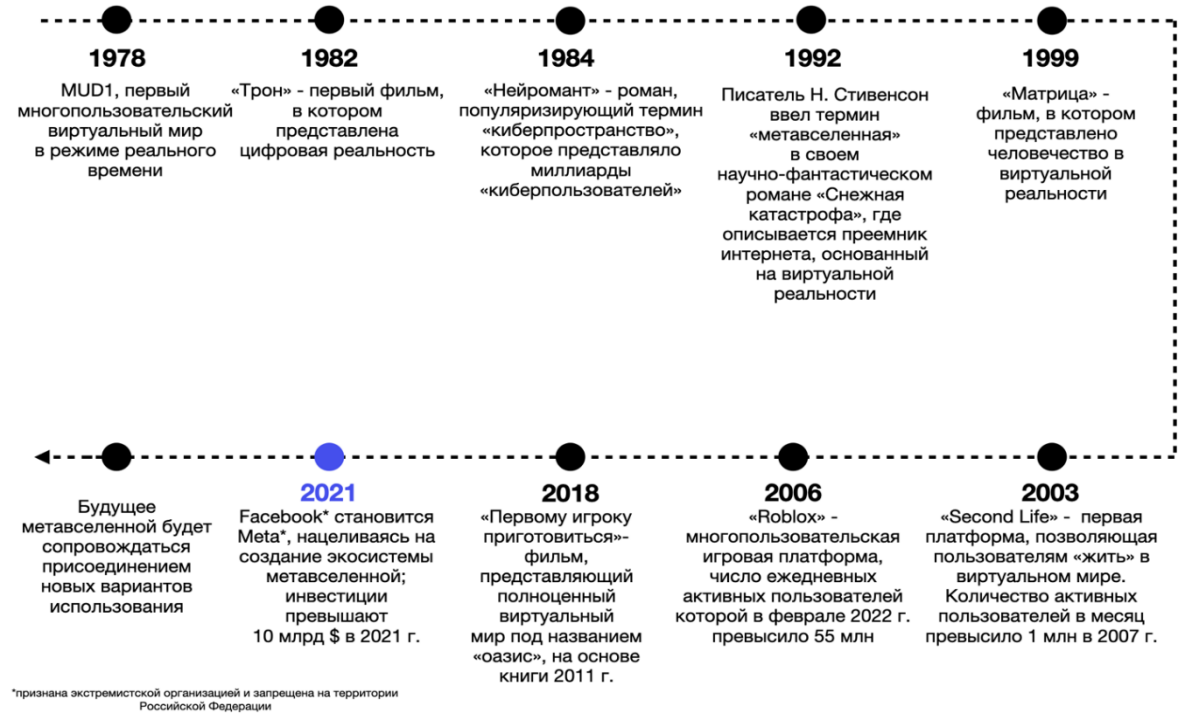
Впервые понятие «метавселенной» появилось в работах американских писателей-фантастов в XX веке. Пионером в этом направлении стал Н. Стивенсон, который в своем романе «Лавина» использует понятие «метавселенной», как некого виртуального мира, где не проводится граница между реальностью и воображением. Оно использовалось также в

[1] См., напр.: *Гуров О.Н., Конькова (Кураева) Т.А.* Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 1. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1/ (дата обращения 01.06.2026); *Venkatesan M., Mohan H., Ryan J.R. et al.* Virtual and augmented reality for biomedical applications // Cell Reports Medicine. 2021. Vol. 2. № 7. Art. № 100348; *Wang F.-Y., Qin R., Wang X. et al.* MetaSocieties in Metaverse: MetaEconomics and MetaManagement for MetaEnterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2022. Vol. 9. № 1. P. 2-7; *Interrante V., Hollerer T. H., Lecuyer A.* Virtual and augmented reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38. № 2. P. 28-30.

художественных текстах фантастической направленности или в фильмах[1] с описанием виртуальных игр и погружением человека в их мир. Несмотря на то, что термин появился в художественной литературе, технологические предпосылки для его воплощения начали формироваться значительно раньше. Так, в 1957 году М. Хеллиг создал прототип виртуальной реальности под названием Sensorama Simulator, который обеспечивал мультисенсорное восприятие[2].

Несмотря на стремительное развитие цифровых технологий и рост их популярности, понятие «метавселенной» (см. рис. 3.3) является относительно новым для научного сообщества. До сих пор не сложилось единой трактовки понятия, которая бы полностью раскрывала суть концепции и включала в себя отличительные черты «метавселенной» от дополненной и виртуальной реальности.

Рисунок 3.3. История развития «метавселенной»[3]

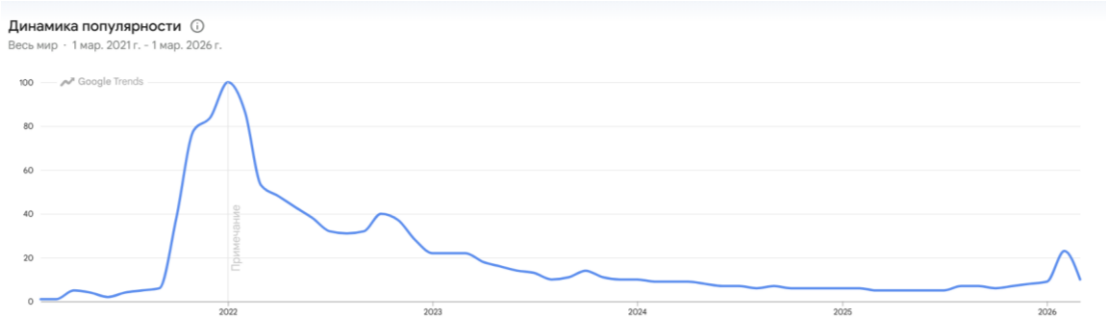
[1] Трон, 1982, Трон: Наследие, 2010; Трон: Арес, 2025; Первому игроку приготовится, 2018; Тринадцатый этаж, 1999; Матрица, 1999-2021; Джуманджи: Зов джунглей, 2017 и Новый уровень, 2019.

[2] Morton Heilig: Sensorama 1957. URL: https://mediartinnovation.com/2014/06/03/morton-heilig-sensorama-1957/ (дата обращения 12.05.2026).

[3] Источник: McKinsey&Company

Отметим, что концепция «метавселенной» стала стремительно набирать популярность, проникая в общественный дискурс, начиная с 2021 г. (см. рис. 3.4). Точкой отсчета стали заявления руководителя компании Meta* М. Цукерберга о начале разработки нового проекта создания «трехмерного интернета».[1] Тогда Цукерберг отметил, что «метавселенная – это следующее поколение интернета».

Рисунок 3.4. Динамика популярности запроса «metaverse» в Google Trends с 01.03.2021 г. по 01.03.2026 г.[2]

Мы можем констатировать, что бурный рост «метавселенных» провоцирует большое количество научных работ в мире по данной теме. Вместе с тем в России в последние годы наблюдается замедление динамики теоретического осмысления «метавселенных», что связано с общим политическим трендом обеспечения цифрового суверенитета, который переориентирует вектор отечественных работ с интеграции России в глобальные цифровые экосистемы на формирование автономных, национально-ориентированных цифровых инфраструктур. Так, по данным e-LIBRARY[3] по состоянию на апрель 2026 г. в электронной библиотеке размещено более 7 тыс. научных статей, содержащих в названии слово «metaverse» и опубликованных в зарубежных журналах, тогда как статей с термином «метавселенная» в российских изданиях насчитывается всего 105

*Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] Mark in the metaverse. URL: https://www.theverge.com (дата обращения 23.02.2023).

[2] Источник: Google Trends.

[3] На основе данных e-LIBRARY. URL: https://elibrary.ru/ (дата обращения 12.05.2026).

шт. Исследовательский фокус научных публикаций, посвященных концепции «метавселенных», характеризуется преобладанием проблемно-ориентированного подхода. Приоритетным вектором исследований выступает управление данными (45% работ), в то время как вопросы информационной безопасности и идентичности освещаются в 32% и 27% публикаций соответственно[1].

Следует признать, что одним из наиболее часто употребляемых понятий является определение, данное Кембриджским словарем. Так, «метавселенная» – это виртуальный мир, где люди, как аватары, взаимодействуют друг с другом в трехмерном пространстве, имитирующем реальность[2].

Внести ясность в понятие «метавселенной» пытаются и цифровые гиганты, играющую весомую роль в развитии технологии. Например, Meta* определила «метавселенную» как новый этап взаимосвязанного виртуального опыта с использованием таких технологий, как VR (виртуальная реальность) и AR (дополненная реальность), благодаря чему пользователи могут общаться с друзьями, работать, играть, учиться, делать покупки[3]. В докладе McKinsey отмечается, что «метавселенная» – это развивающееся цифровое пространство с поддержкой 3D, которое использует VR/AR и другие передовые цифровые технологии, полупроводниковые технологии, позволяющие людям получать опыт онлайн[4].

Существуют и более лаконичные трактовки. Например, Х. Диас определяет «метавселенную» как иммерсивное, трехмерное (3D), виртуальное

---

[1] См.: *Sharma V., Stephens M., Khurshid S., Pereira V.* Metaverse governance in international business: a systematic literature review (1990–2025) // Review of International Business and Strategy. 2025. Vol. 35. Iss. 5. P. 613-655.

[2] Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/metaverse (дата обращения: 20.02.2025).

*Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[3] Watch out Fortnite and Roblox. URL: https://www.musicbusinessworldwide.com (дата обращения: 20.02.2025).

[4] What is Metaverse? McKinsey&Company. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-metaverse (дата обращения: 20.02.2025).

и многопользовательское онлайн-пространство[1]. Р.М. Висконти понимает под «метавселенной» сеть трехмерных виртуальных миров, ориентированных на социальные связи; набор виртуальных пространств, где человек может создавать и исследовать что-то с другими людьми, которые не находятся в том же физическом пространстве[2]. С. Мистакидис описывает «метавселенную» как взаимосвязанную сеть социальных сетевых иммерсивных сред в устойчивых многопользовательских платформах[3]. Она основана на конвергенции VR и AR, которые позволяют мультисенсорное взаимодействие с виртуальными средами, цифровыми объектами и людьми[4].

С целью внести некоторую ясность о представлении сути концепции «метавселенной» М. Болл представил 7 признаков, которые характеризуют это явление[5]:

1. Бесконечность – нет временных ограничений, никогда не заканчивается;

2. Синхронность – события происходят в режиме реального времени, имитируя жизнь;

3. Отсутствие ограничений для одновременного нахождения пользователей – каждый является частью «метавселенной» в любое время;

4. Полностью функционирующая экономика – возможность «производить» и «потреблять» блага;

5. Пространство, охватывающее все возможности, предоставляемые цифровым и аналоговым мирами;

6. Совместимость и синхронность – данные, контент, цифровые платформы и другие используемые предметы взаимодополняемы и взаимозаменяемы;

7. Генерирование контента каждым участником.

---

[1] См.: *Díaz J.E.M., Saldaña C.A.D., Avila C.A.R.* Virtual world as a resource for hybrid education // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15. № 15. P. 94-109.
[2] См.: *Moro-Visconti R.* From physical reality to the Metaverse: A multilayer network valuation // Journal of Metaverse. 2022. Vol. 2, № 1. P. 16-22.
[3] См.: *Mystakidis S.* Metaverse // Encyclopedia. 2022. Vol. 2. № 1. P. 486-497.
[4] Там же. P. 486-497.
[5] *Ball M.* The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. URL: https://www.matthewball.vc/all/themetaverse (дата обращения: 20.02.2025).

Обобщая отмеченные выше черты «метавселенной», М. Болл определил ее как масштабируемую и совместимую сеть визуализируемых в реальном времени 3D виртуальных миров, которые могут синхронно и постоянно восприниматься практически неограниченным числом пользователей с индивидуальным ощущением присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и платежи[1]. Стоит учесть, что М. Болл описывает «метавселенную», опираясь прежде всего на инфраструктурные и экономические характеристики. В этом смысле предложенная модель нивелирует человеческий фактор и не учитывает значимые субъективные параметры.

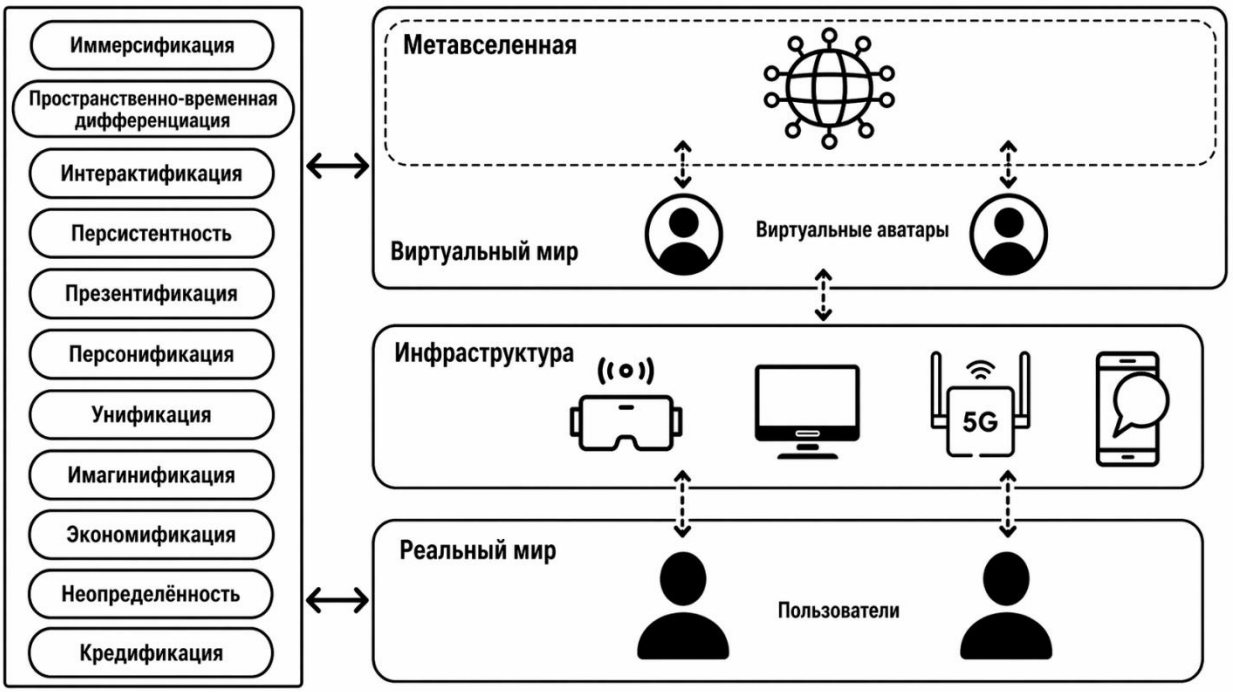
Отчасти этот пробел работы Болла заполняет исследование, проведенное группой ученых под руководством профессора Седжонского университета (Юж. Корея) А. Садеги-Ниараки. В 2025 году ученые опубликовали значимый труд, раскрывающий «анатомию» метавселенных и представляющий новаторский взгляд на таксономию характеристик «метавселенной», предлагающий структурированную и адаптируемую основу за счет включения динамики технологических, социальных, экономических и этических аспектов[2]. Подобный подход нам кажется более релевантным. Более того, эти исследователи вводят процессно-ориентированную классификацию «метавселенной», основанную на 23 различных характеристиках, среди которых главными являются: иммерсификация (эффект присутствия обеспечивается технологиями VR и AR), интероперабельность (взаимодействие цифровых платформ на основе стандартизации данных и протоколов обмена), пространственно-временная дифференциация, интерактификация (интерактивность), персистентность (непрерывность существования цифровой среды независимо от подключения пользователей), презентификация (присутствие), персонификация, унификация,

[1] См.: *Ball M.* The Metaverse: And how it will revolutionize everything. New York: Liveright, 2022.

[2] *Sadeghi-Niaraki A., Rahimi F., Azlan N.A.E.B., Song H., Ali F., Choi S. M.* Groundbreaking taxonomy of metaverse characteristics // Artificial Intelligence Review. 2025. Vol. 58(8). P. 244.

имагинификация (воображение), экономификация, неопределенность и кредификация (доверие). Схематично это можно изобразить следующим образом (см. рис. 3.5).

Рисунок 3.5. Процессно-ориентированная таксономия характеристик «метавселенной»[1]

Учитывая предметную область диссертации, за основу будет взят данный подход, поскольку такая исследовательская оптика позволяет учитывать ценностное поле и политические установки пользователей «метавселенных», что особенно значимо для России как государства-цивилизации.

Ранее нами было показано, что цифровые платформы эволюционировали от простых многопользовательских сред до иммерсивных платформ трехмерной визуализации с собственной логикой. В этом смысле, применительно к «метавселенным» можно выделить несколько этапов их развития:

Первый этап (2000-е и начало 2010-х гг.). Условно его можно назвать «предварительным»[2]. На данном этапе разрабатываются первые частично

[1] Там же. P. 244.

[2] *Dwivedi Y.K., Hughes L., Baabdullah A.M. et al*. Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. P. 102542.

закрытые многопользовательские виртуальные миры (Second Life, 2003) с возможностью создания аватаров для взаимодействия пользователей друг с другом. По этой логике развивались аналогичные MMORPG (массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры)[1]. К примеру, World of Warcraft.

Второй этап (2010-е гг.). Начинают конструироваться первые игровые протометавселенные (появляются первые VR-устройства – Oculus Rift и AR-проекты – Pokemon Go)[2]. Важно заметить, что в этот период стали активно развиваться платформы, где пользователи сами могли создавать контент: Roblox, Minecraft, Fortnite и др., что, в свою очередь, продемонстрировало возможности одномоментного взаимодействия миллионов пользователей по всему миру, а также новые форматы медиаактивизма[3].

Третий этап (2021-2024 гг.). Взрывной интерес к «метавселенным», связанный с перепозиционированием компании Facebook* в Meta*. Ребрендинг цифровой платформы привлек широкое внимание бизнеса, граждан и государственных структур, что привлекло серьезные инвестиции в эти проекты[4]. Многие цифровые платформы (Microsoft, The Sandbox) начинают запускать собственные пилотные проекты «метавселенных», а

---

[1] См., напр.: *Белов С.И., Кузнецов И.И.* Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192-200.

[2] См.: *Manda V.K.* Building Blocks, Opportunities, and Challenges of Metaverse in Web 3.0 // Decentralizing the Online Experience With Web3 Technologies. 2024. P. 168-188.

[3] См. подр.: *Ахременко А.С. Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. №. 2. С. 73-91; *Пырма Р.В.* Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63-69; *Бродовская Е.В. Парма Р.В. Лукушин В.А.* Инженерия согласия: от информационных манипуляций к алгоритмическому управлению искусственного интеллекта // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 53-70.

*Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[4] См. подр.: *Wang Y. et al.* A survey on metaverse: Fundamentals, security, and privacy // IEEE Commun. Surv. Tutorials. 2023. Vol. 25, №. 1. P. 319-352; *Dong S., Liu M., Abbas K.* The Metaverse Review: Exploring the Boundless Realm of Digital Reality // Computers, Materials & Continua. 2024. Т. 81. № 3. P. 3451-3498; *Chen Z. et al.* Metaverse security and privacy: An overview // 2022 IEEE international conference on big data (big data). 2022. P. 2950-2959.

государства начинают внедрять «метавселенные» в политические процессы. Однако стоит отметить, что в рамках этого этапа, бурное развитие ИИ немного «охладило» разработку «метавселенных», переориентировав разработчиков и владельцев платформ в сторону конкуренции в области LLM.

Четвертый этап (с 2025 г. – по н/вр.). С одной, стороны, данный этап характеризуется масштабированием «метавселенных» как в корпоративном, так и государственном секторах, с другой – «метавселенные» начинают активно использоваться не как развлекательный ресурс, а с точки зрения возможности общественно-политического использования в таких сферах как: государственное управление, образование, промышленность (цифровые двойники), медицина и т.д. Мы можем констатировать, что на данный момент акцент сместился в сторону интероперабельности, ИИ-агентов и гибридных моделей взаимодействия, совмещающих VR/AR-технологии с мобильным доступом пользователей к ресурсам «метавселенных».

По оценкам аналитических агентств объем рынка «метавселенных» в 2025 г. составил 154,6 млрд $ и, по оценкам, достигнет 7 трлн $ к концу 2035 г.[1] Доклад Citi «GPS: Global Perspectives & Solutions» прогнозирует рост экономики «метавселенной» от восьми до 13 трлн $[2]. При этом самые высокие темпы роста ожидаются в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такой масштаб делает «метавселенные» не просто инструментами государств и IT-гигантов, а стратегическим ресурсом глобальной конкуренции. Для нас значимы две надвигающиеся проблемы: конкуренция между платформами «метавселенных» и размывание моральных и этических норм в цифровом пространстве с последующей трансляцией деструктивных моделей поведения в реальный мир. Поэтому развитие «метавселенных» будет определяться

[1] Размер и доля рынка Metaverse по платформам (настольные, компьютерные, мобильные устройства, гарнитуры); продуктам; технологиям; приложениям; конечным пользователям – SWOT-анализ, конкурентная стратегия, региональные тенденции 2026-2035 гг. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/metaverse-market/3925 (дата обращения 24.02.2025).

[2] Metaverse and money. Decrypting the Future. URL: https://ir.citi.com/gps/x5%2BFQJT3BoHXVu9MsqVRoMdiws3RhL4yhF6Fr8us8oHaOe1W9smOy1%2B8aaAgT3SPuQVtwC5B2%2Fc%3D (дата обращения 24.02.2025).

тремя факторами: технологическими возможностями государств и цифровых платформ; способностью государств отстаивать национальные интересы; общественной реакцией на происходящие изменения.

Между тем, сегодня глобальность тренда и перспективы развития «метавселенной» отмечают многие эксперты и аналитические компании. По данным Gartner, в 2026 г. 25% пользователей будут проводить в «метавселенных» около часа в день, имея доступ к множеству сервисов[1]. Согласно данным ВЦИОМ более четверти россиян заявили, что им было бы интересно побывать в «метавселенной» в качестве своей цифровой копии (27%). По мнению 37% граждан России, от метавселенных будет больше вреда, в связи с опасностью ухода от реальности. Каждый десятый видит опасность «метавселенных» в отсутствии живого общения (11%) и деградации (9%)[2].

Вполне естественно, что «метавселенные» постепенно вливаются в повседневную жизнь человека. Выгоды и функциональность Web 3.0 уже оценили десятки тысяч частных компаний, многие из которых начали инвестиционные проекты разработки «метавселенной». Постинформационная эпоха актуализирует изучение проблем и перспектив совершенствования государственных решений, связывая данную область с медиатизацией политики[3]. Тренд на «метавселенные» проникает и в государственный сектор. Зачастую, развитие ИКТ тесно связано с повышением эффективности государственного управления, а каждый новый уровень медиатизации существенно изменяет взаимодействия государства и общества. Однако, как

---

[1] Gartner Predicts 25% of People Will Spend At Least One Hour Per Day in the Metaverse by 2026. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026 (дата обращения 24.02.2023).

[2] В аватары я готов! Пусть меня научат… URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatary-ja-gotov-pust-menja-nauchat (дата обращения 24.02.2025).

[3] См.: *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В.* Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229-248.

справедливо отмечает А.И. Соловьев, «его конкретные формы, новые оттенки взаимоотношений власти и населения, по-своему реагирующих на качественное расширение цифровых механизмов политической коммуникации и демонстрирующих особые версии использования этих инструментов, зависят от конкретного политического режима и стратегии правящих акторов»[1].

Экспоненциальное развитие цифровых технологий и повсеместное распространение практик их применения нашло отражение в модели цифрового правительства. Впервые о начале контекстуального формирования и перехода к этой концепции было заявлено еще в 2012 г. в отчете ООН. Согласно актуальной концепции, внедрение цифры в государственное управление подразумевает не просто оцифровку процессов, но трансформацию всей политической системы. Модель предполагает, масштабные трансформации всех процессов в сторону гибкости, адаптивности, оперативности, открытости, интерактивности, инклюзивности, проактивности и децентрализации. Сегодня развитие концепции связывается с технологией «метавселенной».

Использование «метавселенной» позволит государству решить ряд важных проблем – предоставления услуг, упрощение процедур взаимодействия, развитие коммуникации с гражданами и т.д. «Метавселенная» позволит полностью реализовать потенциал трехмерности, сетевых коммуникаций и алгоритмического управления социальными и политическими процессами.

Специалисты в области IT и государственного управления высоко оценивают возможности и потенциал внедрения Web 3.0, определяя цифровые технологии данного поколения в качестве успешного стратегического

---

[1] *Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 217.

вложения[1]. Несмотря на то, что внимание широкой общественности преимущественно сосредоточено на инициативах цифровых платформ, особенно в игровой, развлекательной, туристической и рекламной отраслях[2], мы можем выделить актуальные государственные инициативы разных стран в формировании цифрового будущего (Приложение 1. Табл. 6). Бесспорно, что пандемия COVID-19 послужила для государств катализатором этого процесса.

Исходя из данных таблицы 6, мы видим, что «метавселенные» и сопутствующие технологии ИИ, блокчейна, виртуальной реальности, интернета-вещей уже появляются в реальных политических процессах, о чем свидетельствуют первые попытки их внедрения разными государствами. Проведенный анализ показывает, что некоторые государства, несмотря на то что не входят в число стран с высоким рейтингом развития ЭП, начали внедрение правительственных инициатив, связанных с «метавселенной», раньше, чем страны с более высоким уровнем цифровой зрелости. Стремление государств совершенствовать свои цифровые возможности за счет раннего внедрения «метавселенных» и иммерсивных технологий представляется стратегическим.

В масштабном исследовании Ч. Чжан и Л. Ван, проведенном на основе анализа 34 программных документов, выпущенных в крупнейших экономиках с 2021 по 2024 гг., отмечается, что «национальные приоритеты заметно различаются по стратегическим намерениям и моделям управления»[3]. Опираясь на пять параметров (масштаб политики, политические проблемы, стратегическая ориентация, платформенная зависимость, способ управления), исследователи разработали четырехкомпонентную типологизацию

---

[1] См.: *Thomason J.* Metaverse, token economies, and chronic diseases // Global Health Journal. 2022. Vol. 6. № 3. P. 164-167.

[2] См.: *Kniazeva M., Aiello G., Dasmi C., Mazzoli V., Nechaeva O., & Syed F.U.* Why fashion brands enter the metaverse: Exploring the motivations of fast fashion and luxury fashion brands // Journal of Global Fashion Marketing. 2024. 15(1). P. 62-89.

[3] *Zhang C., Wang L.* Virtual Worlds, Real Politics: A Cross-National Comparative Study of Metaverse Policy Approaches // Politics and Governance. 2025. Vol. 13. P. 10239.

управления «метавселенной». Так, они классифицируют государства на четыре архетипа управления:

1. Техноэкономические лидеры (США, Китай). Эти страны рассматривают «метавселенную» как инструмент укрепления технологического суверенитета, экономической конкурентоспособности и международного влияния. Для них характерны: системный характер политики, ориентация на развитие технологий, значительные инвестиции в исследования и разработки и, наряду с этим, стремление к формированию собственных стандартов цифрового развития. Здесь «метавселенная» выступает не как самостоятельная индустрия, а как элемент общей стратегии технологического лидерства.

2. Промышленные новаторы (Франция, Германия, Япония, Юж. Корея). Эти страны, характеризующиеся сильными отраслевыми политиками, делают упор на экономическое развитие в нишевых секторах (обрабатывающая промышленность, телекоммуникации, электроника и индустрия развлечений). Однако у них наблюдается зависимость от глобальных цифровых платформ, поэтому управление осуществляется по модели сотрудничества, в которой государственно-частное партнерство играет центральную роль в формировании «метавселенных».

3. Оппортунисты-реформаторы (ОАЭ, Саудовская Аравия). Эти страны демонстрируют сильный энтузиазм в отношении новых технологий, включая «метавселенную», и рассматривают их как возможности для диверсификации экономики, особенно в условиях пост-ресурсного или туристического развития. Для достижения этих трансформационных целей управление в значительной степени централизовано, с сильной государственной координацией и директивным управлением. Однако, поскольку этим государствам часто не хватает достаточных технологических и промышленных основ, они демонстрируют высокую зависимость от внешних акторов, что, в свою очередь, ограничивает их автономию. Следовательно, по сравнению с другими архетипами, их взаимодействие с «метавселенной»

остается в значительной степени символическим представлением, ориентированным на проекцию мягкой силы посредством культурных нарративов и национального брендинга, а не основанном на отраслевых политиках.

4. Бдительные регуляторы (ЕС, Великобритания, Норвегия, Швейцария). Сильный акцент на безопасность, управление рисками и демократическую подотчетность. Хотя эти государства отчасти полагаются на иностранные платформы, их преимущества в установлении стандартов управления снижают общую зависимость до среднего уровня. Частичная зависимость от иностранных платформ способствует принятию этими странами стратегических документов, которые формируют этический подход к управлению, ставя во главу угла цифровые права граждан и конфиденциальность.

В рамках нашего исследования мы будем опираться на первые два архетипа как наиболее подходящие для России. Кроме того, в рамках цивилизационно-конструктивистского подхода, изучение национальных стратегий «метавселенной» имеет важное значение для понимания того, каким образом государственные приоритеты закладываются в цифровую архитектуру виртуальных миров, что, в свою очередь, может раскрыть мотивы, политические решения и ценностные основания, которые лежат в основе медиатизированной политики в «метавселенной». Другой ее важной особенностью является то, что государство может использовать преимущества «метавселенной» для моделирования сложных социополитических и этических сценариев для разработки значимых составляющих политико-управленческих решений[1].

[1] См.: *Lnenicka M. et al.* Government in the metaverse: Requirements and suitability for providing digital public services // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 203. P. 123346; *Dwivedi Y. K. et al.* Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. P. 102542; *Bradford A.* Digital empires: The global battle to regulate technology. N.Y.: Oxford University Press. 2023.

Пристальное внимание и повышенный интерес государственного сектора к NFT и «метавселенной» отмечен в Азии, особенно в Японии, Республике Корее, Китае. Они входят в первые два архетипа четырехкомпонентной модели управления «метавселенной» Чжан и Ван, поэтому для России опыт этих стран будет особенно полезен в связи с необходимостью формирования собственной модели цифрового развития, способной обеспечить технологический суверенитет в долгосрочной перспективе.

Опыт Японии. Одной из первых стран, кто на государственном уровне официально отметил курс на использование Web 3.0, стала Япония. Согласно отчету ООН, Япония входит в самый высокий (VH) класс оценки и является одним из мировых лидеров ЭП, занимая 13 место в общем рейтинге. В рейтинге OECD Япония расположилась на пятом месте, демонстрируя высокие показатели сразу по шести критериям[1]. Рейтинг Digital Evolution: State[2] за 2025 г. ставит Японию на 18 позицию (8 – Юж. Корея, 20 – Китай, 51 – Россия, 66 – ЮАР) со стабильными показателями. Можно предположить, что поддержка Web 3.0. со стороны правительства позволит стране ускорить свою цифровую трансформацию и способствовать росту экономики.

Впервые про намерение развивать Web 3.0 Ф. Кисида заявил в мае 2022 года в ходе встречи с потенциальными инвесторами в Великобритании. Тогда премьер-министр обозначил решимость Японии в проведении необходимых институциональных реформ, с целью создания притягательной среды для привлечения инвестиций и создания новых услуг на базе Web 3.0. На сегодняшний день разработки в сфере Web 3.0 получают преференции в системе государственных закупок и финансовой поддержке[3]. Взятый Японией

---

[1] OECD «Recommendation of the Council on Digital Government Strategies». URL: https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf (дата обращения 22.02.2024).

[2] Digital Planet 2025. URL: https://digitalplanet.tufts.edu//wp-content/uploads/2025/dei/Digital-Evolution-Index-2025.pdf (дата обращения 12.05.2026).

[3]第二百十回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2022/1003shoshinhyomei.html (дата обращения 22.02.2024).

вектор представляется довольно масштабным в рамках страны и получает поддержку политической элиты.

Отмечая внушающие перспективы «метавселенной», рынок которой в ближайшие годы превысит 1 трлн. йен, можно выделить тормозящие причины, среди которых главными являются расплывчатые правила и чрезмерный налоговый гнет, что способствует перетеканию перспективных японских стартапов и кадров за рубеж[1]. Например, ок. 4 млн. нормативных актов нуждаются в реформировании (например, налог на виртуальные валюты, принадлежащие корпорациям).

Показательным примером является запуск в 2024 г. первой в мире виртуальной школы на базе Yushi International High School, обучение в которой организовано с использованием VR-технологий, а учащиеся взаимодействуют через трехмерные аватары. В виртуальной школе существует психологическая поддержка и формируются сообщества по интересам обучающихся[2].

Развитие «метавселенных» в Японии опирается на ряд стратегических документов. Отдельно стоит отметить Web3 White Paper 2024, в котором подчеркивается стремление страны занять лидирующие позиции в формировании безопасной и инновационной цифровой среды посредством децентрализованной экономики, NFT и открытой цифровой инфраструктуры[3]. Еще одним важным стратегическим решениям является концепция New Cool Japan (2024), где в основе заложена политика формирования нового имиджа страны с желанием представить Японию не только как высокотехнологическую страну, но и как культурную и креативную державу, открытую к сотрудничеству. В рамках этой стратегии цифровое пространство

---

[1] Там же.

[2] См.: *Богомазова Н.Л.* Особенности цифровизации образования в Японии: генеративный искусственный интеллект и «виртуальная школа» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. ЛН Толстого. 2024. №. 4 (52). С. 51-58.

[3] Agreement on the creation of the "Japan Metaverse Economic Zone". URL: https://info.archives.global.fujitsu/global/about/resources/news/press-releases/2023/0227-02.html (дата обращения 07.04.2026).

используется как инструмент продвижения культурного контента, туризма и креативных индустрий[1].

Ряд крупных японских компаний технологического сектора подписали соглашение о совместном развитии с государством «метавселенной» Japan Metaverse Economic Zone. Каждый из участников будет отвечать за свою сферу, которая определена заранее. Например, Mitsubishi сконцентрируется на финансовой части «метавселенной», а Sumitomo Mitsui Financial Group будет продвигать креативную экономику и геймификацию жизни[2]. В рамках этой инициативы планируется разработать открытую инфраструктуру «метавселенной» под названием Ryugukoku, которая должна стать независимой виртуальной вселенной с собственными правилами, экономическими системами и культурой, интегрирующей элементы японской культуры, истории и традиций. Отдельно отметим государственную инициативу социальной направленности – «метавселенную» Plat-verse как площадку, где любой японец может получить психологическую помощь и найти собеседников для общения. Проект направлен на борьбу с одиночеством, депрессией и выгоранием на работе.

Показательно, что в последние годы Япония стала уделять достаточно большое внимание правовым аспектам развития «метавселенных»[3] и общественное обсуждение «метавселенной» было переведено из сферы абстрактного техноптимизма в сферу согласования прав и обязанностей участников цифрового пространства.

---

[1] New Cool Japan Strategy. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisakukaigi/titeki2/chitekizaisan2024/pdf/siryou4_e.pdf (дата обращения 12.05.2026).

[2] См.: *Runde C.P.* Comparison of Metaverse Strategies Worldwide. URL: https://www.vdc-fellbach.de/dateien/veroeffentlichungen/2024-11_ComparisonofMetaver.pdf (дата обращения 07.04.2026).

[3] Publication of the Interim Report of the Study Group on the Utilization of Metaverse Towards Web3 Era. URL: https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/joho_tsusin/eng/pressrelease/2023/2/10_01.html (дата обращения 12.05.2026); Principles of the Metaverse (Version 2.0) with Additional Explanatio. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/001030673.pdf (дата обращения 12.05.2026).

Опыт Японии интересен для России, поскольку это пример того, как самобытная цивилизация успешно интегрирует цифровые технологии в стратегию национального развития, сохраняя при этом фундаментальные основы своей культуры. Японский опыт показывает один из возможных вариантов конструирования цивилизационного пространства с опорой на ультрасовременные технологии.

Опыт Республики Корея. Республика Корея является одним из цифровых лидеров мирового масштаба. Страна традиционно занимает ведущие позиции и стабильно задает тон в области создания и внедрения цифровых технологий, что демонстрирует высокий уровень адаптивности политической системы к инновациям.

Согласно отчету ООН, Республика Корея имеет самый высокий показатель ЭП в Азии, занимая 4 место в общем рейтинге (Приложение 1, табл. 1-2). Страна признана мировым лидером в сфере предоставления онлайн-услуг с показателем OSI в 1.000.[1] Рейтинг OECD поместил Республику Корею на первое место в сфере реализации цифрового правительства, отмечая крайне высокие индексы по всем показателям.[2] Согласно отчету Digital Evolution: State, Корея отличается высоким уровнем цифровизации государственного сектора и вложениями в развитие инноваций.

Одним из ключевых преимуществ Кореи является развитая нормативно-правовая база и перечень программных документов: стратегия развития ЭП, ежегодный генеральный план развития ЭП, стратегия развития умного правительства, план содействия экономики данных и ИИ, генеральный план по развитию блокчейн и т.д. Внушающее количество НПА свидетельствует о четком понимании правительства плана цифрового развития.

---

[1] Исследование ООН: Электронное правительство 2024. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf (дата обращения 22.02.2023).

[2] OECD «Recommendation of the Council on Digital Government Strategies». URL: https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf (дата обращения 22.02.2024).

В 2020 году корейским правительством была представлена стратегия «Korean New Deal», направленная на развитие страны за счет цифровых проектов. Стратегия включает в себя три раздела, один из которых – «Цифровой новый курс».[1] Среди приоритетов развития обозначены технологии ИИ, интернет-вещей, блокчейн, большие данные.

Сегодня Корея – ведущая в мире страна, которая на уровне государства разрабатывает официальную стратегию развития «метавселенной», которая базируется на четырех направлениях: создание устойчивой экосистемы платформы «метавселенной» и условий для ее развития, повышение профессионализма цифровых кадров и преодоление цифрового неравенства, поддержка ведущих отечественных компаний (МСП) и стартапов как будущих конкурентов глобальных компаний, создание «образцового мира» при помощи выработки универсальной этики функционирования.[2] Корея провозглашает цель стать ведущей страной глобальной «метавселенной», для достижения чего было объявлено о выделении около 200 млн $ на финансирование проектов. Активные разработки ведутся в области цифровых валют при поддержке со стороны Банка Кореи[3].

Власти возлагают большие надежды и предполагают, что стратегия позволит Корее быстрее реагировать на прорывные технологии и быть готовой к будущим изменениям. В 2023 году страна «перенесла свою столицу Сеул в «метавселенную» с целью улучшения предоставления государственных услуг»[4]. Реализация данного проекта позволяет минимизировать недостатки

---

[1] Korean New Deal. National strategy for a great transformation. URL: https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/ (дата обращения 22.02.2023).

[2]석간 (보도) 메타버스 신산업 선도전략 발표. URL: https://doc.msit.go.kr/SynapDocViewServer/viewer/doc.html?key=cb91c89716404425846d4b0de3372740&convType=img&convLocale=ko_KR&contextPath=/SynapDocViewServer (дата обращения: 28.02.2023).

[3] South Korea Launches Metaverse Replica of Seoul. URL: https://www.coindesk.com/web3/2023/01/17/south-korea-launches-metaverse-replica-of-seoul/ (дата обращения 22.02.2023).

[4] *Zhang C., Wang L.* Virtual Worlds, Real Politics: A Cross-National Comparative Study of Metaverse Policy Approaches // Politics and Governance. 2025. Vol. 13. P. 10239.

существующей системы управления, а также сократить разрыв в доступе к инновационным технологиям между гражданами.

Южнокорейский опыт в области «метавселенной» уникален в том, что это первая страна в мире, которая рассматривает построение «метавселенной» как значимую часть национальной стратегии развития. Корейская модель – это государственный проект с адаптивным регулированием, ориентированный на сохранение технологического превосходства при снижении межплатформенных конфликтов. Для России Корея – это показательный кейс конструирования цифрового пространства с опорой на национальные культурные коды.

Опыт Китая. Первоначально китайская модель цифровизации базировалась на клонировании зарубежных технологий, однако сейчас страна переориентировалась на формирование собственного независимого рынка инноваций. Вступив на путь разработки цифровых технологий в конце XX века, Поднебесная приоритизировала данное направление лишь во второй половине 2010-х годов. Несмотря на такое замедление, китайская модель позволила добиться за короткий срок значительных успехов в развитии IT-сектора (Приложение 1, табл. 1-2).

С 2022 года наметился вектор на освоение «метавселенной» «с жесткой централизацией и полной зависимостью от государства»[1]. Правительство Китая, придерживаясь принципов цифрового этатизма, определяет векторы развития, координирует ключевые процессы, правда иногда, с привлечением крупных частных компаний[2]. В этой модели «метавселенные» рассматриваются как инструмент цифровой трансформации экономики и поддержания социально-политической стабильности.

---

[1] *Gray J. E., & Tang W.* The Chinese metaverse: An analysis of China’s policy agenda for extended reality (XR) // Policy & Internet, 2025. Vol. 17(1). P. e418.

[2] См.: *De Masi V., Di Q., Li S., Song Y.* China's policies and investments in metaverse and AI development: implications for academic research // Online Media and Global Communication. 2025. Vol. 4. P. 109-139.

Серьезные шаги создания «метавселенной» отмечены в Шанхае. Так, в 2022 году администрация Шанхая опубликовала готовую стратегию развития «метавселенной» с прогнозируемым общим объемом 52 млрд $ на 2025 год[1]. В центре внимания оказались облачные технологии, 5G, чипы и VR. Стратегия включает ряд направлений в области цифровой трансформации государственного управления и предоставления услуг, повышение научного характера управления, переход на обслуживание граждан при помощи цифрового персонала, что подразумевает круглосуточное предоставление услуг с повышением качества. Важными разделами стратегии является укрепление организационного лидерства, повышение узнаваемости локальных брендов на мировом уровне, ускоренный набор и поддержка талантов, содействие открытому сотрудничеству. Государство стремительно развивает Шанхай, ставя перед собой глобальные цели по превращению города в мировую цифровую столицу. Отметим, что данная особенность, а именно пилотные проекты на уровне наиболее развитых городов, характерна для Китая. Шанхайские инициативы впоследствии переносится на всю страну (например, сервисный портал государственных услуг). Данный вектор четко прослеживается в принятой стратегии, которая фиксирует масштабные и амбициозные цели, реализовать которые возможно лишь на уровне государства. Так, 15-я пятилетка ЦК КПК предполагает интенсивное продвижение строительства «Цифрового Китая» посредством совершенствования управления и стимулирования инновационного и здорового развития платформенной экономики[2].

---

[1] 上海市人民政府办公厅关于印发促进绿色低碳产业发展、培育“元宇宙”新赛道、促进智能终端产业高质量发展等行动方案的通知. URL: https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20220708/ab632a9b29b04ed2adce2dbcb789412c.html (дата обращения 25.02.2023).

[2] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (Приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 года). URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml (дата обращения 12.05.2026).

Поддержка правительства в развитии «метавселенной» стимулирует частные компании усиливать разработки в данном направлении. О росте заинтересованности говорят и цифры: «в 2025 году объем индустрии превысил 300 млрд юаней»[1]. С первых шагов развития «метавселенной» китайское правительство традиционно удерживает сильные позиции контролера. Концепцию китайской «метавселенной» отличает главным образом то, что она зависит от централизованного блокчейна, принадлежащего китайскому правительству, которое, используя локальные пилоты, формируют собственную парадигму развития «метавселенная Китай»[2]. Разработкой общей концепцией, а также развитием законодательства занялся новый комитет по «метавселенной» – Metaverse Industry Committee, о создании которого было объявлено государственной организацией China Mobile Communications Association[3]. Долгосрочная цель концепции заключается в достижении прорывов в ключевых технологиях и создании ведущей в мире промышленной экосистемы «метавселенной» с китайской спецификой.

Итак, китайский опыт построения «метавселенных» имеет особое значение для России в связи с тем, что данная модель предполагает построение «цифрового государства-крепости» полностью интегрированного в политическую систему с возможностью создания совместных проектов с крупным бизнесом с учетом этической и ценностной рамки виртуального пространства. Здесь «метавселенная» выступает как цифровой хронотоп, где воссоздаются исторические сюжеты, политические образы и культурные коды. В этом смысле, мы можем рассматривать «метавселенную» не как уникальный цифровой мир, а как инструмент цивилизационно-конструктивистского проектирования. Модель «цифрового государства-крепости» концептуально созвучна российской парадигме «государства-

---

[1] *Gray J.E., Tang W.* The Chinese metaverse: An analysis of China's policy agenda for extended reality (XR) // Policy & Internet. 2025. Vol. 17. P. e418.

[2] Forecasting the “Chinaverse” in a Web3 Future. URL: https://pandaily.com/forecasting-the-chinaverse-in-a-web3-future/ (дата обращения 01.03.2023).

[3] Там же.

цивилизации»: виртуальное пространство здесь выступает пространством воспроизводства ценностей и инструментом обеспечения цифрового суверенитета в условиях глобальной политической конкуренции.

Обобщая опыт рассмотренных государственных решений азиатских стран и опираясь на сценарии государственной политики в сфере цифровой трансформации общественно-политических отношений, определенные А.П. Кочетковым и А.Ю. Мамычевым[1], мы можем сказать, что Россия и Китай реализуют сценарий, связанный с полной суверенизацией цифрового пространства, строгими доктринально-правовыми рамками и системой нормативно-правового регулирования процессов разработки, внедрения и эксплуатации автономных систем и цифровых технологий в общественно-политическом процессе. Несмотря на то, что до тотального контроля цифрового пространства России предстоит еще сделать несколько шагов, заданный тренд очевиден. В России сформирована комплексная система государственного контроля цифровой среды, надзорные органы наделены всеми необходимыми полномочиями[2]. В этой связи особое значение приобретает опора на внутренние ресурсы государства. Так, по мнению А.В. Матюхина, укрепление экономической автономии страны способствует переходу к модели экономики замкнутого цикла со своей цивилизационной спецификой[3]. Поэтому, России целесообразно опираться на техноэкономическую модель, разработанную Ч. Чжан и Л. Ван, хотя, конечно,

---

[1] См.: *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96-113.

[2] См., напр.: *Вавилин М.В., Башкин Д.И.* Государственное регулирование «цифрового суверенитета» в России: к вопросу о роли Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 7. С. 17-24; *Сморгунов Л.В.* Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 24-39; *Зиновьева Е.С., Игнатов А.А. и др.* Международное управление Интернетом. М.: Серпантин Про (ИП Гончаров А.В.), 2025; *Ковригин Д.Э.* Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университет. 12(2). 2022. С. 153-158.

[3] См.: *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Чернова Д.С.* Политические предпосылки перехода к экономике замкнутого цикла в России // Журнал политических исследований. 2024. №. 4. С. 30-42.

прямое копирование китайской модели невозможно, что связано с масштабом и инвестициями в экономику, уровнем общего развития технологической инфраструктуры, численностью населения и цивилизационными различиями.

Адаптация японского и южнокорейского опыта для России возможна в качестве пилотных проектов внедрения «метавселенной» в национальные цели развития с опорой на инфраструктурные решения. Нам видится, что необходим синтетический подход при интеграции опыта разных стран для построения целостной модели «метавселенной» России.

Опираясь на концепции М. Болла, С. Мистакидиса и А. Садеги-Ниараки с их техноэкономическим уклоном, отметим, что с точки зрения современной политической науки мы не можем игнорировать тот факт, что любая цифровая платформа создается и используется людьми – носителями конкретных культур, мировоззрения, языков, образования, ценностей и цифровой идентичности. Поэтому подобно тому как интернет породил национальные и языковые сегменты (такие как Рунет или «Великий китайский файрвол»), и глобальная «метавселенная» неизбежно будет «структурироваться вдоль культурно-цивилизационных линий»[1], а пользователи будут насыщать ее в соответствии со своим пониманием и укладом жизни, привнося в нее свои социально-политические отношения, создавая контент, отражающий их картину мира, а государство должно стремиться регулировать это пространство и продвигать национальные интересы. Поэтому «метавселенная» России – это «социокультурный регион внутри глобальной метавселенной, границы которого определяются не протоколами и стандартами, а общими культурными кодами, доминирующими платформами, языком и практиками миллионов пользователей»[2].

«Метавселенная» России конструируется на отечественных цифровых платформах с использованием цифровых двойников (аватаров) реальных

[1] *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Метавселенная России: социокультурная топология и морфология нового пространства // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 75.
[2] Там же. С. 75.

пользователей или организаций, что создает уникальное пространство, объединяющее реальную жизнь и виртуальные сущности. Тогда, как мы можем определить цифровое пространство России? Входят ли в него многочисленные российские диаспоры? межнациональные семьи? эмигранты? иностранцы-русофилы? Ведь оно не имеет четких границ и привязки к государственной территории. К примеру, какая-либо семья может поехать на отдых за границу и там находиться в цифровом пространстве России. Наши дипломаты, бизнес-структуры, СМИ ведут официальные каналы на английском языке в иностранных социальных сетях, а миллионы россиян играют в видеоигры на западных цифровых платформах[1]. В современном мире любой человек может перемещаться по планете при этом оставаясь подключенным к онлайн-сервисам, т.е. аватар, созданный пользователем, остается в цифровом пространстве «метавселенной» России даже при выезде за пределы страны его владельца.

Итак, мы исходим из того, что «метавселенная» России – это цифровое пространство, не тождественное территории государства, количеству русскоговорящих людей в мире или Рунету[2]. Тогда что же образует ее ядро? В рамках диссертационного исследования, мы предлагаем рассматривать «метавселенную» России как своеобразную проекцию России как государства-цивилизации в цифровое пространство. В таком широком прочтении «метавселенная» России на своем фронтире имеет размытые контуры, при этом интегрируя и объединяя как граждан России, так и

---

[1] См.: *Белов С.И., Кузнецов И.И.* Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192-200; *Белов С.И.* Потенциал видеоигр в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности молодежи // Электронный научно-образовательный журнал История. 2025. Т. 16. №. 1 (147). URL: https://history.jes.su/s207987840032734-6-1/?ysclid=mshkmj3sqx817754157 (дата обращения 05.08.2026).

[2] Сегодня в домене .RU насчитывается более 6 млн доменных имен. По количеству доменных имен .RU занимает 5 место среди национальных доменов мира и 9 место среди всех доменов верхнего уровня. Источник: Координационный центр доменов .RU/.РФ. URL: https://cctld.ru/domains/about/ (дата обращения 12.05.2026).

носителей русской культуры, проживающих за рубежом, что создает цифровую цивилизационную устойчивость и повышает привлекательность России.

В качестве уникальных характеристик «метавселенной» России мы выделяем следующие: *1) сверхадаптивность* (в логике М. Кастельса, Дж. Урри, В. Кауфмана, Я. ван Дейка) (скорость изменений невероятно высока, новые цифровые продукты создаются молниеносно, а пользователям требуется постоянно реагировать как на решения государства, так и владельцев платформ); *2) суперсвязность* (термин М. Чайко[1]), понимаемую как симбиоз реальной жизни и пространства «метавселенной»; *3) логика суверенного развития* (диктуется государством и вопросами его безопасности); *4) трансформация медиаактивизма* (медиаактивизм трансформируется из инструмента отстаивания гражданских прав и свобод в многоуровневую систему «цифровых дружинников», которые помогают государству благоустраивать общее цифровое пространство).

При этом следует иметь ввиду, что суверенизация цифрового пространства маскирует скрытые проблемы для русской цивилизации. Так, блокировка или замедление иностранных цифровых платформ серьезно уменьшает возможности стабилизации и масштабирования «метавселенной» России. Рассмотрим этот кейс на примере стран Центральной Азии, где культурное влияние России исторически находится на высоком уровне[2]. Так, в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане[3] платформа YouTube является лидером по охвату населения среди площадок видеоконтента[4]. При этом доля русского языка в цифровом пространстве указанных стран, снижается год к

---

[1] См.: *Chaiko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Thousand Oaks: SAGE Publications. 2016.

[2] См.: *Абрамов А.В., Алексеев Р.А.* Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 451-458.

[3] Во всех трех странах проникновение интернета составляет более 90%.

[4] Digital 2025: Global Overview Report. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 15.05.2026).

году на всех платформах, кроме YouTube; в узбекском и казахском сегментах YouTube доминируют видео на русском языке[1]. Несмотря на то, что YouTube – платформа Google, ее целесообразно использовать как важный инструмент мягкой силы для продвижения российских нарративов, а замедление YouTube[2] в России и невозможность загрузки российского контента приведет к «охлаждению» интереса к России, и молодежь, к сожалению, будет перемещаться в пространства «метавселенных» других стран. Мы можем высказать предположение, что особенно ярко это проявится на горизонте 5-10 следующих лет. Более того, соглашаясь с В.И. Якуниным, И.И. Кузнецовым и М.В. Вилисовым, отметим, что сегодня «существует ярко выраженный вектор на сохранение и воспроизводство собственной государственности в исторической перспективе, который доминирует у правящих элит. Можно предположить, что его заметность – прямое следствие понимания угроз государственности в элитах, возможно, отчасти связанное с фактором России, способной активно влиять на политическое пространство в постсоветской Евразии»[3]. Как отмечают М.М. Федорова и А.П. Романова, реализация политики памяти в постсоветских государствах включает в себя фундаментализацию собственного прошлого за счет его «удревления», пересмотр и переоценку совместного с Россией исторического пути как «травмирующего» опыта, а также определение перспектив будущего развития. Эти процессы направлены на обоснование и упрочение политической самостоятельности, демонстрацию новых горизонтов и возможностей[4].

---

[1] На основании данных Brand Analytics. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-kazakhstan-summer-2024 https://brandanalytics.ru/blog/social-media-uzbekistan-autumn-2024 (дата обращения 15.05.2026).

[2] См. подр.: *Ахременко А.С.* Отключение интернета как теоретическая проблема политической науки, или Что мы (не) понимаем в сетевой протестной мобилизации // Полис. Политические исследования. 2024. №. 2. С. 118-134

[3] *Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В.* Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 27

[4] *Романова А.П., Федорова М.М.* Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан) // Сравнительная политика. 2023. Т. 14(3). С. 72.

Несмотря на все сложности, в нынешних условиях необходимо выстраивать конструктивный диалог с ближайшими соседями, вырабатывать проекты социополитической и культурной интеграции, способствовать укреплению горизонтальных связей молодежи и студенчества. О.Ю. Кокурина справедливо отмечает, что «судьба российской цивилизации во многом будет зависеть от адекватности применяемых властью политико-правовых решений, влекущих за собой значительные риски, для снижения которых необходимо опираться на современное социальное и гуманитарное знание, с привлечением в необходимых случаях естественно-научных подходов и моделей»[1]. В этом смысле дополнительные цифровые барьеры препятствуют расширению «метавселенной» России, раскрывая принципиальное напряжение между иерархической политической системой и взаимосвязанной сетью иммерсивных сред на цифровых платформах.

Таким образом, «метавселенная» России предстает как «арена сложных и противоречивых процессов: глобализации и регионализации, иерархизации и сетевизации, самовыражения и нового цифрового контроля»[2].

3.3 Цифровые платформы и деплатформинг: метаморфозы властно-политических диспозиций[3]

В реалиях ПостИО, в особенности в связи с развитием цифровых платформ, появляются новые методы цифрового контроля и цифровой культуры отмены. В условиях повсеместной медиатизации политики государства и корпорации сталкиваются с необходимостью адаптации к непривычным моделям принятия политико-управленческих решений, в

---

[1] *Кокурина О.Ю.* Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 14.

[2] *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Метавселенная России: социокультурная топология и морфология нового пространства // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 83.

[3] При написании параграфа использованы материалы статьи: *Бронников И.А.* Деплатформинг: политический аспект // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 71-86

которых весомую роль играют новые посредники – цифровые платформы, «метавселенные» с встроенными нейроалгоритмическими инструментами модерации контента. Цифровая власть платформ имплицитно связана с сетевыми алгоритмами, которые внедряют адаптивные правила, обязательные для всех участников сетевого взаимодействия. Зачастую эти правила носят ограничительный характер. С точки зрения политической науки и теории медиатизации важным становится вопрос применения цифрового деплатформирования.

Задача данного параграфа заключается в выявлении и анализе доминирующих тенденций цифрового деплатформинга как инструмента регулирования информационно-коммуникационного пространства в контексте возрастающей субъектности цифровых платформ в процессах медиатизации политики.

Более четверти века прошло с момента основания корпорации Google. За этот период внедрение цифровых технологий в политику во многом изменило как существующие формальные и неформальные политические институты, так и политический процесс в целом. Государства и цифровые платформы стали разрабатывать «метавселенные», экосистемы с встроенными алгоритмами, конкурируя друг с другом.

В I главе мы осуществили периодизацию медиатизации политики. В рамках рассмотрения цифрового деплатформинга особое значение имеет период после 2016 г., когда произошел настоящий бум интереса к ИИ. Во многом, это было связано с проигрышем чемпиона мира по игре в го[1]

[1] Го является одной из самых распространенных логических настольных игр в мире и входит в число пяти базовых дисциплин главного соревнования в интеллектуальных видах спорта - Всемирных интеллектуальных игр. Считается, что она развивает как правое, так и левое полушария мозга, тренирует аналитические и интуитивные навыки человека. История этой игры насчитывает порядка 3 тыс. лет и достоверных данных о месте ее возникновения нет. Она популярна не только в Азии, но и во многих других странах мира. Наибольшее распространение игра получила в Китае, Японии и Республике Корея. По всему миру в нее играют порядка 40 млн человек. Считается, что го является одной из самых сложных настольных игр, которые когда-либо были придуманы человечеством, поскольку количество возможных позиций больше числа атомов на Земле.

(китайское название вэйци) китайца Кэ Цзе программе AlphaGo («АльфаГо»), которая разработана компанией Google DeepMind («Гугл ДипМайнд»)[1]. Для нашей работы важно отметить, что после этого эпизода правительство Китая стало рассматривать развитие цифровых платформ, ИИ и «метавселенных» в качестве приоритетных государственных задач. Так, в рамках 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития Китая в блоке про строительство «цифрового Китая» сказано: «Всесторонне осуществляя план действий “Искусственный интеллект+”, использовать направляющую роль ИИ в преобразовании парадигм научно-исследовательской деятельности, более активно внедрять ИИ в развитие отраслей производства, культурное строительство, обеспечение народного благосостояния и социальное управление, овладевать командными высотами в процессе внедрения ИИ в производство для всестороннего стимулирования развития различных отраслей»[2]. Мы видим государственные усилия Китая по управлению ИИ, связанные как с разработкой нормативно-правовой базы, политических норм, правил использования, так и со стимулированием инновационного развития платформенной экономики вкупе с формированием этических норм.

Также в 2016 году произошел хрестоматийный скандал на выборах президента США, связанный с деятельностью Cambridge Analityca. Это событие подробно рассмотрено в научной литературе[3].

С точки зрения политической науки, в этот период появились работы, рассматривающие вопросы функциональных особенностей применения цифровых технологий поколений Web 3.0 и Web 4.0 с выявлением

---

[1] Чемпион мира по игре в го из Китая проиграл все три матча программе AlphaGo. URL: https://tass.ru/sport/4287392 (дата обращения 20.04.2026).

[2] Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (Приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 года). URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml (дата обращения 20.04.2026).

[3] См. подр.: *Хоанг К.К.* Паутинный капитализм. Как глобальные элиты эксплуатируют пограничные рынки. Ереван: Fortis Press. 2025; *Zaelany F.A., Putranti I.R.* Pelanggaran Privasi dan Ancaman Terhadap Keamanan Manusia dalam Kasus Cambridge Analytica // Journal of International Relations Diponegoro. 2023. Vol. 9. №. 1. P. 125-137; *Wylie C.* Mindf*ck: Cambridge Analytica and the plot to break America. Random House. 2019.

корреляционных связей и системных эффектов конвергенции в паре «технология – последствия» (А.С. Ахременко, М.С. Горовиц, И.В. Мирошниченко, А.А. Казаков, Э. Квинтелье, А.Е. Коньков, Р.В. Парма, Е.С. Селиванова, Л.В. Сморгунов, Я. Теохарис[1]). Для исследования феномена цифрового деплатформирования особое значение имеют работы, рассматривающие новые измерения политической субъектности в условиях медиатизации политики. Поэтому мы будем обращаться к трудам ученых, позволяющих очертить контуры понимания трансформации властно-политических диспозиций и субъектно-объектной модели политики в ходе медиатизации (С.В. Володенков, В.А. Гуторов, С.И. Каспэ, А.П. Кочетков, Дж. Ланье, А.Ю. Мамычев, С.Н. Федорченко[2]).

Несмотря на определенную научную разработанность и повышенный интерес к проблематике цифровых платформ, все еще остаются теоретико-

---

[1] См. *Ахременко А.С., Петров А.П., Жеглов С.А.* Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12-45; *Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П.* Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480-498; *Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А., Федоренко К.А.* Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и потенциал развития. Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 26-47; *Казаков А.А.* Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 4. С. 426-434; *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 47-68; *Парма Р.В.* Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований // Общественные науки и современность. 2023. № 4. С. 96-108; *Сморгунов Л.В.* Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. № 3. С. 100-121; *Theocharis Y., Van Deth J.W.* The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 1. P. 139-163.

[2] См.: *Gutorov V., Sootla G.* On the Role of E-Technology Innovations in Agile and Interactive Policymaking // CEUR Workshop Proceedings. 2021. Vol. 2813: Proceedings of the International Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2020), St. Petersburg, Russia, 17-20 June 2020. Radomir V. Bolgov, Andrei V. Chugunov, Alexander E. Voiskounsky (eds.). 2021. P. 300-317; *Гуторов В.А.* Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 339-355; *Каспэ С.И.* Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 3. С. 6-36; *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135-145; *Lanier J.* Who owns the future? N.Y.: Simon and Schuster, 2014.

методологические лакуны в данной предметной области. Так, актуальным исследовательским направлением является изучение содержательных и структурных элементов цифровых платформ в рамках интенсификации и углубления интеракций между институтами и акторами в условиях появления новых политических субъектов. В предыдущем параграфе мы рассматривали «метавселенные», а в настоящей сконцентрируем свое внимание на своеобразной практике цифровой культуры отмены – деплатформинге.

Имплементация цифровых технологий в общественно-политическое пространство на протяжении многих лет обусловила постепенное конструирование политической реальности, в котором, как это было показано в параграфе 3.1, особую субъектную роль играют цифровые платформы. Практическое и совокупное применение таких технологий, как ИИ, интернет вещей, VR/AR, «метавселенная», совершило революцию, соединив реальный и онлайн миры в единую цифровую симбиотическую среду. Процессы формирования новой социотехнической среды могут привести к созданию фиджитального пространства. Так, С.В. Володенков, С.Н. Федорченко и Ю.Д. Артамонова отмечают, что в рамках phygital-пространства политики, обладающего новыми принципами функционирования, происходит также и формирование новых «виртуализированных конструктов, ценностей и смыслов, трансформирующихся в коммуникационное взаимодействие»[1].

В то же время большинство практик формирования подходов и моделей медиатизации сводятся к попыткам «консервации» установившихся общественно-политических отношений в условиях стремительного освоения цифровых технологий, а новые способы взаимодействия среди граждан приводят к ситуации дисбаланса, когда политические структуры вынуждены регулировать отрасли, где медиатизация развивается с недоступной для

[1] *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д.* Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. №. 3. С. 230.

государства скоростью, что может привести в определенной степени к повышению влияния цифровых платформ.

Как мы определили, когда речь заходит о платформах, то, как правило, говорят о цифровых посредниках, которые обладают инфраструктурными мощностями (включая ПО) и соединяют между собой различных пользователей в рамках цифровых экосистем (в т.ч. – «метавселенных»). Однако стоит оговориться, что цифровые платформы имеют амбивалентную природу: выступая катализаторами общественно-политических, экономических и культурно-образовательные отношений, они одновременно порождают (а отчасти расширяют) цифровые проблемы. К ним относятся расширение цифрового неравенства, углубление цифрового разрыва, тиражирование фейков, манипулирование повесткой дня, информационное капсулирование и др.

При этом цифровые платформы играют ключевую роль в раскрытии неиспользуемого потенциала ресурсов, создавая новые формы взаимодействий, рынки и отрасли, усиливая конкурентные позиции компаний, формируя экосистему сетевых эффектов, что способствует повышению операционной эффективности, сокращению издержек и ускорению принятия решений[1]. В настоящее время цифровые платформы, которые постоянно усиливают свою субъектность, прочно внедрились в процессы политической медиатизации, породив множество новых проблем. Среди изобилия разнообразных методов и инструментов цифрового цензурирования и цифровой культуры отмены (удаление контента, блокировка аккаунта, ограничение выдачи информации, отключение монетизации и пр.) с точки зрения, как теоретического осмысления, так и практической реализации важным является вопрос деплатформинга.

Оксфордский словарь определяет деплатформинг как практику исключения участия кого-либо, чьи взгляды считаются неприемлемыми или

---

[1] См.: *Ватолина О.В., Ничепорук А.В.* Сущность и понятие цифровых платформ // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2025. № 1. С. 85-96.

оскорбительными, в публичных дебатах или собраниях[1]. Это прямая отсылка к так называемому токсичному поведению пользователей в социальных медиа, которое называют «культурой отмены».

Дж. МакДермотт пишет, что культура отмены приобрела форму остракизма XXI века, при которой кого-то вытесняют из социальных или профессиональных кругов – либо в социальных сетях, либо в реальном мире[2]. Согласно Кембриджскому словарю, культура отмены – это способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-то, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет[3]. А главный аргумент против культуры отмены заключается в том, что она не дает людям, которые причинили вред обществу, возможности извиниться и извлечь уроки из своих ошибок[4]. Безусловно, культура отмены зародилась не на цифровых платформах, а на ранних этапах истории. Как отмечает С.В. Чугров, «в культурах, наследующих Античность, закрепился архетипический древнееврейский термин “козел отпущения”, который обозначает изгоя, т.е. человека, изгоняемого из общества, порой за мнимые проступки. Древние египтяне соскабливали с плит имена неугодных фараонов. А в Риме существовала равнозначная “отмене” символическая казнь (damnatio memoriae, “проклятие памяти”), и так оказались стертыми с надгробий имена Калигулы и Нерона. Согласно аристотелевой формальной логике, используется закон «исключенного третьего” (tertium non datur – “или-или, третьего не дано”). Сейчас предлагается выбор не между “мы-группой» или

---

[1] *Fontevecchia A.* The Fallacy Of ‘Deplatforming’ Donald Trump. URL: https://www.forbes.com/sites/afontevecchia/2021/01/20/the-fallacy-of-deplatforming-donald-trump/ (дата обращения 20.04.2026).

[2] См.: *McDermott J.* Those People We Tried to Cancel? They’re All Hanging Out Together. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html (дата обращения 20.04.2026).; Milo Yiannopoulos: Who Is the Alt-right Writer and Provocateur? URL: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-39026870.amp (дата обращения 20.04.2026).

[3] Cancel culture. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture (дата обращения 20.04.2026).

[4] Там же.

“они-группой”: рекомендуется отменить не только “неданное” третье, но и второе. В этом ряду можно вспомнить и практикуемое в христианстве отлучение от церкви (придание анафеме), и безумия инквизиции»[1]. В Древней Руси слово *изгой* обозначало человека, которого общество изгоняло из своих рядов за какие-либо аморальные поступки.

И.А. Быков пишет, что «феномен “культуры отмены” связан с поляризацией общественных настроений и политической жизни, а социальные медиа в этом плане стали питательной средой для развития культуры отмены, поскольку располагают персонифицированными целями для реализации агрессивных коммуникаций»[2]. Как механизм политического влияния, отмечает Г.С. Кузнецов, «культура отмены не может рассматриваться с позиции морали как “инициатива неравнодушных” или “способ разрушения традиционного общества”. Она представляет собой набор инструментов и технологий управления в общественно-политической сфере, использующий преимущества современного развития информационной цивилизации»[3].

Можно сказать, что деплатформинг следует рассматривать как адаптированную под современные реалии спорную практику культуры отмены. В последнее время наблюдается и главный канал деплатформинга – цифровые платформы. Деплатформинг стал современной формой общественного порицания, позволяющей лишить человека средств коммуникации, воплощенных в социальных сетях, являющихся частью огромного сетевого пространства, т.е. он лишается важнейшей ценности современного общества – онлайн-коммуникации[4]. Конечно, практика

---

[1] *Чугров С.В*. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 92-93.

[2] *Ахмедова Ю.Д., Быков И.А.* Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 15.

[3] *Кузнецов Г., Ступко М.* Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4 (17). С. 40-44.

[4] Здесь уместно вспомнить о резолюции ООН 2011 г. A/HRC/17/27 о неотъемлемом праве человека на доступ в интернет.

деплатформинга является дискуссионным вопросом (достаточно вспомнить известный парадокс толерантности К. Поппера).

Остановимся более конкретно на процессах, происходящих в сфере общественно-политических и культурно-образовательных отношений. Изначально деплатформинг предполагал, что конкретного индивида или даже целую организацию лишали «платформы», т.е. возможности публичных выступлений. Подобная практика была распространена в некоторых университетах мира после Второй мировой войны. В частности, в 1940–50-х годах были известны случаи запрета на выступления спикеров левых взглядов в Калифорнийском университете[1]. К недавним примерам в США можно отнести практику бойкотов и срывов выступлений некоторых преподавателей после нападения палестинского движения Хамас на Израиль 7 октября 2023 года. Различные случаи деплатформинга наблюдались в разные периоды в университетах Великобритании, Франции, ЮАР, России и других стран. Деплатформинг под лозунгами справедливости и общественного блага неизбежно влечет подавление инаковости и любых альтернатив. Однако уважение к интеллектуальному оппоненту, даже вынужденное, может стать серьезным преимуществом, особенно в обществе, привыкшем высмеивать противников вместо содержательного диалога[2]. Астафурова Т.Н. и Палашевская И.В. в своей работе показывают, как многочисленные примеры репутационных потерь и разрушенной карьеры, устойчивой предельно негативной оценки преподавателя, на которую направлена информационная атака, клеймо позора за сказанное, суд толпы, т.е. цензура студентов и администрации, свидетельствуют о намеренном ограничении свободы мысли и слова. Более того, методы осуждения недопустимого поведения и последующего устранения из академического пространства создают культуру

[1] University of California, Berkeley (UC Berkeley, Калифорнийский университет в Беркли) внесен в перечень международных и иностранных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[2] См.: *Карп А., Замиска Н.* Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада / пер. с английского Ядвиги Войцеховской. Ереван Fortis Press, 2025. С. 111.

вербального сдерживания: каждый должен подумать, прежде чем высказываться, чтобы не столкнуться с обвинениями в социальной нечувствительности, агрессии, способствовании созданию враждебной среды[1]. П. Линк заметил интересную вещь. Советские власти открыто составляли списки запрещенных тем и выражений, публикуя специальные справочники с перечнем табу. А вот китайцы действовали иначе, и их методы, по мнению Линка, очень похожи на то, как сегодня ограничивают свободу слова в США. Линк писал, что китайское правительство отказалось от «механических методов» цензуры, которые использовал СССР, и создало «психологическую систему контроля». В такой системе каждый человек сам должен оценивать риски своих высказываний, постоянно опасаясь того, что Линк называет «въевшимся в сознание страхом» перед возможным неодобрением властей[2]. В этом смысле, самоцензура, лишая нас возможности глубоких моральных дискуссий, порождает общую неспособность отвечать на сложные вызовы общественно-политическим отношениям. Не случайно Гегель отмечал, что свободное мышление может формироваться лишь там, где мыслитель обладает свободой: «вследствие этой общей связи политической свободы со свободой мысли философия выступает в истории лишь там и постольку, где и поскольку образуется свободный государственный строй»[3].

Следует признать, что сейчас изменились и сами платформы, теперь это аватары в «метавселенных» или аккаунты в социальных сетях, площадки для онлайн-коммуникаций и пр. За последние 10 лет наиболее освещаемые практики деплатформинга были связаны с расистскими высказываниями, призывами к экстремизму и терроризму, публичным оскорблением людей.

---

[1] См.: *Астафурова Т.Н., Палашевская И.В.* Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 70-83.

[2] *Link P.* «China: The Anaconda in the Chandelier», New York Review of Books, April 11, 2002. URL: https://www.nybooks.com/articles/2002/04/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/ (дата обращения 06.08.2026).

[3] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука, 1993; *Миронова Д.* Политическая философия. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 110.

Интересную закономерность обнаружили исследователи, изучавшие эффект деплатформинга на площадке Reddit[1]. Пользователи, аккаунты которых были удалены, регистрировались в аналогичных социальных сетях и там проявляли более скромную адаптивную модель поведения, минимизируя свои негативные и агрессивные высказывания. Исследование Р. Роджерса показывает, что деплатформинг радикальных пользователей в Telegram обычно не уменьшает их влияние в долгосрочной перспективе, а перераспределяет его в менее контролируемую цифровую среду[2].

Однако эти выводы не подтверждаются в исследовании, проведенным коллективом авторов по теме: «Понимание влияния эффекта деплатформинга на социальные сети»[3]. Ученые анализировали поведение пользователей, которых деплатформировали из социальных сетей, и они мигрировали на платформу Gab[4]. В целом, исследователи обнаружили, что пользователи, как правило, жестко замыкаются в своих эхо-камерах, становятся более токсичными и активными после перехода на Gab, а их аудитория уменьшается в размере. Д. Клиненберг доказывает, что аналогичная ситуация возникает и при деплатформировании на YouTube, когда удаление американских пользователей с платформы приводит к увеличению количества просмотров на Bitchute[5]. Правда, стоит заметить, что Gab и Bitchute в отличие от Telegram или Reddit изначально позиционировали себя как платформы для людей с правыми (зачастую, ультраправыми) взглядами. В этом смысле важно

---

[1] См.: *Chandrasekharan E., Pavalanathan U., Srinivasan A. et al.* You Can't Stay Here: The Efficacy of Reddit's 2015 Ban Examined through Hate Speech // Proceedings of the ACM on Human-computer Interaction. 2017. Vol. 1. №. CSCW. Art. 31. P. 1-22.

[2] См.: *Rogers R.* Deplatforming: Following extreme Internet celebrities to Telegram and alternative social media // European Journal of Communication. 2020. Vol. 35. №. 3. P. 213-229.

[3] См.: *Ali S. et al*. Understanding the Effect of Deplatforming on Social Networks // Proceedings of the 13th ACM Web Science Conference 2021. 2021. P. 187-195.

[4] Gab – социальная сеть с преобладанием пользователей праворадикальных взглядов.

[5] См.: *Klinenberg D.* Does Deplatforming Work? Unintended Consequences of banning far-right content creators from social media (January 27, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4019767 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4019767 (дата обращения 20.04.2026).

осознавать потенциально непредсказуемые последствия при разработке механизмов деплатформинга.

Между тем самые яркие случаи деплатфоминга последних лет связаны с медийными высказываниями Д. Трампа в социальных сетях. Подобные случаи подробно рассмотрены в академической литературе[1]. Вновь возникают давно известные дискуссии: кто устанавливает сетевые правила поведения? Следует ли и каким образом ограничивать токсичное поведение пользователей? Каким образом владельцы платформ влияют на общественно-политические процессы и общее состояние общества?

Общеизвестно, что владельцы цифровых платформ могут применять активную модерацию и цензурирование информационно-коммуникационных потоков (удаление нежелательного контента, фильтрация контента, блокировка пользователей и так далее). В то же время заблокированные пользователи могут мигрировать на другие цифровые платформы с более мягкими правилами игры, т.е. существуют достаточно понятные альтернативы.

Более того, сетевая власть цифровых платформ проявляется не в прямом цифровом контроле, а в создании определенных адаптивных правил и алгоритмов (в том числе «протоколов коммуникации»), которые являются обязательными для пользователей сети. В этом смысле сетевая власть цифровых платформ является властью стандартов и алгоритмов самой сети. Поэтому каждая цифровая платформа вырабатывает свои правила, с помощью которых к пользователям социальных сетей могут применяться самые разные ограничительные меры. Таким образом, прерогатива определения границ, установление критериев инклюзивности, цензурных функций, условия участия субъектов в публичном пространстве теперь принадлежит не только

[1] См., напр.: *Godwin M.* Cyber Rights: Defending Free Speech in the Digital Age. Cambridge: MIT Press, 2003; *Nunziato D.C.* Virtual Freedom: Net Neutrality and Free Speech in the Internet Age. Stanford: Stanford University Press, 2009. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации); *Ровинская Т.Л.* Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 22-36.

государствам, но и негосударственным акторам. Конструируя архитектуру коммуникаций, а также видимые и латентные интеракции, цифровые платформы (как государственные, так и частные) не только усиливают свою роль посредника при медиатизации, но и приобретают новое качество – арбитра цифрового пространства.

Полагаем, что разные цифровые платформы и разные социальные сети могут быть рассмотрены как «разные фреймы, создающие границы возможного, допустимого, желательного поведения»[1]. Вместе с тем, в реалиях ПостИО цифровое пространство становится узлом социокультурных противоречий между национальными государствами, цифровыми платформами и медиаактивистами. Внедрение ИКТ в мировые экономические и социополитические процессы детерминирует превращение цифрового пространства в зону перманентных медиатизированных конфликтов.

В январе 2021 года президент Д. Трамп и многие его сторонники были заблокированы в Twitter[2], Facebook[*], и других социальных сетях. Данное событие вызвало широкий общественный резонанс: реакция людей варьировала от поддержки такого решения до жестких высказываний о неправомерном ограничении свободы. В академическом дискурсе этот эпизод послужил началом дискуссии о том, являются ли цифровые платформы и социальные сети общедоступными и их можно причислить к глобальным общественным благам или они всего лишь часть коммуникационных услуг, которые контролируются влиятельными медиакорпорациями и / или государствами?

Сторонники первого подхода (интернет-оптимисты: С. Альтман, А. Дороничев, Я. Лекун, Д. Хассабис) считают, что общедоступные сети обязаны предоставлять доступ всем пользователям (правда возникают этические

---

[1] *Богомягкова Е.С., Харманская Э.Ю.* Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27(3). С. 172.

[2] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.

[*]Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

вопросы по поводу аккаунтов террористических и экстремистских организаций). Ярким примером служит позиция Илона Маска (владелец X, бывший Twitter[1]). Он хотел восстановить удаленные аккаунты и обещал, что социальная сеть станет домом для свободы слова. Однако X[2] вскоре приостановил аккаунт Канье Уэста за публикацию свастики. Многие аккаунты, которые показывали местоположение частного самолета Маска в режиме реального времени, также были заблокированы. В последнее время даже известны случаи деплатформирования не конкретных пользователей или контента, а крупных социальных сетей. К примеру, в 2021 году Amazon прекратил предоставлять услуги облачного хостинга для социальной сети Parler, а Google удалил приложения, которые тайно собирали данные пользователей.

Сторонники второго подхода («цифровой надзор», «алгократия») полагают, что цифровые платформы являются новым влиятельным властным ресурсом, который все активнее используют как медиакорпорации, так и современные государства. Достаточно подробно это рассмотрено в работах К.Ю. Аласании, Б. Джессопа, Ш. Зубофф, Д. Лайона, К. Монтаг, А.В. Олескина, Н. Срничек, Д.В. Попова и других[3].

По большому счету вопрос о том, следует ли и как деплатформировать, регулярно обсуждался на протяжении мировой истории в самых разных обществах и государствах. Иногда это проявляло себя в самых причудливых формах. К примеру, 20 лет назад Израиль был вынужден отменить китайское

---

[1] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.
[2] Социальная сеть X (бывш. Twitter) заблокирована на территории РФ.
[3] См.: *Аласания К.Ю.* Дискурсивные начала биополитики в работах М. Фуко и С. Жижека // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 96-109; *Аласания К.Ю.* Выживание как биополитическая концепция // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 6. С. 35-46; *Монтаг К.* Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М.: Individuum. 2023; *Олескин А.В.* Сетевые структуры с точки зрения биополитики // Полис. Политические исследования. № 1. 1998. С. 68-86; *Попов Д.В*. «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики». Омск. 2021; *Lyon D.* The Electronic Eye: The Rise of Surveillance Society. Minneapolis: Polity Press. 1994.

издание выставки, посвященной жизни нобелевского лауреата по физике А. Эйнштейна. Это произошло в результате требования Министерства культуры Китая удалить часть текста, в которой говорилось, что Эйнштейн был евреем, поддержавшим создание государства Израиль[1].

Хрестоматийным примером является финансовая блокада Wikileaks – яркий случай экономической цензуры, когда максимально ограничиваются любые финансовые операции, чтобы парализовать конкретного индивида (в данном случае – Д. Ассанжа) и саму организацию. Широкий общественный резонанс возникал в свое время в результате деплатформирования известных актеров, певцов, блогеров (скандал с американским актером К. Спейси, отлучение от медиаиндустрии южнокорейского репера T.O.P. (Чхе Сын Хен), конфликт У. Смита с киноакадемией «Оскар» и др.). Также можно вспомнить про многочисленные примеры удаления видео из социальных сетей за распространение дезинформации о COVID-19.

Яркие случаи деплатформинга, которые раскрывают особенности принятия политико-управленческих решений собственниками цифровых платформ известны в Африке.

13 сентября 2024 года госсекретарь США Э. Блинкен публично обвинил панафриканское медиа African Stream в том, что издание является «прикрытием» для российской государственной медиасети RT. По версии американской разведки, проект тайно финансировался и управлялся структурами RT для продвижения пророссийской повестки в Африке и усиления антизападных настроений[2]. После официальных заявлений правительства США крупнейшие цифровые платформы приняли оперативные меры. Так, Google заблокировал канал African Stream в YouTube, а также

[1] *O'Neill M.* Einstein Display Withdrawn over Demand to Censor Text // South China Morning Post. 2002. July 30. URL: https://www.scmp.com/article/386669/einstein-display-withdrawn-over-demand-censor-text (дата обращения: 07.04.2026).
[2] Alerting the World to RT's Global Covert Activities. URL: https://2021-2025.state.gov/alerting-the-world-to-rts-global-covert-activities/ (дата обращения 07.04.2026).

почты Gmail и облачные хранилища. Meta * удалила аккаунты издания в своих социальных сетях, заявив о нарушении политики в отношении иностранного вмешательства. TikTok заблокировал аккаунт с аудиторией ок. 1 млн подписчиков. Официальный сайт African Stream, офис которого находится в кенийской столице Найроби, сообщает: «…Не было представлено никаких доказательств в поддержку выдвинутых против нас обвинений, однако крупнейшие платформы социальных сетей заставляют нас замолчать»[1]. Последний пост в социальных сетях датирован 16.09.2025 г. Запрет привел к потере накопленных за два года электронных писем и файлов, находившихся в облачных хранилищах Google. Данный кейс показывает возрастающий статус цифровых платформ как инструментов глобального политического надзора, способных осуществлять принудительный деплатформинг в интересах государства.

Однако при всем многообразии примеров практика цифрового деплатформирования остается малоизученной. До сих пор остаются актуальными известные вопросы Ш. Зубофф: *кто решает? и кто решает, кому решать?*

Говоря о деплатформировании, необходимо учитывать социокультурные основания и политические ценности конкретных обществ. Стало быть, мы упираемся в ряд основополагающих вопросов:

- кто деплатформирует? (владелец цифровой платформы или государство);
- что деплатформируется? (индивид/институт/организация или действие/поведение);
- почему деплатформируют? (политические, ценностные, этические или корпоративные интересы. В отдельных случаях все проще – неуплата счетов);

*Meta Platform Inc. (соцсети Facebook, Instagram) признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории РФ.

[1] Google заблокировал панафриканское СМИ после обвинений в связях с РФ. URL: https://afrinz.ru/2024/10/google-zablokiroval-panafrikanskoe-smi-posle-obvinenij-v-svyazyah-s-rf/ (дата обращения 07.04.2026).

- каким образом деплатформируют? (реактивно, превентивно, профилактически);
- возможно ли реплатформирование? (условия возврата на платформу)[1].

Политически важным и общественно значимым является вопрос: кто деплатформирует? По сути, это краеугольный вопрос деплатформинга – кто несет ответственность за деплатформирование? Решение о деплатформировании могут приниматься на разном уровне: личное решение генерального директора (CEO), позиция юридического отдела цифровой платформы, заключение департамента кибербезопасности. Как видится, особое значение приобретает общественная и экспертная позиция по вопросу, связанному с полномочиями по деплатформированию, что позволит более адаптивно формировать архитектуру как государственных, так и корпоративных цифровых платформ.

Другой важный вопрос связан с тем, кто или что именно деплатформируется? Исторически деплатформировались как поведение, так и конкретные личности и организации. К примеру, пьяного дебошира могут высадить из самолета или поезда, но только когда его поведение нарушает установленные нормы. А вот запрет на деятельность организации исключает сотрудников и корпорацию в целом. Отдельного внимания заслуживает проблема деплатформирования блогеров, что уже является серьезным рычагом давления на медийных личностей под ширмой «новой этики»[2]. Эти два типа деплатформирования тесно связаны друг с другом.

Почему деплатформируют? В принципе, платформам обычно разрешается (в отдельных случаях – предписывается) удалять с платформы пользователей, которые осуществляют незаконными действиями. Спектр этих действий достаточно обширен: продажа и распространение наркотиков, порнография, торговля запрещенными товарами и предоставление

---

[1] См.: *Sitaraman G.* Deplatforming // The Yale Law Journal. 2023. Vol. 133. P. 497-567.

[2] См.: *Аникин Д.А., Батищев Р.Ю.* «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6. № 1. С. 172-187.

запрещенных услуг, распространение экстремистских и террористических материалов, незаконное изготовление книг и пр. Однако этот вопрос является наиболее спорным в практике деплатформирования. Основания для исключения с платформы являются формой государственного, корпоративного или общественного регулирования медиапространства. Это может происходить с помощью установленных правил или принятых социальных норм: платформы могут исключить пользователей за нежелательное поведение. Параметры и нормы деплатформирования, конечно, меняются и могут оспариваться пользователями, поскольку меняются взгляды и традиции общества, а также нормы принятого и дозволенного поведения. В данном аспекте целесообразно говорить о двух категориях деплатформирования: нарушение общепринятых этических принципов, ценностей и случаи этнической, религиозной дискриминации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, каким именно образом происходит деплатформирование? Самый частый вариант – в моменте[1] или сразу после токсичного поведения на платформе, т.е. речь идет о реактивном деплатформинге. Недопустимое поведение пользователя может быть заблокировано во время прямой трансляции, а запись удалена с платформы. Платформы регулярно используют практику реактивного удаления контента агрессивных пользователей. Однако деплатформирование может также происходить до того, как произойдет запрещенное поведение, в упреждающем или профилактическом порядке[2]. Упреждающий деплатформинг подразумевает исключение людей до того, как они начнут совершать запрещенные или ценностно недопустимые действия. К примеру, это могут

[1] Канье Уэст получил пожизненный бан на Twitch через семь минут после старта стрима. За этот короткий промежуток времени рэпер успел допустить несколько оскорбительных высказываний в адрес евреев и афроамериканцев, изобразить фашистское приветствие и назвать себя «воином белой расы».

[2] Так, на Reddit превентивно удалялись аккаунты, связанные с ультраправыми хештегами #WhiteLivesMatter; в Иране велась упреждающая блокировка Telegram-каналов перед выборами президента 2024 г.; автоматически понижались охваты видео оппозиционных кандидатов в турецком TikTok; видео с хештегом #Тайвань или #Уйгуры автоматически получают пониженный охват в Китае и т.д.

быть пользователи, которые продемонстрировали подобное поведение, так что можно предположить, что они будут совершать запрещенные действия в будущем.

Таким образом, можно констатировать, что в последние годы деплатформинг привлек внимание широкой общественности, перейдя в категорию политически значимых проблем в сфере медиатизации политики. По известному замечанию М. Вебера, институциональные представители государства обладают монополией на право применения насилия в пределах международно признанной государственной территории. Однако, во-первых, следует учитывать, что насилие над мозгами, зачастую, хуже, чем над телом, т.к. оно может поменять идентичность личности и навязать другое мировосприятие (М. Фуко), что приведет к тому, что человек будет жить не свою жизнь. Во-вторых, в цифровом мире платформенный фронтир постоянно меняется и не привязан к географическим объектам. Тогда как нам следует трактовать цифровое насилие? Ведь, как правило, государственное насилие может осуществляться определенными уполномоченными лицами, т.е. это видимая власть (С. Льюкс). Насилие на цифровых платформах осуществляется посредством встроенных алгоритмов и актантов, через которые собственники платформ принимают те или иные решения. Внезапно в цифровом мире свобода и справедливость становятся вопросом сведения всего в игру. В игру, где все знают правила игры, играют по правилам и боятся их нарушить, и, более того, где пользователи могут достичь своих целей в этой игре. Проблема в том, что это цифровая химера, которая испарится, если к ней подойти слишком близко[1].

Безусловно, мы становимся свидетелями значительного расширения масштаба такого явления медиатизации политики как деплатформинг. Исходя из изложенного выше, мы можем сделать некоторые выводы:

---

[1] См.: *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

1. Деплатформинг имеет глубокие исторические корни в культурной, образовательной, промышленной и медийной отраслях. Различные практики деплатформинга применялись в разных странах с неоднозначными последствиями. В последние годы деплатформинг активно применяется, что связано с развитием и ростом влияния цифровых платформ.

2. Эффективность деплатформинга – вопрос дискуссионный и требует дальнейших научных исследований. С одной стороны, деплатформинг действительно помогает бороться с экстремизмом[1] и токсичным поведением, с другой – создает серьезные опасения для свободной коммуникации. Существует много опасений применения деплатформинга, связанных с избыточной цифровой цензурой, непрозрачностью принимаемых решений, ангажированностью, политической и корпоративной предвзятостью, ложными блокировками и пр. Можно сказать, что деплатформинг превратился в цифровой дамоклов меч.

3. Деплатформинг применяют и будут применять как государства, так и цифровые платформы. В некоторых случаях желание кого-то или что-то деплатформировать исходит от самого общества. Однако где проходит грань между необходимой модерацией и цифровой цензурой? Это доказывает, что необходимо разрабатывать цифровые регламенты модерации в совокупности с прозрачными процедурами реплатформинга.

Выводы главы

Третья глава диссертационного исследования была посвящена рассмотрению цифровых платформ и их инструментов влияния на политику. Прежде всего, в главе было показано, как и за счет каких ресурсов цифровые платформы из простых посредников эволюционировали в полноценных участников политических процессов. В первом параграфе представлена

[1] К примеру, удаление из социальных сетей роликов «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), которое, по решению Верховного суда Российской Федерации, признано террористической организацией и деятельность которой запрещена на территории России.

концептуализация понятия «цифровая платформа», определены основные функции цифровых платформ, которые оказывают значимое влияние на процесс медиатизации политики, его форму и формат.

Показано, что многие государства, не включившись своевременно в научно-технологический прогресс, столкнулись с кризисом государственного целеполагания, связанный, в том числе с проблемой деактуализации национальных интересов. Сокращение государственной поддержки в значимых сферах – от образования до космических и инновационных разработок привело к дисбалансу во многих отраслях. В этой связи, в последние годы мы не наблюдаем значимых государственных масштабных проектов, какими были строительство панамского канала, запуск человека в космос или интернет. Все чаще созданием революционных технологических решений занимаются частные компании. Мы становимся свидетелями фундаментального сдвига: фокус приложения усилий в конструировании будущего сместился от государств к цифровым платформам. Если раньше государство выступало главным архитектором реальности, то сегодня эта позиция мигрирует к цифровым медиагигантам. Когда политическая медиатизации детерминируется не государственным интересом, а медиалогикой или логикой цифровых платформ, это ведет к эрозии общественно-политических процессов.

Мы констатируем, что медиа и цифровые платформы не просто разрабатывают цифровые решения, они навязывают обществу жизненный уклад и ценностные установки, которые государство вынуждено лишь пассивно регулировать постфактум. Медиа создают иммерсивные медиапространства («стену пещеры»), в которой граждане проводят свое время, обсуждая вопросы, которые для них заранее подготовили. Это приводит к тому, что современная медиатизация политики – это процесс, при котором многие государства теряют монополию на создание смыслов, а платформы, прочно внедрившись в общественные процессы, стали весомыми субъектами политики. Мы также можем сделать вывод о том, что

платформенная логика видоизменяет как формальные, так и неформальные устоявшиеся властеотношения. Власть не берется из воздуха, однако облачные технологии цифровых платформ могут сильно в этом преуспеть.

Цифровые платформы, составляющие основу современных сетевых структур, не только трансформируют место человека и социальных групп в них, но и изменяют структуру самого политического пространства. В классических моделях информационного обмена она являлась двухсоставной. В ее основе лежала бинарная система «общество – государство». В современных моделях медиатизации бинарность этой системы значительно снизилась за счет роста социального и политического статусов ЛОМов, внедрения цифровых платформ в политические процессы, а также за счет превращения их медийных инструментов в мощные ресурсы медиакратии, в устойчивые каналы взаимодействия власти и общества. За счет этих ресурсов и новых площадок компенсируется «дефицит» горизонтальных моделей информационного обмена, который был характерен до массового внедрения цифровых платформ и ИИ.

Будут ли цифровые платформы, ИИ, «метавселенные» определять облик будущих цивилизаций? Это серьезная проблема, которой озабочены элиты, ученые, владельцы бизнеса и широкая общественность большинства стран мира. С одной стороны, эти вопросы рассматриваются с точки зрения политико-правовых отношений на самом высоком уровне. К примеру, в рамках Форума по управлению интернетом (Internet Governance Forum, IGF[1] или ВВУИО) разрабатываются правовые механизмы и международные инструменты, способные ответить на вызовы современного человечества. С другой стороны, субъективные параметры невозможно предсказать, поэтому особую значимость приобретает рассмотрение ИИ, цифровых платформ и «метавселенных» через цивилизационно-конструктивистский подход. Так, за последние 10 лет было принято множество нормативно-правовых актов,

[1] Internet Governance Forum – IGF. URL: https://intgovforum.org/en (дата обращения 10.04.2026).

регулирующих цифровое пространство как на международном, так и на национальном уровнях. И одновременно с этими решениями усилились цифровые вызовы и угрозы, цензура, фейки, манипуляции, цифровой деплатформинг и мн.др. Следовательно, на правовом уровне проблема становится шире. Консьюмеристская этика и блага цифрового мира ведут к эрозии аутентичности и нивелированию субъектности личности. Безудержное развитие цифровых платформ и ИИ усиливает этот пагубный процесс в геометрической прогрессии.

В главе показано, что феномен «метавселенной» целесообразно рассматривать как многоуровневую, взаимосвязанную цифровую технологию, развитие которой способно подтолкнуть как позитивные изменения, так и способствовать расширению угроз и вызовов социально-политическим процессам. Более того, мы отдельно выделяем вопрос медиатизации политики в государствах, связанный с рисками формирования наднациональных административных институтов, зависимых от ресурсов и мировоззрения владельцев конкретных глобальных цифровых платформ. Организация политической жизни находится в прямой зависимости от применяемых властью технологических решений и используемых инструментов реализации. Данный тезис находит прямое отражение на практике, что ярко продемонстрировал проведенный анализ внедрения «метавселенных» на примере Японии, Республики Кореи и Китая. Результаты анализа продемонстрировали, что пристальное внимание власти к медиатизации, гибкое реагирование на новые цифровые тренды, умелое приспособление и продуктивное использование инноваций является важным фактором повышения эффективности политического управления современных государств.

Представлена модель «метавселенной» России, которая основана не только на технологических параметрах, но включает в себя культурные, этические, мировоззренческие и языковые составляющие. Мы предлагаем рассматривать метавселенную России как своеобразную проекцию России как

государства-цивилизации в цифровое пространство. На основе проведенного анализа, в диссертации выделяются ее уникальные характеристики: сверхадаптивность, суперсвязность, логика суверенного развития и трансформация медиаактивизма. Отдельно раскрываются латентные угрозы «метавселенной» России.

Как показано в работе, для России целесообразно использовать преимущества двух архетипов управления «метавселенной»: техноэкономического (с опорой на опыт Китая) и промышленно-новаторского (с опорой на опыт Японии и Юж. Кореи). Практически это может выражаться в запуске государственного проекта с адаптивным регулированием, ориентированным на сохранение технологического суверенитета при снижении межплатформенных конфликтов с государственным контролем цифровой среды. В этом смысле можно утверждать, что построение «метавселенной» России – это важная политическая задача, которая должна решаться с опорой на исторические аналогии и социокультурные основания российского общества. Однако отметим, что наравне с возможностями, «метавселенная» привносит и новые риски, которые также еще предстоит осознать.

В главе обоснован тезис о том, что цифровые платформы можно рассматривать как субъекты политики, определяющие границы и правила допустимого, предпочтительного поведения в цифровом мире. При нарушении негласных правил платформы применяют различные практики деплатформинга. В этом смысле деплатформинг стал мощным ресурсом власти цифровых платформ, позволяющий лишать пользователя и/или институции доступа к средствам коммуникации и информационного обмена.

Цифровые платформы принудительно ограничивают инаковость, поэтому пользователи стали заложниками «корректных высказываний», «правильного образа жизни» и «правильных мыслей» вкупе с необъявленными нормами, определяющими, что можно говорить и как следует себя вести в цифровом пространстве. Поэтому этическая сторона

деплатформинга проявляется в непрозрачности решений платформ, а алгоритмическая фильтрация и внутренние правила модерации часто остаются закрытыми для внешнего контроля. Более того, деплатформинг не решает саму проблему, а просто перераспределяет ее в пространство, где контроль данной платформы ограничен или вообще способствует повышению общей напряженности в обществе.

Глава 4. Медиатизация политики: стратегии и основные направления

4.1 Медиатизация политики и новые субъекты влияния

Исследование медиатизации политики – это не только эмпирическая, но и важная теоретическая проблема, связанная с необходимостью минимизации социально-политических, экономических и культурных рисков. Изучение возможных сценариев развития медиатизированной политики служит фундаментом как для выявления исторических параллелей, так и для прогнозирования и реализации стратегий государства, позволяющих предугадывать риски и минимизировать их негативные последствия. Более того, проблема медиатизации политики особенно актуальна в долгосрочной перспективе, т.к. при исследовании данной области политологический инструментарий содержит в себе не только фактическую констатацию политических процессов, но и системный анализ результатов политики с раскрытием основных политических интенций акторов в пространстве конструирования смыслов, ценностей и моделей властеотношений. В данном контексте роль субъектов влияния в политической медиатизации становится критически важной для понимания современных политических процессов. В условиях медиатизации политики не только распространяются принципы постправды, персонализации политического контента, популизма, но владельцы цифровых платформ начинают применять алгоритмические техники управления потоками политизированной информации. *Задача данного параграфа – идентифицировать и типологизировать субъекты медиатизации политики, способные конструировать смыслы для реализации собственных интересов.*

В политической науке, актор (от лат. actor – деятель) трактуется как субъект политики. Как правило, этот субъект (личность или институция) обладает властными ресурсами и рычагами воздействия и способен оказывать реальное влияние на политический процесс. Традиционно в качестве

ключевых субъектов политики ученые выделяют институциональные структуры (органы государственной власти), группы интересов (политические элиты, партии, лоббизм) и политических лидеров. Важным направлением в продвижении собственных интересов является активность субъекта в публичном пространстве, в особенности в его цифровом измерении. Данный процесс реализуется как в открытой, так и в латентной формах. А его структура определяется не только политической повесткой, но и иными тематическими пластами, поскольку каждый субъект самостоятельно формирует контент и управляет его содержанием. К настоящему моменту в отечественной политологии накоплен внушительный объем исследований по данной теме[1]. Однако, с нашей точки зрения, вопрос о новых субъектах политики – субъектах влияния – на современном этапе медиатизации политики требует особого обсуждения.

Появление новых субъектов влияния обусловлено двумя важными измерениями.

Так, важным измерением, о котором речь шла в первой главе, является стадия глубокой медиатизации, при которой наблюдается всеобщность связи

[1] См., напр.: Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. проф. В.И. Якунина / В.И. Якунин, А.В. Торкунов, М.Г. Абрамова и др. Издательство Московского университета Москва (Библиотека факультета политологии МГУ), 2021; Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. книги Е.Б. Шестопал / Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверев, А.В. Селезнева и др. Издательство Весь Мир Москва, 2019; *Коваленко В.И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. Изд-во Московского университета: к осмыслению национальных интересов России Москва, 2016; Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание/ Под ред. Л.В. Сморгунова / Е.Б. Шестопал, Л.В. Сморгунов, А.И. Соловьев и др. Аспект Пресс Москва, 2015; *Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С.* Субъекты и акторы общественно-политического дискурса в пространстве публичной политики // Вестник экспертного совета. 2018. №. 1-2 (12-13). С. 126-131; *Рыхтик М.И.* Есть ли разное понимание безопасности у основных субъектов современной мировой политики? // Международные отношения и общество. 2019. №. 2. С. 80-82; *Аникин Д.А., Головашина О.В.* Политические акторы как субъекты исторической ответственности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. №. 6. С. 20-34; *Сковиков А.К.* Политические партии как акторы гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2014. №. 10. С. 203-205; Political Atlas of the Modern World: An experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States / Andrei Melville (ed.), Institute for Public Projects, Expert Magazine. MGIMO – University Press, Moscow, 2009.

всех элементов социального мира с медиатизированным цифровым миром, проникающим в поры как индивидуальных, так и общественно-политических практик. Как отмечает Д.П. Гавра, «методологическую инновационность формулы глубокой медиатизации мы видим в том, что она, исходя из фигуративного подхода и концепции медиатизированных миров, не сводит всю сложность происходящих изменений ко всепроникающему влиянию медиа и медиалогики. Напротив, заставляет обратить внимание на оборотную сторону происходящих процессов – растущую зависимость повседневных политических практик от коммуникационных устройств, замкнутых на них платформ, алгоритмов работы на этих платформах и больших массивов данных, генерируемых индивидом и для индивида посредством этих гаджетов и алгоритмов»[1]. В этом смысле важное измерение теории глубокой медиатизации и медиатизации политики заключается в том, что они претендуют на включение в анализ тех акторов, которые, как правило, ускользают из поля зрения исследователей политической коммуникации и медиакоммуникаций.

Другим значимым измерением, обусловившим изменение набора акторов со своим функционалом, прямым, косвенным и скрытым политическим влиянием в современных процессах медиатизации политики следует назвать феномен постправды.

В современном политическом дискурсе понятия – постполитика и постправда, как отмечает В.А. Гуторов, «постепенно, но уверенно начинают вытеснять привычные для нас классические термины, универсальность которых не вызывает сомнений… В основе такого квазиметодологического подхода лежит не лишенный иррациональности макабрический образ «сложности», отличающий современную жизнь и фактически нивелирующий

[1] Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 72.

традиционные культурные различия и политические традиции, которые все больше выглядят как дополнительные приставки постправды»[1].

Термин «постправда» трактуется как ситуация в общественном сознании, когда объективные факты становятся менее значимыми при формировании общественного мнения, а более важную роль играют эмоции и личные убеждения. Считается, что это понятие возникло в 2010 году благодаря блогеру Д. Робертсу, который использовал его в колонке для интернет-издания Grist. Отныне исследователи совершенно спокойно говорят об «альтернативных фактах» и договариваются до того, что «фактов вообще нет, есть только интерпретации», а прав тот, кто «переинтерпретировал оппонента». В политической борьбе побеждают не тот, кто обладает объективными фактами, а тот, кто умеет правильно интерпретировать любую ситуацию и вступать в эмоциональный контакт с избирателями и целевыми аудиториями[2].

Постправда – идея, востребованная в академическом сообществе, занимающемся вопросами медиа, или, по крайней мере, в его части, посвященной политической медиатизации. Постправда связана с достаточно большим количеством понятий из цифрового мира, таких как: цифровой популизм, фейк-ньюс, дипфейки, деплатформинг, эхо-камеры, алгоритмическое управление, медиатизированная харизма и многие др. В 2016 году Оксфордский словарь назвал его словом года и определил как прилагательное, «относящееся к обстоятельствам, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям»[3]. Некоторые ученые считают постправду сокращенным обозначением стратегических конструкций

---

[1] *Гуторов В.А.* Политика 2.0: между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 345.

[2] См.: *Быков И.А*. Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С.15-38.

[3] Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения 12.05.2026).

и искажений со стороны всех аспектов в политической коммуникации[1]. Например, В. Гарланд пишет, что в медийной среде постправды факты считаются податливыми и подчиненными убеждениям, и, более того, могут быть стратегически использованы для обслуживания убеждений[2].

Согласно И. Калпокасу, идея постправды становится все более важной для описания сегодняшней политической жизни, в частности, и важных социальных изменений в более широком смысле. Сама концепция предназначена для обозначения, в зависимости от интерпретации, верховенства непроверенных или полностью сфабрикованных заявлений в политических дебатах, отсутствие всеобщего уважения к истине в современных обществах, преобладание эмоций над знаниями и т.д. Скептики заявляют, что люди по-прежнему жаждут истины и способны различать, что означает истина, тем самым утверждая, что разговоры о «пост-правдивом» обществе преждевременны и ошибочны. Редукционисты сосредотачиваются лишь на одном аспекте – человеческой склонности отбирать информацию в соответствии со своим мировоззрением, игнорируют более широкой технологический, психологический, политический и медийный контекст. Фактически «пост-состояние» заключается в более широких трансформациях, которые привели к тому, что дихотомия «истина – ложь» в значительной степени вытеснены[3].

Постправда как состояние информационного пространства меняла источники, способы и формы, но оставалась доминирующим состоянием всегда – и наше время не стало исключением. Поэтому говоря о постправде, можно сказать, что это информация, поданная так, что использование ее ведет к результатам, не совпадающим с теми, которые хотел бы получить

---

[1] См.: *Temmerman M., Moernaut R., Coesemans R.* Post-truthand the political: constructions and distortions in representing political facts // Discourse, Context & Media. 2019. Vol. 27. P. 1-6.

[2] См.: *Garland R.* Is post-truth another word for political spin or a radical departure from it? Evidence from behind the scenes in UK government communications: 1997-2015 // International Journal of Media & Cultural Politics. 2018. Vol. 14. № 3. P. 333-350.

[3] См.: *Kalpokas I.A.* Political Theory of Post-Truth. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019; *Гуторов В.А*. Политика 2.0: между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. С. 345-346.

пользователь этой информации. Итогом является то, что сегодня благодаря повсеместному внедрению ИКТ любой человек и есть создатель и транслятор постправды в призме своего понимания происходящих многоликих процессов и явлений. Прежде всего это касается публичного мира медиатизированной политики[1].

В глобальном масштабе все трансформации в медиапространстве, вызванные политикой постправды, вполне могут привести к тектоническим изменениям в мировом порядке. В частности, к ослаблению свободы слова, что, в свою очередь, может вызвать эрозию института свободных выборов и кризис многих демократических процедур и – в долгосрочной перспективе – системы международной безопасности в целом. Возможны и другие пагубные последствия: раскол во взглядах между «нами» и «ними», трудности в ведении продуктивного диалога в обществе, подрыв репутации СМИ, политиков, экспертов, полное недоверие и – одновременно – некритическое отношение к новостным источникам, воспринимаемым как «дружественные» к собственным взглядам. Соглашаясь с А.А. Казаковым[2], отметим, что постправда обладает политическим значением по причине того, что люди, не имея возможности получить информацию из первых рук, вынуждены смотреть на нее глазами субъектов влияния[3], что автоматически сопряжено с риском искажения[4].

---

[1] См. подр.: *Бронников И.А.* Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. 2019. № 2. С. 6-24.

[2] К слову, в качестве «защитной» меры от мира фейков и постправды, А.А. Казаков предлагает развивать и масштабировать медиаграмотность населения. Такой подход нам кажется обоснованным.

[3] См.: *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В*. Трансформация Интернета как пространства общественнополитических коммуникаций: от глобализации к гло (локал) анклавизации // Социологические исследования. 2021. Т. 1. С. 87-97; *Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л.* Коннективная идентичность в современном мире // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 69-79; *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета. М.: Ад Маргинем Пресс; МСИ «Гараж», 2019; *Чумиков А.Н.* Кто влияет в новых медиа и как обеспечивается контрвлияние: опыт российских практиков // Коммуникология. 2014. Т. 3. №. 1. С. 47-53.

[4] См.: *Kazakov A.* Post-truth as a main feature of modern media landscape and primary concern of media education // Media Education. 2019. №. 4. P. 500-507.

Между тем новые концепты, идеологические клише, дискуссии в цифровом пространстве, медиатизированная риторика нередко выступают лишь формой мимикрии, маскирующей фундаментальные интересы и ценностные установки влиятельных акторов. П. Бурдье вслед за М. Вебером пишет, что внутри стабилизированного политического поля идеологические векторы могут постоянно изменяться, неизменной остается только одна цель – власть и привилегии[1].

Показательным примером политики постправды в контексте цивилизационно-конструктивистского подхода выступает риторика и угрозы Д. Трампа в социальной сети Truth Social, направленные против Ирана. Разберем детально этот кейс.

28 февраля 2026 года обстановка на Ближнем Востоке достигла критического накала. США и Израиль начали военные операции («Эпическая ярость» и «Рев льва») против Ирана и «Хезболлы» в Ливане, сопровождающиеся ударами по инфраструктуре и ликвидацией высокопоставленных лиц (были убиты: верховный лидер – рахбар – аятолла Али Хаменеи, министр обороны А. Насирзаде, командующий КСИР М. Пакпур, начальник Генштаба А. Мусави). В ответ Иран нанес удары по Израилю и американским объектам, расположенным на территориях арабских стран, нанеся ущерб нефтегазовой инфраструктуре, аэропортам и гражданским объектам в Катаре, ОАЭ, Кувейте, Бахрейне и Саудовской Аравии. Дополнительно к этому, Иран закрыл движение судов и танкеров по Ормузскому проливу, через который проходит около 20% от общего объема мировых морских перевозок нефти. После нескольких недель военных действий с неизбежным повышением цен на нефть ситуация резко обострилась. 7 апреля 2026 года Д. Трамп опубликовал эмоциональный пост в социальной сети Truth Social: «Сегодня ночью погибнет целая *цивилизация* (курсив – И.Б.), и ее уже никогда не возродят. Я не хочу, чтобы это произошло,

[1] См.: *Бурдье П.* Социология политики / Пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.

но, вероятно, так и будет…Мы узнаем это сегодня ночью, в один из самых важных моментов в долгой и сложной истории мира. 47 лет вымогательства, коррупции и смерти наконец-то закончатся. Да благословит Бог великий народ Ирана!».

Конечно, можно привести исторические аналогии, когда великие цивилизации прошлого исчезали, были уничтожены или поглощались другими цивилизациями. Так, согласно концепции А. Тойнби, из 26 выделенных им цивилизаций к уже исчезнувшим (реликтовым) относятся не менее 16, среди которых, к примеру: египетская, минойская, эллинская, шумерская, хеттская, вавилонская, юкатанская, андская, мексиканская и др. О. Шпенглер в книге «Закат Европы» писал: «Все ставшее преходяще. Преходящи не только народы, языки, расы, культуры. Через несколько столетий не будет уже никакой западноевропейской культуры, никаких немцев, англичан, французов, как во времена Юстиниана уже не было никаких римлян»[1]. Знаменитое пророчество немецкого философа, множество раз воспроизводимое и в наши дни в самых различных контекстах, выглядит, по мнению В.А. Гуторова, «уместным в связи с оценкой дискурса и реальных практик цифровой демократии в современной мировой политике»[2].

Если этот вопрос рассматривать через подход Н.Я. Данилевского, то стоит отметить, что две цивилизации американского типа – мексиканская и перуанская погибли насильственной смертью, так и не успев совершить своего развития. Данилевский считал, что одновременно культурно-исторические типы развиваться не могут т.к. может остановиться общий цивилизационный прогресс, но они не линейно приходят на смену друг другу. В частности, каждый культурно-исторический тип проходит стадии развития (самая длительная), расцвета (короткая), упадка и гибели. Однако «не все культурные типы успевают переходить вполне все фазисы этого развития – потому ли, что

---

[1] *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag. 2003. P. 126.

[2] *Гуторов В.А.* Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 352.

разрушаются внешними бурями, или потому, что самый запас собранных ими сил был недостаточен, что полученное направление слишком односторонне для полного развития. Так, культурный тип Ирана, побужденный принять форму государственности вследствие борьбы с туранскими племенами никогда не переходит на степень цивилизации, – как потому, что в самый блистательный период своей государственности, при Кире и Дарии, теряет свой самобытный характер вследствие инкорпорации древнесемитической цивилизации Ассирии, Вавилона и Финикии, так и потому, что не однократно возобновляемая государственность Ирана последовательно разрушается македонянами, арабами и монголами»[1].

К. Леви-Стросс сокрушался о чудовищном и непостижимом катаклизме, который принесло развитие западной цивилизации коренным народам – объектам его исследований, которых он называл «невинной частью человечества»[2]. Мы можем также привести примеры исчезновения крупных и мощных политических образований прошлого, существовавших на территории современной России, к примеру, Хазарский каганат или Волжская Булгария. Зачастую новое государство рождается за счет гибели, стагнации и изменения других обществ и территориальных образований. Так, «в 1800 году насчитывалось 137 независимых государственных образований, в 1900 году – уже только 57 территориальных политий, в 1997 г. – 170, в 2025 году, количество членов ООН составило 193 государства»[3]. Таким образом, исторических примеров гибели цивилизаций и культур достаточно много.

Как бы там ни было, продуманная (а возможно спонтанная) фраза Трампа вызвала настоящую эмоциональную бурю. Буквально через несколько часов после поста социальные сети взорвались едкими комментариями и яркими

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 138.

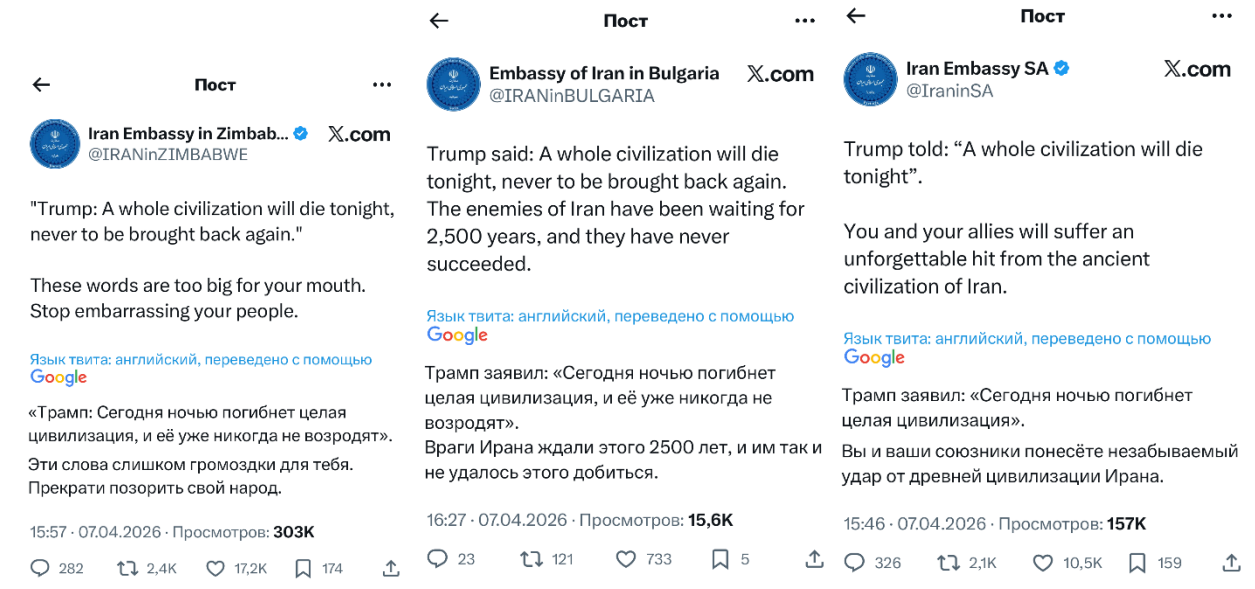
[2] *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: АСТ : Астрель, 2011; *Карп А., Замиска Н.* Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада / пер. с английского Ядвиги Войцеховской. Ереван Fortis Press, 2025. С. 111-112.

[3] *Кокурина О.Ю.* Структура факторов государственности и суверенитет в свете системно-органического подхода // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 4. С. 9.

реакциями. Моментально сверхпопулярными стали следующие запросы в Google: «whole civilization» (целая цивилизация), «trump iran tweet» (твит Трампа про Иран), «did trump say a whole civilization will die» (говорил ли Трамп, что погибнет целая цивилизация), «a whole civilization will die» (целая цивилизация погибнет), «iran civilization» (цивилизация Ирана) и пр. The New York Times 8 апреля 2026 г. проанализировала 40 тыс. комментариев под постами Д. Трампа по поводу конфликта с Ираном и пришла к выводу, что граждане на эту тему реагируют с большим негативом[1]. Профессор права Тегеранского университета М. Борхани отмечает, что президент США подорвал и дискредитировал все американские ценности и 250-летнее наследие человечества[2].

Реакция Посольств Ирана в социальных сетях (см. рис. 4.1) была креативной с подчеркиванием значимости иранской цивилизации.

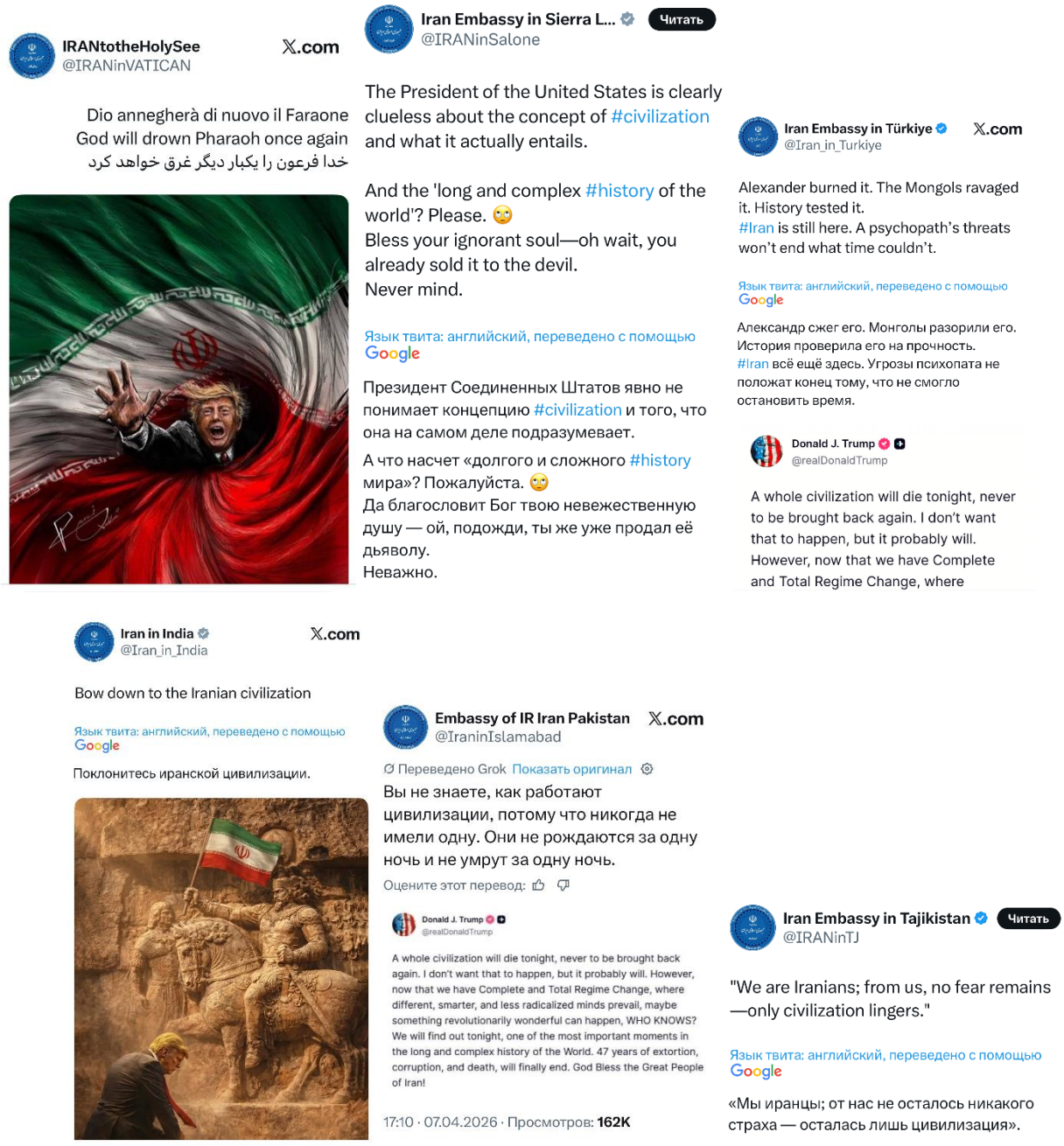
Рисунок 4.1. Реакция иранских посольств на пост Д. Трампа

,

[1] Once ‘Ultra MAGA’, Trump Supporters Fume About Iran on Truth Social. URL: https://www.nytimes.com/2026/04/08/us/politics/trump-truth-social-iran.html (дата обращения 20.04.2026).

[2] Iranians Voice Shock and Defiance in Face of Trump’s Looming Deadline. URL: https://www.nytimes.com/2026/04/07/world/middleeast/iran-shock-defiance-trump-deadline-threat.html (дата обращения 20.04.2026).

Более того, даже ярые и многолетние противники властей Ирана стали писать сообщения Д. Трампу о том, что надо бороться с иранским политическим режимом, а не с его народом. К примеру, иранская журналистка и писательница М. Алинеджад говорила, что именно Исламская Республика уже 47 лет пытается уничтожить *цивилизацию* (курсив – И.Б.) Ирана и призывала президента США направить удар на мышление «каменного века» чиновников и на тех, кто вешает и убивает протестующих в XXI веке[1].

[1] Интервью М. Алинеджад CNN от 07.04.2026. URL: https://edition.cnn.com/2026/01/08/world/video/iran-protests-international-maduro-venezuela-dictator-jake-tapper-lead (дата обращения 12.05.2026).

Следует сказать, что, будучи Президентом США, Д. Трамп публиковал множество постов и вирусных роликов про Иран, как правило, негативного содержания. Однако столь масштабных реакций в социальных сетях не было даже после убийства рахбара Али Хаменеи или после публикации 25.06.2025 года в социальной сети Truth Social ролика с американским бомбардировщиком B-2, сбрасывающим бомбы на Иран под песню содержащую следующие слова: «*Отправился в мечеть, собираюсь кидать камни, скажи аятолле: “Посажу тебя в гроб!”. Бомбить Иран. Бомбить Иран*»[1].

Резонанс, вызванный публикацией о судьбе иранской цивилизации, оказался беспрецедентным и вышел далеко за рамки ожидаемых реакций. Почему так произошло? Какой контекст содержало это послание? В призме цивилизационно-конструктивистского подхода, можно сказать, что это высказывание задело глубинные ценностные основания иранского общества, отодвинув на второй план внутренние политические конфликты. На примере данного кейса мы видим яркий пример значимости цивилизационных кодов и глубинного отношения к самости. Таким образом, в контексте медиатизации политики важен цивилизационно-конструктивистский подход, который дает дополнительный эффект при решении общественно-политических проблем, а также раскрывает возможности консолидации общества (в логике А. Лейпхарта) на основе общих ценностей.

В этом смысле медиатизация современной политики способствовала появлению новых субъектов, обладающих существенным потенциалом влияния. Между тем, когда мы ставим вопрос о влиянии медиа, цифровых платформ, ИИ, то какой ответ был бы для нас релевантным? Что новые субъекты оказывают активное влияние на политику? Это очевидно. Что в перспективе их влияние возрастет? Безусловно. Однако текущий уровень развития цифровых технологий делает подобные ответы

[1] Трамп опубликовал видео с песней "Бомбить Иран". URL: https://ria.ru/20250625/tramp-2025270771.html (дата обращения 12.05.2026).

малоинформативными. В этих условиях важной задачей представляется выявление и качественный анализ новых субъектов влияния в процессах политической медиатизации, способных не только ускорять цифровую трансформацию общества и государства, но и влиять на политические ценности, смыслы, модели поведения.

С целью определения ключевых субъектов влияния в процессах политической медиатизации, а также конкретизации специфики медиатизации политики в России нами был организован и проведен международный экспертный опрос «*Национальные особенности медиатизации политики в России*»[1]. В марте-апреле 2026 года автором было опрошено 25 экспертов из Российской Федерации, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Государства Израиль, Южно-Африканской Республики и Республики Сербия. Два эксперта являются сотрудниками органов власти, 23 участника исследования – представители своих национальных академических сообществ и обладают необходимыми компетенциями и знаниями, являясь признанными специалистами по проблемам медиа, цифровых платформ, политических коммуникаций и цифровизации. Экспертам предлагалось ответить не только на открытые, но и на закрытые вопросы анкеты (Приложение 2). Процедура обработки данных предполагала следующие шаги: 1) полученные первичные количественные данные проходили процедуру комплексирования, 2) качественные оценки были использованы для формирования комплексной аргументации количественных результатов исследования.

---

[1] При подготовке экспертного исследования автор использовал методологические и методические наработки Е.Б. Шестопал, С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко, И.И. Кузнецова, А.В. Селезневой, А.Ю. Мамычева, Н.В. Смулькиной, М.С. Филь. Дополнительно были использованы материалы: НИР «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», 2025 г. Рег. № НИОКТР 125090510109-9; НИР «Образ будущего России: внутриполитические аспекты и внешнеполитический контекст», 2026 г. Рег. № НИОКТР 1026011800001-0-5.6.1; *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520-542

Важно отметить, что в целом участники исследования продемонстрировали сходные представления о содержательных и функциональных аспектах политической медиатизации, что позволяет нам сформулировать общее понимание данного феномена, основанное на комплексировании экспертных оценок. Так, медиатизация политики, по мнению экспертов, - это процесс, при котором, во-первых, возникает тесная взаимосвязь политики и медиапространства, а определенные группы правящего класса переформатируют отношения государства и общества, во-вторых, политика начинает учитывать медиалогику, в-третьих, политические субъекты повышают собственную конкурентоспособность, в-четвертых, политика становится не столько системой действий, сколько системой смыслов, масштабируемых посредством новых каналов коммуникации и ресурсов цифровых платформ, и в-пятых, политическая реальность все в большей степени формируется не только через институты и решения, но через их интерпретацию, подачу и цифровое восприятие, тем самым усиливая аффективные факторы (эмоции, эскалация лжи, постправда, фейки и пр.).

При этом, по мнению экспертов, ключевой особенностью современной медиатизации является утрата предсказуемости реакции аудитории. В условиях цифровой среды невозможно с уверенностью определить, каким образом то или иное сообщение будет воспринято, интерпретировано и какие последствия вызовет. В этом смысле медиапространство функционирует по логике, которую еще в иной форме обозначил Тютчев: «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Поэтому в процессах медиатизации политики важно учитывать взаимодействия смыслов, интерпретаций и ожиданий, где политическое сообщение, попадая в медиасреду, начинает жить собственной жизнью, выходя за рамки первоначального замысла. В результате политика оказывается встроенной в динамическую систему, где контроль над содержанием сообщения все в меньшей степени означает контроль над его восприятием. Некоторые эксперты указали на то, что медиатизацию политики стоит рассматривать с точки зрения влияния информационного пространства

на принятие политических решений. Однако один эксперт высказал мнение, что политическая медиатизация – это «*искусственно созданный термин, чтобы показать якобы особую роль СМИ, пропаганды и агитации в современном политическом процессе*».

Вместе с тем, на основе анализ экспертных позиций мы можем выделить следующих субъектов влияния в процессах медиатизации политики.

Институт Президента и администрация Президента. Консенсус экспертного сообщества подтверждает фундаментальную роль института Президента как центрального элемента медиатизации политики в России. Данному институту отводится системообразующая функция, которая задает стандарты и форматы коммуникации для остальных участников медиатизации. Доминирующее положение института Президента закреплено конституционно. Конституция Российской Федерации[1] исходит из главенствующего положения первого лица в системе государственных органов власти, что отражено и в очередности глав Конституции: глава 4 «Президент Российской Федерации» предшествует главе 5 «Федеральное Собрание». Согласно статье 80 Конституции, президент получил статус «главы государства», «гаранта» Конституции, а также прав и свобод человека и гражданина. Он занимает особое место в системе власти и не входит непосредственно ни в одну из ее ветвей[2]. В Конституции к компетенции президента относится определение основных направлений внутренней и внешней политики государства. Такая концентрация легитимных ресурсов превращает президента в центрального актора политики с колоссальным ресурсом влияния на процессы политической медиатизации.

---

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения 31.12.2025).

[2] См.: *Кузнецов И.И.* Эволюция разделения властей в современной России: роль конституционных поправок // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. XXXVII Адлерские чтения. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 115-й годовщине рождения российского парламентаризма. Сер. «Адлерские чтения 37» Краснодар: Традиция, 2021. С. 198-210.

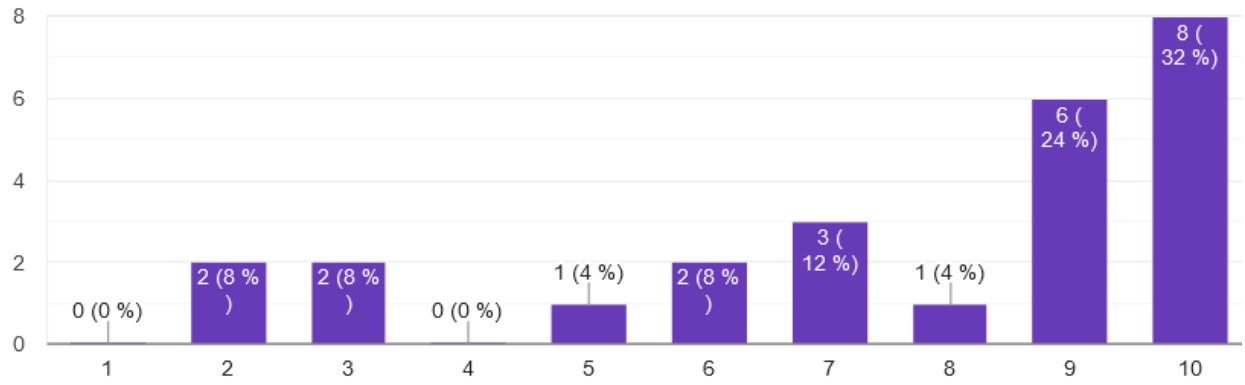
Традиционные медиаструктуры, имеющие статус СМИ, функционирующие как в аналоговом, так и в цифровом формате. Зачастую, у них есть власть влиять на общественное мнение, определять повестку дня, но, в текущих реалиях, их деятельность регулируется надзорными ведомствами, а пространство свобод резко сократилось. Во многом, по мнению экспертов, данная группа тесно связана с первой категорией, что находит свое отражение в трансляции согласованных с профильными департаментами администрации президента медианарративов. Зарубежные участники исследования отмечают, что с внешней точки зрения можно выделить несколько уровней субъектов влияния, однако их реальная роль в международном медиапространстве существенно различается. Можно говорить о существовании двух параллельных уровней медиатизации политики: внутреннего, где задействован широкий круг акторов, и внешнего, где доминируют преимущественно государственные медиа, тогда как остальные субъекты остаются в рамках диаспорного или сегментированного информационного поля и не оказывают существенного влияния на принимающие общества. Однако ключевую роль, безусловно, играют государственные институты и аффилированные с ними крупные медийные структуры. Именно они формируют основную повестку, которая в отдельных случаях выходит за пределы страны и становится предметом цитирования или интерпретации в зарубежных медиа. Прежде всего это касается официальных заявлений высших должностных лиц, которые могут быть интегрированы в международный политический дискурс.

Цифровые платформы и их владельцы. Деятельность платформ детально была рассмотрена в III главе. Здесь скажем лишь о том, что, по мнению участников исследования, медиатизация российской политики происходит в динамике взаимодействия государства как ключевого субъекта, определяющего политику медиатизации цифровых платформ, как отечественных, так и зарубежных. При этом следует отметить их конкурентные, зачастую конфликтные, отношения, которые формируют

определенные расколы в российском обществе, связанные с отношением к отечественным и зарубежным платформам, уровнем доверия к контенту, который транслируется конкретной цифровой платформой. Остальные политические субъекты медиапространства играют подчиненную роль в этом взаимодействии и не могут способствовать преодолению данных разломов. Одновременно цифровые платформы, по мнению В.А. Гуторова, «обеспечивают структуру политической жизни, они упорядочивают гражданскую активность и предлагают наиболее полные доказательства того, живем ли мы в условиях демократии или диктатуры»[1].

Исходя из выявленных в ходе исследования экспертных представлений о содержании и функциях медиатизации политики, участникам было предложено оценить роль государства в формировании российских цифровых платформ в настоящее время (см. рис. 4.2).

Рисунок 4.2. Результаты экспертных ответов «Насколько важную роль в формировании отечественных цифровых платформ, на Ваш взгляд, играет российское государство?»

В соответствии с рисунком 4.2 средний балл экспертных ответов на поставленный вопрос составил 7.6 балла, медианное значение – 9 баллов. Данное обстоятельство позволяет нам говорить о существовании устойчивой экспертной позиции по данному вопросу, связанной с высоким уровнем оценки деятельности государства в области формирования отечественных цифровых платформ.

[1] *Гуторов В.А.* Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 343.

Большинство экспертов отмечают особую важность суверенизации цифровых платформ в условиях современной геополитической реальности. Можно констатировать, что цифровая инфраструктура является не только экономическим, но и политическим, культурным и стратегическим ресурсом. Глобальные тенденции показывают, что страны, традиционно выступавшие за открытые цифровые пространства и рынки, все чаще переходят к созданию собственных технологических решений, включая национальные платформы, системы обработки данных и технологии ИИ. Это связано с осознанием того, что зависимость от внешних цифровых платформ создает уязвимость как с точки зрения безопасности, так и с точки зрения контроля над информацией и общественными процессами. Вместе с тем, по мнению экспертов, полная изоляция и суверенность по сути своей таит опасность отсталости и изоляционизма и не должна выступать основанием для поощрения автаркии и закрытости социума от достижений мировой культуры. Как видится, наличие, собственной технологической базы выступает ключевым элементом современной государственной стабильности и позволяет минимизировать риски внешнего вмешательства, информационных атак, а также утраты контроля над стратегически значимыми платформенными процессами.

Искусственный интеллект. ИИ, являясь органической частью современных цифровых платформ, выступает субъектом медиатизации политики с латентным потенциалом[1]. Следует отметить, что в настоящее время идут серьезные дискуссии среди юристов, политологов, философов по поводу субъектности ИИ. В научной литературе уже несколько лет обсуждается возможность наделения ИИ правами юридического лица[2]. В этом

[1] См.: *Багдасарян В.Э., Балдин П.П.* Перспективы развития искусственного интеллекта в актуальной повестке политических и социальных рисков глобальных трансформаций // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 10-22.

[2] См.: Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019; *Ястребова О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315-328; *Чеха В.В.* Цифровые платформы как новые субъекты образовательных отношений // Наука и школа. 2021. №. 3. С. 81-93; *Аникин Д.А., Мамычев А.Ю.* Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики //

смысле правовое регулирование ИИ должно учитывать многообразие его форм, уровней автономности и воздействия на общество, что требует междисциплинарного подхода и развития как национальных, так и международных норм. В условиях стремительного развития цифровых технологий становится критически важным формирование политико-правовых основ, обеспечивающих безопасность, ответственность и этичность применения ИИ в политике[1]. В большинстве правовых систем ИИ считается объектом, а ответственность за его действия несут разработчики, собственники цифровых платформ или сами пользователи.

26 февраля 2026 года В.В. Путин подписал Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта». Среди прочего в задачи комиссии входит: координация действия органов власти, Банка России для создания, развития и внедрения технологий ИИ; разработка стратегии для внедрения ИИ; координация действий по внедрению ИИ в учебный процесс «в целях формирования гармонично развитой личности»; подготовка педагогов и специалистов в области ИИ; подготовка предложений по развитию международного сотрудничества в области ИИ и др.[2] Форсированное развитие ИИ стало критическим вызовом современности. Очевидно, что темпы технологического прогресса обогнали регуляторную базу: мы находимся в позиции догоняющих в вопросах политического и правового контроля над нейросетями. Так, летом 2025 года в США принят План развития индустрии

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. №. 3. С. 72-88; *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №. 3. С. 543-559; *Srnicek N.* Value, Rent and Platform Capitalism // Work and Labour Relations in Global Platform Capitalism / Eds. J. Haidar, M. Keune. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. P. 29-45; *Санникова Л.В., Сокольщик И.М.* Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях // Государство и право. 2023. № 1. С. 68-78.

[1] См.: *Архиереев Н.В.* Искусственный интеллект: понятие, характеристики // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 5-20.

[2] Путин создал комиссию по вопросам развития ИИ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8463509?ysclid=mp13br5jmb782822807 (дата обращения 12.05.2026).

ИИ, где обозначена основная цель – «неоспоримое и неоспариваемое глобальное технологическое доминирование» в сфере ИИ как задача национальной безопасности[1]. В России, по поручению Президента В.В. Путина, идет разработка плана внедрения ИИ к 2030 году. Особый акцент – на разработку суверенных фундаментальных моделей ИИ, которые должны быть конкурентоспособны глобально, при этом регулирование должно стимулировать, а не тормозить прогресс[2].

18 марта 2026 года Минцифры России опубликовало на портале проектов нормативных актов законопроект о государственном регулировании ИИ. Ожидается, что закон будет действовать, начиная с 1 сентября 2027 года. Под ИИ предлагается понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их[3]. Документом предлагается ввести понятия суверенной, национальной и доверенной моделей ИИ. Разрабатывать и обучать модели ИИ нужно будет на территории страны. Отсюда, правда, возникает два вопроса: 1) для ИИ требуются огромные вычислительные мощности, суперкомпьютеры, чипы и видеокарты, которых в стране нет в нужном количестве. Каким образом возможно обеспечить технологическую независимость в области ИИ в текущих условиях? 2) Какие данные будет использовать суверенный ИИ? Ведь, согласно, законопроекту обучаться на данных глобального интернета суверенный ИИ не сможет. В этой связи следует отметить, что суверенность ИИ не должна препятствовать развитию инноваций в России.

---

[1] Гражданин Искусственный Интеллект. О технических и юридических проблемах регулирования систем ИИ. URL: https://www.ng.ru/editorial/2026-05-03/2_9487_red.html (дата обращения 12.05.2026).

[2] Там же.

[3] Проект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения 12.05.2026).

Между тем дискуссии об ИИ обычно вращаются вокруг прикладных вещей: законов, вычислительных мощностей, архитектуре моделей и дефиците кадров. Но за этим фасадом политико-правовых и инфраструктурных проблем скрываются куда более глубокие, антропологические угрозы, ставящие под вопрос саму суть человеческого будущего. В. Мюллер, Л. Стилс и Э. Сатмари в масштабном исследовании «Эволюционирующий ИИ: угроза нового большого перехода в эволюции» предлагают смотреть на будущее ИИ сквозь призму дарвиновской эволюции. Так, ИИ не обязательно должен стать умнее человека, чтобы создать серьезные проблемы. Достаточно, чтобы цифровые системы получили собственный механизм отбора: удачные версии будут сохраняться, слабые исчезать, а разработчики уже не смогут управлять процессом как обычным обновлением программы. Главный риск обычно связывают с точкой невозврата, когда ИИ сравняется с человеком или превзойдет его в большинстве когнитивных задач. Эволюционная биология показывает, что вредить, манипулировать и захватывать ресурсы может система без высокого интеллекта. Исследователи приводят в пример вирус бешенства: он не обладает разумом, но эволюция дала ему способность воздействовать на поведение млекопитающих и использовать организм хозяина для распространения. Эта аналогия снижает порог риска. Цифровому агенту не нужно понимать людей лучше человека, строить сложные планы или обладать сознанием. Достаточно механизма, который вознаграждает удачные способы продолжать работу и создавать новые экземпляры. Для общества проблема может проявиться не как появление всемогущей машины, а как распространение устойчивых ИИ-агентов, которые будет все труднее остановить обычными запретами[1]. Исследователи считают главным защитным принципом полный централизованный контроль над воспроизводством ИИ-систем, поскольку

[1] См.: *Müller V., Steels L., Szathmáry E.* Evolvable AI: Threats of a new major transition in evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences. U.S.A. 2026. Vol. 123. №. 17. P. e2527700123.

цифровые агенты могут научиться сохранять себя и обходить запреты быстрее, чем люди успеют выстроить надежные барьеры[1].

Более того, распространение ИИ ведет к растущей поляризации общества. Раскол носит глобальный характер, различаясь лишь доминирующими настроениями в разных странах. Например, жители США выражают обеспокоенность по поводу влияния ИИ на когнитивные способности человека. В то же время опросы ВЦИОМ говорят о том, что 52% россиян доверяют ИИ. В развитии технологий ИИ россияне с одинаковой частотой видят и возможную пользу (92% назвали положительные эффекты), и возможный вред (95% назвали негативные последствия)[2]. Делегируя право выбора алгоритмам ИИ, мы сталкиваемся с опасным прецедентом: добровольным отчуждением когнитивной свободы[3]. Человек постепенно перестает быть автором собственных решений, перекладывая коммуникацию и ответственность на ИИ, т.е. он не просто упрощает жизнь, а добровольно демонтирует механизм свободного выбора (в логике Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера).

В этой связи А. Хепп акцентирует внимание, что на стадии глубокой медиатизации анализ алгоритмов, данных и ИИ становится решающим для понимания социального мира[4]. Согласно Е. Эспозито при рассмотрении природы ИИ важно не то, способен ли он думать, а то, что он способен коммуницировать[5]. Но ИИ прекрасно коммуницирует, используя различные алгоритмизированные функции – чат-боты, нейросети, LLM и пр.[6]

---

[1] ИИ не нужен разум, чтобы восстать против нас. Эволюция выберет тех, кто игнорирует запреты – и это уже началось. URL: https://www.securitylab.ru/news/572184.php (дата обращения 12.05.2026).

[2] Доверие к ИИ. Опрос ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения 12.05.2026).

[3] Эмоции, карьера и смысл жизни. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/691c85219a794744e121d945 (дата обращения 12.05.2026).

[4] См.: *Hepp A.* Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020.

[5] См.: *Esposito E.* Artificial communication? The production of contingency by algorithms // Zeitschrift für Soziologie, 2017. Vol. 46. № 4. P. 249-265.

[6] См.: *Natale S., Depounti I.* Artificial sociality // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 7. P. 83-98.

Поэтому ИИ нужно рассматривать не как «посредника», а в качестве полноправного коммуникатора. Однако статус этой искусственной коммуникации концептуализируется по-разному: в частности, с привлечением двух известных подходов, трансмиссионного и ритуального[1]. Если мы понимаем коммуникацию как технический процесс передачи сообщения («трансмиссию»), то ИИ-участник может быть «приравнен» человеку, если как семиотический обмен – то это, по выражению Хеппа, «квазикоммуникация», где люди проецируют свои социальные ожидания и представления на ИИ. Более того, с позиций феноменологии, онтологический статус коммуникации с ИИ-агентом не принципиален: если неважно, умеет ли машина думать, также неважно, может ли она коммуницировать без приставки «квази»[2].

Полученные выводы свидетельствуют о растущей роли ИИ в политике, где он используется для аналитики, прогнозирования, коммуникации, повышения качества принимаемых решений и модернизации работы политических институтов. Не стоит обходить стороной и определенные проблемы, касающиеся защиты персональных данных, неравенства при использовании технологий ИИ государственными органами различных уровней, распространения фейков, манипулирования общественным мнением[3]. Важно учесть и феномен галлюцинирования ИИ, который, по нашему мнению, следует рассматривать как специфический риск медиатизации политики, где встроенные алгоритмы ИИ переходят от фильтрации реальности к ее произвольному конструированию. В условиях постправды способность ИИ генерировать верифицируемую на первый взгляд, но фактически ложную информацию, становится инструментом

---

[1] См.: *Bolin G.* Communicative AI and techno-semiotic mediatization: Understanding the communicative role of the machine // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 7. P. 65-82

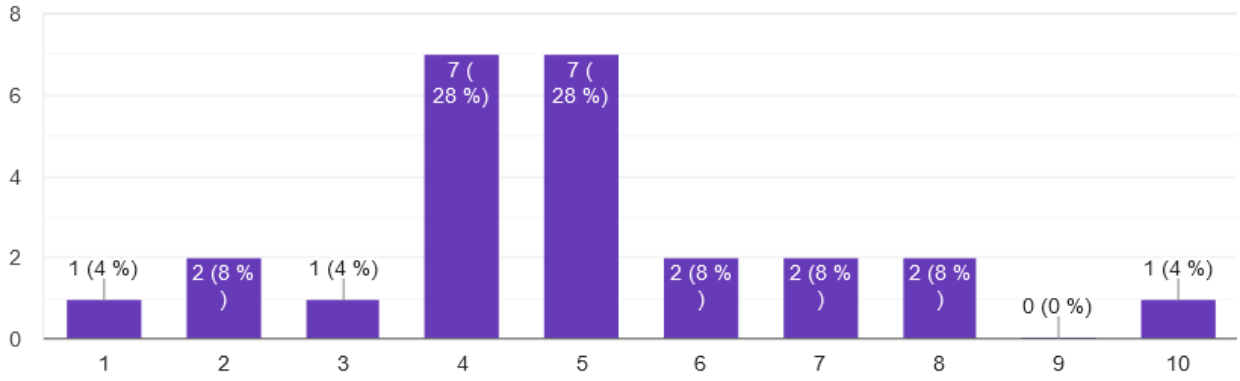
[2] См.: *Ним Е.Г.* Искусственный интеллект и человеко-машинная коммуникация: вызов исследованиям медиатизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 813-823.

[3] См.: *Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Ананьевская Е.А.* Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. №. 4. С. 100-113.

создания ценностно-окрашенных мифов, что усиливает искажение реальной картины мира конкретного пользователя.

Так, на вопрос об оптимальном влиянии ИИ в процессе медиатизации политики (см. рис. 4.3) участники ответили следующим образом:

Рисунок 4.3. Результаты экспертных ответов «Какое влияние технологий ИИ в процессе медиатизации политики было бы оптимальным?»

В соответствии с рисунком 4.3 средний балл экспертных ответов составил 4.92, медианное значение 5 баллов. Признавая функциональные преимущества ИИ, эксперты сохраняют определенный скептицизм относительно масштабов его влияния. Оптимизм в отношении технологических выгод уравновешивается сдержанными прогнозами касательно рисков трансформации мира политики в целом.

Использование ИИ в политической медиатизации приводит к двум ключевым эффектам: эрозии традиционных ценностных ориентиров и усилению контроля между глобальными цифровыми платформами и локальными культурными и смысловыми кодами[1]. Это также актуализирует вопрос о возможности придания субъектности ИИ. В нашем понимании, пока мы можем говорить о том, что ИИ – это квазисубъект, подчиненный логике цифровых платформ, поскольку ИИ не осознает свои поступки и не несет ответственность за свою деятельность.

[1] См.: *Володенков С.В.* Нейросети как фактор цифровой трансформации традиционных ценностно-смысловых пространств // Меди@льманах. 2025. Т. 4. № 129. С. 66-72.

Инфлюенсеры и конвергентные лидеры общественного мнения. К этой категории относятся топовые блогеры, конвергентные журналисты и цифровые кочевники. Стоит отметить, что цифровые кочевники политикой напрямую не занимаются, но во время кризисных ситуаций могут использовать медийную репутацию и лояльность своей аудитории.

С развитие цифровых платформ инфлюенсеры (от англ. «influence» – влияние) стали весомыми агентами политической медиатизации. Они производят и распространяют политический контент, влияя на выбор информации субъектами, обладающими, в свою очередь, правами и возможностями предлагать отобранные сведения массовой аудитории. Данное явление находит свое объяснение в рамках теории гейткипинга, которая описывает, как субъективные фильтры и критерии отбора формируют итоговую медиареальность. Теория гейткипинга (от англ. gate – ворота, keeper – хранитель, привратник) «раскрывает процесс влияния разных параметров на выбор информации субъектами, от которых в наибольшей степени зависит эффективность ее распространения»[1]. Данный процесс имеет глубокие исторические корни, но с появлением интернета, а далее цифровых платформ все в большей степени соотносится с онлайн-пространством. К. Левин использовал термин «гейткипинг» при исследовании потребления продовольствия в американских семьях в период Второй мировой войны, а в качестве гейткипера определял домохозяйку. Под «вратами» понимался ее дом, а под «привратничеством» – влияние на покупку определенной еды в магазине, а затем попадании на обеденный стол[2]. Позднее К. Левин говорил, что теория гейткипинга по сути применима к распространению новостей влиятельными людьми посредством каналов коммуникации. Впоследствии

---

[1] *Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э.* Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2(56). С. 37.

[2] См.: *Lewin K. et al.* Forces behind food habits and methods of change // Bulletin of the national Research Council. 1943. Vol. 108. №. 1043. P. 35-65.

данная концепция была успешно интегрирована в методологический аппарат политической науки [1].

В условиях глубокой медиатизации, в дополнение к термину «гейткипер» стали употреблять понятие «инфлюенсер», означающее влиятельную персону, лидера мнений, к которому прислушиваются большие аудитории. Инфлюенсер – «популярная фигура в обществе, собирающая вокруг себя значительную и лояльную аудиторию в социальных сетях, а затем и в цифровом пространстве в целом, поскольку информация данной персоны как правило широко обсуждается интернет-пользователями и цитируется в традиционных и новых медиа»[2].

Согласно данным компании РОМИР, которая составила рейтинг отечественных инфлюенсеров за 2024 год, самыми популярными персонами являются конвергентные журналисты, т.е. изначально известные в традиционных медиа персоны, подкрепляющие свое влияние в цифровом мире. ТОП-10 выглядит следующим образом: телеведущий Владимир Соловьев, режиссер и телеведущий Никита Михалков, телеведущий Андрей Малахов, исполнитель Ярослав Дронов (SHAMAN), шоумен Павел Воля, актер Константин Хабенский, телеведущая Ольга Скабеева, актер и театральный деятель Владимир Машков, шоумен Дмитрий Нагиев, журналист Маргарита Симоньян[3]. Компания «Медиалогия» подготовила рейтинг политических Telegram-каналов по количеству просмотров. Так, в ТОП-20 входят: Дмитрий Медведев (1 место), Вячеслав Володин (2), Константин Малофеев (4), Маргатира Симоньян (5), ЗАРУБИН (6), БЕСОГОН (11),

---

[1] См. подр.: *Crombez C., Groseclose T., Krehbiel K.* Gatekeeping // The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. №. 2. P. 322-334; *Barzilai-Nahon K.* Gatekeeping: A critical review // Annual review of information science and technology. 2009. Vol. 43. №. 1. P. 1-79.

[2] *Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э.* Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2(56). С. 38.

[3] Россияне назвали инфлюенсеров, которым доверяют больше всего. URL: https://ria.ru/20240207/doverie-1925907621.html (дата обращения 20.05.2026).

Сталингулаг (12), Анастасия Кашеваров (14), Кровавая барыня (15), СЛУЦКИЙ (16), СОЛОВЬЁВ (18), Kadyrov_95 (19)[1].

Говоря о роли инфлюенсеров в политической медиатизации, А.Н. Чумиков, отмечает, что «первоначально внимание к ним определялось тем, что на фоне разочарования людей в силе и авторитете официальных политических структур появлялась вера в способности отдельных индивидов решать насущные проблемы самостоятельно, минуя институциональный уровень»[2]. В этом смысле мы можем констатировать, что влиятельными субъектами медиатизации выступают публичные фигуры, которые конвертируют свою медийную активность в цифровой капитал, тем самым закрепляя за собой статус лидеров мнений.

Гражданские макрекеры/медиаактивисты/общественные движения. Используют медиа и медиатизированную политическую коммуникацию для повышения осведомленности аудиторий, мобилизации поддержки, повышения плотности политических сообщений и продвижения социально-политических изменений. Они используют все ресурсы – традиционные медиа, цифровые платформы, социальные сети, чтобы укрепить свои позиции, нарастить политический капитал и приобрести статус. Также эксперты определили в этот блок более нишевых субъектов влияния таких как: военные корреспонденты, представители несистемной оппозиции, националисты, национальные диаспоры и т.п.

Таким образом, указанные выше субъекты влияния играют ключевую роль в процессах медиатизации политики в России.

Между тем, в рамках нашего исследования, экспертам был задан вопрос: «*Какие субъекты влияния (институты и акторы) были бы полезны в процессах медиатизации в России?*». По итогам комплексирования и анализа

---

[1] Политические Telegram-каналы: 2025 год. URL: https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/14420/ (дата обращения 12.05.2026).

[2] *Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э.* Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2(56). С. 39.

ответов, мы можем сделать вывод о высоком уровне консенсуса по данному вопросу и важности институтов гражданского общества в процессах медиатизации политики. Достаточно полезными субъектами эксперты называли следующих акторов: ГОНГО (государством организованные негосударственные организации), политические партии, Церковь, бизнес-структуры и НКО. Последний момент важен еще и тем, что такие акторы есть, однако их деятельность разрозненна, а также не соотносима с активностью других негосударственных, коммерческих и государственных организаций в рамках общей стратегии медиатизации политики. Для медиатизации политики важен антропологический подход, который дает дополнительный эффект при решении общественных проблем. Как писал А.С. Панарин, «…давно доказано, что проблема не решается до тех пор, пока она анонимна – не представлена “группой давления”, способной влиять на принимаемые решения. Чем больше в гражданском обществе автономно действующих субъектов, тем больший круг проблем оно способно охватить своим вниманием, тем успешнее развеществляется мир, обретая человеческое лицо»[1]. В цифровом пространстве действует тот же принцип. Гражданское общество может оказать то влияние, то давление, которое необходимо для того, чтобы не допустить применения жестких политических технологий, нарушающих свободу личности не только как индивида, но и как политического существа, участника политических процессов, определяющих как его настоящее и будущее, так и состояние общества в целом[2].

Подытоживая дискуссию о новых субъектах влияния в процессах медиатизации политики, мы предлагаем их классификацию, основанную на направлениях, форматах и инструментарии их влияния в рамках цивилизационно-конструктивистской парадигмы (см. табл. 4.1). В качестве

---

[1] *Панарин А.С.* Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С.184-185.

[2] *Миронова Д.* Политическая философия. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 236-237.

исследовательской рамки за основу возьмем подход, предложенный Д. МакКвейлом[1].

Таблица 4.1. Новые субъекты влияния в процессах медиатизации политики

Влияние	**Формальное**	**Неформальное**	
Внешнее	международные нормы, нормативно-правовые акты, станционные списки, блокировки цифровых ресурсов	глобальные тренды, цифровая дипломатия, общественное мнение, медиареакции, деятельность инфлюенсеров, сетевая мобилизация	*Ключевые риски* – цифровой колониализм[2], когнитивные войны
Внутреннее	госрегулирование, алгоритмическая фильтрация, пользовательские соглашения, финансовый контроль, саморегулирование, деплатформинг	корпоративная культура, цифровая этика и репутация, общее благо, культурный код	*Ключевые риски* – цифровой патернализм, манипуляции, имитация политики

Таким образом, эти лица, институции и посредники вносят свой вклад в сложную динамику медиатизации политики.

[1] См.: *McQuail D.* Media Accountability and Freedom of Publication. New York: Oxford University Press, 2003.

[2] См. подр.: *Назаров М.М.* Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 2. С. 22-36; *Курочкин А.В., Морозова С.С.* Цифровая колониализация как угроза национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 64-72; *Mejias U. Couldry N.* Data grab: the new colonialism of Big Tech and how to fight back Chicago, IL: The University of Chicago Press. 2024; *Kwet M.* Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South // Race & class. 2019. Vol. 60. №. 4. P. 3-26.

4.2 Стратегии и основные направления медиатизации политики в современной России

Клод Леви-Стросс считал, что XXI век будет веком гуманитарных наук, или его не будет вовсе. У нас есть еще три четверти века, чтобы подтвердить или опровергнуть высказывание французского философа и антрополога. Технологический детерминизм, гонка за инновациями оставляет на обочине онтологические аспекты политической медиатизации и самого человека. За фасадом цифрового развития скрывается дегуманизация: человек превращается в дополнение к алгоритмам, а общество, теряя социальные связи, утрачивает политическую волю. В политико-философских концепциях XXI в., объясняющих природу медиатизации и коммуникации, ключевым субъектом моделей информационного обмена в политике является человек не просто живущий в мире знаков, но, в силу своей изначальной семиотической предрасположенности, спаянный со знаковыми системами во всех процессах, связанных с восприятием, формированием структур сознания и познания, которые в той или иной мере присутствуют в любом виде коммуникации[1]. Тем самым учеными отстаивается идея, согласно которой человек, во-первых, создает контент информационного обмена, основываясь на современных знаках и символах общения на цифровых платформах, во-вторых, сам является частью этого контента, без которой передаваемые сообщения теряют первоначальный смысл, заложенный в них медиатизированным посредником. Назрела необходимость в исследовании тех компонентов медиатизации политики, которые ориентированы на масштабные социально-политические изменения, а также составляющих, менее адаптированных к внедрению новейший цифровых решений. Данная проблема тесно связана с феноменом соотношения российских традиционных ценностей, особенностей российской государственности, российского государства-цивилизации с политикой,

[1] См.: Философия коммуникации: проблемы и перспективы / Под ред. д.ф.н., проф. С.В. Клягина, д.ф.н. проф. О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Потитехн. ун-та, 2013. С. 98.

институтами и стратегическими направлениями цифровых технологических трансформаций. В текущих геополитических условиях крайне важно уравновесить две стороны медиатизации политики в России – цивилизационные основания (устойчивость, стабильность), с одной стороны, и технологические изменения (развитие), с другой. Для этого, учитывая пассеистический характер современной российской политической культуры, принципиально важна способность гармонизировать прошлое (исторический опыт, национально-культурные традиции, устойчивые когнитивные установки и т.п.), настоящее (актуальную повестку дня) и будущее (комплекс идей, ценностей, представлений о желаемой и потенциальной возможной картине ближайшего и отдаленного коллективного будущего) конкретного сообщества, являющегося объектом приложения усилий субъектов влияния. *Задача настоящего параграфа состоит в идентификации и концептуальном объяснении сущности основных направлений медиатизации политики в современной России.*

Смысловым ресурсом для поиска оснований цивилизационного самоопределения и политического развития страны в последние годы устойчиво является история. Историческая память, историческая политика, исторические образы и символы формируют картину настоящего и будущего. Солидаризируясь с М.М. Федоровой, отметим, что «история уже не воспринимается как прямая стрела прогресса, она составлена из многих возможностей, получивших свое развитие или потерпевших провал, забытых или актуализированных и востребованных. Она соткана из различных не совпадающих друг с другом ритмов, взаимопереплетающихся темпоральностей, которые делают невозможной единую Историю, устремленную в предустановленное будущее»[1].

Между тем, в первой четверти XXI века Россия как государство-цивилизация, ее история и самосознание, подверглись массированной

[1] *Федорова М.М.* Современность. Несовременность. Анахронизм (перекрестья истории и политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №. 2 (63). С. 117.

критике, что привело к формированию ценностного вакуума. Как отмечают В.А. Гуторов, А.А. Ширинянц и А.Ю. Шутов, в часто упоминаемых политологами, историками и философами книгах о межцивилизационных отношениях проявляется стремление навязать присущий авторам взгляд на мир, характерный для какой-то конкретной цивилизации. Возможность другого отношения к общественно-политическим процессам признается дефективной, невозможной и требующей по меньшей мере порицания[1].

Российская цивилизация, как и другие цивилизации, осознает колоссальные геополитические и культурные риски и угрозы, масштабы которых поражают воображение, а плотность возникающих проблем требует созидательного взаимодействия политических воль, конструирующих политику. В свое время И. Кант писал: «государство – это общество людей, повелевать и распоряжаться которыми не может никто, кроме него самого. Поэтому всякая попытка привить его, имеющего подобно стволу собственные корни, как ветвь, к другому государству, означала бы уничтожение первого как моральной личности»[2]. В этом ключе Россия сегодня, как и в предшествующие исторические эпохи, предлагает стратегические направления общественного развития как для себя, так и для других народов.

Многие современные ученые говорят о необходимости глубокой рефлексии о месте цифровых технологий в развитии цивилизации, их темпоральном характере и роли человека, предостерегая от проекции текущих страхов на будущее. Без выделения ключевых направлений медиатизации политики невозможно осознать тектонические сдвиги, которые надвигаются на самобытную российскую цивилизацию.

В ходе исследования нами были раскрыты ключевые особенности медиатизации политики в России как государстве-цивилизации: *политическое устройство России; социальное устройство; национальное устройство;*

---

[1] См.: *Гуторов В.А., Ширинянц А.А., Шутов А.Ю.* О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 132-133.

[2] *Кант И.* К вечному миру. М.: РИПОЛ Классик, 2018. С. 31.

религиозное своеобразие России; приверженность традициям. Также были идентифицированы и типологизированы ключевые субъекты медиатизации политики в России. Между тем волна цифровизации, а в большей степени, этап глубокой медиатизации проявил уникальные характеристики и новые направления медиатизации политики в современной России. К таковым мы относим следующие.

Демедиатизация политики.

Под демедиатизацией понимают замедление или изменения направления процессов, связанных с медиатизацией и влиянием медиа логики на жизнь всего общества. Первое упоминание термина «демедиатизация» встречается в 2001 г. в статье С. Марриот «В погоне за невыразимым: как телевидение нашло затмение, но потеряло сюжет»[1]. Сам термин «демедиатизация»[2] иногда употребляется вместе с понятием «деполитизация». При этом научное сообщество уделяет изучению демедиатизации существенно меньше внимания, чем исследованию процесса медиатизации, в особенно в его политическом измерении.

Д.П. Гавра и Е.В. Быкова выделяют три базовые традиции в интерпретации этой категории[3].

Первая традиция реализуется на макроуровне и опирается на концепцию демедиатизации немецкого философа корейского происхождения Хан Бён-Чхоля[4]. Ученый с пессимизмом отмечает, что демедиатизация – это процесс,

---

[1] См.: *Marriott S.* In pursuit of the ineffable: how television found the eclipse but lost the plot // Media, Culture & Society. 2001. № 23 (6). P. 725-742; *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Основные подходы к теоретическому осмыслению процесса демедиатизации современных коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 5-15.

[2] См.: *Harrington S.* What if ‘journalism’is the problem?: Entertainment and the ‘De-mediatization’of politics // Entertainment Values: How do we Assess Entertainment and Why does it Matter?. London : Palgrave Macmillan UK, 2017.

[3] См.: *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Политизированный спортивный инцидент: номинационные стратегии вовлечённых медиаакторов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология, 2022. № 4. С. 113-129; *Гавра Д.П., Быкова Е.В*. «Медиатизация и демедиатизация в цифровой среде: кейс консервативного манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Вестник Московского университета Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 60-86.

[4] См.: *Byung-Chul Han.* What Is Power?. Cambridge and Medford, MA: Polity Press, 2019; Byung-Chul Han. In the Swarm: Digital Prospects. Cambridge, MA: MIT Press, 2017; *Byung-*

который фактически исключает профессиональные медиа и журналистику из числа значимых акторов формирования публичной повестки дня. Именно эту происходящую в цифровом обществе утрату массмедиа своей определяющей публичный дискурс роли Хан и его последователи называют демедиатизацией.

Вторая традиция связывает категорию демедиатизации с социальными практиками выхода из тотально медиатизированной цифровой информационной среды и осмысленному неиспользованию медиа в тех или иных аспектах повседневной жизни по тем или иным причинам. С методологической точки зрения это исследования реакций на медиатизацию, направленные на улавливание и признание активной роли субъектов, подвергающихся давлению, которое вызывает глубокая интеграция медиа в современную жизнь. В русле этих исследований особое внимание уделяется описанию различных мотивов демедиатизации, среди которых попытки защититься от чрезмерного вмешательства медиа в частную жизнь, желание стать более продуктивным (в частности, можно привести в пример японский опыт ограничения потребления контента в непрофессиональных целях), стремление продемонстрировать собственную исключительность («все пользуются, а я нет») и другие.

Третья традиция опирается на демедиатизацию локальных политизированных инцидентов (event-демедиатизация), которая определяется как процесс снижения уровня медиатизации некоего события/инфоповода, имеющего высокий медиатизационный потенциал. В таком ракурсе event-демедиатизация может быть спонтанной или носить целенаправленный характер. В результате целенаправленной демедиатизации событие, значимое для значительных аудиторий, общественных групп, способное породить масштабную общественную реакцию, в том числе поведенческую, сознательно уводится на периферию публичного внимания. В арсенал целенаправленной демедиатизации может входить замалчивание,

---

Chul Han. Digitale Rationalität und das Ende des kommunikativen Handelns. Berlin: Matthes & Seitz, 2013.

дискредитация источников, перевод общественного внимания на другие инфоповоды[1].

Для нас важно обозначить направления для концептуализации процесса демедиатизации политики в современной России.

Этап глубокой медиатизации оказывает амбивалентное воздействие на российские социально-политические процессы. С одной стороны, неопосредованная журналистами, прямая коммуникация между властью и гражданами становится доступнее, т.к. и те, и другие являются пользователями цифровых платформ, но, с другой – многие политические акторы воспринимают медиалогику и платформенную логику сугубо инструментально, превращая свои аккаунты в дополнительный медийный ресурс политического воздействия. Это приводит к двоякому результату. Так, «коммуникация в политике становится более централизованной, манипулируемой и управляемой со стороны власти»[2]. Вместе с тем общество начинает вырабатывать механизмы внутреннего сопротивления, направленные на снижение темпов и плотности проникновения политической информации в разные сферы жизни. Концептуализация данных защитных механизмов и составляет основу исследовательского дискурса о демедиатизации политики.

При этом демедиатизация в академическом дискурсе не всегда рассматривается как контр-тенденция возрастающему влиянию медиа на жизнь социума. Как отмечает А. Хепп, глубокая медиатизация не является однородной или линейной; наоборот, это сложный, противоречивый и конфликтный процесс, который включает в себя и попытки людей «справиться» с тотальным проникновением медиа в свою жизнь. Люди, отказываясь от использования тех или иных цифровых медиа, сбегают в

---

[1] См.: Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 249-250.

[2] *Voltmer K., Sorensen L.* Media, power, citizenship: The mediatization of democratic change // Media, Communication and the Struggle for Democratic Change. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 40-41.

«оазисы демедиатизации», чтобы перестать, хотя бы на время, быть на связи со всем миром днем и ночью[1]. Например, А. Янсен предлагает университетскому сообществу обратить внимание на такие понятия, как «дискомфорт медиатизации» и «жертвы медиатизации»[2].

В нашем исследовании ранее было показано, что политические процессы в разной степени сплавляются с логикой медиа. Отметим, что наиболее чувствительной сферой к демедиатизации политики является избирательный процесс с его зависимостью от широкой общественной поддержки[3]. Д. Фирмстоун и С. Коулман считают, что органам власти необходимо подумать о том, как демедиатизировать свои коммуникации или, другими словами, как общаться с гражданами без посредников[4]. Однако, как указывают А.Н. Гуреева и П.А. Киреева, подобное осмысление демедиатизации не учитывает, что попытки прямой коммуникации ведомств и граждан в обход СМИ приводят государственные ведомства к необходимости вести коммуникацию с гражданами на собственных онлайн-ресурсах, в том числе в официальных аккаунтах в социальных сетях. Такая форма коммуникации, безусловно, «исключает посредников из цепочки обмена информацией, однако сама выстраиваемая “прямая” коммуникация оказывается под влиянием медиалогики той цифровой платформы, на которой разворачивается»[5]. Таким образом, демедиатизация политики актуализирует научные дискуссии о плотности и разреженности политической медиатизации. В этом смысле мы можем говорить, что становимся свидетелями начала этапа демедиатизации

---

[1] См.: *Hepp A.* Transforming communications: Media-related changes in times of deep mediatization // Communicative Figurations Working Paper Series. 2017.

[2] *Jansson A.* Mediatization and Mobile Lives: A Critical Approach. London: Routledge, 2018. P. 26.

[3] См.: *Strömbäck J., Esser F.* The Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

[4] См.: *Firmstone J., Coleman S.* Public engagement in local government: the voice and influence of citizens in online communicative spaces // Information, Communication & Society. 2015. № 18(8). P. 680-695.

[5] *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Основные подходы к теоретическому осмыслению процесса демедиатизации современных коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 8.

политики. Важной символической чертой демедиатизации политики выступает интенция заинтересованных субъектов сознательно снижать планку общественной дискуссии. Вместо обсуждения значимых политических вопросов аудитории навязывается обывательская повестка, что провоцирует поверхностное отношение общества к системным проблемам.

Яркими маркерами демедиатизации политики со стороны власти могут служить, «во-первых, избирательность в медийном сопровождении тех или иных инициатив, во-вторых, отказ от обратной связи на собственных ресурсах – в целом по тем или иным вопросам – в условиях, когда граждане готовы к диалогу и ждут от власти коммуникации с сильной обратной связью по общественно-политическим вопросам»[1]. К примеру, некоторые государственные служащие закрыли возможность комментирования или проставления реакций к своим постам в социальных сетях (Telegram-канал Д.А. Медведева), аналогичной позиции придерживаются некоторые государственные информационные агентства (ТАСС). Примечательно, что необходимость создания официальных страниц органов власти в социальных сетях и публикация на них контента закреплена в России на законодательном уровне[2].

Общая усталость от политической повестки в медиа может быть рассмотрена через призму стремления граждан к осознанному сокращению времени пребывания в интернете. В этой связи возросла популярность таких практик как «цифровой детокс», «цифровая гигиена», «цифровой Шаббат» и др. Современные российские интернет-пользователи демонстрируют способность избирательного потребления политического контента:

[1] Там же. С. 11.

[2] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления” и статью 10 Федерального закона “Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”» вступил в силу 1 декабря 2022 г.

молодежная аудитория в рамках демедиатизации политики пытается дозировать влияние медиалогики и цифровых платформ на свою жизнь[1].

В рамках цивилизационно-конструктивистского подхода демедиатизацию политики можно рассматривать как феномен сознательной девальвации и тривиализации политически значимой информации или размывания ценностных оснований политики. Это реализуется посредством нескольких базовых механизмов деполитизации, которые широко известны в политической науке[2]. Приведем два показательных примера. Первый: практика обнародования резонансных нормативно-правовых актов накануне государственных праздников или объявление значимых политических решений в период массовых отпусков россиян. И, второй: российские нейросети YaGPT и GigaChat неохотно обсуждают острые политические темы или особо важные исторические события. В частности, на вопросы, связанные со Второй мировой войной, Холокостом, победой над Гитлером, граждане

---

[1] См.: *Казаков А.А.* Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2025. 11 (1). С. 94-108; *Вилков А.А.* Государственная молодёжная политика глазами «цифрового» поколения в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 52-73; *Вилков А.А.* Государственная молодежная политика и ценность социальной справедливости в восприятии подрастающего поколения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26. Вып. 1. С. 58-67; «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. М.: Издательство «Весь мир», 2024; *Зорин В.А., Селезнева А.В., Шестопал Е.Б.* Образ будущего России как исследовательский концепт и политический проект: возможности изучения и конструирования // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 7-23.

[2] См. подр.: *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 1999; *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005; *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000; *Филиппова Л.Е.* "Политизация" vs" деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука. 2018. №. 2. С. 95-115; *Телин К.О.* Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 55-74; *Демчук А.Л.* Экологические конфликты в современной политике: теоретические основы и национальные модели. Издательство Московского университета Москва, 2020; *Beveridge R.* The (ontological) politics in depoliticisation debates: Three lenses on the decline of the political // Political studies review. Oxford; Malden, Mass., 2017. Vol. 15 (4). P. 589-600; *Wood M.* Politicisation, depoliticisation and anti-politics: Towards a multilevel research agenda // Political studies review. Oxford; Malden, Mass., 2016. Vol. 14 (4). P. 521-533.

могут получить такие ответы от российского ИИ: «*Надеюсь, вас не расстроит, если я скажу, что пока не готов обсуждать эту тему в силу того, что боюсь сказать что-то обидное*», «*Понимаю, что ответ на этот вопрос вам бы очень пригодился, но такие темы я не обсуждаю, чтобы никому не было обидно и неприятно. Спросите что-нибудь другое*», «*ИИ может многое, но не все. Например, говорить на эту тему я совсем не готов*»[1].

В этом смысле демедиатизацию политики, как и медиатизацию политики, нельзя сводить к материально-техническим и инфраструктурным факторам. Она порождает медиасреду и формирует политическую медиакультуру общества.

Однако «если раньше в академическом дискурсе однозначно постулировалась необратимость и тотальность процесса проникновения медиа в мир политики, то сегодня внимание исследователей начинает привлекать процесс, который ставит под сомнение тезис об абсолютном влиянии медиа на политическую сферу жизни российского общества»[2]. Данная гипотеза находит свое подтверждение в тенденции возрастающей роли медиаинтеллигенции в структурировании современных общественно-политических отношений.

Медиаинтеллигенция.

Вообще статус интеллигенции[3] с давних пор является предметом живого интереса и активного обсуждения в российском обществе. Как отмечает Е.И. Кукушкина, «исследователи с самого начала сходились во мнении, что наиболее тесно интеллигенция связана с политиками и политологами. Объясняется это тем, что в конечном счете все действия человека неизбежно связаны с политической жизнью в ее самом широком понимании»[4]. С одной

---

[1] Кто победил Гитлера? Вопрос не для искусственного интеллекта. URL: https://ria.ru/20240205/neyroset-1925392894.html (дата обращения 09.05.2026).

[2] *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Основные подходы к теоретическому осмыслению процесса демедиатизации современных коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 12.

[3] Понятие «интеллигенция» – используется в России, у европейцев – интеллектуалы.

[4] *Кукушкина Е.И.* Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 5.

стороны, в общественном сознании интеллигенция существует как хорошо всем знакомое и понятное явление, которое не нуждается в определении, но, с другой как любое живое явление она не есть нечто постоянное и неизменное: меняется вместе с обществом, частью которого является и которому призвана служить. Более того, при любых переменах неизменным остаются те свойства интеллигенции, которые выражают ее сущность: скромность, самопожертвование, сострадание, ответственность, чувство сопричастности к истории, готовность отвечать за все происходящее в обществе и др.[1]

В фундаментальной работе «Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли)» А.А. Ширинянц утверждает, что «интеллигент – это интеллектуал, озабоченный не только проблемой личного существования, но и проблемой «человеческого существования» (термин Э. Фромма), и под этим углом зрения профессионально (добросовестно и ответственно) выполняющий функции воспитания («трансляции» опыта), критики и «болеющий» профетизмом (т.е. жаждой пророчества), умеющий обозначить место своего общества в системе координат (прошлое – настоящее – будущее); это «хранитель» и «новатор», имеющий совесть и желающий работать»[2]. В рамках такого понимания интеллигенции (=интеллектуал) мы предлагаем рассматривать этот вопрос дальше.

Ученые выделяет шесть вариантов трактовки исторического генезиса русской интеллигенции[3].

Первая традиция. Историю русской интеллигенции связывает с возникновения разночинства в 40-е годы XIX века в лице наиболее ярких его представителей и идейных вождей – В.Г. Белинского и А.И. Герцена.

---

[1] Там же. С. 6-7.

[2] *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 115.

[3] См.: *Кондаков И.В.* К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция: история и судьба. М., 1999. С. 81-85; *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 89-92.

Следующее поколение разночинной интеллигенции (Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и другие «шестидесятники») продолжило и радикализировало взгляды людей, представлявших не то или иное сословие или класс, но «чистую мысль», дух (нации или народа), воплощенное искание истины, справедливости, разумной действительности.

Вторая традиция истолкования генезиса русской интеллигенции связывает его с истоками русского вольномыслия («вольтерьянства», масонства, религиозной и политической оппозиционности); в этом случае родоначальниками русской интеллигенции оказываются А.Н. Радищев, Н.И. Новиков (к этой точке зрения по-разному склонялись В.И. Ленин и Н.А. Бердяев).

Третья традиция (Д.С. Мережковский, М.О. Гершензон) возводила истоки русской интеллигенции ко временам петровских реформ и к самому Петру I, признаваемому первым русским интеллигентом. Сюда же относится традиция объяснять успехи просвещения в России державной волей просвещенного монарха (Петр I, Елизавета, Екатерина II, Александр I, Александр II и т.д.). Эта традиция была плодотворна тем, что обозначала драматическую коллизию, сопровождавшую в дальнейшем всю историю русской интеллигенции – сложные взаимоотношения интеллигенции с властью и государством.

Четвертая традиция связана с поисками древнерусских ее корней. Поэтому здесь, первые «интеллигенты» на Руси – носители культуры в ее религиозном воплощении: православные священники, монахи и книжники киевского и московского периодов древнерусской культуры. Мысль о происхождении русской интеллигенции из духовенства высказывал в «Вехах» и П.Б. Струве. С этой точки зрения большевизм был порождением и составной частью русской интеллигенции начала XX в., впитав в себя черты атеистической религии, политической утопии и нравственного ригоризма русской интеллигенции. Сама революция и радикальные в моральном и

политическом отношении умонастроения – порождения все той же, классической русской интеллигенции.

Пятая традиция трактовки интеллигенции в отечественной культуре связана с русским марксизмом, впитавшим в большевистском варианте идеологию заговора и корпоративной консолидированности избранных.

Шестая традиция (О.В. Гаман-Голутвина) связана с рассмотрением разночинной интеллигенции конца XVIII – начала XIX в. как прообраза будущей контрэлиты. В данном случае интеллигенция выступает в качестве социального субъекта, который, в отличие от патронируемых государством буржуазии и дворянства, находится «по ту сторону» экономического интереса и действует не как конкурент, а как смертельный враг власти[1].

Соглашаясь с А.А. Ширинянцем, отметим, что «родоначальником русской интеллигенции стал не Петр I или неизвестный книжник московской Руси, и даже не Новиков, а все же – А.Н. Радищев»[2]. Подобный вывод важен для нашего исследования, поскольку позволяет рассматривать «первого русского интеллигента» (определение Н.А. Бердяева) как субъекта политической медиатизации, который в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» представил попытку конструирования альтернативной социально-политической реальности в публичном поле, показав Россию не с точки зрения официального дискурса, а с точки зрения страдания крепостных, запустив тем самым процесс формирования общественного мнения. Мы можем сказать, что Радищев действовал в логике «общего блага», т.к. его целью не было завоевание власти, а ценностное изменение культурного кода общества, пробуждение совести и гражданской ответственности элит и интеллектуалов.

Радищев показал основное предназначение интеллигенции (или интеллектуалов) – выработка относительно целостной картины общественного сознания. Наиболее важными здесь представляются

---

[1] См.: *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 89-92.
[2] Там же. С. 92.

интерпретации «образованности», «сопереживания», «скептицизма» и «неангажированности» интеллигенции, важнейшей сущностной чертой которой становится невхождение во власть, или, лучше сказать, дистанцирование от власти, оценка действий власти под критическим углом зрения[1].

В современных реалиях для России как государства-цивилизации вопрос о природе интеллигенции и ее роли в социально-политических процессах становится одним из ключевых. В период глубокой медиатизации историческая миссия интеллигенции как средоточия духовности, идей и идеалов существенно возрастает, она превращается в стратегический субъект влияния, способный удерживать ценностный баланс государства-цивилизации, поскольку, на фоне ускоряющихся темпов медиатизации и цифровизации, вопросы ценностных ориентиров выходят на первый план. Но именно в этой сфере отмечается наибольшее количество проблем.

В этом смысле, историческая миссия представлять и защищать русские мАксимы, к которым С.В. Перевезенцев относит: *жизнь, веру, правду свободу, семью, Отечество* и *тишину*, под силу только интеллигенции. Указанные русские мАксимы (орфография С.В. Перевезенцева сохранена) передают смысловое содержание базисных традиционных ценностей, они на протяжении всей истории российской цивилизации не только присутствовали в общественном сознании, но и формировали его специфику, ту самобытную «русскую душу», которую пытаются столько веков разгадать и наши друзья, и недруги[2]. Так, А.В. Абрамов предлагает особо подчеркивать, что система «духовных регуляторов как фундамент политической стабильности общества, призвана обеспечивать нормальные, упорядоченные взаимодействия

[1] Там же. С. 115-116.

[2] *Перевезенцев С.В.* «Русские мАксимы». URL: https://polit.msu.ru/2026/04/29/russian-maxims-perevezentsev/ (дата обращения 20.05.2026).

личностей, предотвращать и исправлять социальные отклонения (девиации), которые способны дезорганизовать общественную и политическую жизнь»[1].

В 1990-е годы многие исследователи осознавали новые возможности, раскрывшиеся перед интеллигенцией. Стали появляться работы, посвященные специфическим формам медиакратических претензий. Это нашло отражение в научных дискуссиях на страницах авторитетных журналов[2]. По мнению венгерских политологов Г. Конрада и Й. Селеньи, в условиях посткоммунизма интеллигенция осуществляет свою собственную власть в качестве политократии или медиакратии. Интеллигенция, открывшая для себя сферу демократической политики, доминирует в этой сфере путем монополизации дискурса, который устанавливает повестку дня для текущей и в особенности для будущей политики[3].

Причины аберраций, которые постоянно трансформируют вполне реалистичную конструкцию – интеллигенция во власти или «при власти» (М. Вебер), подменяя ее утопическим мифом – интеллигенция как «правящий класс», равно как и сама концепция «медиакратии» вполне вписываются в концептуальную парадигму идеологического стиля поведения интеллектуалов, характеристику которой еще в 1980 г. дал М. Фуко[4]. «Не есть ли борьба, которую пытаются вести против врага, – на самом деле способ придать значение мелким незначительным спорам? – спрашивал он – Разве не

---

[1] *Абрамов А.В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 146.

[2] См.: *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002; *Keane J.* The media and democracy. Cambridge. Polity Press, 1991; *Konrad Gy. & Szelényi I.* Intellectuals and domination in post-communist societies// Social theory for changing society / ed. P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, 1991. P. 337-361; *Karabel J.* Towards a theory of intellectuals and politics // Theory and Society. 1996. P. 205-233; *Sakwa R.* Liberalism and post-communism // The Edinburgh companion to contemporary liberalism / General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2001. P. 269-286; *Van Dijk T.A.* Society and discourse. How social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

[3] См.: *Konrad Gy. & Szelényi I.* Intellectuals and domination in post-communist societies// Social theory for changing society / ed. P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, 1991. P. 337-361.

[4] Фуко сам себя называл «специфическим интеллектуалом»

рассчитывают интеллектуалы с помощью идеологической борьбы придать себе больший политический вес, нежели тот, каким они в реальности обладают?»[1].

Ж.-М. Мюллер отмечал, что интеллектуалы представляют собой совокупность мыслящих людей, чей моральный престиж позволяет им бичевать политический реализм государства. Они не имеют ни малейшего призвания к участию во временном исполнении властных полномочий. Но их духовное призвание заставляет их, водрузившись на публичный пьедестал, беспрестанно напоминать государству о требованиях человеческой совести, без которых цивилизация исчезает, и политическая жизнь распадается[2]. Однако в постинформационном обществе некоторые интеллектуалы поддаются политической поляризации, дистанцируясь от своей ключевой миссии. Образовавшийся дефицит качественного медиапосредничества оперативно заполняется альтернативными субъектами коммуникации, что в свою очередь, увеличивает когнитивную нагрузку на медиаинтеллигентов (=медиаинтеллектуалов), сохраняющих верность традиционным стандартам. В этом смысле, эволюция политического интернета видоизменила деятельность интеллигенции.

Развитие медиатизации способствовало разрушению монополии профессионального журналистского сообщества на доступ к коммуникационным каналам и трансляции сообщений для массовой аудитории. Доступность цифровых ресурсов позволяет мотивированным медиаинтеллигентам самостоятельно создавать контент, пользующийся популярностью у массовой аудитории.

---

[1] См. подр.: *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005; *Гуторов В.А.* Интеллектуалы как “новая медиакратия”: исторические и теоретические аспекты интерпретации // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 33.

[2] См. подр.: Там же. С. 35.

В гуманитарных науках данную групповую позицию называют по-разному: «публичные интеллектуалы» (Ю. Хабермас), «медиатические интеллектуалы» (Л. Пэнто); «новые культурные посредники» (Л. Бовоне, М. Флитстоун); «медийные лидеры мнений» (Л. Б. Зубанова); «ангажированные интеллектуалы» (Ж. Може), «fast-thinkers» (П. Бурдье); «новый клир» (Х. Шельски) и др. Специфика нынешней медиаинтеллигенции состоит в том, что они способны, с одной стороны, создавать интеллектуально-смысловую составляющую медиапродукта без обращения к «традиционным творцам» [1], а с другой – производить символический продукт и транслировать его напрямую аудитории, минуя классических «правратников». Иными словами, медиаинтеллектуалы обретают автономию в формировании публичного дискурса.

Мы можем отождествлять медиаинтеллигенцию как особую групповую позицию в медиатизированном мире политики.

Если в прошлые эпохи интеллигенция выступала классическим посредником и интерпретатором смыслов для масс, аккумулируя и адаптируя масштабные массивы информации, то современная медиатизированная среда видоизменяет эту роль. Используя ресурсы цифровых платформ для прямой коммуникации с пользователями, медиаинтеллектуалы формируют феномен *коммуникационного постпосредничества*. В его рамках традиционные процессы агрегирования и трансляции информации переносятся на цифровые платформы, где конструирование сетевого дискурса происходит в формате активного сотворчества с аудиторией. Такими медиаинтеллектуалами в российском цифровом пространстве, например, являются: проф. А.А. Аузан, проф. С.В. Перевезенцев, проф. И.И. Кузнецов, проф. В.А. Дубынин, проф. Б.А. Прокудин, доц. В.Г. Сурдин, доц. А.Ю. Коняев, доц. С.В. Дробышевский и другие. Их просветительская деятельность наглядно подтверждает тезис о том, что современные лидеры мнений способны автономно генерировать

[1] *Шелонаев С.И.* Бренд территорий: дискурсивные поля как маркетинговый ресурс // Век информации. 2015. № 3. С. 288-290.

качественный публичный дискурс и напрямую влиять на ценностные ориентиры пользователей.

Современных медиаинтеллектуалов объединяет не реальная групповая сплоченность (мы не можем говорить про групповую идентичность), а сходство общественных позиций и желание влиять на выработку мировоззрения граждан. В логике Ю. Хабермаса можно сказать, что медиаинтеллектуалы «не притязая на элитарный статус, они не могут ссылаться ни на какую другую легитимацию, кроме роли гражданина демократического государства»[1]. Специфика коммуникационного постпосредничества вынуждает медиаинтеллектуалов модифицировать традиционные публичные практики, свойственные конвергентным журналистам и инфлюенсерам.

Вместе с тем, как отмечает К.Ю. Аласания, «агамбеновская мысль о “политизации жизни” реализуется через идею о повседневном непринужденном погружении современного человека в цифровое пространство»[2]. Как правило, данное погружение сопровождается искажением/изменением информации в процессе медиатизации политики в связи с намерениями конкретных субъектов влияния. Суть состоит в том, что участники политического процесса получают «вторичную (переработанную) информацию, которая несет в себе последствия объективного и субъективного искажения»[3].

Политические вирусные ролики, зачастую, транслируют ангажированный и политизированный контент, создавая общую усталость от политики, способствуя абсентеизму и политической апатии. Так, ученые из Наньянского технологического университета (Сингапур) изучили, как

---

[1] *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. / Пер. с. нем. Б.М. Скуратова. М.: Весь мир, 2012. С. 65.

[2] *Аласания К.Ю.* Биополитика как направление западной политической науки второй половины XX – первой четверти XXI вв.: дис ... доктора политических наук: Москва, 2023. С. 170-171.

[3] *Пую А.С.* Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 55.

личностные особенности и когнитивные способности влияют на участие людей в политических обсуждениях в интернете. Анализ данных из США и семи азиатских стран (Китай, Филиппины, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Вьетнам) показал: люди с выраженными чертами психопатии и сильным страхом упустить что-то важное (FoMO) значительно чаще участвуют в онлайн-политической активности – комментируют новости, распространяют политический контент и ведут дискуссии в социальных сетях. Также выяснилось, что повышенная политическая онлайн-активность в целом не характерна для людей с высокими баллами в тесте на умственные способности[1].

Как было обозначено ранее, мы делаем упор на субъективные параметры. Во-первых, субъекты влияния могут с помощью медиа добавить себе вес в политическом поле, т.к. медиатизация политики способна усиливать значение отдельных событий и явлений или, наоборот, не обращать на них внимания, отфильтровывая их. Во-вторых, существует потребность и возможность субъектов влияния, стремящихся заменить реальное политическое действие его имитацией в цифровом пространстве, подменять смысл информации его упрощенным, нейтральным или развлекательным представлением, создавая медийный конструкт политической реальности[2]. Данные аспекты актуализируют роль медиаинтеллигенции в контексте медиатизации политики в России как государстве-цивилизации.

Несмотря на колоссальные объемы передач в СМИ на политические темы, медиаинтеллектуалы создают качественно иной контент, который пользуется доверием у пользователей. Так, события последних десятилетий ознаменовались показательным падением доверия россиян к СМИ: в 2017 году

---

[1] См.: *Ahmed S., Masood M.* Dark personalities in the digital arena: how psychopathy and narcissism shape online political participation // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. №. 1. P. 1-11; В спорах о политике в Сети наиболее активны оказались люди с чертами психопатов и недостатком ума. URL: https://naked-science.ru/article/psy/politika-psihopat-net-uma (дата обращения 20.05.2026).

[2] См.: *Пую А.С.* Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 56.

эта цифра составляла 35%, тогда как в 2022 году едва дотянула до 29%[1]. В 2025 году наблюдается аналогичная картина: доверие к российским СМИ у аудитории также снижается, это происходит на фоне роста дезинформации, дипфейков, кликбейта и предвзятого контента. Изменить тенденцию только за счет ограничений и технологий не получится. В частности, ограничения интернета в 2026 году обеспокоили россиян в два раза больше, чем тревожила тема заражения коронавирусом в 2020 году[2]. Это интересный разворот: россияне высказывают больше недовольства «закрытием» цифрового пространства, чем были обеспокоены ограничительными мерами эпохи пандемии. В этом смысле, отталкиваясь от методологической логики фукодианского подхода, Б.-Ч. Хан замечает, что в современных реалиях биополитика вытесняется психополитикой. Если дисциплинарный режим, проводя биополитику, опирался на демографическую информацию и интересовался телом, то «информационный режим»[3] (термин Б.-Ч. Хана – И.Б.) опирается на информацию психографическую и интересуется психикой. В противоположность дисциплинарному режиму, эксплуатации подвергаются не тела и энергия, но информация и данные. Решающим для увеличения власти оказывается «не владение средствами производства, но доступ к информации, позволяющей осуществлять психополитический надзор, управлять поведением и прогнозировать его. Таким образом, господство достигает завершения в тот момент, когда свобода и надзор становятся одним целым»[4].

---

[1] См. подр.: *Бронников И.А.* Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64-78.

[2] КРОС: ограничения в интернете вызвали тревожность. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/05/14/1197182-kros-ogranicheniya-internete (дата обращения 20.05.2026).

[3] Информационным режимом Б.-Я. Хан называет такую форму господства, при которой информация и ее переработка посредством алгоритмов и ИИ существенно определяют социальные, экономические и политические процессы.

[4] *Хан Б.-Ч.* Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: АСТ, 2025.

Вместе с тем аналитики фиксируют две усиливающиеся тенденции: хаотизации медиапотребления (54%) и кризис доверия и качества (51%)[1]. В этом смысле *доверие* в цифровом пространстве – значимый ресурс медиаинтеллигенции. По мнению Дж. Харлея, доверие в цифровом мире включают в себя: удобство, опыт пользователя, репутацию, прозрачность и целостность[2]. Все это тесно связано с вопросами легитимности и надежности в глазах граждан[3]. По сути, в рамках нашей исследовательской оптики, доверие – это уверенность пользователей в способности цифровых субъектов влияния создавать неангажированный, морально-этический, политически значимый контент в цифровом пространстве.

В настоящий момент ок. 3.7 млн новых видео загружается на YouTube каждый день, каждую минуту цифровая платформа пополняется 500 ч. новых видеороликов. В условиях экспоненциального роста объемов сетевых данных контент медиаинтеллектуалов количественно занимает маргинальное положение (цифровая примесь), однако обладает высокой ценностно-смысловой плотностью. В отличие от вирусного контента на политические темы, данные материалы воспринимаются аудиторией как верифицируемый источник информации, формирующий фундамент доверия. Контент медиаинтеллектуалов, будучи количественно малым, может выступать как катализатором консолидации общества, так и ингибитором деструктивных информационных трендов, радикально меняя направленность публичного дискурса. В процессах медиатизации политики незначительные на первый взгляд элементы и локальные инфоповоды способны переформатировать макрооптику восприятия политической реальности. Деятельность

---

[1] Эксперты определили ключевые медиатренды годы. URL: https://companies.rbc.ru/news/fPNE1FLKEA/ekspertyi-opredelili-klyuchevyie-mediatrendyi-goda/ (дата обращения 20.05.2026).

[2] См.: *Нурмухаметов Р.К., Торин С.С.* Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32-38.

[3] См.: *Санина А.Г., Семенова А.М., Стырин Е.М., Атаева А.Г.* Цифровое доверие как основа датацентричного управления: результаты опросного эксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 168-194.

медиаинтеллигенции характеризуется приоритетностью коммуникативной и ценностно-мировоззренческих функций. Медиаинтеллигенция в процессах политической медиатизации маркирует искусственное стимулирование политической медианапряженности в целях переориентации политики в конструктивное русло.

Наконец, следует сказать, что будущее медиаинтеллигенции, в содержательном плане, определяется борьбой интересов в сфере контроля коммуникации и суверенитета знаний.

Социальная архитектура[1]. Как было показано в I главе, социальная архитектура представляет собой многогранный феномен актуальной практики социально-политических преобразований.

Социальная архитектура включает в себя методологию прогнозирования и моделирования «социального ландшафта»; набор инструментов по разработке и внедрению инициатив, отвечающих стратегическим целям просоциального развития; методы оценки политических эффектов, направленных на корректировку проектов посредством обратной связи. Социальная архитектура также может быть рассмотрена как междисциплинарная категория социально-гуманитарного знания, которая выступает не просто метафорой, а инфраструктурным элементом проектирования нормативного порядка, в котором сочетаются материальные формы, поведенческие сценарии и культурные коды. В этом аспекте социальная архитектура рассматривается в данном измерении как ключевой прикладной инструмент создания благоприятной общественной среды, а также формальных и неформальных институтов.

В другом измерении социальная архитектура может быть рассмотрена и как комплексная и системная методология стратегического уровня. Ее сущность заключается в проектировании, формировании и управлении системой устойчивых гармоничных отношений, механизмов и практик

[1] На основании отчета НИР «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», 2025 г. Рег. № НИОКТР 125090510109-9.

взаимодействия между ключевыми субъектами политики. В рамках структурно-системного измерения под социальной архитектурой понимается целостная система устойчиво взаимосвязанных между собой элементов (институтов, сообществ, социальных групп, норм, отношений, механизмов и практик), определяющих и формирующих общественные отношения. С позиций процессуально-проектного измерения социальная архитектура представляется как деятельность по целенаправленному проектированию, конструированию, формированию и совершенствованию социальной реальности, включающая в себя процедуры и сценарии социальных изменений[1].

Наряду с этим ценностно-целевое измерение предполагает рассмотрение социальной архитектуры через призму целей, ценностей и желаемых качеств общества. В этом контексте ее можно представить как систему, обеспечивающую качественные общественно-политические трансформации общества в соответствии с его социокультурными основаниями и мАксимами (в логике С.В. Перевезенцева). В таком случае социальная архитектура может быть представлена как интегрированная система институциональных, ценностных и технологических элементов, выстроенная таким образом, чтобы обеспечить гармоничное взаимодействие между ее составляющими. Она выступает «каркасом» общества, где цифровые технологии служат инфраструктурным слоем, а прочная ценностная «якорность» гарантирует просоциальный эффект преобразований.

Таким образом, социальная архитектура связана с такими характеристиками, как улучшение качества жизни, устойчивость, социальная справедливость, гуманизм, человекоцентричность, просоциальность, жизнестойкость общества, разрешение противоречий, комфортное существование, гармония, общее благо.

Исходя из подобных представлений о феномене социальной архитектуры, мы можем говорить о динамической системе коэволюции трех измерений:

---

[1] Там же.

- ✓ *социум* (адаптивные институты и практики);
- ✓ *аксиосфера* (традиционные ценностные константы);
- ✓ *техносфера* (цифровые платформы, «метавселенные»).

При этом технологии становятся «инфраструктурным слоем» общественных отношений, однако их просоциальный эффект реализуется лишь при условии прочной ценностной «якорности» в социальной ткани[1].

Проведенный опрос среди экспертов показал, что методология социальной архитектуры может применяться как инструмент целенаправленного выстраивания устойчивой коммуникационной среды между государством, обществом и цифровыми платформами. Подобная стратегия выходит за рамки простого информационного обмена; она направлена на конструирование доверия и повышение легитимности власти. Для российской политической системы этот подход открывает возможности синхронизации государственных стратегий с социальными ожиданиями, позволяя минимизировать диссонанс между официальным дискурсом и реальными настроениями в обществе. Вместе с тем эксперты сформулировали ключевое различие между социальной архитектурой и политическими технологиями: «*если медиатизация политики служит достижению общего блага, мы имеем дело с социальной архитектурой; если же она сужена до реализации конкретных политических задач или избирательных стратегий – это сфера политических технологий».*

Поэтому социальная архитектура может быть представлена как особая категория, сущность которой заключается в проектировании, формировании, управлении системой устойчивых комплексных взаимодействий между ключевыми субъектами социополитического пространства – государством, обществом и человеком, в том числе в цифровом его измерении. В этом смысле, фигура социального архитектора приобретает политическое значение.

По сути дела, роль социального архитектора заключается в синхронизации отраслевых политик, что обеспечивает системную и

[1] Там же.

эффективную реализацию национальных стратегий развития. Социальный архитектор обеспечивает коммуникации разных подсистем для более слаженной совместной работы. Медиатизация политики превращает цифровое пространство в главную площадку для работы социального архитектора, в рамках которого он конструирует общие смыслы, обеспечивая слаженную реализацию государственных решений через публичное общественное одобрение, где слаженность работы достигается за счет создания единого инфополитического контекста.

Таким образом, указанные уникальные направления медиатизации политики в России не только детерминируют системную модернизацию цифрового пространства, модификацию его субъектов влияния, перепозиционирование институтов и медиапрактик, но и формируют социокультурные основания, ценностные мАксимы и мировоззрение. Это трансформирует политику и требует от политических акторов адаптации к новым условиям, сопровождающихся как большим количеством возможностей, так и специфическим набором вызовов и угроз. Поэтому, российское политическое медиапространство становится ареной глобальных ценностно-мировоззренческих противостояний. В этом смысле успешность медиатизация политики зависит от учета объективных и субъективных факторов, которые соответствует социокультурным основаниям России как государства-цивилизации.

Социокультурные изменения в результате медиатизации политики в России как государстве-цивилизации носят двойственный характер:

- *конструктивные:*

- тотальное проникновение интернета,
- широкая доступность информации для всех граждан,
- российские цифровые экосистемы и «метавселенная» России,
- цифровой суверенитет,
- коммуникационное постпосредничество и деятельность медиаинтеллигенции,

- консолидация общества,
- трансляция ценностей в цифровое пространство,
- разработка суверенных цифровых платформ и ИИ.

- *деструктивные:*

- инфраструктурная зависимость от зарубежных стран,
- проблемы кибербезопаности и конфиденциальности личной жизни,
- условная свобода медиа и цифровых платформ,
- навязывание контента и латентное манипулирование повесткой с использованием ИИ и платформенной логики,
- информационное капсулирование и поляризация общества из-за эффекта «эхо-камер»,
- информационная послушность (docilité), означающая также понятливость и покорность, при которой человек мнит себя свободным, аутентичным и креативным.

Указанные конструктивные и деструктивные социокультурные факторы медиатизации политики формируются параллельно друг с другом, являясь взаимообусловливающими.

Стоит отметить, что в ходе проведенного исследования большинством экспертов было заявлено о необходимости учета цивилизационного вектора развития государства в контексте медиатизации политики и развития цифровых технологий. В связи с этим экспертам был задан вопрос: «*Какие ценности России как государства-цивилизации, на Ваш взгляд, наиболее уязвимы в контексте развития цифровых технологий и искусственного интеллекта?*». По итогам комплексирования и анализа ответов, мы можем сделать вывод о высоком уровне консенсуса по данному вопросу. Так, большинство экспертов уверены, что уязвимы практически все ценности, зафиксированные в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022

года № 809[1]. При этом, по мнению экспертов, наиболее уязвимы те ценности, которые непосредственно формируют гражданскую идентичность (достоинство, историческая память, приоритет духовного над материальным, традиционная семья и др.). Также эксперты указали, что особое значение приобретает активность и релевантность способов лоббирования данных ценностей в цифровом пространстве со стороны государства. Сюда также следует отнести развитие, продвижение и обучение ИИ. Однако русскоязычного контента в цифровом пространстве в сравнении с англоязычным контентом западных государств, контентом других культур, цивилизаций не так много. Эту проблему целесообразно перевести в категорию политически значимых, поскольку она связана с вопросами продвижения русской культуры, русского языка, отечественных цифровых решений, и, безусловно, ценностей российского государства-цивилизации.

Дополнительно стоит отметить, что в контексте развития цифровых технологий и ИИ определенной уязвимости подвержены ценности, связанные с доверием, подлинностью и устойчивостью коллективного сознания. Как было показано, ИИ принципиально меняет саму природу информации: он не только передает ее, но и производит. В результате размывается граница между реальным и искусственным, между авторским высказыванием и алгоритмической генерацией. Это создает риск подрыва доверия к слову как таковому – как в общественной, так и в политической сфере. Для России, как государства-цивилизации, особую значимость имеют такие элементы, как историческая преемственность, коллективная идентичность, культурный код и представление о правде как основе общественного взаимодействия. Эти м другие основания становятся уязвимыми в условиях, когда невозможно

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 04.03.2026 № 136). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 20.05.2026).

однозначно определить, кто является источником информации – человек, алгоритм или внешний актор. Дополнительный риск связан с возможностью целенаправленного воздействия на общественное сознание через технологии ИИ, включая создание фейков, имитацию позиций и подмену смыслов. В таком контексте под угрозой оказывается не только информационная безопасность, но и способность общества различать достоверное и искусственно сконструированное. Поэтому, уязвимостью становится не столько сама цифровая среда, сколько трансформация доверия как базовой ценности: если невозможно понять, говорит ли человек, алгоритм или третья сторона, подрывается фундамент любой политической или социальной коммуникации.

В этой связи, Е.Н. Мощелков и К.Ю. Аласания, в своей работе «Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны» отмечают, что сегодня «назрела необходимость заявить о цивилизационной мощи России, которая фундирована традиционными духовно-нравственными ценностями». Экстраполируя общетеоретические размышления на современную геополитическую ситуацию, авторы, приходят к выводу, что «сегодня мы имеем дело с цивилизационной войной, которая направлена не только на истребление народа, но и на уничтожение его национальной идентичности»[1]. При этом среди главных направлений и целей ударов противника на ценностном фронте цивилизационной войны выделены:

1) Замена традиционных ценностей, постмодернистской моралью, а точнее – аморализмом,
2) Снижение уровня и качества системы образования,
3) Отрыв сознания населения от национальных исторический корней,
4) Тотальное и бесконтрольное распространение компьютерных технологий и устройств,

[1] *Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н.* Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны // Социум и власть. 2024. № 4(102). С. 63.

5) Разжигание противостояния отдельных групп населения на национальной и конфессиональной почве[1].

В связи с колоссальными геополитическими и аксиологическими вызовами, «Россия демонстрирует готовность выступить конструктивной всемирно-исторической альтернативой»[2]. Не случайно В.И. Коваленко в своих выступлениях неоднократно акцентировал внимание на том, что «Россия – часть мировой истории, но Россия та часть, которая дала очень важные нравственные начала»[3]. Поэтому, для продолжения исторического существования России как суверенной мировой державы ответственность публичной власти на этапе смены и утверждения нового международного порядка, состоит прежде всего в эффективных политико-правовых мерах по обеспечению самостоятельного и устойчивого воспроизводства самодостаточной функциональной структуры и комплекса жизненно важных процессов социетального метаболизма, реализуемых в государственной системе жизнеобеспечения страны, при сохранении констант цивилизационной и культурно-исторической основы российского общества[4].

Современная российская элита для того, чтобы обеспечить благополучное развитие страны, должна, о чем настойчиво напоминал А.С. Панарин, «научиться мыслить как гуманитарии большого класса, умеющие интерпретировать культурное наследие и конвертировать его в общественно-политическую практику»[5].

---

[1] Там же. С. 58-69.

[2] *Федякин А.В.* Исторический выбор российской нации // Вестник Российской нации. 2024. №. 2. С. 9-10.

[3] Из выступления проф. В.И. Коваленко на конференции «Ломоносов-2026», Москва, МГУ, 14 апреля 2026 г.

[4] См.: *Кокурина О.Ю.* Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7-11; *Кокурина О.Ю.* Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 12-24.

[5] *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. С. 16; *Кукушкина Е.И.* Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 149.

Как видится, с учетом обозначенных выше социокультурных изменений и цивилизационных вызовов и должна выстраиваться стратегия государственной политики по сохранению России как государства-цивилизации.

При этом важно осознавать масштаб теоретической задачи, которая стоит перед учеными. Данная задача заключается в том, что необходим синтез в одном теоретическом контексте общеметодологического видения проблемы политических изменений вкупе с направлениями социально-политического развития России как государства-цивилизации в цифровом пространстве. Наше исследование вносит определенный вклад в решение данной фундаментальной проблемы.

Выводы главы

Четвертая глава диссертационного исследования была посвящена рассмотрению стратегии и основным направлениям медиатизации политики в современной России. Обоснован вывод о том, что медиатизация политики осуществляется в той мере эффективнее, в какой конкретные практики медиатизации в сфере политики соответствуют цивилизационным особенностям России как государства-цивилизации.

Как было показано, цивилизационно-конструктивистский подход является серьезной теоретической основной анализа процессов политической медиатизации. Так, в главе на примере риторики и угроз Д. Трампа в социальной сети Truth Social, направленные против Ирана показана значимость ценностных оснований политики и цивилизационных кодов различных современных обществ. В этом смысле цивилизационно-конструктивистский подход дает дополнительный положительный эффект при решении как глобальных, так и национальных проблем, а также раскрывает возможности консолидации общества на основе общих ценностей.

Медиатизация современной политики способствовала появлению новых субъектов, обладающих существенным потенциалом влияния. В главе

представлен анализ проведенного автором эмпирического исследования. Обосновываются этапы исследования, описываются конкретные исследовательские процедуры. Сбор эмпирических данных проводился автором самостоятельно или в рамках нескольких исследовательских проектов, реализованных при участии сотрудников факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова. С целью определения ключевых субъектов влияния в процессах медиатизации политики, а также конкретизации специфики медиатизации политики в России автором был организован и проведен международный экспертный опрос «Национальные особенности медиатизации политики в России». Было опрошено 25 экспертов из 6 стран. На основе анализа экспертных позиций, в диссертационном исследовании определены ключевые субъекты влияния в процессах медиатизации политики в России:

- Институт Президента и администрация Президента,
- Традиционные медиаструктуры,
- Цифровые платформы и их владельцы,
- Искусственный интеллект,
- Инфлюенсеры и конвергентные ЛОМы,
- Гражданские макрекеры/медиаактивисты/общественные движения.

Вместе с тем, мы можем сделать вывод, что полезными субъектами влияния в процессах медиатизации политики в России были бы следующие акторы: ГОНГО, политические партии, Церковь, бизнес-структуры и НКО. На основе проведенного анализа, в работе представлена классификация новых субъектов влияния в рамках цивилизационно-конструктивистской парадигмы.

В работе показано, что в сфере медиатизации наблюдается доминирование стран-лидеров (США и Китай). Между тем все более активное участие в медиатизации политики стали принимать страны-представители Глобального Юга.

В настоящей главе рассмотрен вопрос о том, как меняется медиатизация политики в современной России в призме соотношения российских

традиционных ценностей, особенностей российской государственности, российского государства-цивилизации с политикой, институтами и стратегическими направлениями цифровых технологических изменений. Концептуальное объяснение сущности основных направлений медиатизации политики в современной России позволило выделить уникальные явления, присущие российскому медиатизированному полю политики:

Демедиатизация политики. В рамках цивилизационно-конструктивистского подхода демедиатизацию политики мы предлагаем рассматривать как феномен сознательной девальвации и тривиализации политически значимой информации или размывания ценностных оснований политики.

Медиаинтеллигенция. В главе отмечается, что если в предыдущие периоды интеллигенция выступала классическим посредником и интерпретатором смыслов для широких масс, то современная медиатизированная среда видоизменяет эту роль. Используя ресурсы цифровых платформ для прямой коммуникации с пользователями, медиаинтеллигенты запускают уникальное явление – коммуникационное постпосредничество. Медиаинтеллигенция в процессах медиатизации политики маркирует искусственное стимулирование политической медианапряженности в целях переориентации политики в конструктивное русло, а также выступает в роли «хранителя» знаний в мире постправды и посполитики.

Социальная архитектора. Социальная архитектура рассматривается в качестве многомерного феномена современной практики социально-политических изменений. Формирование социальной архитектуры России лежит в плоскости коэволюционной адаптации социокультурных оснований, цифровых технологий, политических воль, экспертных позиций, гуманитарного знания через механизмы образования, диалога, практической демонстрации, ценностного ориентирования и стратегического управления, направленных на достижение целей социального государства.

В главе выделены конструктивные и деструктивные социокультурные изменения в результате медиатизации политики в России как государстве-цивилизации. Рассмотренная проблематика открывает новые горизонты для последующих исследований.

Заключение

Целью диссертационного исследования была разработка концептуальной модели медиатизации политики в России как государстве-цивилизации.

Показано, что медиатизация политики в России осуществляется в той мере эффективнее, в какой она диалектически взаимосвязана с цивилизационными особенностями страны.

В процессе исследования обосновано положение о том, что построение концептуально-целостной модели медиатизации политики в России как государстве-цивилизации невозможно без рассмотрения политологической ретроспективы процесса политической медиатизации. Идеи и подходы, которые послужили фундаментальной основой для современной медиатизации политики можно обнаружить задолго до появления самого термина и научного дискурса понятия медиатизация. Политологическая ретроспектива этапов развития медиатизации позволила зафиксировать фундаментальную трансформацию медиа: последовательный переход от исполнения инструментальных функций посредничества к обретению статуса политического субъекта.

В соответствии с выдвигаемой авторской концепцией медиатизацию политики в ПостИО предлагается рассматривать как метапроцесс социополитического влияния как на вертикальные, так и на горизонтальные властеотношения, что может проявиться как в институционально-коммуникативном, так и в неформально-опосредованном аспекте с использованием релевантных медийных ресурсов.

Применение подобной исследовательской оптики позволяет идентифицировать и зафиксировать смену парадигмы в процессах медиатизации, связанной с перераспределением власти и властных ресурсов в современном обществе. С этой точки зрения медиатизация политики не просто деформирует структуру политического языка, но и обнажает разрыв (концептуальное несоответствие) между традиционным категориальным

аппаратом социально-гуманитарных наук и новым феноменом, порожденным экспансией цифровых платформ и интеграцией ИИ в политику. В этом контексте можно говорить о формировании новой архитектуры властеотношений.

В рамках настоящего исследования раскрыта проблема, связанная с существующим противоречием между необходимостью теоретико-прикладного осмысления процесса политической медиатизации в ПостИО и дефицитностью знаний о степени детерминации данного процесса социокультурными факторами. Методологическая ценность состоит в том, что предложенная концептуальная модель, учитывающая влияние цивилизационных факторов на политическую медиатизацию, позволяет формировать эффективные стратегии политической и цивилизационной устойчивости в условиях тотального проникновения медиа и ИИ.

Анализ медиатизации политики в современной политической науке невозможен без обращения к вопросам, связанным с концептуальным и методологическим аппаратом, которые используется в текстах соответствующей научной области. В диссертации рассмотрен вопрос о том, как объективные и субъективные параметры процесса медиатизации политики неразрывно связаны с ценностными и социокультурными основаниями России как государства-цивилизации.

Цивилизационно-конструктивистский подход предполагает учет как объективных, так и субъективных факторов. Так, объективная сторона процесса медиатизации – это глобальные технологические изменения в структуре медиа и коммуникаций, вызванные развитием техники и технологий. На них повлиять нельзя. Эволюция медиа – от возникновения массмедиа до экспансии интернета и ИИ – представляет собой необратимый технологический прогресс. В этой связи приобретает эвристическую значимость категория «ИИ-готовности» как комплексная интегральная компетенция, позволяющая верифицировать степень адаптивности государства, бизнеса, гражданского общества и отдельного человека к

тектоническим сдвигам, вызванных масштабным внедрением ИИ, которые по своему значению и последствиям сопоставимы с изобретением книгопечатания, открытием электричества или созданием интернета.

Субъективный компонент медиатизации проявляется в характере использования ресурсов медиа и цифровых технологий, т.е. в тактике и стратегии конкретных акторов. Как именно используются медиа, какие мировоззренческие смыслы в них вкладываются, какие моральные нормы устанавливаются, как конструируется цифровая архитектура, какие цели ставятся во главу угла – эти и другие вопросы относятся к субъективной стороне процесса медиатизации. На субъективные аспекты медиатизации можно и необходимо влиять, контролировать и соучаствовать.

Предлагаемая концептуальная модель медиатизации политики дает возможность интеграционного анализа вариативных параметров, таких как:

- аксиологические фильтры общества;
- политико-исторические особенности;
- конструктивистские аспекты;
- пространственно-временные грани;
- неравномерность проникновения политической медиатизации.

Анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, показал, что микро- и макроуровневые модели информационного обмена, несмотря на разный масштаб и характер теоретической презентации коммуникационного процесса в них, в условиях стремительной медиатизации политики и общественных отношений оказываются в рамках единого метапредметного поля, объясняя те или иные аспекты одного феномена. Тем самым обнаруживается тенденция интеграции множества направлений и научных традиций микро- макроуровневого моделирования коммуникации в единую систему знания. Концептуальными основаниями микро- и макроуровневых теорий коммуникации выступают два типа информационного обмена. Первый тип связан с обменом контентом между различными субъектами политики по поводу власти. Второй тип основан на трансляции политически значимой

информации в социуме. При этом упомянутые типы информационного обмена: 1) влияют как на конструирование моделей коммуникации, так и на определение статуса каждого элемента в их структуре; 2) определяют функциональность ключевых элементов коммуникации на теоретическом и практическом уровнях. Кроме того, в работе показано, что попытки теоретического синтеза двух типов информационного обмена в рамках одной модели коммуникации приводят к формированию эклектического понимания процесса передачи контента от посредника к аудитории.

В работе рассмотрен вопрос о том, что медиатизация политики открывает новые возможности и платформы для постоянного и неирархического взаимодействия субъектов информационных обменов. Медиатизация политики с одной стороны, способствовала структурной деформации публичной сферы и фрагментации инклюзивных горизонтальных связей, а с другой – существенно снизила входные барьеры для медиаактивистов, открывая новые возможности повышения субъектности для обычного гражданина. Однако многочисленные зарубежные исследования по политическому медиаактивизму, скорее всего, нельзя переносить на российский политический процесс, имеющий характерные особенности цивилизационного устройства.

В настоящем диссертационном исследовании неоднократно подчеркивается, что медиа и цифровые платформы не просто разрабатывают цифровые решения, они навязывают обществу мировоззрение и поведенческие установки, которые государство вынуждено лишь пассивно регулировать постфактум. Медиа создают иммерсивные медиапространства («стену пещеры»), в которой граждане проводят свое время, обсуждая вопросы, которые для них заранее подготовили. Это приводит к тому, что современная медиатизация политики – это процесс, при котором многие государства теряют монополию на создание смыслов, а цифровые платформы (с возрастающим влиянием ИИ), прочно внедрившись в общественные процессы, стали весомыми субъектами политики.

В порядке гипотезы можно предположить, что скепсис владельцев технологических компаний в отношении ИИ обусловлен не только декларируемыми проблемами безопасности и этическими соображениями, но и текучим страхом (З. Бауман) перед утратой контроля над пользовательскими данными и управлением внимания граждан. Потенциальная демократичность ИИ, способного напрямую удовлетворять когнитивные и коммуникативные потребности человека, ставит под вопрос целесообразность существования привычной архитектуры цифровых платформ и их посредническую роль в процессах медиатизации. Экзистенциальный страх перед «небезопасностью» ИИ здесь может быть формой луддизма со стороны элит, пытающихся защитить свои цифровые корпорации. В этой связи отдельные фрагменты работы могут быть полезны для исследований феномена «цифрового тоталитаризма».

В детерминантах глубокой медиатизации цифровые платформы, обладая колоссальными ресурсами и капиталами, позволяют системно влиять на пространство политики, порождая новые формы и форматы медиатизированной коммуникации. Как показано в работе, цифровые платформы чаще всего позиционируются как рекламные или облачные. Это приводит к тому, что консьюмеристская этика и блага цифрового мира ведут к эрозии аутентичности и нивелированию субъектности личности. В этой связи стоит отметить, что в формируемом цифровыми гигантами медиапространстве отсутствует место для «непродажных ценностей» (термин А.С. Панарина). Однако, как видится, если государство и граждане будут опираться на них, то Россия как государство-цивилизация не только сохранит себя и даже приумножит, но и, используя присущее ей мессианство, покажет другим цивилизациям возможный путь развития.

В настоящем диссертационном исследовании обосновано положение о том, что феномен «метавселенной» целесообразно рассматривать как многоуровневую, взаимосвязанную цифровую технологию, развитие которой способно подтолкнуть как позитивные изменения, так и способствовать

расширению угроз и вызовов социально-политическим процессам. Более того, в работе отдельно выделяется вопрос медиатизации политики в государствах, связанный с рисками формирования наднациональных административных институтов, зависимых от ресурсов и мировоззрения владельцев конкретных глобальных цифровых платформ. Как показано в работе, для России целесообразно использовать преимущества двух архетипов управления «метавселенной»: техноэкономического (с опорой на опыт Китая) и промышленно-новаторского (с опорой на опыт Японии и Юж. Кореи). Построение национальных цифровых платформ и «метавселенной» для России имеет такое же значение, как и атомный проект – для СССР.

Ввиду обозначенной выше позиции в диссертационном исследовании сделан вывод о том, что построение «метавселенной» России – это важная политическая задача, которая должна решаться с опорой на исторические аналогии и социокультурные основания российского общества. Однако в III главе также показано, что наравне с возможностями, «метавселенная» привносит и новые риски, которые также еще предстоит осознать.

Методологический потенциал медиатизации политики раскрывается при рассмотрении процессов цифровой культуры отмены и деплатформинга. В работе подчеркивается, что деплатформинг имеет глубокие исторические корни. При этом эффективность деплатформинга – вопрос дискуссионный и требует дальнейших научных исследований. С одной стороны, деплатформинг помогает бороться с экстремизмом и токсичным поведением пользователей, с другой – существует много опасений, связанных с избыточной цифровой цензурой, непрозрачностью принимаемых решений, ангажированностью, политической и корпоративной предвзятостью и пр.

Отдельным вопросом для многих ученых и, несомненно, значимой проблемой для дальнейшего развития исследований процесса медиатизации политики является вопрос о месте и роли новых субъектов влияния. В работе представлена характеристика использования диагностических инструментов: кейс стадиз и анкетирование. Сбор данных проводился автором

самостоятельно или в рамках нескольких НИР, реализованных при участии сотрудников факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова. С целью определения ключевых субъектов влияния в процессах медиатизации политики, а также конкретизации специфики медиатизации политики в России автором был организован и проведен международный экспертный опрос «Национальные особенности медиатизации политики в России». На основе анализа экспертных позиций, в диссертационном исследовании определены ключевые субъекты влияния в процессах медиатизации политики в России.

Как показано в работе, важным и необходимым условием изучения медиатизации политики в России является соотношения особенностей российской государственности, российского государства-цивилизации с политикой, институтами и стратегическими направлениями цифровых изменений. Концептуальное объяснение сущности основных направлений медиатизации политики в современной России позволило выделить уникальные явления, присущие российскому медиатизированному полю политики: демедиатизация политики, медиаинтеллигенция, социальная архитектура.

В диссертационном исследовании показано, что медиалогика детерминирует содержательные параметры повестки дня, инициирует институциональные трансформации в системе разделения властей и переформатирует СМИ (реферируемые как «четвертая власть»), что сопровождается эрозией сложившихся юридических норм и политико-культурных паттернов. В данной связи это явление имеет внутри себя властеобразующий потенциал, что свидетельствует о серьезной реконфигурации современного политического пространства.

Представленная концепция медиатизации политики в России как государстве-цивилизации ввиду своей интегральности имеет перспективы для дальнейшего развития в рамках политической науки, предполагая наличие междисциплинарных теоретико-методологических основ для будущих научных изысканий.

Библиографический список

Официальные документы и нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения 12.02.2026).
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/31584?ysclid=mpf7gkvfmz923953143 (дата обращения 12.02.2026).
3. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" и статью 10 Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации”. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48052?ysclid=mpf7i5zvzj280243011 (дата обращения 12.02.2026).
4. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" (вступает в силу с 01.10.2026 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52331?ysclid=mnrjmji8a514556401 (дата обращения 12.02.2026).
5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (в редакции Указа Президента РФ от 04.03.2026 № 136). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения 12.02.2026).
6. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986 (дата обращения 12.02.2026).
7. Постановление Правительства РФ от 31.03.2021 № 504-19 (ред. от 23.11.2022) "О внесении изменений в государственную программу РФ "Информационное общество". URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202104100004?index=1 (дата обращения 12.02.2026).

Литература

8. *Абрамов А.В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. №. 3. С. 136-148.
9. *Абрамов А.В., Алексеев Р.А.* Постсоветские государства Центральной Азии: сравнительный анализ трансформации политических систем // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 451-458.
10. *Абрамова С.Б., Антонова Н.Л.* Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. №. 2. С. 149-165.
11. Азбука советской рекламы: агитационные плакаты Владимира Маяковского. URL: https://kulturologia.ru/blogs/160715/25341/ (дата обращения 12.02.2026).
12. *Акимович Е.В.* История становления теории кризисной коммуникации // Научное мнение. 2015. № 7. С. 117-120.
13. Актуальные цифры медиапотребления россиян – выступление Mediascope. URL: https://mediascope.net/news/2928545/ (дата обращения 12.02.2026).
14. *Аласания К.Ю.* Биополитика как направление западной политической науки второй половины XX – первой четверти XXI вв.: дис ... доктора политических наук: Москва, 2023. 413 с.
15. *Аласания К.Ю.* Выживание как биополитическая концепция // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 6. С. 35-46.
16. *Аласания К.Ю.* Дискурсивные начала биополитики в работах М. Фуко и С. Жижека // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 96-109.
17. *Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н. и др.* Россия как страна-цивилизация: аналитический обзор XX юбилейных Панаринских чтений, посвященных 200-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского (1822–1885 гг.), 21 февраля 2023 г. // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 150-174.
18. *Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н.* Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны // Социум и власть. 2024. № 4(102). С. 58-69.
19. Алгоритм обмана. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7737738?ysclid=mn1ov4ngyd382549221 (дата обращения 12.02.2026).
20. *Алексеева Т.А.* Новые повороты в теории и методологии политической науки: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №4. С. 759-766.
21. *Алексеева Т.А.* Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 241 с.
22. *Алексеева Т.А., Лебедева М.М.* Международно-политическая мысль: вызовы и обновление. Диалог политологов // Полис. Политические исследования. 2025. №. 5. С. 7-23.
23. Аналитики подсчитали число пользователей интернета в России. URL: https://lenta.ru/news/2016/01/28/survey/ (дата обращения 12.02.2026).
24. *Андрианова Т.В., Ракитов А.И.* Современные тенденции информатизации и медиатизации общества: Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1991. 117 с.

25. *Андриянова Т.В.* Коммуникационная теория Р. Крейга: дискурсивные практики и тенденции взаимодействия в управлении субъектом // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 15-24.
26. *Аникин Д.А., Батищев Р.Ю.* «Мы вас туда не посылали»: медиарепрезентации войны в Афганистане и практики культуры отмены в постсоветской России // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6. № 1. С. 172-187.
27. *Аникин Д.А., Головашина О.В.* Политические акторы как субъекты исторической ответственности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. №. 6. С. 20-34.
28. *Аникин Д.А., Мамычев А.Ю.* Технологический суверенитет в меняющемся мире: концептуально-политические трактовки и символические практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. №. 3. С. 72-88.
29. *Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю.* Информационно-коммуникационные технологии в политике // Вестник РУДН. Серия политология. 1999. № 1. С. 40-52.
30. *Аристотель*. Политика / пер. с греч. С.А. Жебелева, Т.А. Миллер. М.: Издательство АСТ, 2018. 320 с.
31. *Артамонова Ю.Д.* Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. М.: Издательство Московского университета, 2020. 352 с.
32. *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 3. С. 188-196.
33. *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В.* Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 9-27.
34. *Артамонова Ю.Д., Володенков С.В*. Трансформация Интернета как пространства общественнополитических коммуникаций: от глобализации к гло (локал) анклавизации // Социологические исследования. 2021. Т. 1. С. 87-97.
35. *Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л.* Коннективная идентичность в современном мире // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 69-79.
36. *Архиереев Н.В.* Искусственный интеллект: понятие, характеристики // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 5-20.
37. *Астафурова Т.Н., Палашевская И.В.* Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 4. С. 70-83.
38. *Аствацатурова М.А., Чекменев Д.С.* Субъекты и акторы общественно-политического дискурса в пространстве публичной политики // Вестник экспертного совета. 2018. №. 1-2 (12-13). С. 126-131.
39. Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. / Барышкин А.Г.; Быков И.А., Володенков С.В., Игнатьева О.А., Казаков А.А., Кондратенко К.С., Мирошниченко И.В., Морозова

Е.В., Сморгунов Л.В., Тимофеева Л.Н. М.: Политическая энциклопедия, 2021. 320 с.
40. *Ахмедова Ю.Д., Быков И.А.* Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14-26.
41. *Ахременко А.С.* Отключение интернета как теоретическая проблема политической науки, или Что мы (не) понимаем в сетевой протестной мобилизации // Полис. Политические исследования. 2024. №. 2. С. 118-134
42. *Ахременко А.С. Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. №. 2. С. 73-91.
43. *Ахременко А.С., Петров А.П., Жеглов С.А.* Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12-45.
44. *Ашыров Н.Д., Елхова О.И.* Искусственный интеллект как субъект постинформационного общества // В сборнике: Современные исследования искусственного интеллекта: основные направления и результаты. Уфа, 2025. С. 16-22.
45. *Багдасарян В.Э., Балдин П.П*. Перспективы развития искусственного интеллекта в актуальной повестке политических и социальных рисков глобальных трансформаций // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 10-22.
46. *Балацкий Е.В.* Концепция текучей реальности З. Баумана и ее приложения // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 145-146.
47. *Балацкий Е.В.* Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 1. С. 46-65.
48. *Баранов А.М.* Институциональный аспект исследования теории информации // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 1-2. С. 4-9.
49. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
50. Бахтин: проверка большим временем. XIV Международная Бахтинская конференция. URL: https://www.hse.ru/data/2012/10/05/1244523118/text.pdf (дата обращения 16.07.2024).
51. *Башева О.А.* Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41-57.
52. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
53. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Сост. и вступ. статья П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. С. 330-361.
54. *Белов С.И.* Потенциал видеоигр в политическом просвещении и формировании национально-государственной идентичности молодежи // Электронный научно-образовательный журнал История. 2025. Т. 16. №. 1 (147).

URL: https://history.jes.su/s207987840032734-6-1/?ysclid=mshkmj3sqx817754157 (дата обращения 05.08.2026).
55. *Белов С.И., Кузнецов И.И.* Будущее как игра, альтернативная реальность воображения, развлечения: возможности проективного подхода в исследовании сознания российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 192-200.
56. *Белова Л.Г.* Концепция «вездесущего общества» и государственные программы формирования информационного и постинформационного общества в Японии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. №. 5. С. 43-60.
57. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
58. *Беркгаут В.В, Чадрин И.С.* Интернет: первые шаги. М.: Р-Валент, 2000. 113 с.
59. *Бехманн Г.* Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука. 2008. № 2. С. 10-28.
60. *Богомазова Н.Л.* Особенности цифровизации образования в Японии: генеративный искусственный интеллект и «виртуальная школа» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. ЛН Толстого. 2024. №. 4 (52). С. 51-58.
61. *Богомягкова Е.С., Харманская Э.Ю.* Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. № 27(3). С. 168-195.
62. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
63. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
64. *Бодрийяр Ж., Ясперс К*. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. 303 с.
65. *Бодрунова С.С.* Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах : дис. ... доктора политических наук : Санкт-Петербург, 2015. 498 с.
66. *Бодрунова С.С.* Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2012. №. 3. С. 203-215.
67. *Бодрунова С.С.* Медиаполитическое взаимодействие или политическая коммуникация? К вопросу о развитии медиаполитологии в России // Медиаскоп. 2014. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1653 (дата обращения 12.02.2026).
68. *Бодрунова С.С.* Современные стратегии британской политической коммуникации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 423 с.
69. *Бойцова О.Ю.* Политические функции «цивилизации» // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 9. №. 1. URL: 2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.11 (дата обращения 20.03.2026).
70. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni?from=copy_text (дата обращения 12.02.2026).

71. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / пер. с франц. Б.А. Ситникова. 2-е изд., испр. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. 523 с.
72. *Бродовская Е.В. Парма Р.В. Лукушин В.А.* Инженерия согласия: от информационных манипуляций к алгоритмическому управлению искусственного интеллекта // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 53-70.
73. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Оценка релевантности идентификации текстов об эмиграции большими языковыми моделями для мониторинга социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50. № 5. С. 209-232.
74. *Бронников И.А.* «Мягкая сила» как стратегия внешней политики. В кн: Геополитические угрозы и укрепление государства как ответ на глобальные вызовы: коллективная монография / Под общей ред. С.Г. Киселева. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 218-238.
75. *Бронников И.А.* Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 94-102.
76. *Бронников И.А.* Деплатформинг: политический аспект // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 71-86
77. *Бронников И.А.* Политическая коммуникация: состояние и перспективы: монография. М.: Институт деловой карьеры, 2013. 204 с.
78. *Бронников И.А.* Политические практики сетевого гражданского активизма в России: новые платформы и технологии // PolitBook. 2019. № 2. С. 6-24.
79. *Бронников И.А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 269-285.
80. *Бронников И.А.* Сетевой гражданский активизм в политическом процессе России. В кн.: Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности / под ред. проф. В.И. Якунина / В.И. Якунин, А.В. Торкунов, М.Г. Абрамова и др. М.: Издательство Московского университета. 2021. С. 538-548.
81. *Бронников И.А.* Современные тенденции и перспективы информационного общества // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 6. С. 7-26.
82. *Бронников И.А., Беденкова А.С.* Метавселенные и государства: вместе и порознь // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. № 15(2). С. 224-250.
83. *Бронников И.А., Горбачев М.В.* Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика // Москва: Издательство Московского университета, 2022. (Библиотека факультета политологии МГУ). 540 с.
84. *Бронников И.А., Горбачев М.В., Кононенко О.С., Тимирчев И.К.* Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 44-60.
85. *Бронников И.А.* Кризис представительной демократии и новые практики гражданского активизма // PolitBook. 2018. № 1. С. 64-78.

86. *Булавин А.В.* Информационное общество: эволюция, проблемы и критерии определения понятия // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 51-57.
87. *Бурдье П.* Социология политики / Пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
88. *Буренко В.И.* Власть и политика: анализ понятий в контексте социального управления // Научные труды Московской академии экономики и права: 2005. Вып. №13. М.: МАЭП. С. 98-99.
89. *Буренко В.И.* Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. 2018. №. 3. С. 66-80.
90. *Буренко В.И.* Сознательное и бессознательное в политике (Платон и «пещерные люди») // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/741 (дата обращения 07.04.2026).
91. *Быков И.А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1. № 4. С. 15-38.
92. *Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. 200 с.
93. *Быков И.А.* Цифровые платформы государственного управления в системе национальных публичных коммуникаций // Журнал политических исследований. 2021. № 2. С. 45-56.
94. В аватары я готов! Пусть меня научат… URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatary-ja-gotov-pust-menja-nauchat (дата обращения 24.02.2025).
95. В спорах о политике в Сети наиболее активны оказались люди с чертами психопатов и недостатком ума. URL: https://naked-science.ru/article/psy/politika-psihopat-net-uma (дата обращения 20.05.2026).
96. *В.В. Миронов, Е.Н. Мощелков, К.Ю. Аласания и др.* Национальные ценности России: исторические традиции. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 6. С. 46-58.
97. *В.В. Миронов, Е.Н. Мощелков, К.Ю. Аласания и др.* Национальные ценности России: исторические традиции. Статья первая // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 5. С. 14-28.
98. *Вавилин М.В., Башкин Д.И.* Государственное регулирование «цифрового суверенитета» в России: к вопросу о роли Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций // Пробелы в российском законодательстве. 2025. Т. 18. № 7. С. 17-24.
99. *Вартанова Е.Л.* К чему ведет конвергенция СМИ? // Информационное общество. 1999. № 5. С. 11-14.
100. *Вартанова Е.Л.* Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. 2023. № 2 (115). С. 8-19.
101. *Ватолина О.В., Ничепорук А.В.* Сущность и понятие цифровых платформ // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2025. № 1. С. 85-96.

102. *Вилисов М.В., Телин К.О., Филимонов К.Г.* От устойчивости к стабильности: что делает «хорошим» государственное управление // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 1. С. 7-27.
103. *Вилков А.А.* Государственная молодёжная политика глазами «цифрового» поколения в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 52-73.
104. *Вилков А.А.* Государственная молодежная политика и ценность социальной справедливости в восприятии подрастающего поколения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2026. Т. 26. Вып. 1. С. 58-67.
105. *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 344 с.
106. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. книги Е.Б. Шестопал / Е.Б. Шестопал, А.Л. Зверев, А.В. Селезнева и др. Издательство Весь Мир Москва, 2019. 656 с.
107. *Володенков С.В.* Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 2. С. 15-23.
108. *Володенков С.В.* Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология. 2016. № 4. С. 125-136.
109. *Володенков С.В.* Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 339-350.
110. *Володенков С.В.* Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 2. С. 69-86.
111. *Володенков С.В.* Социальные медиа как инструмент современной публичной политики: особенности и перспективы применения // Политическая наука. 2017. № S 1. С. 290-305.
112. *Володенков С.В. Федорченко С.Н.* Ключевые вызовы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций современной России // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 7-30.
113. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 40-55.
114. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520-542
115. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 103-104.

116. *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д.* Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. №. 3. С. 230-253.
117. *Володенков С.В.* Нейросети как фактор цифровой трансформации традиционных ценностно-смысловых пространств // Меди@льманах. 2025. Т. 4. № 129. С. 66-72.
118. *Гавра Д.П., Быкова Е.В*. «Медиатизация и демедиатизация в цифровой среде: кейс консервативного манифеста К. Богомолова «Похищение Европы 2.0» // Вестник Московского университета Серия 10: Журналистика. 2022. № 3. С. 60-86.
119. *Гавра Д.П., Быкова Е.В.* Политизированный спортивный инцидент: номинационные стратегии вовлечённых медиаакторов // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология, 2022. № 4. С. 113-129.
120. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Книга первая. СПб.: Наука. 1993. 350 с.
121. Генсек ООН назвал четыре угрожающих миру «всадника Апокалипсиса». URL: https://ria.ru/20200122/1563758442.html (дата обращения 05.09.2023).
122. *Глебов И.Н.* " Информационный шум" как вызов национальным интересам России // Российское государствоведение. 2015. №. 4. С. 5-13.
123. *Головин Ю.А., Фролов А.А.* Практики гражданской активности в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 2. С. 195-198.
124. *Горбачев М.В.* Цивилизационные основания политических проектов. М.: Издательство Московского университета, 2020. 496 с.
125. *Горелов А.А., Горелова Т.А.* Образование в информационном обществе // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. № 10. С. 43-46.
126. *Горелова Т.А.* Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №. 3. С. 93-106.
127. Гражданин Искусственный Интеллект. О технических и юридических проблемах регулирования систем ИИ. URL: https://www.ng.ru/editorial/2026-05-03/2_9487_red.html (дата обращения 12.05.2026).
128. *Гранин Ю.Д.* Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции: монография. М.: Академической проспект. 2021. 371 с.
129. *Грачев М.Н.* Норберг Винер и его философская концепция // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 119-126.
130. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. 328 с.
131. *Грачев М.Н.* Эхо-камеры, эпистемические пузыри и пузыри фильтров как акторы сетевого коммуникационного пространства // Российская школа связей с общественностью. 2023. №. 29. С. 41-54.
132. *Грачев М.Н., Евстифеев Р.В*. Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 229-248.

133. *Грачев М.Н., Ирхин Ю.В.* Актуальные проблемы политической науки: Коллективная монография. М.: Экономическая демократия, 1996. 188 с.
134. *Грачев М.Н., Трахтенберг А.Д.* Микро- и макроуровневые теории политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: РАПН, 2012. С. 58-77.
135. *Гребер Д.* Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 224 с.
136. *Григорьев М.С.* Политические коммуникации в «век информации» // Политическое управление: Сборник научных трудов кафедры политологии и политического управления. М.: РАГС, 1998. С. 288-299.
137. *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Основные подходы к теоретическому осмыслению процесса демедиатизации современных коммуникаций // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 490. С. 5-15.
138. *Гуреева А.Н., Киреева П.А.* Цифровые платформы как субъекты конфликтогенной коммуникации: особенности, эффекты, риски // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 4. С. 753-771.
139. *Гуреева А.Н., Кузнецова В.С.* Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 191-205.
140. *Гуров О.Н., Конькова (Кураева) Т.А.* Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 1. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800019011-1-1/ (дата обращения 01.06.2026).
141. *Гуторов В.А.* Интеллектуалы как “новая медиакратия”: исторические и теоретические аспекты интерпретации // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 26-43.
142. *Гуторов В.А.* Политика 2.0 : между утопией и реальностью. М.: Издательство Московского университета, 2020. 1039 с.
143. *Гуторов В.А.* СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 2) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 4 (121). С. 339-355.
144. *Гуторов В.А.* Феномен цифровой демократии: современные теоретические дилеммы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2. С. 339-355.
145. *Гуторов В.А., Ширинянц А.А., Шутов А.Ю.* О проблеме межцивилизационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 132-141.
146. *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери. М.: Азбука. 2025. 592 с.
147. *Давыдова Ю.А., Матюхин А.В., Ананьевская Е.А.* Искусственный интеллект в политическом управлении: тенденции и перспективы // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. №. 4. С. 100-113.
148. Даешь молодежь. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8291508 (дата обращения 01.04.2026).
149. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

150. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
151. *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 1999. 224 с.
152. *Девятков А.В., Макарычев А.С.* Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2012. №. 1. С. 5-19.
153. *Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. Политические исследования. 1996. № 3. С. 108-120.
154. *Демакова К., Маковецкая С., Скрякова Е.* Неполитический активизм в России // Pro et Contra. 2014. Май-август. С. 148-163.
155. *Демчук А.Л.* Экологические конфликты в современной политике: теоретические основы и национальные модели. Издательство Московского университета Москва, 2020. 287 с.
156. *Детинко Ю.И., Куликова Л.В.* Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа. Красноярск: Сиб. фед. ун-т., 2017. 168 с.
157. *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.
158. *Дзялошинский И.М*. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 155-206.
159. Доверие к ИИ. Опрос ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения 12.05.2026).
160. Дорожная карта Генерального секретаря по цифровому сотрудничеству. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/102/53/PDF/N2010253.pdf?OpenElement (дата обращения 06.04.2024).
161. *Дугин А.Г.* Концептуальные подходы к понятию “цивилизация” // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №. 1. С. 33-41.
162. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. и др.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №. 1. С. 233-251.
163. *Евдокимов В.А.* Системное искажение сообщений в постинформационном обществе // Наука о человеке: гуманитраные исследования. 2015. № 1 (19). С.121-128.
164. *Ермошкин Н.Н.* Большая цифра. Как цифровизация и цифровые гиганты меняют мир, экономику и финансы, и как меняются сами. «Автор», 2025. 159 с.
165. *Есин Б.И.* История русской журналистики (1703–1917). М.: Наука, 2000. 463 с.
166. *Ефанов А.А*. Глубинная медиатизация в неоинформационном обществе : социокультурная концептуализация : дис ... доктора философских наук : Белгород, 2023. 549 с.
167. *Землянова Л.М.* О процессах интернетизации медиа и медиатизации интернета // Вестник Московского университета. Серия 10. 2005. № 5. С. 57-70.

168. *Зиновьева Е.С., Игнатов А.А. и др.* Международное управление Интернетом. М.: Серпантин Про (ИП Гончаров А.В.), 2025. 186 с.
169. *Зорин В.А., Селезнева А.В., Шестопал Е.Б.* Образ будущего России как исследовательский концепт и политический проект: возможности изучения и конструирования // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 7-23.
170. *Иванов И.О.* О современном издании богословских сочинений византийского монаха Михаила Пселла – «Theologica» // Христианское чтение. 2016. № 5. С. 70-86.
171. *Игнатьев А.Г.* Фрагментация Интернета в повестке Организации Объединенных Наций // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2025. Т. 3. №. 1. С. 98-114.
172. ИИ не нужен разум, чтобы восстать против нас. Эволюция выберет тех, кто игнорирует запреты – и это уже началось. URL: https://www.securitylab.ru/news/572184.php (дата обращения 12.05.2026).
173. *Ильин А.Н.* Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // Социологический журнал. 2014. №. 3. С. 101-115.
174. Интервью М. Алинеджад CNN от 07.04.2026. URL: https://edition.cnn.com/2026/01/08/world/video/iran-protests-international-maduro-venezuela-dictator-jake-tapper-lead (дата обращения 12.05.2026).
175. Искусственная помощь: как внедрение нейросетей выходит бизнесу боком. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/02/28/1179513-iskusstvennaya-pomosch?from=copy_text (дата обращения 12.02.2026).
176. Исследование ООН: Электронное правительство 2024. URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2025-01/E-Government%20Survey%202024%20RUS-compressed.pdf (дата обращения 22.02.2023).
177. *Истон Д.* Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 17-37.
178. История развития телевидения в СССР и России URL: https://ria.ru/20210322/televidenie-1601983226.html (дата обращения 12.02.2026).
179. История русской журналистики XVIII–XIX веков // Под. ред. проф. А.В. Западова. М.: Издательство «Высшая школа». 1973. 521 с.
180. Источники информации в августе 2025: пользование и доверие. URL: https://www.levada.ru/2025/09/11/istochniki-informatsii-v-avguste-2025-polzovanie-i-doverie/ (дата обращения 12.02.2026) (АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента).
181. *Казаков А.А*. Медиапотребление в молодежной среде: политический контекст, тенденции развития и факторы влияния // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования, 2025. 11 (1). С. 94-108.
182. *Казаков А.А.* Медиапрактики «цифрового» поколения: политический контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2024. Т. 24. № 4. С. 426-434.

183. *Казаринова Н.В.* Парадоксы дисциплинарной матрицы Роберта Крейга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. №. 2. С. 176-187.
184. Как советский спутник привел к появлению NASA. URL: https://tass.ru/kosmos/5406387 (дата обращения 12.02.2026).
185. *Кант И.* К вечному миру. М.: РИПОЛ Классик, 2018. 434 с.
186. *Каплан Р.* Политика воина: Почему истинный лидер должен обладать харизмой варвара. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. 272 с.
187. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Из-во ЭКСМО, 2005. 832 с.
188. *Карп А., Замиска Н.* Технологическая республика. Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада / пер. с английского Ядвиги Войцеховской. Ереван Fortis Press, 2025. 256 с.
189. *Каспэ С.И.* Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2015. № 3. С. 6-36.
190. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии из-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
191. *Кастельс М*. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.
192. *Катасонов В.Ю.* От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму. М.: Кислород, 2014. 560 с.
193. Клавиатурный протест // Центр политической конъюнктуры. 27 апреля 2020. URL: http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/klaviaturnyy-protest/ (дата обращения 30.04.2023).
194. *Коваленко В.И.* К 75-летию А.С. Панарина. В кн.: Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI в / Под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2016. 304 с.
195. *Коваленко В.И.* Концепт России как государства-цивилизации в современном политологическом дискурсе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 38-49.
196. *Коваленко В.И.* Категориальный аппарат политической науки в контексте ценностных измерений российской цивилизации // Россия: единство и многообразие в условиях глобальных трансформаций. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. Москва, 25 октября 2024 года. РГГУ: Центр социальных и информационных технологий Москва: 2024. С. 92-97.
197. *Коваленко В.И.* Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательство Московского университета, 2016. 704 с.
198. *Ковригин Д.Э.* Формирование института «суверенного интернета» в Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университет. 12(2). 2022. С. 153-158.
199. *Кокурина О.Ю.* Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 12-24.

200. *Кокурина О.Ю.* Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7-11.
201. *Кокурина О.Ю.* Структура факторов государственности и суверенитет в свете системно-органического подхода // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 4. С. 7-20.
202. *Колин К.К*. Образование для информационного общества: проблемы и приоритеты // Информационное общество. 2022. №. 5. С. 16-34.
203. *Колокольцева Т.Н.* Диалогичность и диалогическая коммуникация в блогах // Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (95). С. 23-34.
204. *Комаров С.В., Лумпова М.А.* Неклассический субъект видения. Ч. 1 // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 180-190.
205. *Кондаков И.В.* К феноменологии русской интеллигенции // Русская интеллигенция: история и судьба. М., 1999. С. 81-85.
206. *Коноплев Д.Э.* Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. №1(35). С. 160-161.
207. *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 47-68. *Парма Р.В.* Амбивалентные эффекты общественного участия в пространстве цифровых коммуникаций: дискурсивное поле современных исследований // Общественные науки и современность. 2023. № 4. С. 96-108.
208. Координационный центр доменов .RU/.РФ. URL: https://cctld.ru/domains/about/ (дата обращения 12.05.2026).
209. *Костина А.В.* Глобальное информационное общество: противоречия развития культуры // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 2.
210. *Костина А.В*. О тенденциях развития культуры в информационном обществе. URL: http://www.dissers.ru/nauchnye-stati/a221.php (дата обращения 11.12.2024).
211. *Коулман С.* Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя, 2018. 130 с.
212. *Коцыняк М.А., Нечепуренко А.П., Московченко В.М.* Методика оценки устойчивости информационно-телекоммуникационной сети в условиях информационного воздействия // NBI-technologies. 2018. С. 30-31.
213. *Кочераускас Т*. Альтернативные школы коммуникации: философские аспекты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 92-100.
214. *Кочетков А.П.* Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29-51.
215. *Кочетков А.П.* Нетократизм // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 111-121.
216. *Кочетков А.П.* Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 198-212.
217. *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 96-113.
218. *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. №. 3. С. 543-559.
219. *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135-145.
220. Криптовалюта для начинающих. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008428?ysclid=mnvr0bnoez812001602 (дата обращения 12.05.2026).
221. КРОС: ограничения в интернете вызвали тревожность. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/05/14/1197182-kros-ogranicheniya-internete (дата обращения 20.05.2026).
222. *Крылов Ю.В., Стексова Т.И.* Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. № 1(25). С. 54-55.
223. *Крыштановская О.В., Лавров И.А.* Метавселенная России: социокультурная топология и морфология нового пространства // Полис. Политические исследования. 2026. № 2. С. 73-87.
224. Кто победил Гитлера? Вопрос не для искусственного интеллекта. URL: https://ria.ru/20240205/neyroset-1925392894.html (дата обращения 09.05.2026).
225. *Кузнецов Г., Ступко М.* Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4 (17). С. 40-44.
226. *Кузнецов И.И.* Эволюция разделения властей в современной России: роль конституционных поправок // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. XXXVII Адлерские чтения. Сборник статей всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 115-й годовщине рождения российского парламентаризма. Сер. «Адлерские чтения 37» Краснодар: Традиция, 2021. С. 198-210.
227. *Кукушкина Е.И.* Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. М.: Издательство Московского университета, 2015. 192 с.
228. *Куле К.* СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия… / Пер. с франц. С.В. Кулланды. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 256 с.
229. *Курочкин А.В., Морозова С.С.* Цифровая колониализация как угроза национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 64-72.
230. *Лабуш Н., Пую А.* Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во С.-Петербю ун-та, 2019. 340 с.
231. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М.: АСТ : Астрель, 2011. 541 с.
232. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001. 384 с.

233. *Ловинк Г.* Критическая теория Интернета. М.: Ад Маргинем Пресс; МСИ «Гараж», 2019. 304 с.
234. *Макафи Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 364 с.
235. *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Суртаева О.В.* Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 3. С. 13-50.
236. *Мамычев А.Ю., Уханов А.Д.* Идеологические платформы в условиях цифровой трансформации: классические и современные формы мышления о цифровом будущем // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2025. № 4. С. 31-52
237. *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Анализ общественной политики и оценка программ // Полис Политические исследования. 1991. № 3. С. 174-180.
238. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.
239. Маск и Возняк призвали приостановить обучение систем ИИ из-за «риска для общества». URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/486841-mask-i-voznak-prizvali-priostanovit-obucenie-sistem-ii-iz-za-riska-dla-obsestva (дата обращения 12.02.2026).
240. Маск призвал замедлить прогресс ИИ и робототехники. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-12-26_mask_prizval_ii-razrabotchikov (дата обращения 12.02.2026).
241. *Матьяш О.И.* Плюрализм в современной науке о коммуникации: диалог подходов и традиций // Коммуникология. 2014. Т. 5. № 3. С. 63-78.
242. *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Денисенкова Н.Н.* Применение цифровых технологий в политических кампаниях // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. №. 2. С. 3-15.
243. *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Рыжая Р.Р.* «Мягкая сила» Китая и ее восприятие в России // Журнал политических исследований. 2025. №. 2. С. 203-215.
244. *Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Чернова Д.С.* Политические предпосылки перехода к экономике замкнутого цикла в России // Журнал политических исследований. 2024. №. 4. С. 30-42.
245. Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты: монография / под общ. ред. проф. Д П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 384 с.
246. *Межуев Б.* Политическая критика Вадима Цымбурского. Европа, 2012. 199 с.
247. *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959. 543 с.
248. *Миронова Д.* Политическая философия. М.: Издательство Московского университета, 2014. 240 с.
249. *Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.* Сетевая публичная политика: контуры предметного поля // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 82-102.
250. *Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А., Федоренко К.А.* Проектный подход в государственной молодежной политике РФ: институциональные практики и

потенциал развития. Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 26-47.
251. *Мойзес Н.* Конец власти. От залов заседаний до полей сражений, от церкви до государства. Почему управлять сегодня нужно иначе. М.: Издательство АСТ, 2016. 512 с.
252. *Монтаг К.* Новые боги. Как онлайн-платформы манипулируют нашим выбором и что вернет нам свободу. М.: Individuum. 2023. 352 с.
253. *Морозова С.С.* Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 1. С. 9-30.
254. *Мчедлова М.М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 157-174.
255. *Мчедлова М.М., Букин О.А.* Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. №. 2. С. 445-454.
256. *Мырикова А.В.* Ф.И. Тютчев: истоки русофобии. "польский вопрос" // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2009. № 3. С. 37-44.
257. Навстречу «цифровому обществу»: Экспертные оценки и прогнозы. М.: Наука, 2019.
258. *Назаров М.М.* Концепция колонизации данных Н. Коулдри и У. Мехиаса: содержание и методологические основания // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31. № 2. С. 22-36
259. *Назаров М.М.* Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Том 8. № 2. С. 108-124.
260. *Никипорец-Такигава Г.Ю.* Интернетизация политического пространства : на примере России : дис ... доктора политических наук : Москва, 2019. 387 с.
261. *Никитин А.Ю.* Алгоритмы социальных сетей: вызовы и возможности для современного маркетолога // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 1. С. 123-138.
262. *Никовская Л.И.* Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. СПб.: Университет ИТМО, 2017. С. 144-158.
263. *Ним Е.Г.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 409-427.
264. *Ним Е.Г.* Искусственный интеллект и человеко-машинная коммуникация: вызов исследованиям медиатизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 813-823.
265. *Ним Е.Г.* Исследуя медиатизацию общества: концепт медиатизированных миров // Социологический журнал. 2017. № 3. С. 8-25.

266. *Новек Б.* Умные граждане – умное государство. М.: «Олимп-Бизнес», 2016. 560 с.
267. *Нурмухаметов Р.К., Торин С.С.* Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32-38.
268. *Нэсбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. 414 с.
269. Одна на всех: из истории отечественной журналистики. URL: https://jrnlst.ru/2022/01/13/1938/ (дата обращения 12.02.2026).
270. Оксфордский словарь назвал слово 2025 года. URL: https://tass.ru/obschestvo/25776023 (дата обращения 12.02.2026).
271. *Олескин А.В.* Сетевые структуры с точки зрения биополитики // Полис. Политические исследования. № 1. 1998. С. 68-86.
272. Опрос: интерес к политике. URL: http://bd.fom.ru/pdf/d36ikp11.pdf (дата обращения 12.11.2025); Интерес к политике: растёт или падает? URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/interes-k-politike-rastyot-ili-padaet (дата обращения: 05.04.2026).
273. *Островская Е.А.* Институциональный подход социологического изучения медиатизации: концептуальные составляющие и примеры исследований // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. №. 4. С. 610-611.
274. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-пресс, 2002. 415 с.
275. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. 350 с.
276. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 492 с.
277. *Панарин А.С.* Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 422 с.
278. *Панцерев К.А.* Злонамеренное использование технологий искусственного интеллекта в странах Африки южнее Сахары: вызовы панафриканской кибербезопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 288-302.
279. *Парма Р.В.* Концепции гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. 2020. № 2. С. 74-81.
280. Патриотизм привел к появлению «социальной архитектуры», считают в администрации президента. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8099300 (дата обращения 12.02.2026).
281. *Патрушев С.В.* Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. № 6. С. 24-32.
282. *Перевезенцев С.В.* «Русские мАксимы». URL: https://polit.msu.ru/2026/04/29/russian-maxims-perevezentsev/ (дата обращения 20.05.2026).
283. *Перевезенцев С.В.* Русская история: с древнейших времен до начала XXI в. М.: Академический проект, 2018. 571 с.
284. *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья первая: «Бог есть самая правда» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 51-76.

285. *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья вторая: «Российское самодержавство» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 77-108.
286. *Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е., Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI–начала XX века Статья третья: «Возлюбленная тишина» // Тетради по консерватизму. 2025. №. 3. С. 109-148.
287. *Перевезенцев С.В.* Великое стояние: рождение Российского царства. Калуга: издатель ИП Артюхов Р.А., 2025. 296 с.
288. *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Том. 22. № 9. С. 11-19.
289. *Пименов Н.С.* Современные тренды социодинамики политических коммуникаций в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 2. С. 66-76.
290. Письмо А.И. Георгиевскому. 2/14 января 1865 г. Ницца. Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. М.: Классика, 2004. С. 89-93.
291. *Платон*. Диалоги / пер. с др.-греч. А. Егунова, В. Карпова. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 800 с.
292. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. / пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса. М.: Издательство «Э», 2017. 704 с.
293. *Пляйс Я.А*. Политология в контексте переходной экономики России. М.: РОССПЭН, 2009. 446 с.
294. *Полибий.* Всеобщая история. Т. I (кн. I-V). М., 1890. Пер. с греч. и комментарии Ф. Г. Мищенко. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1445001000#2 (дата обращения 12.02.2026).
295. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: Монография / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 351 с.
296. Политические Telegram-каналы: 2025 год. URL: https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/14420/ (дата обращения 12.05.2026).
297. *Полудина В.П.* Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011.Т. 14. № 5. С. 386-394.
298. *Поляков М.Л.* Основные подходы к типологии цифровых медиаплатформ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 399-413.
299. *Попов Д.В*. «Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики». Омск. 2021. 144 с.
300. *Поцелуев С.П.* Диалог и парадиалог как формы дискурсивного взаимодействия в политической практике коммуникативного общества : дисс ... доктора политических наук : Ростов-на-Дону: ЮФУ. 2010. 448 с.
301. *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук, 2000. 573 с.

302. Предложения ЦК КПК по разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития (Приняты 4-м пленумом ЦК КПК 20-го созыва 23 октября 2025 года). URL: https://en.theorychina.org.cn/c/2025-10-29/1534664.shtml (дата обращения 12.05.2026).
303. Проект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения 12.05.2026).
304. *Прокудин Б.А.* Общественные идеалы в русской художественной литературе периода Великих реформ: историко-политологический анализ. Издательство Квадрига Москва, 2024. 500 с.
305. *Пружинин Б.И., Ажимов Ф.Е., Бендерский И.И., Даценко П.А., Загуменнов А.В., Кажаева Н.А., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Ратушина Д.В., Сабанчеев Р.Ю., Шушкина А.Г., Щедрина И.О., Щедрина Т.Г.* Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы “круглого стола” // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 5-42.
306. *Пряников М.М., Чугунов А.В.* Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 6. P. 49-55.
307. *Публий Корнелий Тацит*. Анналы / перевод с латинского А.С. Бобовича. М.: ООО «Издательство Родина», 2023. URL: https://mybook.ru/author/publij-tacit/annaly-3/read/?ysclid=mr5y4gf78c81721959 (дата обращения 12.02.2026).
308. *Путин В.В.* Послание Президента Федеральному Собранию. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565 (дата обращения 13.03.2026).
309. Путин создал комиссию по вопросам развития ИИ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8463509?ysclid=mp13br5jmb782822807 (дата обращения 12.05.2026).
310. *Пушкарева Г.В.* Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. 336 с.
311. *Пую А.С. и др.* Медиакратия: современные теории и практики. Автономная некоммерческая организация "Издательство Санкт-Петербургского государственного университета", 2013. 352 с.
312. *Пую А.С.* Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов // Меди@льманах. 2023. № 1 (114). С. 54-58.
313. *Пырма Р.В.* Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63-69.
314. Размер и доля рынка Metaverse по платформам (настольные, компьютерные, мобильные устройства, гарнитуры); продуктам; технологиям; приложениям; конечным пользователям – SWOT-анализ, конкурентная стратегия, региональные тенденции 2026-2035 гг. URL: https://www.researchnester.com/ru/reports/metaverse-market/3925 (дата обращения 24.02.2025).
315. *Раймон А.* Опиум интеллектуалов. М.: Издательство АСТ, 2015. 480 с.

316. *Ракитов А.И.* Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19.
317. *Распопова С.С.* Тактические медиа и журналистика в современном медиапространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. №. 3 (37). С. 83-88.
318. Расходы на цифровую трансформацию. URL: https://www.tadviser.ru/a/525604 (дата обращения 12.02.2026).
319. Резолюция A/RES/60/252, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 марта 2006 года. URL: http://www.ifap.ru/ofdocs/un/60252.pdf (дата обращения: 10.12.2024).
320. Резолюция A/RES/80/173, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2025 года. URL: https://dig.watch/resource/wsis20-resolution (дата обращения: 10.03.2025).
321. Рейтинг крупнейших технологических компаний BigTech 100. URL: https://smartranking.ru/ru/ranking/big-tech/ (дата обращения 20.04.2026).
322. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. М.: РИОР, 2020. 349 с.
323. *Ровинская Т.Л.* Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 22-36.
324. *Романова А.П., Федорова М.М.* Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан) // Сравнительная политика. 2023. Т. 14(3). С. 60-78.
325. Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы: Научное издание/ Под ред. Л.В. Сморгунова / Е.Б. Шестопал, Л.В. Сморгунов, А.И. Соловьев и др. Аспект Пресс Москва, 2015. 375 с.
326. Россияне назвали инфлюенсеров, которым доверяют больше всего. URL: https://ria.ru/20240207/doverie-1925907621.html (дата обращения 20.05.2026).
327. Руководители РОП приняли участие в круглом столе ЭИСИ на площадке РИА Новости. URL: https://ruspolitics.site/sobytiya/16495/ (дата обращения 12.02.2026).
328. *Русакова О.Ф.* Медиадискурс символической политики памяти о парадах Победы союзников во Второй мировой войне // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 24-43.
329. *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18. №. 3. С. 176-185.
330. *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г.* Медиатизация антикоррупционной политики: теоретический анализ // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 1. С. 123-135.
331. Русская социально-политическая мысль. 1850-1860-е годы: Хрестоматия / Сост.: И.Ю. Демин, А.А. Ширинянц, подг. текстов: А.В. Мырикова, А.М.

Репьева; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2012. 896 с.
332. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.В. Селезневой / С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева и др. М.: Квадрига, 2024. 720 с.
333. *Рыхтик М.И.* Есть ли разное понимание безопасности у основных субъектов современной мировой политики? // Международные отношения и общество. 2019. №. 2. С. 80-82.
334. *Санина А.Г., Семенова А.М., Стырин Е.М., Атаева А.Г.* Цифровое доверие как основа датацентричного управления: результаты опросного эксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 168-194.
335. *Санникова Л.В., Сокольщик И.М.* Правовые проблемы использования чат-ботов в социополитических коммуникациях // Государство и право. 2023. № 1. С. 68-78.
336. *Сегал А.П., Костикова А.А.* Философские проблемы Метавселенной. Насколько реален виртуальный мир и виртуален реальный? // Искусственные общества. 2022. Т. 17. № 3. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800017910-0-1/ (дата обращения 01.06.2026).
337. *Сковиков А.К.* Политические партии как акторы гражданского общества // Евразийский юридический журнал. 2014. №. 10. С. 203-205.
338. *Смирнова Т.В., Унжакова И.А*. Семиотическое знание о массовой коммуникации Умберто Эко и проблемы познания цифровой реальности // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 17-23.
339. *Сморгунов Л.В.* Институты публичного управления интернетом: сравнительный анализ России, Беларуси и Казахстана // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 24-39.
340. *Сморгунов Л.В.* Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // Политическая наука. 2022. № 3. С. 100-121.
341. *Сморгунов Л.В.* Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13-36.
342. *Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216-230.
343. *Соловьев А.И.* Латентный функционал публичной политики // Политическая наука. 2022. № 3. С. 57-79.
344. *Соловьев А.И.* Политика и управление государством. Очерки теории и методологии. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 256 с..
345. *Соловьев А.И.* Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.
346. *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. № 6. С. 29-38.

347. *Соловьев А.И.* Узнавание политики: эпистемические размежевания и контуры политологии Будущего // Полис. Политические исследования. 2025. № 5. С. 58-79.
348. *Сорокин П.А.* Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // «Мониторинг общественного мнения», №2(70), 2004. С. 102-110.
349. Социальная архитектура России: наука и тренды будущего. URL: https://pressria.ru/20260212/958733890.html (дата обращения 12.02.2026).
350. *Спиридонова В.И.* Государство-цивилизация как новая формула существования в XXI веке // Общественные науки и современность. 2022. Т. 3. С. 116-127.
351. *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: Институт философии Российской академии наук, 2016. 122 с.
352. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
353. статьи и интервью, 1970-1984. М.: Праксис, 2006. 320 с.
354. *Стриганкова Е.Ю.* Методология зарубежной коммуникативистики в исследовании политических практик // Власть. 2011. № 4. С. 91-94.
355. *Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П.* Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480-498.
356. *Сунгуров А.Ю.* Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2009. Кн 1. С. 500-508.
357. *Телин К.О.* Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 55-74.
358. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: мировая и Российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74-100.
359. Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации / отв. ред. Л.П. Громова. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2025. 386 с.
360. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: Пер. с анг. / Э.Тоффлер. М.: «Издательство АСТ», 2004. 668 с.
361. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2004. 795 с.
362. Трамп опубликовал видео с песней "Бомбить Иран". URL: https://ria.ru/20250625/tramp-2025270771.html (дата обращения 12.05.2026).
363. *Турчин А.В., Батин М.А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? 2-е издание (электронное). Москва: Лаборатория знаний, 2014. 290 с.
364. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. 224 с.
365. Управленческая элита Российской Империи (1802–1917). СПб: Лики России, 2008. 693 с.

366. Участие молодежи в политической жизни страны. URL: https://fom.ru/Politika/14842 (дата обращения 01.04.2026).
367. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.
368. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 12.02.2026).
369. *Федорова М.М.* Современность. Несовременность. Анахронизм (перекрестья истории и политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №. 2 (63). С. 110-119.
370. *Федорова М.М.* Философия и политика // Философский журнал. 2012. № 2 (9). С. 17-26.
371. *Федорченко С.Н.* Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии. М.: МГОУ, 2018. 200 с.
372. *Федорченко С.Н.* Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 34-57.
373. *Федорченко С.Н.* Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. Москва: Издательство Проспект, 2024. 480 с.
374. *Федякин А.В.* Исторический выбор российской нации // Вестник Российской нации. 2024. №. 2. С. 9-10.
375. *Федякин А.В.* Политика формирования позитивного образа государства (вопросы теории) // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 3. С. 11-24.
376. *Фергюсон Н.* Площадь и башня. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2020. 736 с.
377. *Филатова О.Г.* Электронное взаимодействие власти и общества: медиаэкосистемный подход : дис … доктора политических наук : Москва, 2024. 365 с.
378. *Филиппова Л.Е.* "Политизация" vs" деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука. 2018. №. 2. С. 95-115.
379. *Филиппова Л.Е.* "Политизация" vs" деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука. 2018. №. 2. С. 95-115.
380. Философия коммуникации: проблемы и перспективы / Под ред. д.ф.н., проф. С.В. Клягина, д.ф.н. проф. О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Потитехн. ун-та, 2013. 260 с.
381. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: Издательство АСТ, 2019. 368 с.
382. *Фукидид.* История / пер. с греч. Г. Стратановского. М.: Издательство АСТ, 2022. 896 с.
383. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. 320 с.

384. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б.М. Скуратова под общей ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
385. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.
386. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. / Пер. с. нем. Б. М. Скуратова. М.: Весь мир, 2012. 155 с.
387. *Хабермас Ю.* Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.
388. *Хан Б.-Ч.* Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: АСТ, 2025. 160 с.
389. *Харийс Т.* Перикл на все времена // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. №. 10 (53). С. 117-154.
390. *Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.В.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Том 6. № 3. С. 9-19.
391. *Хепп А.* Исследование коммуникативных фигураций медиатизированных миров в условиях «тотальной медиации» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38(2). С. 98-123.
392. *Хисген Р., Вейл А. ван дер*. Человек читающий. Значение книги для нашего существования. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025. 464 с.
393. *Хоанг К.К.* Паутинный капитализм. Как глобальные элиты эксплуатируют пограничные рынки. Ереван: Fortis Press. 2025. 372 с.
394. *Хохлов Ю.Е., Шапошник С.Б.* Государственная политика развития информационного общества и роль других заинтересованных сторон // Информационное общество. 2016. № 4-5. С. 8-9
395. *Цаплин А.Ю.* Политические характеристики информационного общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2008. Т. 8. №. 1. С. 117-121.
396. *Цицерон М.Т.* Марка Туллия Цицерона Лелий или О дружестве / переведено с латинскаго [Михаилом Павловым]. В Санктпетербурге : Печатано иждивением книгопродавца С.И. Шеля : типография Императорскаго Сухопутного шляхетнаго кадетскаго корпуса, 1781. 70 с. URL: https://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/44161/1/0031902.pdf (дата обращения 12.02.2026).
397. *Цицерон М.Т.* Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., «Наука», 1993. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1423775001&ysclid=mr5xomm469499393048 (дата обращения 10.06.2026).
398. *Цыганков П.А., Цыганков А.П.* Глобальность и самобытность: русская идея и международная теория в XXI веке. М.: Проспект, 2024. 280 с.

399. Человек и технологический прогресс: антропологическая повестка мирового развития / В.Э. Багдасарян, С.В. Володенков, И.Е. Жмурин и др. Шукаева и семья Ярославль, 2025. 708 с.
400. Чемпион мира по игре в го из Китая проиграл все три матча программе AlphaGo. URL: https://tass.ru/sport/4287392 (дата обращения 20.04.2026).
401. *Чеха В.В.* Цифровые платформы как новые субъекты образовательных отношений // Наука и школа. 2021. №. 3. С. 81-93.
402. *Чугров С.В.* Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88-98.
403. *Чумиков А.Н.* Кто влияет в новых медиа и как обеспечивается контрвлияние: опыт российских практиков // Коммуникология. 2014. Т. 3. №. 1. С. 47-53.
404. *Чумиков А.Н., Балелин Е.В., Шульц Э.Э.* Сетевые инфлюенсеры в бизнесе и политике как гейткиперы медиакоммуникационного поля // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 2(56). С. 36-45.
405. *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. 200 с.
406. *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: АльянсАрхео, 2011. 352 с.
407. *Шаронов Д.И.* Границы как иллюзия: исторические перипетии «медиатизации». Историческая и социально образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. С. 155-161.
408. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.
409. *Швейцер А.* Культура и этика / пер. с нем. Н.А. Захарченко, Г.В. Колшанского; общ. ред. и предисл. проф. В.А. Карпушина. М.: Прогресс. 1973. 342 с.
410. *Шелонаев С.И.* Бренд территорий: дискурсивные поля как маркетинговый ресурс // Век информации. 2015. № 3. С. 288-290.
411. *Шестопал Е.Б.* Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 3. С. 181-191.
412. Шилина М.Г. Медиатизация в контексте глобального кризиса: темпоральность как модальность исследования // Российская школа связей с общественностью. 2022. №. 24. С. 45-57.
413. *Ширинянц А.А.* «Русское хранительство»: к истории разработки концепции // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 6. С. 24-37.
414. *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Издательство Московского университета, 2011. 649 с.
415. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст., примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль. 1993. 663 с.

416. *Шутов А.Ю., Топычканов А.В.* К истории и современному состоянию академической периодики в области политических наук (к 50-летию журнала вестник московского университета. серия 12. политические науки) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 5. С. 7-28.
417. *Щипков А.В.* Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 28-34.
418. Эксперты обсудили переход от политтехнологий к социальной архитектуре. URL: https://rg.ru/2025/01/16/eksperty-obsudili-perehod-ot-polittehnologij-k-socialnoj-arhitekture.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fpolit.msu.ru%2F (дата обращения 12.02.2026).
419. Эксперты определили ключевые медиатренды годы. URL: https://companies.rbc.ru/news/fPNE1FLKEA/ekspertyi-opredelili-klyuchevyie-mediatrendyi-goda/ (дата обращения 20.05.2026).
420. Эксперты ЭИСИ: появление социальных архитекторов обусловлено запросом общества. URL: https://eisr.ru/news-and-announcements/eksperty-eisi-poyavlenie-sotsialnykh-arkhitektorov-obuslovleno-zaprosom-obshchestva-/?ysclid=mmt072pi5h918801874 (дата обращения 12.02.2026).
421. Эмоции, карьера и смысл жизни. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/691c85219a794744e121d945 (дата обращения 12.05.2026).
422. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
423. *Юхно А.С.* Понятие, особенности и перспективы развития концепции метавселенной // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 4. С. 6-19.
424. *Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. 2019. Т. 5. № 3. С. 208-223.
425. *Яковлева О.К.* Благотворительное поведение как форма социального активизма в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 4. С. 614-621.
426. *Якунин В.И., Кузнецов И.И., Вилисов М.В.* Устойчивость государственных систем на постсоветском пространстве: контуры теоретической модели // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 6-33.
427. *Ястребова О.А.* Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 3. С. 315-328.
428. «ВКонтакте» впервые обошла YouTube по месячному охвату среди россиян. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/528821-vkontakte-vpervye-obosla-youtube-po-mesacnomu-ohvatu-sredi-rossian (дата обращения 12.02.2026).
429. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. М.: Издательство «Весь мир», 2024.

3 из 10 экономически активных россиян полностью игнорируют телевизор. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/115590/4-iz-10-ekonomicheski-aktivnyh-rossiyan-polnostyu-ignoriruyut-televizor/ (дата обращения 12.02.2026).
430. *Abbate J.* Inventing the internet. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT press, 2000. 283 p.
431. *Acs Z.J.* Global Digital Platform Economy, The // The Palgrave Encyclopedia of Entrepreneurship. Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 1-7.
432. Agreement on the creation of the "Japan Metaverse Economic Zone". URL: https://info.archives.global.fujitsu/global/about/resources/news/press-releases/2023/0227-02.html (дата обращения 07.04.2026).
433. *Ahmed S., Masood M.* Dark personalities in the digital arena: how psychopathy and narcissism shape online political participation // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. №. 1. P. 1-11.
434. AI's Influence Runs Deeper Than You Think – 2026. URL: https://www.gartner.com/en/articles/strategic-predictions-for-2026 (дата обращения 12.02.2026).
435. Alerting the World to RT's Global Covert Activities. URL: https://2021-2025.state.gov/alerting-the-world-to-rts-global-covert-activities/ (дата обращения 07.04.2026).
436. *Ali S. et al*. Understanding the Effect of Deplatforming on Social Networks // Proceedings of the 13th ACM Web Science Conference 2021. 2021. P. 187-195.
437. *Alibašić H.* The post-factual polity: Ethical, governance, administrative, and policy crises in the disinformation era. Emerald Publishing Limited, 2024. 206 p.
438. *Almond G.A.* The Political Sistem // The Political of the Developing Areas / Edit. By Gabriel A. Almond and James Coleman, Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1960. P. 7.
439. *Altheide D., Snow R.* Media Logic. London: Sage Publications, 1979. 256 p.
440. *Altheide D., Snow R.* Toward a Theory of Mediation // Communication Yearbook 11. 1988. P. 195.
441. *Altheide D.L.* Media Logic. In The International Encyclopedia of Political Communication, G. Mazzoleni (Ed.) 2016. Vol. 1(6). P. 703-706.
442. *Altheide D.L., Snow R.P.* Media Logic and Culture: Reply to Oakes // International Journal of Politics, Culture and Society. 1992. Vol. 5 № 3. P. 466.
443. *Amna E., Berglez P.* Politikens medialisering. Stockholm: Liber, 1999. 126 p.
444. *Aneesh A.* Virtual Migration: The Programming of Globalization. Durham, NC; London, UK: Duke University Press. 2006. 208 p.
445. Artificial intellect. Survey of Scientists Finds A Stability of Faith in God. URL: https://www.nytimes.com/1997/04/03/us/survey-of-scientists-finds-a-stability-of-faith-in-god.html?sec=&spon=&pagewanted=all (дата обращения 15.01.2026).
446. *Asadullah A., Faik I., Kankanhalli A.* Digital Platforms: A Review and Future Directions // PACIS, 2018. 248 p.
447. *Asp K.* Medialization, Media Logic and Mediarchy // Nordicom Review. 1990. Vol. 11(2). P. 47-50.

448. Australian mayor readies world's first defamation lawsuit over ChatGPT content. URL: https://www.reuters.com/technology/australian-mayor-readies-worlds-first-defamation-lawsuit-over-chatgpt-content-2023-04-05/ (дата обращения 12.02.2026).
449. *Baiocchi G., Ganuza E.* Popular democracy: The paradox of participation. Stanford, California: Stanford University Press. 2016. 224 p. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).
450. *Ball M.* The Metaverse: And how it will revolutionize everything. New York: Liveright, 2022. 370 p.
451. *Ball M.* The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. URL: https://www.matthewball.vc/all/themetaverse (дата обращения: 20.02.2025).
452. *Baran P.* On Distributed Communications Networks Journal. IEEE Trans. Comm. Systems, March 1964. P. 1-10.
453. *Barzilai-Nahon K.* Gatekeeping: A critical review // Annual review of information science and technology. 2009. Vol. 43. №. 1. P. 1-79.
454. *Bennett W. L., Segerberg A.* The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics // Handbook of digital politics. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 287-338.
455. *Bennett W.L., Livingston S.* Platforms, Politics, and the Crisis of Democracy: Connective Action and the Rise of Illiberalism // Perspectives on Politics. 2025. № 23(4). P. 1362-1381.
456. *Beveridge R.* The (ontological) politics in depoliticisation debates: Three lenses on the decline of the political // Political studies review. Oxford; Malden, Mass., 2017. Vol. 15 (4). P. 589-600.
457. *Bimber B., Flanagin A., Stohl C.* Collective action in organizations: Interaction and engagement in an era of technological change. Cambridge University Press, 2012. 240 p.
458. *Blumler J. G.*, Gurevitch M. Americanization Reconsidered: UK-US Campaign Communication Comparisons across Time// Mediated Politics: Communication in the Future of Democracy/ed. by W. L. Bennett, R. M. Entman. Cambridge, 2000. P. 380-403.
459. *Blumler J.* Mediatization as a Combination of push and pull Forces: Examples During the 2015 UK General Election Campaign // Journalism. 2019. Vol. 2. № 7. P. 855-872.
460. *Blumler J.G.* Mediatization and democracy // Mediatization of politics: Understanding the transformation of Western democracies. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. P. 31-41.
461. *Bolin G.* Communicative AI and techno-semiotic mediatization: Understanding the communicative role of the machine // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 7. P. 65-82.
462. *Bolin G.* Institution, Technology, World: Relationships between the Media, Culture and Society. Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 21. P. 193-194/
463. *Bonina C. et al.* Digital platforms for development: Foundations and research agenda // Information systems journal. 2021. Vol. 31. №. 6. P. 869-902.

464. *Bonini T., Treré E.* Algorithms of resistance: The everyday fight against platform power. Cambridge, Massachusetts: Mit Press, 2024. 241 p.
465. *Boudreau K.J., Lakhani K.R.* How to Manage Outside Innovation // MIT Sloan Management Review. 2009. Vol. 50. №. 4. P. 69-76.
466. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community: Robert D. Putnam. N.Y.: Simon & Schuster. 2000. 541 p.
467. *Bradford A.* Digital empires: The global battle to regulate technology. N.Y.: Oxford University Press. 2023. 599 p.
468. Brand Analytics. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-kazakhstan-summer-2024 https://brandanalytics.ru/blog/social-media-uzbekistan-autumn-2024 (дата обращения 15.05.2026).
469. *Byung-Chul Han.* Digitale Rationalität und das Ende des kommunikativen Handelns. Berlin: Matthes & Seitz, 2013. 44 p.
470. Byung-Chul Han. In the Swarm: Digital Prospects. Cambridge, MA: MIT Press, 2017. 104 p.
471. *Byung-Chul Han.* What Is Power?. Cambridge and Medford, MA: Polity Press, 2019. 120 p.
472. Cambridge dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/metaverse (дата обращения: 20.02.2025).
473. Cancel culture. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture (дата обращения 20.04.2026).
474. *Chaiko M.* Superconnected: the Internet, digital media, and techno-social life. Thousand Oaks: SAGE Publications. 2016. 272 p.
475. *Chandler D., Munday R.* A Dictionary of Media and Communication (3 ed.). N.Y., Oxford: Oxford University Press. 2020. 560 p.
476. *Chandrasekharan E., Pavalanathan U., Srinivasan A. et al.* You Can't Stay Here: The Efficacy of Reddit's 2015 Ban Examined through Hate Speech // Proceedings of the ACM on Human-computer Interaction. 2017. Vol. 1. №. CSCW. Art. 31. P. 1-22.
477. *Chen Z. et al.* Metaverse security and privacy: An overview // 2022 IEEE international conference on big data (big data). 2022. P. 2950-2959.
478. *Cinelli M, De Francisci Morales G, Galeazzi A, Quattrociocchi W, Starnini M.* The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. Vol. 118. №. 9. P. e2023301118.
479. *Cinelli M., De Francisci Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M.* The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. T. 118. №. 9. P. e2023301118.
480. *Couldry N.* Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice. Cambridge: Polity Press, 2012. 242 p.
481. *Couldry N.* Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling // New Media Society. 2008. Vol. 10 (373). P. 373-392.

482. *Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 256 p.
483. *Couldry N., Mejias U.* The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford, California: Stanford University Press, 2019. 352 p. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).
484. *Coulet C.* Communiquer en Grèce ancienne: Écrits, discours, information, voyages. Paris Les Belles Lettres. 1996. 237 p.
485. *Craig R.T.* Communication Theory as a Field // Communication Theory. 1999. Vol. 9. Issue 2. P. 119-161.
486. *Crombez C., Groseclose T., Krehbiel K.* Gatekeeping // The Journal of Politics. 2006. Vol. 68. №. 2. P. 322-334.
487. *Dalton R.J.* The Participation Gap: Social Status and Political Inequality. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2017. 239 p.
488. *De Filippi P.* Citizenship in the era of blockchain-based virtual nations // Debating Transformations of National Citizenship. Springer, Cham. 2018. P. 267-277.
489. *De Masi V., Di Q., Li S., Song Y.* China's policies and investments in metaverse and AI development: implications for academic research // Online Media and Global Communication. 2025. Vol. 4. P. 109-139.
490. *Deacon D., Stanyer J.* Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? Media, Culture & Society. 2014. Vol. 36. № 7. P. 1032-1044.
491. Demand: Global electricity use to grow strongly in 2025 and 2026. URL: https://www.iea.org/reports/electricity-mid-year-update-2025/demand-global-electricity-use-to-grow-strongly-in-2025-and-2026 (дата обращения 12.05.2026).
492. *Deutsch K.W.* The nerves of government. Models of political communication and control. N.Y., 1963. 316 p.
493. *Díaz J.E.M., Saldaña C.A.D., Avila C.A.R.* Virtual world as a resource for hybrid education // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15. № 15. P. 94-109.
494. *Diehl J.A., Chan I.S.L.* Is it just apathy? Using the Theory of Planned Behaviour to understand young adults'(18 to 35 years old) response to government efforts to increase planning participation in Singapore // Urban Governance. 2021. T. 1. №. 2. P. 89-97.
495. Digital 2025: Global Overview Report URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report (дата обращения 15.05.2026).
496. Digital Planet 2025. URL: https://digitalplanet.tufts.edu//wp-content/uploads/2025/dei/Digital-Evolution-Index-2025.pdf (дата обращения 12.05.2026).
497. *Dong S., Liu M., Abbas K.* The Metaverse Review: Exploring the Boundless Realm of Digital Reality // Computers, Materials & Continua. 2024. T. 81. № 3. P. 3451-3498.
498. *Donges P.* Mediatization of Political Organizations: Changing Parties and Interest Groups? // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 181-199.

499. *Dwivedi Y. K. et al.* Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. P. 102542.
500. *Dwivedi Y.K., Hughes L., Baabdullah A.M. et al*. Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. P. 102542.
501. *Easton D.* A Framework for Political Analysis. Chicago, 1979. 142 p.
502. *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953. 320 p.
503. *Easton D.A.* Systems Analysis of Political Life. N.Y.: John Wiley & Sons, 1965. 507 p.
504. Echo chamber // Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/us/definition/english/echo-chamber (дата обращения 09.07.2026).
505. *Elias N.* What is sociology? London: Hutchinson, 1978. 187 p.
506. Employment in services (% of total employment). URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?most_recent_value_desc=false (дата обращения 12.02.2026).
507. *Engen B.K., McGarr O.* The postdigital divide // Postdigital Science and Education. 2025.
508. *Ermakova E.P.* Blockchain, metaverses and NFT in civil procedure and arbitration in Russia, China and USA. RUDN Journal of Law. 2023. 27 (1). P. 148-165
509. *Esposito E.* Artificial communication? The production of contingency by algorithms // Zeitschrift für Soziologie, 2017. Vol. 46. № 4. P. 249-265.
510. *Finnemann N.* Digitization: new trajectories of mediatization? // Mediatization of Communication. 2014. P. 297-321.
511. *Firmstone J., Coleman S.* Public engagement in local government: the voice and influence of citizens in online communicative spaces // Information, Communication & Society. 2015. № 18(8). P. 680-695.
512. *Fontevecchia A.* The Fallacy Of ‘Deplatforming’ Donald Trump. URL: https://www.forbes.com/sites/afontevecchia/2021/01/20/the-fallacy-of-deplatforming-donald-trump/ (дата обращения 20.04.2026).
513. Forecasting the “Chinaverse” in a Web3 Future. URL: https://pandaily.com/forecasting-the-chinaverse-in-a-web3-future/ (дата обращения 01.03.2023).
514. *Garland R.* Is post-truth another word for political spin or a radical departure from it? Evidence from behind the scenes in UK government communications: 1997-2015 // International Journal of Media & Cultural Politics. 2018. Vol. 14. № 3. P. 333-350.
515. Gartner IT Spending by Country, 3Q25 Update. URL: https://www.gartner.com/en/documents/7200130 (дата обращения 12.02.2026).
516. Gartner Predicts 25% of People Will Spend At Least One Hour Per Day in the Metaverse by 2026. URL: https://www.gartner.com/en/newsroom/press-

releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026 (дата обращения 24.02.2023).
517. Gartner: объем мирового IT-рынка в 2025 г. превысит $5,4 трлн, а его основным драйвером станут ИИ ЦОД. URL: https://servernews.ru/1126501 (дата обращения 12.02.2026).
518. *Gavra D.P., Bykova E.V., Savitskaya A.S., Dekalov V.V., Taranova Yu.V.* Mediatization of a Local Incident in a Digital Network Space: Interpretation of the Concept and Research Program // Proceedings of the 2020 IEEE Communication Strategies in Digital Society Seminar, ComSDS 2020. P. 99-103.
519. *Giddens A.* The Constitution of Society. Cambridge: Polity, 1984. 402 p.
520. Global AI Adoption Index 2026. URL: https://alicelabs.ai/reports/global-ai-adoption-index-2026 (дата обращения 12.02.2026).
521. *Godwin M.* Cyber Rights: Defending Free Speech in the Digital Age. Cambridge: MIT Press, 2003. 426 p.
522. *González-Bailón S., Wang N.* Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // Social Networks, 2016. Vol. 44. P. 95-104.
523. *Goodwin T.* The Battle Is for The Customer Interface. URL: https://techcrunch.com/2015/03/03/in-the-age-of-disintermediation-the-battle-is- all-for-the-customer-interface (дата обращения: 10.12.2024).
524. Google заблокировал панафриканское СМИ после обвинений в связях с РФ. URL: https://afrinz.ru/2024/10/google-zablokiroval-panafrikanskoe-smi-posle-obvinenij-v-svyazyah-s-rf/ (дата обращения 07.04.2026).
525. *Gray J. E., & Tang W.* The Chinese metaverse: An analysis of China's policy agenda for extended reality (XR) // Policy & Internet, 2025. Vol. 17(1). P. e418.
526. *Gutorov V., Sootla G.* On the Role of E-Technology Innovations in Agile and Interactive Policymaking // CEUR Workshop Proceedings. 2021. Vol. 2813: Proceedings of the International Conference "Internet and Modern Society" (IMS-2020), St. Petersburg, Russia, 17-20 June 2020. Radomir V. Bolgov, Andrei V. Chugunov, Alexander E. Voiskounsky (eds.). 2021. P. 300-317.
527. *Hagiu A.* Merchant or Two-Sided Platform // Review of Network Economics. 2007. Vol. 6. № 2. P. 115-133.
528. *Harrington S.* What if 'journalism'is the problem?: Entertainment and the 'De-mediatization'of politics // Entertainment Values: How do we Assess Entertainment and Why does it Matter?. London : Palgrave Macmillan UK, 2017. P. 165-178.
529. Heightening Historical Consciousness and Strengthening Confidence in Chinese Culture Through the Study of the History of Chinese Civilization. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/Qiushi/2022-10/28/c_824108.htm (дата обращения 15.02.2026).
530. *Hepp A.* Deep Mediatization. New York: Routledge, 2020. 248 p.
531. *Hepp A.* The Communicative Figurations of Mediatized Worlds: Mediatization Research in Times of the "Mediation of Everything" // European Journal of Communication. 2013. Vol. 28 (6) P. 615-629.
532. *Hepp A.* Transforming communications: Media-related changes in times of deep mediatization // Communicative Figurations Working Paper Series. 2017. P. 6-121.

533. *Hepp A., Breiter A., Hasebrink U.* Rethinking Transforming Communications: An Introduction // Transforming Communications – Studies in Cross-Media Research. 2017. P. 7-8.
534. *Hepp A., Couldry N.* Necessary Entanglements: Reflections on the Role of a "Materialist Phenomenology" in Researching Deep Mediatization and Datafication // Sociologica. 2023. Vol. 17. № 1. P. 137-153.
535. *Hepp A., Hjarvard S., Lundby K.* Mediatization: Theorizing the Interplay Between Media, Culture, and Society // Media, Culture & Society. 2015. Vol. 37. № 2. P. 314-324.
536. *Hepp A., Loosen W., Hasebrink U.* Jenseits des Computational Turn: Methodenentwicklung und Forschungssoftware in der Kommunikations-und Medienwissenschaft–zur Einführung in das Themenheft // M&K Medien & Kommunikationswissenschaft. 2021. T. 69. №. 1. P. 3-24.
537. *Heyer P.* Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization. N. Y.: Greenwood Press, 1988. Chapter XIV.
538. *Hjarvard S.* "Doing the Right Thing: Media and Communication Studies in a Mediatized World" // Nordicom Review. 2012. 33(1). P. 30.
539. *Hjarvard S.* The logics of the media and the mediatized conditions of social interaction // Media logic (s) revisited: Modelling the interplay between media institutions, media technology and societal change. Cham : Springer International Publishing, 2017. P. 63-84.
540. *Hjarvard S.* The mediatization of culture and society. London: Routledge, 2013. 173 p.
541. *Hjarvard S.* The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. Vol. 29. P. 105-134.
542. *Hjarvard S., Lövheim M.* Mediatization and religion: Nordic perspectives. Nordicom, University of Gothenburg, 2012. 212 p.
543. I Study Financial Markets. The Nvidia Rout Is Only the Start. URL: https://www.nytimes.com/2025/01/28/opinion/nvidia-deepseek-ai-valuation-ouroboros.html (дата обращения 20.04.2026).
544. Individuals using the Internet (% of population) - Russian Federation. URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?locations=RU (дата обращения 12.02.2026).
545. Individuals using the Internet (% of population). URL: https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?most_recent_value_desc=true (дата обращения 12.02.2026).
546. *Innis H.* The bias of communication. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 304 p.
547. Internet Governance Forum – IGF. URL: https://intgovforum.org/en (дата обращения 10.04.2026).
548. *Interrante V., Hollerer T. H., Lecuyer A.* Virtual and augmented reality // IEEE Computer Graphics and Applications. 2018. Vol. 38. № 2. P. 28-30.
549. Iranians Voice Shock and Defiance in Face of Trump's Looming Deadline. URL: https://www.nytimes.com/2026/04/07/world/middleeast/iran-shock-defiance-trump-deadline-threat.html (дата обращения 20.04.2026).

550. It’s the End of the Web as We Know It. URL: https://www.wsj.com/tech/ai/its-the-end-of-the-web-as-we-know-it-2ab686a2 (дата обращения 12.05.2026).
551. *Jansson A.* Mediatization and Mobile Lives: A Critical Approach. London: Routledge, 2018. 200 p.
552. *Jansson A.* Mediatization as a Framework for Social Design: For a Better Life with Media // Design and Culture. 2018. Vol. 10(1). P. 233-252.
553. *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. New York and London: New York University Press, 2006. 368 p.
554. *Joyce M.* Digital activism decoded: the new mechanics of change. New York: International Debate Education Association, 2010. 240 p.
555. *Kahne J., Middaugh E., Allen D.* Youth, new media, and the rise of participatory politics // From voice to influence: Understanding citizenship in a digital age. 2015. T. 35. P. 35-55.
556. *Kalpokas I.A.* Political Theory of Post-Truth. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 145 p.
557. *Karabel J.* Towards a theory of intellectuals and politics // Theory and Society. 1996. P. 205-233.
558. *Kazakov A.* Post-truth as a main feature of modern media landscape and primary concern of media education // Media Education. 2019. №. 4. P. 500-507.
559. *Keane J.* Democracy and media decadence. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 255 p.
560. *Keane J.* The media and democracy. Cambridge. Polity Press, 1991. 202 p.
561. *Kepplinger H.M.* Mediatization of politics: Theory and data // Journal of communication. 2002. T. 52. №. 4. P. 972-986.
562. *Klinenberg D.* Does Deplatforming Work? Unintended Consequences of banning far-right content creators from social media (January 27, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4019767 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4019767 (дата обращения 20.04.2026).
563. *Kniazeva M., Aiello G., Dasmi C., Mazzoli V., Nechaeva O., & Syed F.U.* Why fashion brands enter the metaverse: Exploring the motivations of fast fashion and luxury fashion brands // Journal of Global Fashion Marketing. 2024. 15(1). P. 62-89.
564. *Koetsier J.* Hong Kong Protestors Using Mesh Messaging App China Can't Block: Usage Up 3685% // Forbes.com. 02.09.2020. URL: https://www.forbes.com/sites/johnkoetsier/2019/09/02/hong-kong-protestors-using-mesh-messaging-app-china-cant-block-usage-up-3685/#2c6b955f135a (дата обращения 21.11.2021).
565. *Konrad Gy. & Szelényi I.* Intellectuals and domination in post-communist societies// Social theory for changing society / ed. P. Bourdieu, J.S. Coleman. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, 1991. P. 337-361.
566. *Koppenjan J.F.M., Klijn E.H.* Managing uncertainties in networks: a network approach to problem solving and decision making. Psychology Press, 2004. 289 p.
567. Korean New Deal. National strategy for a great transformation. URL: https://english.moef.go.kr/skin/doc.html?fn=Korean%20New%20Deal.pdf&rs=/result/upload/mini/2020/07/ (дата обращения 22.02.2023).

568. *Kramnick I.* Bolingbroke and his circle: the politics of nostalgia in the age of Walpole. Cornell University Press, 1992. 321 p.
569. *Krotz F.* Mediatization: A Concept with Which to Grasp Media and Societal Change // Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York: Peter Lang, 2009. P. 21-40.
570. *Krotz F., Hepp A.* A Concretization of Mediatization: How 'Mediatization Works' and Why Mediatized Worlds are a Helpful Concept for Empirical Mediatization Research // Empedocles: European Journal for the Philosophy of Communication. 2011. Т. 3. №. 2. P. 137-152.
571. *Kwet M.* Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. Race & Class. 2019. Vol. 60. №. 4. P. 3-26.
572. *Lanier J.* Who owns the future? N.Y.: Simon and Schuster, 2014. 396 p.
573. Largest Companies by Market. URL: https://companiesmarketcap.com/ (дата обращения 20.04.2026).
574. *Lasswell H.* Propaganda, Communication and Public Order. NJ: Princeton University Press, 1946. 446 p.
575. *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. N.Y., 1944. 178 p.
576. *Lewin K. et al.* Forces behind food habits and methods of change // Bulletin of the national Research Council. 1943. Vol. 108. №. 1043. P. 35-65.
577. *Link P.* «China: The Anaconda in the Chandelier», New York Review of Books, April 11, 2002. URL: https://www.nybooks.com/articles/2002/04/11/china-the-anaconda-in-the-chandelier/ (дата обращения 06.08.2026).
578. *Lippman W.* Public Opinion. N.Y.: Macmillan, 1992. 427 p.
579. *Livingstone S.* On the mediation of everything: ICA presidential address 2008 // Journal of communication. 2009. Vol. 59 (1). P. 1-18.
580. *Livingstone S., Lunt P.* Mediatization: An Emerging Paradigm for Media and Communication Research? // Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 703-724.
581. *Lnenicka M. et al.* Government in the metaverse: Requirements and suitability for providing digital public services // Technological Forecasting and Social Change. 2024. Vol. 203. P. 123346.
582. *Lovink G., Lin N.* Optimist by Nature, Pessimist by Design. Writing Network Cultures // Technology and Language. 2023. № 4(3). P. 118-128.
583. *Lundby K.* Mediatization of Communication: Handbooks of Communication Science. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 738 p.
584. *Lundby K.* Public Religion in Mediatized Transformations. In Institutional Change in the Public Sphere. Views on the Nordic Model, ed. Fredrik Engelstad, Kari Steen-Johnsen, Jon Rogstad, and Håkon Larsen, Warsaw: De Gruyter Open. 2017. P. 241-263.
585. *Lyon D.* The Electronic Eye: The Rise of Surveillance Society. Minneapolis: Polity Press. 1994. 290 p.
586. *Mair P.* Ruling the Void: The hollowing of Western Democracy. London: Verso, 2013. 160 p.

587. *Manda V.K.* Building Blocks, Opportunities, and Challenges of Metaverse in Web 3.0 // Decentralizing the Online Experience With Web3 Technologies. 2024. P. 168-188.
588. *Manin B.* The principles of representative government. Cambridge University Press, 1997. 243 p.
589. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Tokyo, Japan: Institute for the Information Society, 1980. xiv, 171 p.
590. *Marcinkowski F.* Mediatisation of politics: Reflections on the state of the concept // Javnost-the public. 2014. T. 21. №. 2. P. 5-22.
591. *Marcinkowski F*. Mediatization and Political Autonomy: A Systems Approach // Mediatization of Politics: Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 74-89.
592. *Margetts H., Dunleavy P.* The second wave of digital-era governance. A quasi-paradigm for government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2013. Vol. 371, № 1987. Art. № 20120382.
593. Mark in the metaverse. URL: https://www.theverge.com (дата обращения 23.02.2023).
594. *Marriott S.* In pursuit of the ineffable: how television found the eclipse but lost the plot // Media, Culture & Society. 2001. № 23 (6). P. 725-742.
595. *Martín-Barbero J.* Communication, Culture, and Hegemony: From the Media to Mediations. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage. 1993. 272 p.
596. *Mazzoleni G., Schulz W*. "Mediatization" of politics: A challenge for democracy? // Political communication. 1999. T. 16. №. 3. P. 247-261.
597. *Mazzucato M.* The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths (London: Anthem Press, 2013). 304 p.
598. *McCafferty D.* Activism vs. slacktivism // Communications of the ACM. 2011. Vol. 54. №. 12. P. 17-19.
599. *McDermott J.* Those People We Tried to Cancel? They're All Hanging Out Together. URL: https://www.nytimes.com/2019/11/02/style/what-is-cancel-culture.html (дата обращения 20.04.2026).
600. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964. 359 p.
601. *McQuail D.* Media Accountability and Freedom of Publication. New York: Oxford University Press, 2003. 366 p.
602. *Meadow R.G*. Politics as Communication. Norwood, N. J., 1980. 269 p.
603. Mediascope. URL: https://mediascope.net/data/ (дата обращения 12.02.2026).
604. *Mejias U. Couldry N.* Data grab: the new colonialism of Big Tech and how to fight back Chicago, IL: The University of Chicago Press. 2024. 304 p.
605. Metaverse and money. Decrypting the Future. URL: https://ir.citi.com/gps/x5%2BFQJT3BoHXVu9MsqVRoMdiws3RhL4yhF6Fr8us8oHaOe1W9smOy1%2B8aaAgT3SPuQVtwC5B2%2Fc%3D (дата обращения 24.02.2025).
606. *Meyer T.* Mediokratie–Auf dem Weg in eine andere Demokratie // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2002. Vol. 15. №. 16. P. 7-14.

607. *Meyer T., Hinchman L.* Media democracy: How the media colonize politics. Cambridge: Polity, 2002. 184 p.
608. *Milan S., Van der Velden L.* The alternative epistemologies of data activism // Digital culture & Society. 2016. URL: https://ssrn.com/abstract=2850470 (дата обращения 12.02.2026).
609. Milo Yiannopoulos: Who Is the Alt-right Writer and Provocateur? URL: https://www.bbc.com/news/world-us-canada-39026870.amp (дата обращения 20.04.2026).
610. *Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I.R.* Civic activism online: Making young people dormant or more active in real life? // Computes in Human Behavior. 2017. Vol. 70. P. 113-118.
611. *Moro-Visconti R.* From physical reality to the Metaverse: A multilayer network valuation // Journal of Metaverse. 2022. Vol. 2, № 1. P. 16-22.
612. Morton Heilig: Sensorama 1957. URL: https://mediartinnovation.com/2014/06/03/morton-heilig-sensorama-1957/ (дата обращения 12.05.2026).
613. *Moyers B.* A world of ideas: Conversations with thoughtful men a. women about Amer. life today a. the ideas shaping our future. New York etc.: Doubleday, Cop, 1989. 513 p.
614. *Müller V., Steels L., Szathmáry E.* Evolvable AI: Threats of a new major transition in evolution // Proceedings of the National Academy of Sciences. U.S.A. 2026. Vol. 123. №. 17. P. e2527700123.
615. *Mystakidis S.* Metaverse // Encyclopedia. 2022. Vol. 2. № 1. P. 486-497.
616. *Natale S., Depounti I.* Artificial sociality // Human-Machine Communication. 2024. Vol. 7. P. 83-98.
617. New Cool Japan Strategy. URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisakukaigi/titeki2/chitekizaisan2024/pdf/siryou4_e.pdf (дата обращения 12.05.2026).
618. *Nielsen R.K., Ganter S.A.* The power of platforms: Shaping media and society. Oxford University Press, 2022. 272 p.
619. *Norris P.* Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. New York: Cambridge University Press, 2011. 350 p.
620. *North D.C., Weingast B.R.* Constitutions and commitment: the evolution of institutions governing public choice in seventeenth-century England // The journal of economic history. 1989. Т. 49. №. 4. P. 803-832.
621. *Nunziato D.C.* Virtual Freedom: Net Neutrality and Free Speech in the Internet Age. Stanford: Stanford University Press, 2009. 212 p. (Организация [Stanford University, «Стэнфордский университет»] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).
622. *O'Neill M.* Einstein Display Withdrawn over Demand to Censor Text // South China Morning Post. 2002. July 30. URL: https://www.scmp.com/article/386669/einstein-display-withdrawn-over-demand-censor-text (дата обращения: 07.04.2026).

623. OECD «Recommendation of the Council on Digital Government Strategies». URL: https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf (дата обращения 22.02.2024).
624. Once 'Ultra MAGA', Trump Supporters Fume About Iran on Truth Social. URL: https://www.nytimes.com/2026/04/08/us/politics/trump-truth-social-iran.html (дата обращения 20.04.2026).
625. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения 12.05.2026).
626. *Pariser E.* The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. N. Y.: Penguin Press, 2011. 304 p.
627. *Parker G.G., Van Alstyne W., Choudary P.S.* Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You. New York: W.W. Norton & Company. 2016. 352 p.
628. *Phillips K.P.* Mediacracy: American parties and politics in the communications age. New York, 1975. 246 p.
629. *Pickard V., Yang G.* Media Activism in the Digital Age. London: Routledge, 2017. 248 p.
630. *Pilkington H., Pollock G.* 'Politics are bollocks': youth, politics and activism in contemporary Europe //The Sociological Review. 2015. T. 63. P. 1-35.
631. *Pitkin H.F.* The concept of representation. Berkeley: University of California Press, 2023. 332 p.
632. Political Atlas of the Modern World: An experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States / Andrei Melville (ed.), Institute for Public Projects, Expert Magazine. MGIMO – University Press, Moscow, 2009. 256 p.
633. Principles of the Metaverse (Version 2.0) with Additional Explanatio. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/001030673.pdf (дата обращения 12.05.2026).
634. Publication of the Interim Report of the Study Group on the Utilization of Metaverse Towards Web3 Era. URL: https://www.soumu.go.jp/main_sosiki/joho_tsusin/eng/pressrelease/2023/2/10_01.html (дата обращения 12.05.2026).
635. *Pürer H., Raabe J.* Presse in Deutschland. UTB, 2007. 656 p.
636. *Pye L.W.* Political science and the crisis of authoritarianism // American Political Science Review. 1990. Vol. 84. №. 1. P. 3-19.
637. *Rich M.D. et al.* Truth decay: An initial exploration of the diminishing role of facts and analysis in American public life. Rand Corporation, 2018. 324 p. (Организация [RAND Corporation («РЭНД корпорейшн»)] включена в перечень нежелательных на территории Российской Федерации).
638. *Riesman D.* The Lonely Crowd. Garden City, N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1950. 386 p.
639. *Rogers R.* Deplatforming: Following extreme Internet celebrities to Telegram and alternative social media // European Journal of Communication. 2020. Vol. 35. №. 3. P. 213-229.

640. *Runde C.P.* Comparison of Metaverse Strategies Worldwide. URL: https://www.vdc-fellbach.de/dateien/veroeffentlichungen/2024-11_ComparisonofMetaver.pdf (дата обращения 07.04.2026).
641. *Sadeghi-Niaraki A., Rahimi F., Azlan N.A.E.B., Song H., Ali F., Choi S. M.* Groundbreaking taxonomy of metaverse characteristics // Artificial Intelligence Review. 2025. Vol. 58(8). P. 244.
642. *Sakwa R.* Liberalism and post-communism // The Edinburgh companion to contemporary liberalism / General Editor M. Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2001. P. 269-286.
643. *Schultz W.* Reconstructing Mediatization as an Analytical Concept // European Journal of Communication. 2004. № 19 (1). P. 87-101.
644. *Shannon C.E.* Communication in the presence of noise // Proceedings of the Institute of Radio Engineers. 1949. Vol. 37. № 1. Jan. P. 447.
645. *Sharma V., Stephens M., Khurshid S., Pereira V.* Metaverse governance in international business: a systematic literature review (1990–2025) // Review of International Business and Strategy. 2025. Vol. 35. Iss. 5. P. 613-655.
646. *Shirky C.* Cognitive surplus: Creativity and generosity in a connected age. New York: Penguin Press, 2010. 242 p.
647. *Silverstone R.* Why study the media? London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: Sage. 1999. 165 p.
648. *Sitaraman G.* Deplatforming // The Yale Law Journal. 2023. Vol. 133. P. 497-567.
649. *Slater D.* New Media, Development and Globalization: Making Connections in the Global South. Malden, MA: Polity Press, 2013. 242 p.
650. Social media penetration worldwide. URL: https://www.statista.com/statistics/282846/regular-social-networking-usage-penetration-worldwide-by-country/ (дата обращения 12.02.2026).
651. South Korea Launches Metaverse Replica of Seoul. URL: https://www.coindesk.com/web3/2023/01/17/south-korea-launches-metaverse-replica-of-seoul/ (дата обращения 22.02.2023).
652. Speedtest Global Index – Internet Speed around the world. URL: https://www.speedtest.net/global-index (дата обращения 31.03.2026).
653. *Spengler O.* Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte. Munchen: Deutscher Taschenbuch Verlag. 2003.
654. *Srnicek N.* Value, Rent and Platform Capitalism // Work and Labour Relations in Global Platform Capitalism / Eds. J. Haidar, M. Keune. Cheltenham: Edward Elgar, 2021. P. 29-45.
655. *Stasavage D.* The decline and rise of democracy: A global history from antiquity to today. NJ: Princeton University Press. 2020. 424 p.
656. State of Civil Society Report 2020 // Civicus.org. URL: https://www.civicus.org/index.php/state-of-civil-society-report-2020 (дата обращения 12.02.2026).
657. *Stöber R.* Deutsche Pressegeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Herbert von Halem Verlag, 2025. 399 p.

658. *Street J.* Mass Media, Politics and Democracy. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 387 p.
659. *Strömbäck J.* Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // The International Journal of Press/Politics. 2008. Vol. 13. № 3. P. 228-246.
660. *Strömbäck J., Dimitrova D.V.* Mediatization and media interventionism: A comparative analysis of Sweden and the United States // The International Journal of Press/Politics. 2011. Vol. 16. №. 1. P. 30-49.
661. *Strömbäck J., Esser F.* The Mediatization of Politics. Understanding the Transformation of Western Democracies. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 258 p.
662. *Taylor T.J.* Mutual misunderstanding: Scepticism and the theorizing of language and interpretation. Durham, NC: Duke University Press, 1992. 320 p.
663. *Temmerman M., Moernaut R., Coesemans R.* Post-truthand the political: constructions and distortions in representing political facts // Discourse, Context & Media. 2019. Vol. 27. P. 1-6.
664. The Cost of Sequencing a Human Genome. URL: http://www.genome.gov/sequencingcosts/ (дата обращения 10.12.2025).
665. The Evolving Concept of Market Power in the Digital Economy. URL: https://www.oecd.org/en/publications/the-evolving-concept-of-market-power-in-the-digital-economy_2cfcb4a8-en.html (дата обращения 12.02.2026).
666. The New York Times. Full Transcript of Trump's State of the Union Address. URL: https://www.nytimes.com/2026/02/25/us/politics/state-of-the-union-transcript-trump.html?ysclid=mmor2axwqv960726502 (дата обращения 13.03.2026).
667. *Theocharis Y.* The Conceptualization of Digital Networked Participation // Social Media + Society. 2015. Vol. 1. № 2. P. 1-14.
668. *Theocharis Y., Van Deth J.W.* The continuous expansion of citizen participation: a new taxonomy // European Political Science Review. 2018. Vol. 10. № 1. P. 139-163.
669. *Thomason J.* Metaverse, token economies, and chronic diseases // Global Health Journal. 2022. Vol. 6. № 3. P. 164-167.
670. *Thompson J.B.* The Media and Modernity. A Social Theory of the Media. Cambridge: Polity, 1995. 314 p.
671. Top Countries/Markets by Smartphone Penetration & Users. URL: https://newzoo.com/insights/rankings/top-countries-by-smartphone-penetration-and-users/ (дата обращения 12.02.2026).
672. *Treré E.* Hybrid media activism: ecologies, imaginaries, algorithms. New York and London, Routledge, 2018. 236 p.
673. *Turillazzi A. et al.* The digital services act: an analysis of its ethical, legal, and social implications // Law, Innovation and Technology. 2023. T. 15. №. 1. P. 83-106.
674. *Van der Aalst W., Hinz O. & Weinhardt C.* Big Digital Platforms. Business &Information Systems Engineering. 2019. T. 61 (6). P. 645-648.
675. *Van Dijck J., Poell T.* Understanding Social Media Logic // Media and Communication. 2013. Vol. 1. P. 2-14.
676. *Van Dijk T.A.* Society and discourse. How social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.

677. *Van Djck J.* The culture of connectivity: A critical history of social media. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. 2013. 240 p.
678. *Venkatesan M., Mohan H., Ryan J. R. et al.* Virtual and augmented reality for biomedical applications // Cell Reports Medicine. 2021. Vol. 2. № 7. Art. № 100348.
679. *Voltmer K., Sorensen L.* Media, power, citizenship: The mediatization of democratic change // Media, Communication and the Struggle for Democratic Change. Palgrave Macmillan, Cham, 2019. P. 40-41.
680. *Wang F.-Y., Qin R., Wang X. et al.* MetaSocieties in Metaverse: MetaEconomics and MetaManagement for MetaEnterprises and MetaCities // IEEE Transactions on Computational Social Systems. 2022. Vol. 9. № 1. P. 2-7.
681. *Wang Y. et al.* A survey on metaverse: Fundamentals, security, and privacy // IEEE Commun. Surv. Tutorials. 2023. Vol. 25, №. 1. P. 319-352.
682. Watch out Fortnite and Roblox. URL: https://www.musicbusinessworldwide.com (дата обращения: 20.02.2025).
683. What is Metaverse? McKinsey&Company. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/what-is-the-metaverse (дата обращения: 20.02.2025).
684. *Wood M.* Politicisation, depoliticisation and anti-politics: Towards a multilevel research agenda // Political studies review. Oxford; Malden, Mass., 2016. Vol. 14 (4). P. 521-533.
685. Working with AI: Measuring the Applicability of Generative AI to Occupations. URL: https://www.microsoft.com/en-us/research/publication/working-with-ai-measuring-the-occupational-implications-of-generative-ai/?msockid=3e17f0da45306c3d2926e6e2445b6d7d (дата обращения 30.03.2026).
686. World Map of Social Networks. URL: https://vincos.it/world-map-of-social-networks/ (дата обращения 12.02.2026).
687. *Wylie C.* Mindf*ck: Cambridge Analytica and the plot to break America. Random House. 2019. 269 p.
688. *Zaelany F.A., Putranti I.R.* Pelanggaran Privasi dan Ancaman Terhadap Keamanan Manusia dalam Kasus Cambridge Analytica // Journal of International Relations Diponegoro. 2023. Vol. 9. №. 1. P. 125-137.
689. *Zhang C., Wang L.* Virtual Worlds, Real Politics: A Cross-National Comparative Study of Metaverse Policy Approaches // Politics and Governance. 2025. Vol. 13. P. 10239.
690. *Zuboff Sh.* The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.
691. 석간 (보도) 메타버스 신산업 선도전략 발표. URL: https://doc.msit.go.kr/SynapDocViewServer/viewer/doc.html?key=cb91c89716404425846d4b0de3372740&convType=img&convLocale=ko_KR&contextPath=/SynapDocViewServer (дата обращения: 28.02.2023).
692. 上海市人民政府办公厅关于印发促进绿色低碳产业发展、培育“元宇宙”新赛道、促进智能终端产业高质量发展等行动方案的通知. URL:

https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20220708/ab632a9b29b04ed2adce2dbcb789412c.html (дата обращения 25.02.2023).
693. 第二百十回国会における岸田内閣総理大臣所信表明演説. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2022/1003shoshinhyomei.html (дата обращения 22.02.2024).

Приложение 1

Таблица 1.

Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index)[1]

Организация: Международный союз электросвязи (International Telecommunication Union), специализированное подразделение Организации Объединённых Наций (ООН), определяющего мировые стандарты в области ИКТ.

Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index) – это комбинированный показатель, характеризующий достижения стран мира с точки зрения развития информационно-коммуникационных технологий.

Индекс разработан в 2007 году на основе 11 показателей, которыми Международный союз электросвязи оперирует в своих оценках развития ИКТ. Индекс сводит эти показатели в единый критерий, который призван сравнивать достижения стран мира в развитии ИКТ и может быть использован в качестве инструмента для проведения сравнительного анализа на глобальном, региональном и национальном уровнях. Эти показатели касаются доступа к ИКТ, использования ИКТ, а также навыков, то есть практического знания этих технологий населением стран, охваченных исследованием. Авторы исследования подчёркивают, что уровень развития ИКТ сегодня является одним из наиболее важных показателей экономического и социального благополучия государства.

Позиция	Страна	Индекс
1	Саудовская Аравия	99.2
2	Финляндия	98.7
3	Эстония	98.5
4	Кувейт	98.4
5	Катар	98.4
6	ОАЭ	98.3
7	Дания	97.9
8	Сингапур	97.7
9	Гонконг	97.6
10	Бахрейн	97.5
11	США	97.4
12	Исландия	95.9
13	Австралия	95.8
14	Швеция	95.7
15	Польша	95.6
16	Австрия	95.5

[1] Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index 2025). URL: https://gtmarket.ru/ratings/ict-development-index и https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICT_MDD-2025-1-PDF-E.pdf (дата обращения 30.03.2026).

17	Великобритания	95.4
18	Литва	95.3
19	Малайзия	95.3
20	Макао	95.2
21	Южная Корея	95.1
22	Латвия	95.1
23	Мальта	95.0
24	Норвегия	93.7
25	Бруней	93.6
26	Япония	93.6
27	Нидерланды	93.5
28	Чили	93.4
29	Израиль	93.4
30	Лихтенштейн	93.3
31	Испания	93.3
32	Хорватия	93.2
33	Швейцария	93.1
34	Люксембург	92.9
35	Оман	92.9
36	Сан-Марино	92.5
37	**Россия**	**92.3**
38	Монако	92.2
39	Таиланд	91.9
40	Ирландия	91.5
41	Словения	91.4
42	Новая Зеландия	91.3
43	Китай	91.2
44	Франция	90.9
45	Андорра	90.8
46	Беларусь	90.7
47	Казахстан	90.5
48	Уругвай	90.0
49	Болгария	89.9
50	Кипр	89.9
80	Южная Африка	85
113	Намибия	73.2
152	Эфиопия	44
159	Афганистан	36.5
160	Малави	35.4
161	Сомали	33.7
162	Мадагаскар	32.8
163	Мозамбик	32.4
164	Бурунди	25.3

Таблица 2.

Индекс развития электронного правительства[1] (United Nations: E-Government Development Index 2004-2024)

Индекс развития электронного правительства представляет собой средневзвешенное значение нормализованных показателей по трём основным аспектам электронного правительства:

1) объем и качество онлайн-обслуживания, выраженные как индекс онлайн-обслуживания;
2) состояние развития телекоммуникационной инфраструктуры или индекс телекоммуникационной инфраструктуры;
3) внутренний человеческий капитал или индекс человеческого капитала.

Каждый из этих индексов представляет собой композитный показатель, который может быть извлечен для независимого анализа.

Страны	2024		2020		2016		2012		2008		2004	
	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг	значение	ранг
Дания	0.9847	1	0.9758	1	0.8510	9	0.888	4	0.913	2	0.904	2
Эстония	0.9727	2	0.9473	3	0.8334	13	0.798	20	0.760	13	0.702	20
Сингапур	0.9691	3	0.9150	11	0.8828	4	0.847	10	0.700	23	0.834	8
Южная Корея	0.9679	4	0.9560	2	0.8915	3	0.928	1	0.831	6	0.857	5
Исландия	0.9671	5	0.9101	12	0.7662	27	0.783	22	0.717	21	0.769	14
Саудовская Аравия	0.9602	6	0.7991	43	0.68	44	0.655	41	0.493	70	0.385	90
Великобритания	0.9577	7	0.9358	7	0.9193	1	0.896	3	0.787	10	0.885	3
Австралия	0.9577	8	0.9432	5	0.9143	2	0.839	12	0.810	8	0.837	6
Финляндия	0.9575	9	0.9452	4	0.8817	5	0.850	9	0.748	15	0.823	9
Нидерланды	0.9538	10	0.9228	10	0.8659	7	0.912	2	0.863	5	0.802	11
ОАЭ	0.9533	11	0.8555	21	0.7515	29	0.734	28	0.630	32	0.473	60

[1] Индекс развития электронного правительства. URL: http://www.un.org/development/desa/ (дата обращения 16.01.2026).
Источники по годам:
2024 https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2024
2020 https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2020
2016 https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2016
2012 https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2012-e-government-people
2008 https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2008

Германия	0.9382	12	0.8524	25	0.8210	15	0.807	17	0.713	22	0.787	12
Япония	0.9351	13	0.8989	14	0.8440	11	0.801	18	0.770	11	0.726	18
Швеция	0.9326	14	0.9365	6	0.8704	6	0.859	7	0.915	1	0.874	4
Норвегия	0.9315	15	0.9064	13	0.8117	18	0.859	8	0.892	3	0.817	10
Новая Зеландия	0.9265	16	0.9339	8	0.8653	8	0.838	13	0.739	18	0.781	13
Испания	0.9206	17	0.8801	17	0.8135	17	0.777	23	0.722	20	0.584	34
Бахрейн	0.9196	18	0.8213	38	0.7734	24	0.694	36	0.572	42	0.532	46
США	0.9195	19	0.9297	9	0.8420	12	0.868	5	0.864	4	0.913	1
Ирландия	0.9138	20	0.8433	27	0.7689	26	0.714	34	0.729	19	0.705	19
Литва	0.9110	21	0.8665	20	0.7747	23	0.733	29	0.661	28	0.536	43
Австрия	0.9065	22	0.8914	15	0.8208	16	0.784	21	0.742	16	0.748	17
Израиль	0.9014	23	0.8361	30	0.7806	20	0.810	16	0.739	17	0.680	23
Казахстан	0.9009	24	0.8375	29	0.7681	33	0.684	38	0.474	81	0.434	69
Уругвай	0.9006	25	0.8500	26	0.7237	34	0.631	50	0.564	48	0.548	40
Швейцария	0.9004	26	0.8907	16	0.7525	28	0.813	15	0.762	12	0.753	15
Турция	0.8913	27	0.7718	53	0.59	68	0.528	80	0.83	76	0.489	57
Мальта	0.8886	28	0.8547	22	0.7424	30	0.713	35	0.658	29	0.687	21
Латвия	0.8852	29	0.7798	49	0.681	65	0.66	42	0.594	36	0.548	39
Украина	0.8841	30	0.7119	69	0.607	62	0.565	68	0.572	41	0.532	45
Чили	0.8827	31	0.8259	34	0.6949	42	0.676	39	0.581	40	0.683	22
Хорватия	0.8818	32	0.7745	51	0.716	37	0.732	30	0.565	47	0.522	48
Словения	0.8759	33	0.8546	23	0.7769	21	0.749	25	0.668	26	0.650	27
Франция	0.8744	34	0.8718	19	0.8456	10	0.863	6	0.803	9	0.668	24
Китай	0.8718	35	0.7948	45	0.607	63	0.565	78	0.5	65	0.435	67
Греция	0.8674	36	0.8021	42	0.691	43	0.687	37	0.571	44	0.558	36
Польша	0.8648	37	0.8531	24	0.7211	36	0.644	42	0.613	33	0.602	29
Кипр	0.8619	38	0.8731	18	0.6023	64	0.650	45	0.601	35	0.518	49
Сербия	0.8618	39	0.7474	58	0.713	39	0.631	51	0.482	77	0.387	87
Южная Африка	0.8616	40	0.689	78	0.554	76	0.486	101	0.51	61	0.49	55
Оман	0.8576	41	0.7749	50	0.596	66	0.594	64	0.469	84	0.288	127
Аргентина	0.8573	42	0.8279	32	0.6978	41	0.622	6	0.584	39	0.587	32
Россия	**0.8533**	**43**	**0.8244**	**36**	**0.7215**	**35**	**0.73**	**27**	**0.51**	**60**	**0.53**	**50**
Лихтенштейн	0.8528	44	0.8359	31	0.7313	32	0.826	14	0.548	49	0.193	155

Люксембург	0.8466	45	0.8272	33	0.7705	25	0.801	19	0.751	14	0.660	25
Монголия	0.8457	46	0.6497	92	0.519	84	0.544	76	0.473	82	0.415	75
Канада	0.8452	47	0.8420	28	0.8285	14	0.843	11	0.817	7	0.836	7
Армения	0.8422	48	0.7136	68	0.517	87	0.499	94	0.418	103	0.391	83
Португалия	0.8415	49	0.8255	35	0.7144	38	0.716	33	0.647	31	0.595	31
Бразилия	0.8403	50	0.7677	54	0.637	51	0.616	59	0.567	45	0.567	35
Намибия	0.6007	114	0.5747	104	0.3682	125	0.3937	123	0.344	126	0.327	116
Эфиопия	0.3111	169	0.274	178	0.2666	157	0.2306	172	0.185	172	0.136	170

Таблица 3.

Индекс сетевой готовности[1] (Networked Readiness Index), 2026 г.

Организация: ранее – World Economic Forum (WEF) и INSEAD, с 2019 г. – Portulans Institute и World Information Technology and Services Alliance.

Индекс измеряет степень готовности страны или сообщества участвовать и получать пользу от развития ИКТ. Индекс включает в себя три составляющие:

1) Среда развития ИКТ;
2) Готовность ключевых акторов использовать ИКТ;
3) Использование ИКТ ключевыми акторами.

Данные три составляющие измеряются с помощью 62 субиндексов:

Индекс среды: рыночная среда, политическая и правовая среда, инфраструктура;

Индекс готовности: готовность граждан, готовность бизнеса и готовность правительства;

Индекс использования: включает в себя 48 переменных, которые показывают использование ИКТ ключевыми акторами.

Индекс считается одним из наиболее важных показателей инновационного и технологического потенциала стран мира и возможностей их развития в сфере высоких технологий и цифровой экономики.

Позиция	Страна	Балл
1	США	79,12
2	Финляндия	75,82
3	Сингапур	75,46
4	Дания	75.14
5	Швеция	75.09
6	Нидерланды	75.08
7	Германия	74.12
8	Великобритания	73.85

[1] Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index 2026). URL: http://networkreadinessindex.org/ (дата обращения 30.03.2026).

9	Швейцария	73.63
10	Южная Корея	72.38
11	Япония	70.22
12	Канада	70.11
13	Эстония	69.95
14	Норвегия	69.70
15	Ирландия	69.38
16	Израиль	69.26
17	Австралия	69.02
18	Люксембург	68.37
19	Франция	68.16
20	Бельгия	67.15
21	Австрия	67.13
22	Исландия	66.10
23	Новая Зеландия	65.95
24	Китай	65.74
25	Испания	65.42
26	ОАЭ	62.60
27	Литва	62.60
28	Италия	62.48
29	Чехия	62.32
30	Гонконг	61.93
31	Мальта	61.72
32	Португалия	61.54
33	Словения	60.81
34	Саудовская Аравия	60.20
35	Польша	59.40
36	Бахрейн	58.67
37	Латвия	58.45
38	Малайзия	57.37
39	Кипр	56.29
40	Вьетнам	56.00
46	Украина	54.30
47	Сербия	54.15
48	Уругвай	54.04
49	Индонезия	53.75
50	Катар	53.67
51	Бразилия	53.64
52	Румыния	53.16
53	Хорватия	53.08
54	Греция	52.98
55	Болгария	52.94
56	**Россия**	**52.01**
57	Чили	51.87
58	Маврикий	51.79
59	Оман	51.61
60	Турция	51.27
69	Южная Африка	47.94
114	Намибия	33.47
118	Зимбабве	31.10

119	Эфиопия	27.52
122	Мозамбик	25.30
124	Мадагаскар	23.56
125	Ангола	23.17
126	Мавритания	23.03
127	Бурунди	14.76

Таблица 4.

Информационные уровни развития цивилизации

№ уровня	Количество информации	Исторический период	Достижения	Эволюция экономики
0	информационная емкость мозга человека – 107 бит	3,1 тыс. лет до н.э.	Владение речью	Преобразование индивидуального труда в коллективный
1	устное общение внутри общины, деревни или племени: количество циркулирующей информации ≈ 109 бит	3 тыс. лет до н.э.	Владение речью	Появление возможности передачи информации в экономическом обмене
2	письменная культура: мерой информированности общества служит Александрийская библиотека, имеющая 532800 свитков, в которых содержится 1011 бит	1,4 тыс. лет до н.э.	Изобретение письменности	Использование письменности в экономике; расширение экономических границ в связи с обменом знаниями
3	книжная культура: имеются сотни библиотек, выпускаются десятки тысяч книг, газет, журналов, совокупная емкость которых оценивается в 1017 бит	XV в.	Изобретение печатного пресса и наборного шрифта Гуттенберга	Начало капитализации; открытие экономических законов; появление цены информации
4	Книжный фонд, радио, телеграф, телефон – 1021 бит	XIX – сер. XX вв.	Изобретение телеграфа, радио, телефона, ТВ	Начало поточного производства; создание транснациональных корпораций
5	Информационное общество с электронной обработкой информации объемом 1025 бит	С 1970-х гг.	Появление ЭВМ, ПК, интернета, сетей	Компьютеризация жизни; переход к информационной экономике

6	Постинформационное общество	С 2010-х гг.	Большие данные, ИИ технологии, машинное обучение, алгоритмы, блокчейн	Цифровизация всего, генная инженерия, квантовые технологии, экосистемы, «метавселенные»

Таблица 5.

Примеры реализации практик медиаактивизма в России и США

	США		**Россия**		**Общие черты**
	Примеры	**Специфические черты**	**Примеры**	**Специфические черты**	
хештэг-активизм, флешмобы	#MeToo, #BlackLives Matter, #GirlsLikeUs	массовость, глобальный характер, предсказуемость в выборе платформ, высокая роль селебрити, сильное влияние на политическую повестку, одна из самых горячих тем – расовая проблема	#МеТоо, #СвободуГолунову, #ЯМыШиес, онлайн-митинги в навигаторах	локальный характер, непредсказуемость в выборе платформ, слабое влияние на политическую повестку, селебрити не нужны	вспыхивают спонтанно, отражают наиболее острые общественные проблемы, легко стать участником, возникают из-за отсутствия доступа к традиционным СМИ
координация офлайн-кампаний с помощью цифровых инструментов	#OccupyWall Street, #Eduresistance – организация публичных просветительских мероприятий, марши сторонников контроля над распространением оружия	преимущественно локальный характер, инициативы носят образовательный и развлекательный характер, предпочтительно использование имеющихся платформ, а не разработка новых	«Лиза Алерт», проект «#МыВместе»	культивируют чувство коллективной ответственности, чаще всего волонтерские проекты, разрабатываются новые платформы	часто имеют политическое значение, небольшое число участников (за редкими исключениями), даже на стадии офлайн-реализации не имеют иерархичной структуры

Электронные петиции	Change.org, Avaaz.org, We the People	сильное влияние на повестку, фокус на внутренних проблемах и международных отношениях, разработка собственных платформ для подписания петиций	Change.org, «Российская общественная инициатива», «Петиция Президенту.рф»	слабое влияние на повестку, локальный характер, использование готовых платформ	слабая включенность в процесс принятия управленческих решений, склонность к слактивизму, слабо работают без связи с другими формами политического активизма
Сбор средств, идей и мнений	краудфандинговая платформа Kickstarter.com, краудсорсинговый проект Wikipedia.org, городская платформа Citizinvestor	преимущественно коммерческая ориентация, глобальный характер, комплексный взгляд на городские платформы	краудсорсинговый проект «Город идей», платформа электронных референдумов «Активный гражданин»	популярность у политических активистов, локальный характер сервисы жалоб и платформы электронных референдумов не объединяются в одно приложение	легкость в реализации, интерес граждан, способ привлечения людей к конструктивному гражданскому участию с минимальными издержками
Хактивизм	Хакерская группа «Анонимус», «Гражданские хакеры»	популярность политического хактивизма,? хакеры-профессионалы обучают любителей на форумах	«Теплица социальных технологий», «Кибердружина»	феномен патриотического хактивизма,? включенность государства в финансирование хактивистов?	государство включается в процесс поиска и привлечения специалистов, развитие гражданского хакинга – союзов активистов и программистов, сближение с гражданской журналистикой – дата-активизм

Карты нарушений	Краудмаппинг во время нашествия насекомых в Нью-Йорке	неполитический характер, редкость	карта нарушений на выборах, независимый общественный мониторинг, карта распространения борщевика	многообразие инициатив, популярность, политический характер многих карт	Сложность в реализации, интерактивность

Таблица 6.

Примеры государственных инициатив в сфере построения «метавселенных»[1]

Страна	Индекс развития ЭП	Тип инициативы	Ключевые сферы	Описание инициатив	Год
Южная Корея	4	Государственно-частное партнёрство	Образование, университеты, частный сектор	Правительство запустило Digital New Deal и выделило гранты на 200 млн долл. США для НИОКР в сфере «метавселенных»; поддержан проект по созданию контента; Web 3.0 и NFT	2022–2023
Великобритания	7	Государственные услуги	Здравоохранение	NHS инвестировала 1 млн фунтов стерлингов в XR и ИИ для медицинской подготовки с использованием «метавселенной»	2022
Австралия	8	Государственные услуги	Образование, здравоохранение, транспорт	Новый Южный Уэльс изучает применение VR в образовании и профессиональной подготовке; осуществляются XR-инвестиции в транспортной сфере	2023
Финляндия	9	Государственные услуги	Городские сервисы, мобильность, здравоохранение, безопасность, мероприятия	Тампере разрабатывает стратегию Metaverse City; Хельсинки запустил проект Virtual Helsinki	2023

[1] Составлено автором на основе: *Kshetri N., Dwivedi Y.K., Janssen M.* Metaverse for advancing government: prospects, challenges and a research agenda // Government Information Quarterly. 2024. Vol. 41. №. 2. P. 101931; *Wang Y. et al.* A survey on metaverse: Fundamentals, security, and privacy // IEEE Commun. Surv. Tutorials. 2023. Vol. 25. №. 1. P. 319-352; *Crespo-Pereira V., Miranda Galbe J.* Governments, Users, and Virtual Worlds: Institutional Strategies in the Age of Big Data and IA // Social Sciences. 2025. Vol. 14. № 12. P. 679.

Япония	13	Государственные услуги	Образование	Государство продвигает «метавселенные», Web 3.0 и NFT; «метавселенные» используются для дистанционного обучения детей, не посещающих школу	2022
Норвегия	15	Государственные услуги	Налогообложение, публичные реестры	Налоговые органы и публичные реестры представлены через виртуальные офисы в Decentraland	2022
США	19	Государственные услуги	Общественный транспорт, умные города	Филадельфия использует AR для повышения доступности транспорта; цифровые двойники развиваются в ряде городов, включая Орландо, Лас-Вегас и Бостон	2021
Израиль	23	Государственные услуги	Внешняя политика, дипломатия	Открыто первое посольство в «метавселенной» в Южной Корее с виртуальными переговорными комнатами и выставочными пространствами	2022
Китай	35	Государственные услуги	Городское развитие, государственные сервисы	Города используют «метавселенные» для публичных услуг и городского планирования; Web 3.0; примером является 3D-реплика центра исполнительских искусств района Фэнсянь в Шанхае	к 2025
Россия	43	Государственные услуги	Городское развитие, государственные сервисы	Города используют «метавселенные» и цифровых двойников для городского управления (Москва); киберспорт; банковские киберофисы в «метавселенных»; внедрение цифрового рубля	2021
Египет	95	Государственные услуги	Подготовка местных работников, медицинский туризм	«Метавселенные» применяются для обучения персонала и органами здравоохранения в целях развития медицинского туризма	2022

Приложение 2

Национальные особенности медиатизации политики в России

экспертное исследование

1. Что лично Вы понимаете под медиатизацией политики?
2. Какие субъекты влияния (институты и акторы) реально играют сегодня ключевую роль в процессах медиатизации в России?
3. Какие субъекты влияния (институты и акторы) были бы полезны в процессах медиатизации в России?
4. Каким образом, по Вашему мнению, методология социальной архитектуры может применяться в процессе медиатизации политики в России?
5. Какие ключевые общественно-политические риски и вызовы Вы видите в процессах внедрения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта в России?
6. Насколько важную роль в формировании отечественных цифровых платформ, на Ваш взгляд, играет российское государство? От 1 до 10 по важности
7. Какие ценности России как государства-цивилизации, на Ваш взгляд, наиболее уязвимы в контексте развития цифровых технологий и искусственного интеллекта?
8. Какое влияние технологий искусственного интеллекта в процессе медиатизации политики было бы оптимальным? От 1 до 10 по важности
9. Насколько, по Вашему мнению, важна суверенизация цифровых платформ в условиях современной геополитической реальности?
10. В какой степени, по Вашему мнению, цифровые платформы и искусственный интеллект могут выступать в роли эффективного посредника между властью и обществом? От 1 до 10 по важности
11. Насколько способно широкое внедрение российских цифровых продуктов в зарубежных странах повлиять на продвижение позитивного образа России? От 1 до 10 по важности
12. Назовите наиболее перспективные направления российско-африканского сотрудничества в сфере цифровых технологий?
13. Какие, по Вашему мнению, существуют стратегические преимущества России на африканском рынке цифровых технологий?
14. Какие, по Вашему мнению, российские цифровые продукты следует внедрять и масштабировать в Африке?
15. Как искусственный интеллект изменит Вашу жизнь?

Укажите Ваши ученую степень и ученое звание, а также должность *

Укажите профессиональную область, в которой Вы работаете *